

A
B 42

ВИЗАНТИЙСКИЕ
ЛЕГЕНДЫ

545.014

ВИЗАНТИЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛА
С. В. ПОЛЯКОВА

Республиканская
библиотека
Удмуртской АССР
им. В. И. ЛЕНИНА
г. Ижевск, ул. Советская, 11

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1972

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*М. П. Алексеев, Н. И. Балашов, Д. Д. Благой,
И. С. Брагинский, А. Л. Гришунин, Б. Ф. Егоров,
А. А. Елистратова, Д. С. Лихачев (председатель), А. Д. Михайлов,
Д. В. Ознобишин (ученый секретарь), Ф. А. Петровский,
Б. И. Пуришев, А. М. Самсонов, С. Д. Сказкин,
С. Я. Утченко, Г. В. Церетели*

Ответственный редактор
Д. С. ЛИХАЧЕВ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Византийские сказания принадлежат к памятникам мирового значения. Распространившись по всему восточному и западному христианскому миру, они обогатили литературы-преемницы и оказали влияние на ход их развития. Особенно велика была роль византийских сказаний в славянских странах, в частности на Руси и в России нового времени: их прилежно переводили древние русские агиографы и использовали в своем творчестве многие русские писатели — Радищев, Герцен, Достоевский, Толстой, Гаршин, Лесков, Ремизов и др.

Как это присуще литературе далекого прошлого, в византийских сказаниях два слоя — живой, выдержавший испытание временем, и мертвый, т. е. принадлежащий только эпохе их создания.

Басни Эзопа — возьмем родственной агиографии тоже дидактический жанр — не утрачивают своих новеллистических качеств, составляющих их пережившую свое время ценность, под влиянием плоских или эпохой возникновения обусловленных выводов, которые завершают повествовательную часть басни, вроде: «малая выгода в настоящем лучше большой в будущем» (№ 18) или «басня показывает, что невозможно обмануть божество» (№ 36). Не страдают прямолинейной религиозной дидактикой и византийские сказания: в обоих случаях наш глаз произвольно делает необходимую для современного восприятия поправку.

Чтобы по возможности ограничить потребность в такого рода коррекции, предпочтение при отборе текстов оказывалось памятникам народного стиля, где абстрактной дидактики меньше и отсутствует слишком на сегодняшний вкус громкая риторика. Иногда мы не могли предложить перевода примечательных и даже первостепенных образцов этого стиля из-за слишком большого объема текстов (житие Антония Великого, принадлежащее перу Афанасия Александрийского, или житие Андрея Юродивого), отсутствия публикаций (старшая версия жития Василия Нового) или их недоступности. Несмотря на субъективность антологической компоновки, мы надеемся, что у читателя все же составит представление о византийской агиографии, не искажающее ее подлинного облика.

Работу над «Византийскими легендами» неизменно сопровождала поддержка и интерес моего покойного друга А. Н. Егунова, о котором я вспоминаю с чувством глубокого почтения, благодарности и любви. Я рада, что и в этой книге, литературную редакцию которой он должен был осуществить, я еще успела воспользоваться советами А. Н. Егунова — его рукой отредактированы «Раскаяние Пелагии», «Житие Симеона Столпника» и №№ 22, 34 и 70 «Лавсаика» Палладия. В беседах с А. Н. Егуновым для меня также определилось решение многих трудностей, неизбежно возникающих у переводчика текстов, не имеющих традиции литературной передачи на русский язык.

Д. С. Лихачеву я обязана глубокой благодарностью за попечение о «Византийских легендах» от первых неопределенных замыслов до окончательного завершения работы. Также благодарю всех моих коллег и друзей, к которым мне не раз приходилось обращаться за помощью и советом.

ЖИЗНЬ И ДЕЯНИЯ СВЯТЫХ БЕССРЕБРЕНИКОВ КОСМЫ И ДАМИАНА

Во дни царствия господа нашего Иисуса Христа к скончанию пришло всякое заблуждение и почитание демонов. Во времена те жила некая благочестивая и богобоязненная женщина по имени Феодота. Все дни жизни своей она придерживалась всяческого благочестия и, живя по заповедям Божиим, родила святых Косму и Дамиана.¹ Когда они родились, блаженная Феодота растила их во всяческом благочестии и обучила священному писанию. А дух святой вразумил врачебной науке, чтобы исцеляли по слову евангелия «всякий недуг и всякую немощь не только в человеках, но и в скотах»,² так что исполнилось реченное пророком: «Человеков и скотов хранишь ты, господи».³ А недуги, которые врачевали святые Косма и Дамиан, таковы: именем Иисуса Христа слепым они возвращали зрение, хромым способность ходить, увечных делали здоровыми, изгоняли демонов и по дарованной им благодати исцеляли всякую немощь в теле человеческого. За врачевание никогда не брали они ни с кого мзды: ни с богатого, ни с бедного, исполняя заповеданное Спасителем: «Даром получили, даром давайте».⁴

В дни те жила некая женщина по имени Палладия, прикованная к постели недугом. Она истратила все деньги, но не получила облегчения от ходивших к ней врачей. Услышав о врачевании и исцелениях, которые совершали Косма и Дамиан, она, обратившись к ним с верой, попросила прийти к ней. А святые рабы Христовы Косма и Дамиан, увидев веру ее, с готовностью пришли и помогли ей. Когда женщина узнала, что исцелилась благодаря их помощи и приходу, она восхвалила бога, даровавшего им венец целений; зная же, что они никогда не брали ни с кого мзды, ни с богатого, ни с бедного, ибо исполняли заповеданное Спасителем, Палладия украдкой подносит святому Дамиану три яйца; когда же он отказался их принять, женщина пала перед ним на колени и уговаривала его со страшными клятвами, и святой Дамиан взял от нее те три яйца, чтобы не пренебречь клятвой, ибо женщина заклала его господней силой. Святой Косма, узнав об этом, весьма опечалился тем, что брат его взял те три яйца, и велел после своей смерти похоронить врозь с ним. Той ночью господь во сне явился своему слуге

Косме, говоря: «Зачем ты так сказал? Брат твой взял те три яйца не как мзду, но взял их, будучи заклят моим именем, не смея пренебречь клятвой, ибо женщина закляла его именем моим».

Когда братья явили множество чудес и знамений, святой Дамиан почил в мире и удостоился венца вместе со всеми святыми. Святой Косма совершал исцеления не только в городе, но и в пустынях призревал на бессловесных, так что все твари, страдающие каким-нибудь недугом, шли за ним следом. Придя в одну местность, он увидел верблюдицу, покалеченную диаволом, и призрел на нее, и уврачевал, и отпустил во свояси. Явив множество чудесных исцелений и знамений в пустынях и в городе, святой Косма тоже почил и удостоился венца со всеми угодниками Христовыми. Великая толпа стекалась к его останкам. Люди сомневались, не зная, где и как похоронить святого, но вдруг прибежала верблюдица, крича и человеческим голосом говоря: «Люди божи, вы видели множество чудес и знамений святых и славных рабов Христовых Космы и Дамиана, и не только вы, но и мы, твари, данные вам в услужение. Потому, благодарная им, как все, я прибежала возвестить вам, что господь дал слуге своему Косме откровение — братья не должны быть разделены друг с другом, но покоиться рядом». Весь народ, окружавший останки святого, услышав это, воздал хвалу богу, открывшему тайну через бессловесную тварь, наделенную человеческой речью; Косму похоронили рядом с братом в месте, называемом Фереман.⁵ Эти братья по крови и по вере до сего дня продолжают совершать исцеления.

Когда их похоронили в месте, называемом Фереман, некий живший там землепашец во время жатвы пошел работать на свое поле. Страдая от жары, он скрылся под деревом, чтобы там найти прохладу. Когда землепашец крепко заснул, в открытый рот ему вползла змея и попала в желудок его. Он проснулся и, не зная о случившемся, поспешил на поле работать. Вечером он возвратился в дом свой, и домашние, приготовив ему еду, поставили перед ним, и он поел, и попил, и лег спать на постелью свою. Только землепашец заснул, змея стала терзать ему внутренность, а он закричал. Все пробудились, и оглядывали его, и не могли понять, какая ему приключилась болезнь. Землепашец же вскричал громким голосом, говоря: «Боже святых Космы и Дамиана, помоги мне». А так как змея еще сильнее стала терзать его, он побежал в место, называемое Фереман, где покоились святые, и вскричал громким голосом, говоря: «Боже святых Космы и Дамиана, помоги мне». Услышав это, слуги господни Косма и Дамиан навели на землепашца глубокий сон, чтобы изгнать из него начальника зла, диавола в образе змеи, той же дорогой, которой он вошел. Когда святые стали изгонять змею, она высунулась из рта его, чтобы выйти. Весь народ видел это чудо, сотворенное святыми. Когда же змея целиком вышла, человек тот проснулся и вскричал, говоря: «Пусть никто не поднимет руку на змею, ибо ей приказано уйти в геенну». При этих словах его змея исчезла.

Был некто по имени Малх. Он постоянно пребывал в храме святых Космы и Дамиана и видел чудеса, творимые ими. Собираясь в далекий путь, он пришел в дом свой и сказал жене своей: «Пойдем в храм святых Космы и Дамиана». Она же, услышав это, охотно последовала за мужем. Когда же они пришли в место, называемое Фереман, Малх сказал жене своей: «Вот, я собираюсь в далекий путь и поручаю тебя святым Косме и Дамиану. Оставайся в доме своем, и вот тебе условные слова, и, когда господь захочет, я пошлю за тобой и возьму тебя к себе». Сказав так, этот человек отправился в путь, а жена его возвратилась в дом свой. Спустя немного дней диавол, зная условные слова, которые муж сказал жене своей, оборотился юношей и, придя к ней, предстал перед женщиной и сказал ей: «Вот, муж твой послал меня, чтобы из этого города я отвел тебя к нему». Так как она не хотела идти, диавол сказал ей условные слова. Женщина ответила ему: «Я узнаю эти слова, но не могу пойти за тобой, ибо муж поручил меня святым Косме и Дамиану. Но если хочешь, взойди в храм их и, возложив руку на престол, подтверди мне, что не сделаешь мне ничего дурного». А начальник зла, диавол, охотно согласился, решив презреть могущество святых, и, взойдя в храм, возложил руку на жертвенник и сказал: «Клянусь могуществом святых Космы и Дамиана, я не сделаю тебе ничего дурного, но, уведя отсюда, передам тебя мужу твоему». Она же, заставив его поклясться, охотно последовала за ним. Когда они пришли в какое-то место, где не ступала нога человеческая, диавол набросился на сидящую на лошади женщину, чтобы убить ее. Она воздела глаза к небу и вскричала громким голосом, говоря: «Боже святых Космы и Дамиана, помоги мне, ибо по вере в вас я последовала за этим человеком. Скорее поспешите прийти мне на помощь и спасите от руки кровожадного диавола». Когда она так вскричала, вот появились святые в образе всадников и толпа народа. А начальник зла, диавол, увидев их, побежал к круче и бросился оттуда вниз, и все кости его рассеялись в разные стороны, и ад раскрыл пасть свою, и пожрал его, и исполнилось реченное Давидом: «Рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил. Злоба его обратится на его голову, и злодейство его упадет на его темя».⁶ А слуги Христовы, Косма и Дамиан, взяв ее за руку, отвели в дом ее. Тогда они рассказывают ей: «Мы — Косма и Дамиан, в которых ты уверовала. Потому мы поспешили прийти тебе на помощь и спасти от руки кровожадного диавола». Услышав это, женщина задрожала, и простерла к ним руки, и, ликуя сердцем, сказала: «Господь, бог отцов моих, Авраама, Исаака, Иакова⁷ и их благого семени, ты умерил жар печи трем отрокам и обратил его в росу,⁸ ты спас в театре Феклу,⁹ ты, господь бог, не презрел меня, рабу свою, и избавил от руки кровожадного диавола через угодников своих, святых Косму и Дамиана. Потому восхваляю и славлю тебя, бога всяческих, ибо царствие твое, сила и слава отца и сына и святого духа ныне и присно и во веки веков. Аминь».

ПАЛЛАДИЙ «ЛАВСАИК»

16

Был там¹ некто другой из старшего поколения по имени Нафанаил. Его я уже не застал в живых, ибо он почил за пятнадцать лет до моего прихода, но, встретившись с теми, кто подвизался и жил вместе с ним, я расспрашивал о добродетели этого мужа. Мне показали и его келию, в которой никто больше не живет, ибо теперь она недалеко от поселений, а построил он ее, когда отшельников здесь было немного. И вот что мне рассказывали о нем: Нафанаил постоянно пребывал в своей келии и не отступал от этого правила. Тогда-то в первый раз его стал обольщать демон, который всех обольщает и вводит в соблазн, и Нафанаил решил оставить свою первую келию. И, уйдя, он построил другую ближе к селению. Спустя три или четыре месяца как келия была готова и Нафанаил в ней поселился, ночью является диавол с бичом, как у палача, в обличии одетого во вретиче воина и начинает громко хлопать своим бичом. Блаженный Нафанаил ответил ему и стал говорить: «Кто ты, который творит это в моей келии?». Демон отвечал: «Я тот, кто изгнал тебя из прежней келии, и вот я пришел заставить тебя бежать и из этой». Нафанаил, поняв, что был прельщен, возвратился в первую свою келию. И 37 лет он не переступил ее порога и противился демону. А тот столько всякого сделал праведнику, принуждая его выйти из келии, что невозможно рассказать о том. Среди прочего было и такое: дождавшись прихода семерых святых епископов, которые прибыли то ли по предусмотрению божию, то ли по диавольскому искушению, диавол едва не заставил блаженного отступить от обета. Когда епископы после посещения Нафанаила выходили из его келии, он не сделал ни шага, чтобы проводить их. Диаконы говорят ему: «Ты надменно поступаешь, авва,² что не провожаешь епископов». Он же говорит им: «Я умер и для владык моих епископов, и для всего мира. У меня есть сокровенная цель, и бог ведает сердце мое, потому и не провожаю их». Диавол, потерпев тут поражение, за девять месяцев до кончины святого преобра-

жает облик свой и принимает вид мальчика лет десяти, погонщика осла, везущего корзину с хлебами. Поздним вечером оказавшись вблизи келии Нафанаила, диавол сделал так, что осел упал, а ребенок стал кричать: «Авва Нафанаил, смилуйся надо мной и подай мне руку». А праведник услышал голос мнимого мальчика, отворил дверь и, стоя в келии, стал говорить ему: «Кто ты и чего хочешь от меня?». Он говорит: «Я — прислужник такого-то брата и везу хлеба, ибо у него вечера любви,³ и наутро в субботу нужны будут приношения. Молю, не оставь меня, чтобы меня не растерзали гиены, ибо в местах этих много гиен». Блаженный Нафанаил молча стоял, смущенный сердцем, и рассуждал в уме своем, говоря: «Я должен преступить либо заповедь господню, либо свое правило». Однако он положил, что лучше в посрамление диавола не нарушать правила, которое соблюдал столько лет, и, сотворив молитву, говорит позвавшему его мнимому отроку: «Послушай, дитя. Я верую, что бог, которому я служу, в нужде твоей пошлет тебе помощь, и не причинит тебе вреда ни гиены, ни что другое. Если же ты — искуситель, это откроет мне бог». И, затворив дверь, он отошел в глубину келии. Демон, посрамленный поражением, скрылся в вихре и шуме, какой поднимают скачущие и бегущие онагры.⁴ Таков подвиг блаженного Нафанаила, таково житие, таково скончание дней праведника.

19

Некто по имени Моисей, чернокожий эфиоп, был рабом одного сановника. Господин прогнал его от себя из-за его великого своенравия и воровства, ибо рассказывали, что Моисей дошел и до смертоубийства. Мне должно говорить и о злых делах Моисея, чтобы показать, какова была после добродетель его покаяния. Рассказывали даже, что Моисей был главарем разбойничьей шайки. Нрав его виден в том, что, желая отомстить одному пастуху, который однажды вместе со своими собаками помешал ему ночью в каком-то деле, Моисей, чтобы убить пастуха, обходит место, где тот пас свои стада. Ему донесли, что пастух на том берегу Нила, и, так как река разлилась и была около мили¹ в ширину, он зажал в зубах нож, повязал вокруг головы хитон и так переплыл реку. Пока Моисей плыл, пастух успел спрятаться, зарывшись в песок. И вот, зарезав четырех отборных баранов и связав их веревкой, Моисей тоже вплавь вернулся назад. Придя в какую-то хижину, он разделал баранов, лучшее мясо съел, и продал шкуры, чтобы купить вина, и выпил целую саиту, а она равняется примерно 18 итальянским секстариям,² и ушел за 50 миль туда, где находились его сотоварищи.

Этого столь закоренелого разбойника подвигнул наконец какой-то случай удалиться в монастырь, и таково было его покаяние, что вскоре Моисей привел ко Христу и самого с юных лет сообщника в злых своих делах, диавола, согрешавшего вместе с ним. Рассказывают, что

в те времена разбойники, не зная, кто он, напали однажды на Моисея, когда он отдыхал в своей келии. Было их четверо. Он связал их всех и, взвалив на плечи, словно мешок соломы, принес в собрание братьев, сказав: «Мне нельзя никому причинять вред, что повелите с ними делать?». Так разбойники покаяться и, узнав, что это тот Моисей, который некогда был известен и знаменит среди разбойников, восславили бога и тоже отверглись мира, потому что обратился сам Моисей, рассудив так: «Если он, столь сильный муж и славный разбойник, убоился бога, зачем же нам откладывать свое спасение?».

На этого Моисея восстали демоны, стараясь свергнуть в привычный ему блудный грех. Так они его искушали, рассказывал он, что едва не свели с избранного пути. И вот, представ перед Исидором великим, подвизавшимся в Ските,³ он поведал ему о прении, которое имел с демонами. И Исидор говорит ему: «Не печалься — это высший чин демонов, и потому они с великой силой теснят тебя, что жаждут того, к чему привыкли. Ведь как пес, который привык не уходить со съестного рынка, когда же рынок закроют, и никто ему ничего не даст, не идет туда и близко, так и демон, если ты будешь тверд, отчаявшись, отступится от тебя». И вот Моисей ушел и с того часа стал вести более суровую жизнь, особенно же воздерживался от пищи, и ничего не ел, кроме двенадцати унций⁴ сухого хлеба, исполнял тяжелую работу и творил пятьдесят молитв. Но, изнурив тело, он продолжал пылать и видеть грешные сны. Снова он явился к какому-то другому святому и говорит ему: «Что мне делать — грешные видения души, привыкшей к наслаждению, мрачат мне ум?». Тот говорит ему: «Ты не отвратил мыслей своих от подобных видений и потому покоряешься им. Бодрствуй и бессонно молись и тотчас освободишься от них». Моисей, услышав это наставление, вернулся в свою келию и дал обет всю ночь проводить без сна и на ногах. И вот, оставаясь в келии около шести лет, он все ночи стоял посеред келии и молился, не смыкая очей, но не мог одолеть соблазна. Тогда он опять положил себе жить иначе, и, выходя по ночам, шел к келиям старцев и великих подвижников, и брал водоносы их, и тайно наполнял водой. Ибо отшельники носят воду издалека — одни за две мили, другие за пять, третьи за полмили. В одну из ночей демон подстерег Моисея, и, не в силах обороты, ударил палкой по чреслам, когда тот наклонился над колодецем, и оставил бездыханным, и Моисей не понимал ни того, что претерпел, ни того, от чьей руки. На другой день кто-то пришел зачерпнуть воды, и нашел его лежащим там, и сказал великому Исидору, пресвитеру⁵ Скита. И вот тот поднял Моисея, и отнес в церковь. И около года Моисей так хворал, что тело его и душа с трудом оправились. И великий Исидор говорит ему: «Перестань, Моисей, сражаться с демонами, ибо и мужеству и подвигу положена мера». Тот говорит: «Не перестану, пока не оставит меня дьявольское наваждение». Исидор говорит ему: «Именем Иисуса Христа да пропадут видения твои. Приобщись спокойно

святых тайн.⁶ Дабы ты не тщеславился, что оборол страдание, должно тебе подчиниться». Моисей возвратился в свою келию. Около двух месяцев спустя спрошенный Исидором, он ответил, что более уже не терпит страданий. Моисею дарована была такая благодать на демонов, что он страшился их менее, чем мы простых мышей.

Такова жизнь Моисея эфиопа, который был причтен к лику великих отцов. Он скончался семидесяти пяти лет, будучи в Ските пресвитером, и оставил после себя семьдесят учеников.

22

Кроний, святой Иерак и многие другие рассказывали мне о том, что я намереваюсь изложить, т. е.: некто Павел, неученый землепашец, на редкость незлобивый и простой, был женат на очень красивой, но злой нравной женщине, которая долгое время тайно от Павла грешила с каким-то человеком. Неожиданно возвратившись с поля, он застал их за постыдным делом — провидение путеводило Павла ему на благо. Он, засмеявшись, говорит им: «Так, так. Воистину, мне это все равно. Иисус свидетель, я отказываюсь от этой женщины, забирай ее вместе с ее детьми, а я уйду и стану монахом».

Не сказав никому ни слова, Павел обходит восемь монастырей и, пришедши к блаженному Антонию, стучится в дверь. Тот выходит и спрашивает его: «Что тебе надо?». Павел говорит ему: «Я хочу стать монахом». Антоний отвечает на это: «Здесь ты, шестидесятилетний старик, не можешь быть монахом. Лучше возвращайся в деревню, работай и проводи жизнь в трудах, благодаря бога. Тебе ведь не перенести тягот пустыни». Опять старик отвечает: «Я буду делать все, чему ты меня научишь». Антоний говорит ему: «Сказано тебе, что ты стар и этого не можешь. Если непременно хочешь быть монахом, иди в общежительный монастырь со многими братьями — они скорее снизойдут к твоей немощи, а я ведь живу здесь один, ем не чаще, чем по-однажды в пять дней, и то не досыта».

Этими и другими подобными словами он гнал от себя Павла, а так как тот не отставал, Антоний закрыл дверь и не выходил из-за Павла три дня даже по нужде. А Павел не уходил. На четвертый день Антоний по необходимости открыл дверь, вышел и снова говорит: «Иди отсюда, старик. Что ты докучаешь мне? Ты не можешь жить тут». Павел отвечает: «Невозможно мне умереть в ином месте, кроме этого».

Антоний взглянул на него и, заметив, что старик не принес с собой ничего съестного — ни хлеба, ни воды — и уже четвертый день наблюдает пост. «Не умирай, — говорит, — и не запятнаешь мне грехом душу». И впускает Павла.

В эти дни Антоний стал вести такую суровую жизнь, какую не вел никогда и в молодые годы. Намочив ветки, он велит Павлу: «На, сплети,

как я, веревку».¹ Старик работает до девятого часа и с великим трудом сплетает пятнадцать локтей.² Взглянув, Антоний остался недоволен и говорит ему: «Дурно сплел, расплети и начни сызнова». Так Антоний укорял Павла (а тот ведь ничего не ел и по годам был ему ровесник), чтобы, потеряв терпение, старик от него ушел. А Павел расплел веревку и снова сплел из тех же веток, хотя это было труднее, потому что ветки теперь скрутились. Когда Антоний увидел, что старик не ропщет, не малодушествует, не огорчается на него, он смягчился и на закате солнца говорит ему: «Хочешь, съедим по куску хлеба?». Павел говорит ему: «Как тебе угодно, авва».³ Антонию опять понравилось, что Павел не ухватился за предложение поесть, но предоставил решать ему. И вот Антоний ставит стол и приносит хлеб. Положив хлебцы по шести унций весом, он размочил себе один — ведь они были черствы, а Павлу три. Затем, чтобы испытать Павла, он начал петь псалом, который знал наизусть, повторяет его двенадцать раз и двенадцать раз читает молитву. А Павел опять усердно молится вместе с ним. Ведь он, мне думается, предпочитал быть пищей скорпионов, чем жить с прелюбодейкой-женой. Когда все двенадцать молитв были прочитаны, они уже поздним вечером сели есть. Антоний съел один хлебец, а другого и не коснулся. Старик ел медленнее и еще не кончил своего. Антоний подождал, откуда он съест, и говорит ему: «Бери второй, отец!». Павел говорит ему: «Если ты съешь, то и я тоже, если не съешь, и я не съем». Антоний говорит ему: «Мне достаточно: ведь я монах». Павел говорит ему: «И мне достаточно: ведь я хочу быть монахом». Антоний снова встает, прочитывает двенадцать молитв и поет двенадцать псалмов. Потом немного спит и опять встает, чтобы с полуночи до рассвета петь псалмы. Увидев, что старик охотно подражает его суровой жизни, Антоний говорит ему: «Если можешь так всякий день, оставайся со мной». А Павел говорит: «Не знаю, снесу ли большее, а то, что видел, могу без труда делать». На следующий день Антоний говорит ему: «Вот ты и стал монахом». По прошествии определенных месяцев Антоний, уверившись, что Павел совершенен душой, хотя по благодати божией очень прост, строит ему келию за три или четыре тысячи шагов от своей. «Вот ты и стал монахом. Живи теперь один, чтобы испытать искушения от демонов». Проведя так год, Павел удостоился благодати на бесов и на болезни. Как-то раз Антонию в числе прочих привели одного, особенно люто одержимого бесом: в него вселился самый старший демон, который хулил даже небеса. Взглянув на бесноватого, Антоний говорит тем, кто его привел: «Это не мое дело, ибо не достоин власти над главным чином бесов, а Павла». И вот Антоний ведет их к Павлу и говорит: «Авва Павел, изгони беса из этого человека, чтобы он вернулся восвояси здоровым». Павел говорит ему: «А что же ты?». Антоний говорит: «Мне недосуг, у меня есть дело». И, оставив его, опять пошел в свою келию. Старец поднимается и, горячо помолившись, говорит бесноватому: «Авва Антоний сказал — выйди из этого человека».

А бес начал выкрикивать поношения, говоря: «Не выйду, злодей!». Тогда Павел милотью⁴ ударил его по спине и сказал: «Выйди, говорит тебе авва Антоний». А бес опять еще пуще стал поносить Антония и его самого. Наконец, Павел говорит ему: «Выйдешь, а не то я пойду скажу Христу. Свидетельствуюсь Иисусом, если ты не выйдешь, я пойду скажу Христу, и тогда тебе будет худо». Бес снова стал изрыгать хулу, крича: «Не выйду!». Тогда Павел разгневался на беса и в самый полдненный зной вышел из келии, а египетская жара — печь вавилонская.⁵ Стоя в горах на камне, он молится и говорит так: «Ты видишь, Иисусе Христе, распятый при Понтии Пилате,⁶ что не сойти мне с этого камня, не есть и не пить до смерти, если ты не изгонишь злого духа из этого человека и не освободишь его». Не успели уста Павла произнести эти слова, как бес воскликнул: «О, какая сила, меня изгоняют! Простота Павла изгоняет меня, и куда мне деться?». Злой дух тотчас вышел и, претворившись в огромного дракона семидесяти локтей, пополз к Чермному морю,⁷ дабы сбылось реченное: «Явленную веру возвестит праведный».⁸

Таково чудо Павла, всей братией прозванного простым.

34

В этом монастыре¹ жила другая девушка, показывавшая себя дурочкой и одержимой; все ею настолько гнушались, что даже не сажали за один стол с собой — такое она избрала подвижничество. Она жила на поварне, выполняла всякую работу и, будучи, по пословице, посмешищем всего монастыря,² на деле исполняла писание: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтоб быть мудрым».³

Голову она повязала вретищем — все же остальные как уже постриженные носили наглавники⁴ — и так и работала. Ни одна из четырехсот сестер не видела за все годы ее жизни, чтобы эта женщина ела: она не садилась трапезовать, не брала себе и куска хлеба, но довольствовалась сметенными со столов крошками и объедками. Никогда она никого не обижала, не роптала, не говорила ни слова, ни полслова, хотя ее били, наносили ей оскорбления, ругали и сторонились.

И вот святому Питируму, мужу преславному, отшельнику, удалившемуся на Порфирит,⁵ предстал ангел и говорит ему: «Зачем превозносишься, что благочестив, а между тем живешь в столь удаленных местах? Хочешь увидеть женщину, благочестивее тебя, так ступай в женский Тавенниский монастырь и найдешь там одну женщину с повязкой на голове. Она — лучше тебя. Ведь та сталкивается с великим множеством людей, но сердцем ни разу не отступила от бога, а ты, сидя здесь, мысленно блуждаешь по городам».

И вот Питирум, никогда не покидавший Порфирита, дошел до того монастыря и просил учителей пустить его в женский монастырь. Те ре-

пились ввести его, так как Питирум был прославлен, а к тому и в преклонных летах. Войдя в монастырь, он старался увидеть всех женщин. Но та не появлялась. Наконец, Питирум говорит монахиням: «Приведите мне всех; ведь одной не достает». Они говорят ему: «У нас есть еще дурочка на поварне». Так ведь зовут юродивых. Питирум говорит им: «Ведите и ее, дайте мне взглянуть на эту женщину». Они пошли, чтобы позвать ее, а она не послушалась — то ли поняла, зачем, то ли получила откровение. Тогда ее ведут насильно и говорят ей: «Святой Питирум хочет тебя видеть». Ведь имя его было знаменито.

И вот когда эта женщина пришла и Питирум увидел у нее на голове вретиче, он пал ей в ноги и говорит: «Благослови меня». Она тоже пала ему в ноги со словами: «Ты, владыка, благослови меня». Все монахини бросились поднимать Питирума и говорят ему: «Авва, не срами себя — она безумна». Питирум отвечает всем им: «Вы безумны. Ведь она амма⁶ мне и вам. (Так называют духовных матерей). И я молюсь о том, чтобы оказаться достойным ее в день суда».⁷

Услышав эти слова, женщины пали ему в ноги, признаваясь в различных прегрешениях: одна, что выплескивала на нее помои, другая, что била ее кулаками, третья, что мазала ей нос горчичей — все до одной рассказали о различных своих проступках.

Питирум помолился за них и ушел. Спустя немного дней она оставила монастырь, тяготясь славой и почетом от сестер и совестясь их извинений. Куда она ушла, где скрылась и как скончала жизнь, никто не знал.

70

Дочь какого-то пресвитера¹ в Кесарии палестинской потеряла девственность и была подучена своим соблазнителем обвинить в этом одного чтеца² из этого города. Уже беременная, она в ответ на допрос родителя назвала чтеца; пресвитер же осмелился донести об этом епископу. Тот созвал причт и велел позвать чтеца. Дело стали исследовать. Допрашиваемый епископом, чтец не признавался. Да и как же можно утверждать то, чего не было? В гневе епископ строго сказал ему: «Не хочешь признаваться, несчастный ты человек, исполненный нечистоты и жалкий?». Чтец отвечал: «Я сказал то, что было — я непричастен к этому. Даже в помыслах о ней я не виновен. Если тебе угодно услышать, чего не было, вот — я это сделал». После таких слов епископ отрешил чтеца от его должности. Тогда чтец подходит к епископу и просит его, говоря: «Раз я согрешил, прикажи отдать ее мне в жены. Теперь я уж больше не клирик, да и она не девушка». Епископ согласился, думая, что юноша любит эту женщину и никак не может порвать с ней. А чтец, получив ее и от епископа и от отца, ведет в женский монастырь и просит тамошнюю диаконису приютить женщину до родов. В скором времени дни эти на-

ступили. Пришел решительный час — стоны, родовые муки, скорбь, за- гробные видения, а ребенок не появлялся на свет. Миновал первый день, второй, третий, наконец, седьмой. Роженица от нестерпимых страданий была при смерти, не ела и не пила, не могла спать и только кричала: «Горе мне, несчастной, — мне грозит смерть, а я оклеветала этого чтеца». Тогда монахини идут к ее отцу и передают все. Он, страшась, что будет сочтен клеветником, еще два дня медлит. А дочь не умерла, но и не разрешилась. Монахини не могли выносить ее воплей и побежали к епископу, говоря ему: «Такая-то целыми днями кричит, что оклеветала чтеца». Тогда епископ посылает к этому чтецу диаконов сказать: «Помолись, чтобы родила оклеветавшая тебя». А чтец не дал им ответа, и не открыл своей двери, запертой со дня, как он затворился для молитвы богу. Отец опять идет к епископу, происходит моление в церкви, но и так она не может родить. Тогда епископ отправился к чтецу и, толкнув дверь, вошел к нему, говоря: «Встань, Евстафий, разреши, что связал». Чуть только чтец и епископ преклонили колени, женщина родила. Просьба чтеца и его неустанная молитва обличили клевету и наставили клеветницу, дабы мы научились творить постоянные молитвы и познали их силу.

546014

РАСКАЯНИЕ СВЯТОЙ ПЕЛАГИИ

Свершившееся в наши дни чудо я, грешный Иаков, положил себе записать для вас, духовные братья, чтобы, услышав о нем, вы обрели великую пользу для души и прославили человеколюбца бога, не хотящего ничьей смерти, но спасения всех грешников.¹

Святейший епископ антиохийский созвал по какому-то делу окрестных епископов. И прибыли они числом восемь; был среди них и божий святой Нонн, надо мной епископ, пречудный муж и подвижник, монах Тавенниского монастыря.² Безупречной своей жизнью и достохвальными деяниями удостоился он столь высокого сана. И вот, когда мы прибыли в Антиохию, епископ велел нам остановиться в пристройке церкви святого Юлиана.³ Войдя, мы расположились там с остальными епископами.

В один из тех дней епископы, сидя все вместе в преддверье церкви, стали просить владыку Нонна наставить их своим словом. В то время как святой дух говорил его устами во благо и спасение всех слушающих, вот проезжает мимо первая из антиохийских танцовщиц. Она сидела на иноходце, красуясь пышным своим нарядом, так что всюду сверкало на ней только золото, жемчуга и драгоценные камни, а нагота ног была украшена перлами. Пышная толпа слуг и служанок в дорогих одеждах и золотых ожерельях сопровождала ее; одни бежали впереди, другие шли следом. Особенно суетный люд не мог досыта налюбоваться ее нарядом и украшениями. Миновав нас, она наполнила воздух благовонием мускуса и мирры. Когда сонм святых епископов увидел, что женщина едет с открытым лицом столь бесстыдно, что покрывало у нее наброшено на плечи, а не на голову, все они отвратили от нее взор, как от великой скверны. А божий святой Нонн не сводил с женщины мысленных своих очей и, после того как она удалилась, повернулся и следил за ней. И, склонив лицо свое к коленам, всю грудь омочил слезами, и, громко застенав, говорит сидящим рядом епископам: «Вас не услаждает ее красота?». Они хранили молчание и не ответили. И снова, склонив лицо свое к коленам, Нонн громко застенав, и, бия себя в грудь, всю свою

власяницу омочил слезами. Потом поднял голову и говорит епископам: «Подлинно не услаждает? А я весьма сильно услажден и возлюбил красоту ее, потому что бог поставит эту женщину в грозный час судить нас⁴ и епископство наше. Как вы думаете, возлюбленные, сколько времени она мылась в спальне, наряжалась, прихорашивалась и с какой любовью к красоте гляделась в зеркало, чтобы достигнуть своей цели и явиться возлюбленным красивой? И это она делала, чтобы понравиться людям, которые сегодня живы, а завтра уж нет. А мы, имеющие в небесах брачный чертог, вечный и не преходящий во веки, имеющие жениха бессмертного, бессмертие дарующего украшенным его заповедями, имеющие богатое небесное приданое, которого нельзя себе и представить, «не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил бог любящим его»,⁵ да что говорить? Разве в уповании вечно созерцать божественный лик и неизреченную красоту мы не наряжаемся, не смываем грязь с нашей жалкой души, а оставляем ее в небрежении?».

Сказав это, он пригласил меня, и мы вошли в келию. Нонн бросился на пол и стал биться лбом оземь, плача и говоря: «Боже, смилуйся надо мной, грешным и недостойным, за то, что в один день красота блудницы победила красоту всех лет жизни моей. С каким лицом предстану я пред тобой, боже? Какими словами оправдаюсь перед тобой? Что скажу тебе, видящему мое сокровенное? Пусть я, грешный, приму кару за то, что престаю порог твоего храма, не принося тебе красоты душевной, которую ты требуешь от меня, и предстою твоей страшной трапезе, не украсившись по воле твоей. Боже, изведший ничтожество мое из небытия в бытие и удостоивший меня, недостойного, служить тебе, не отринь меня от своего небесного престола, и прелесть блудницы да не свидетельствует против меня в день страшного суда. Ведь та обещала быть угодной людям и сдержала слово, я же обещал быть угодным тебе, милосердному богу, и обманул тебя. Потому она перед своими возлюбленными в пышном уборе, а я наг на земле и на небесах. Нет у меня впредь надежды на спасение в награду за дела свои, но душа моя всецело во власти твоего милосердия, и уповаю спастись по многому твоему благоутробию».

В таких его стенаниях и горестных воплях закончили мы тот день, а это была суббота. Наутро по исполнении нами ночных молитв епископ говорит мне: «Брат диакон, мне было видение, и я весьма страшусь, ибо не могу его истолковать. Но бог совершит угодное ему и спасительное для нас». Потом говорит мне: «Я видел во сне, что стою вблизи престола и черная, запятнанная грязью голубка, залетев в церковь, вьется вокруг меня, и я не в силах был вынести злосмрадия грязи ее. Она все время вилась вокруг меня, пока не кончились молитвы оглашенных, а когда диакон возгласил: „Оглашенные, изыдите“,⁶ тотчас исчезла. После литургии верных и евхаристии⁷ служба окончилась. Когда я ступил

к порогу божьего дома, снова залетает эта же самая голубка, запятнанная грязью, и вьется надо мной. Протянув руку, я схватил ее и бросил в купель во дворе церкви. И она оставила в воде всю грязь свою и вышла сверкающей, словно снег, и, взлетев, стала подниматься ввысь, пока не скрылась от очей моих».

Сказав это, он позвал меня с собой, и мы направились в великую церковь вместе с остальными епископами и приветствовали епископа этого города.⁸ Когда священству пришло время взойти в церковь, упомянутый антиохийский епископ пригласил собравшихся епископов взойти вместе с ним. Возшедши, они сели на свои места в алтаре. После чтения святого евангелия епископ города посылает владыке моему Нонну святое евангелие, поручая ему сказать проповедь. А он, хотя отверз уста, не сам говорил, но благодать божья, пребывавшая в нем. Проповедовал он просто и без словесных прикрас, ибо не был причастен человеческой мудрости, но, исполненный святого духа, поучал народ, говоря ясно о грядущем суде и благой надежде, которая есть у верных. И весь народ так сокрушался из-за слов, которые через него говорил дух святой, что пол в церкви оросился слезами.

По устройению человеколюбца бога приходит в этот храм и та, прославленная своими пороками женщина, о которой у нас речь. Дивно и удивительно, что, будучи оглашенной, никогда не задумываясь о своих грехах и никогда прежде не заглядывая в церковь, она теперь слушала проповедь святого и так исполнилась страха божия, что, отчаявшись в себе, плакала, и реке её слез не было преграды. Она приказывает двоим из своих слуг, говоря: «Останьтесь здесь, и пойдите за этим святым епископом, и узнайте, где он живет». И слуги сделали, как им было велено, и, пойдя вслед за нами, остановились подле церкви. Вернувшись, они сказали своей госпоже: «Они живут в пристройке храма святого Юлиана».

Тотчас она посылает со своими слугами таблички⁹ такого содержания: «Святому ученику Христову грешная выученица диавола. Выслушала я проповедь о боге, которого ты чтишь, и узнала, что он преклонил небеса и ниспел на землю не ради праведных, но чтобы спасти грешных, и, будучи столь славным и великим, возлег с мытарями и грешниками,¹⁰ что он, на кого не дерзают взглянуть херувимы и серафимы, пребывал среди людей. И теперь, владыка, при твоей великой святости (ибо хотя телесными очами ты и не зрел вождя Иисуса, но знаешь, что у колодца он разговаривал с самаритянской блудницей:¹¹ ведь я слышала, как ты говорил это о твоём боге), если ты ученик такого бога, не погнушайся мною, ищущей спастись через тебя и предстать перед твоим святым ликом».

Тогда епископ пишет в ответ на это так: «Кто ты и какова цель твоя, ведомо богу. Только говорю тебе, не вознамерься искушать ничтожество мое. Ведь я — грешный человек. Но если подлинно имеешь бла-

гочестивое стремление, знай — со мной пребывает еще семеро епископов. Придя, в их присутствии встретишься со мной, а наедине не можешь встречаться».

Прочитав это, она сейчас же с радостью поднялась и, добежав до храма святого Юлиана, сообщает нам, что она пришла. А епископ Нонн, до того как этой женщине прийти, созвал епископов и только потом позволил войти ей. Она же, войдя туда, где они собрались, бросилась рыдая на пол и обняла стопы святейшего епископа Нонна, так что от ее обильных слез оросились стопы святого, а она вытерла их своими волосами и, собрав прах с земли, посыпала себе голову. С криком, идущим из самого ее сердца, женщина воскликнула, обращаясь к святому: «Молю тебя, владыка, сжался надо мной, грешной. Подражай наставнику твоему Иисусу Христу и излей на меня доброту свою. Удостой сделать меня, недостойную, христианкой. Ведь я — море прегрешений,¹² владыка, бездна беззакония. Заклинаю тебя, ученика истинного бога, не погнушайся мной, запятнанной грязью, но очисти меня в купели очищения».¹³

Когда она в томлении сердца и со слезами говорила это, мы, все собравшиеся епископы и клирики, сильно плакали от такой в ней внезапной и чудесной перемены, и многие дивились и говорили, что никогда не видели столь сильного стремления и идущей от души веры. Едва сумел раб божий уговорить женщину подняться с земли и сказал ей: «Правила церковного служения гласят: не крестить блудницу без поручителей, чтобы она вновь не впала в тот же грех».

Услышав эти слова, женщина опять бросается наземь и с обильными слезами обнимает его стопы, говоря: «Ты за меня дашь ответ перед богом, и тебе он зачет мои прегрешения, если не пожелаешь окрестить меня, нечестивую. И не получить тебе удела от господя, когда не избавишь меня от дел моих и позорной жизни моей. Ты отречешься от твоего бога, если не возродишь меня сегодня и не приведешь ко Христу его невестой».

Все собравшиеся епископы и сопровождавшие их восславили человеколюбца бога, видя, как она горит стремлением к богу и слыша такие ее слова. Тотчас же божий святой посылает меня, грешного диакона, к епископу города оповестить его обо всем, чтобы его святость удостоила послать одну из диаконис. И вот я отправился и сообщил об этом епископу. Услышав, он возликовал весьма великим ликованием и послал меня с таким ответом владыке Нонну: «Право, честной отец, это дело ожидало тебя. Знаю, что ты — уста бога, сказавшего: „Если извлечешь драгоценное из ничтожного, будешь, как мои уста“».¹⁴ И послал со мной мать Роману, главную из диаконис.

Придя, мы застаем эту женщину простертой на земле у ног епископа. С трудом мать Романа сумела уговорить ее, сказав: «Встань, дитя, для свершения заклинаний».¹⁵ Раб божий говорит ей: «Исповедуй все грехи

свои». Она ответила ему: «Когда пытаю свою совесть, не нахожу у себя ни единого доброго дела; но знаю, что прегрешений моих больше, чем песка на берегу, и даже вод морских немного сравнительно с моими грехами. Но я уверовала в твоего бога: беспредельное его человеколюбие состраждет множеству моих беззаконий». Тогда епископ говорит: «Скажи, как твое имя?». Она говорит: «Родителями я была наречена Пелагией, но вся Антиохия зовет меня Маргарит¹⁶ по множеству драгоценностей, которыми украсили меня грехи мои — я ведь была разубраным пристанищем дьявола». Епископ снова говорит: «Нареченное тебе от рождения имя Пелагия?». Она отвечает: «Да, владыка». После этого Нонн произнес слова заклития и, окрестив, помазал святым мирром и причастил нетленной плотью и кровью Христовой. Дякониса, мать Романа, была ее духовной матерью. Она берет ее и уводит с собой, потому что мы там жили вместе с прочими епископами.

Тогда епископ говорит мне: «Подлинно, брат дякон, возвеселимся сегодня с божьими ангелами, и не откажем себе против обыкновения в елее, и выпьем вина в ликовании духовном из-за спасения этой женщины». Когда мы вкусили трапезу, приходит дьявол, нагбй, и, схватившись за голову, кричит так: «Беда мне с этим седым ядцей и болтуном. Не довольно ли тебе тридцати тысяч сарацин,¹⁷ которых отторг от меня и, окрестив, отдал твоему богу? Не довольно ли моего Гелиополя,¹⁸ где всех, кто там жил, ты привел к своему богу? Но и самой верной надежды ты лишил меня? Ох, беда мне от этого гадкого старца: нет больше сил терпеть твое коварство! Будь проклят день, когда ты на беду родился. Река слез твоих обрушилась на мой шаткий дом и унесла все мои надежды».¹⁹ Так говорил дьявол с громким воплем и стенаниями, причем это слышали все епископы, клирики, дякон и сама новообращенная. Снова дьявол говорит: «Вот, что со мною, госпожа Пелагия. И ты подражала моему Иуде? Ведь тот, увенчанный славой и почетом и будучи апостолом, предал собственного господина.²⁰ Так и ты поступила со мной». Тогда епископ Нонн говорит рабе божьей Пелагии: «Прогони его крестным знамением». Чуть только она сотворила крестное знамение, дьявол исчез.

Спустя два дня дьявол опять приходит, когда Пелагия спала в опочивальне со своей крестной матерью, и будит рабу божью и говорит: «Госпожа моя, Маргарит⁶, что я сделал тебе дурного? Разве не одел золотом и перлами? Не осыпал серебром и золотом? Умоляю, скажи, чем я огорчил тебя? Ответь, и я припаду к тебе и оправдаюсь. Только не покинь меня, дабы я не сделался посмешищем христиан». А раба божия, перекрестившись и дунув на него, заставила дьявола исчезнуть, сказав: «Да накажет тебя господь Иисус Христос, исторгший меня из твоей пасти и укрывший в своем брачном чертоге на небесах». Затем, разбудив дяконису Роману, говорит ей: «Молись за меня, матушка, потому что дьявол, словно лев, кидается на меня». А Романа отвечает ей: «Не бойся,

дитя, и не страшись его, ибо он отныне трепещет и боится даже твоей тени».

На третий день Пелагия зовет слугу, ведавшего ее имуществом, и говорит ему: «Ступай в дом, перепиши все, что есть у меня в сокровищнице, и принеси сюда золото и украшения». Слуга ушел и исполнил то, что было ему велено, и все принес своей госпоже. Тогда она через свою крестную мать позвала святого епископа Нонна и передала ему право распоряжаться всем домом, сказав: «Вот, владыка, богатство, которым из-за греха обогатил меня сатана. Я отдаю его в ведение твоей святости, ибо мне теперь довольно богатства жениха моего Христа». И, созвав слуг и служанок, она своей рукой дала каждому и каждой вдоволь золота и сказала им: «Я освободила вас от временного рабства, вы же постарайтесь освободиться от рабства греху мира сего». Так она отпустила их. А святейший мой епископ призвал церковного эконома и перед лицом Пелагии дал ему в распоряжение все ее имущество, сказав: «Заклинаю тебя святой Троицей, пусть ничто из этого имения не пойдет на церковь или епархию, но лишь на нищих и убогих. Раздай его вдовам и сиротам, чтобы они во благо использовали накопленное во грехе и чтобы богатства беззакония стали сокровищем праведности». А раба божья Пелагия семь дней не ела ничего своего, и ее кормила мать Романа, ибо Пелагия дала обет не вкушать от того, что приобрела во грехе богатства. На рассвете восьмого дня, который пришелся на воскресенье, она снимает крестильную одежду, которую носила,²¹ надевает стихарь и фелонь²² и, не сказавшись нам, уходит из города. Ее духовная мать горько плакала и сокрушалась из-за этого, а святейший епископ Нонн утешал ее, говоря: «Не плачь, а радуйся и ликуй, ибо Пелагия, подобно Марии,²³ избрала благую часть». По прошествии немногих дней епископ города отпустил по домам всех посторонних епископов, и мы вернулись в свою епархию.

Спустя три года меня охватило желание сходить на моление в Иерусалим, чтобы поклониться святому воскресению господина и бога нашего Иисуса Христа, и я спросил позволения у моего святейшего епископа, владыки Нонна. Он отпустил меня и говорит мне: «Брат диакон, если пойдешь, поищи монашествовавшего евнуха по имени Пелагий, который долгое время подвизается там затворником; посети его, и это будет тебе на пользу». Сам же говорил он мне о рабе божьей, но не открыл того.

Двинувшись в путь, я пришел в святые места и поклонился пречестному древу и святому воскресению; а наутро стал искать святого Пелагия и, нашедши, остановился у его келии на Елеонской горе,²⁴ где молился господь. Когда же я увидел, что у кельи нет входных дверей и со всех сторон глухие стены с одним только маленьким оконцем, да и то было плотно притворено, постучал, и Пелагий отпер. Взглянув на меня — на самом деле то была раба божья, — она узнала меня, я же ее вовсе не узнал. И как бы я мог узнать, раз ее невиданная и удивительная

красота так увяла от строгого воздержания и истаяла, словно воск? Ведь ее прежде полные прелести глаза глубоко запали и едва виднелись, а соответствие в прекрасном ее облике исчезло от чрезмерных лишений. Весь Иерусалим думал, что это евнух, и никто не подозревал в ней женщины, даже я не чаял ничего подобного; я получил от нее как от мужчины благословение, и после того она говорит мне: «Почтенный брат мой, не под началом ли ты владыки Нонна, епископа?». Я ответил: «Да, досточтимый отче». Она говорит мне: «Пусть молится за меня — ведь твой досточтимый епископ — апостол господень». Затем сказала: «Молись за меня, почтенный брат мой», затворила оконце и стала петь псалом третьего часа.²⁵ А я постоял возле ее келии и помолился, и ушел оттуда, получив величайшее назидание от ангельских словес ее и ни о чем не догадываясь. В течение дня я ходил по монастырям, чтобы помолиться и принять благословение святых отцов. Повсюду в этих монастырях шла молва о святом Пелагии. И на второй день пришел к ее келии за благословением, я не получил ответа, а на третий день сказал себе: «Вот я приходил сюда раз и другой раз, но не имел ответа. Не ушел ли отсюда тот раб божий?». С этими словами я стал со всех сторон оглядывать келию. Так как выхода нигде не было, мне пришла на ум другая мысль, и охватило меня благочестивое раздумие: «Уж не умер ли, — говорил я себе, — живший здесь святой монах?», и стал старательнее смотреть, не разгляжу ли чего через оконце. Так как я не только ничего не увидел, но даже не услышал, чтобы кто-нибудь внутри, как прежде, пел или хотя дышал, я решил снять с оконца глиняную замазку и посмотреть повнимательнее. Сделав это, я просунул голову и вот вижу, что святой мертв и благолепно покоится на земле. Тут я снова захлопнул оконце, замазал его глиной и, славя бога, поспешил в Иерусалим, рассказывая живущим там о кончине святого монаха чудотворца Пелагия. Тотчас иноки из Никополя, Иерихона и из монастырей по ту сторону Иордана в великом множестве собрались на Елеонской горе. Выломав двери келии, они вынесли тело святого, многоценнее всякого золота и дорогих камней, дали ему целование и с великим почетом и благоговением положили на ложе. Когда святейший епископ, тоже прибывший туда, равно как досточтимые отцы, обряжали Пелагия и умащали миром, они увидели, что Пелагий по природе своей истинно был женщиной, и все велегласно воскликнули: «Слава тебе, господи, что много у тебя сокровенных на земле святых, не только мужей, но и жен». И так всему сошедшему народу стало известно это великое чудо, а собрались туда также и все монахини женских монастырей. Святые отцы со свечами и кадилами несли на руках святые останки Пелагии и погребли их на почетном и святом месте. Такова жизнь блудницы, таковы деяния распутной женщины. Господь да дарует свою милость в день суда и нам, равно как ей, ибо слава его во веки веков. Аминь.

ЖИЗНЬ И ДЕЯНИЯ БЛАЖЕННОГО СИМЕОНА СТОЛПНИКА

Дивное и невиданное чудо произошло в наши дни. Я, грешный и смиренный Антоний, решил записать, что помню. Ведь сказание о нем исполнено пользы и назидания. Поэтому прошу — склоните свой слух и послушайте, что помню.

В детские годы святой и блаженнейший Симеон, подобно пророку Давиду, пас стада отца своего, а по святым воскресеньям ходил в церковь ради слова божьего и с охотой слушал священное писание, не зная, чему внимает. Войдя в возраст и побуждаемый словом божьим, приходит он однажды в святую церковь, когда читают Апостола,¹ и спрашивает одного старика: «Скажи мне, отец, что это такое читают?». Старик говорит ему: «О воздержании души». Симеон говорит: «А что такое воздержание души?». Старик говорит ему: «Дитя, что ты меня спрашиваешь? Ведь я вижу, что ты, хотя и молод годами, по разуму уже старец». Святой Симеон говорит ему: «Я не искушаю тебя, отец, но удивляюсь этому слову». Старик говорит: «Воздержание — это спасение души, указующее путь к свету и вводящее в царствие небесное». Святой Симеон говорит ему: «Объясни, почтенный отец, что ты говоришь, потому что я простой человек». Старик говорит ему: «Дитя, это когда кто прилежно постится и рачительно творит господу все молитвы, т. е. в третий час одну и в шестой, в девятый, двенадцатый и в следующие часы, как это совершается в монастырях. Познал ли ты, дитя, что такое ты услышал, рассуди об этом в своем сердце. Ведь должно тебе алкать, жаждать, претерпеть обиды, заушения и брань, стенать, плакать, скорбеть, отчаяться, обрести покой, возжелать, отречься от себя, унизиться и много страдать от людей и так быть утешену ангелами. Вот ты все выслушал, бог славы да даст тебе ум добрый по воле своей».

Выслушав это, святой Симеон вышел из церкви, приходит в пустынное место, бросается на лицо свое, семь дней плачет и молится богу, не вкушая ни еды, ни питья. По прошествии семи дней он встает и бегом устремляется в монастырь и с воплем падает в ноги архимандриту,² говоря: «Помилуй, отец, меня, жалкого и несчастного, спаси душу, гибну-

пую и желающую послужить богу». Архимандрит говорит ему: «Кто ты и чей родом? Как тебе имя и откуда ты пришел?». Блаженный Симеон говорит: «Родом я — свободный, по имени Симеон; как пришел сюда и кто мои родители, умоляю тебя, владыка, не спрашивай, а искупи себе одну погибающую душу». Услышав это, архимандрит поднял его с земли и говорит: «Если ты от бога, господь сохранит тебя от всякого злого и лукавого дела, и ты будешь служить всем, чтобы все возлюбили тебя».

Родители же Симеона не переставали оплакивать и разыскивать его. Святой жил в монастыре, подчиняясь всем, всеми любимый и исполняя монастырское правило. Однажды он вышел из монастыря и видит у колодца, откуда черпали воду, бадью с веревкой. Отвязав веревку, Симеон идет в уединенное место и обвязывает все свое тело этой веревкой, надевает поверх власяной стихарь³ и, вернувшись в монастырь, говорит братьям: «Я пошел за водой и не нашел на бадье веревки». Братья говорят ему: «Молчи, чтоб не донесли архимандриту». Никто не знал, что он под одеждой обвязался этой веревкой и так ходил с нею год и больше. А веревка влезла в мясо и глубоко ушла в загнившую плоть праведника. И от злосмрадия веревки никто не мог стать рядом и никто не узнал этой тайны. Постель же Симеона кишела червями, и никто не знал об этом.

Получая еду, святой тайно ото всех отдавал ее нищим. В один из дней какой-то монах выходит из монастыря и застает его за тем, как он раздавал нищим свой хлеб и бобы. Вся братия постилась до вечера, а святой Симеон вкушал только по воскресениям. Один из монахов донес на него архимандриту, говоря: «Обращаюсь к твоей святости — этот человек хочет уничтожить монастырь, т. е. правило, которое ты нам дал». Архимандрит говорит ему: «Как же он хочет уничтожить правило?». Монах говорит ему: «Нами принято поститься до вечера, а он вкушает только по воскресеньям и каждый день тайно отдает получаемый им хлеб и бобы нищим. Не только это. От тела его исходит невыносимый смрад, так что никому нет возможности стать рядом, а постель его кишит червями, и мы не можем это вынести. Но если тебе угодно, держи его здесь, а мы уйдем, или отпусти его туда, откуда он пришел».

Архимандрит, услышав это, был поражен. Он осматривает постель его и видит, что она кишит червями, и от злосмрадия он не мог там стоять. Архимандрит говорит: «Вот и новый Иов».⁴ И, призвав Симеона, говорит ему: «Что это ты сделал, человеке? Откуда этот смрад твой? Зачем смущаешь братьев, зачем нарушаешь монастырское правило? Уж не призрак ли ты? Ступай прочь и умри вдали от нас. Через тебя, быть может, я, несчастный, впал в искушение. Ведь если бы ты был правдивый человек, сын благомысленных родителей, ты бы сказал нам, кто отец твой и твоя мать и какого ты рода и откуда пришел сюда?». Выслушав это, святой смотрел в землю и молчал, не произнося ни слова, и слезами его оросилось место, где он стоял. Архимандрит пришел в силь-

ный гнев и говорит монахам: «Разденьте его, чтобы нам посмотреть, откуда оно, это злосрадие». Как ни старались, не смогли они раздеть его, потому что гиматий приклеился к загноившейся плоти. Три дня монахи не переставали кропить святого теплой водой с елеем и тогда только с великой мукой сумели раздеть его, и то так, что вместе с гиматием содрали сгнившее мясо. И тут обнаруживают, что в тело его веревка вошла так глубоко, что остался только самый ее конец, числа же червей нельзя себе и представить. Все монахи поразились ему, глядя на эту неисцелимую язву, и про себя рассуждали, как и каким способом им снять веревку. А святой Симеон восклицал, говоря: «Уступите, почтенные мои братья, дайте так умереть мне, псу смердящему. По делам моим заслужил я такую долю. Всякая неправда и любостязание вместе со мной родились, ибо я — море прегрешений». А монахи и архимандрит плакали, глядя на ту его неисцелимую язву. И архимандрит спрашивает его: «Тебе нет еще восемнадцати годов, какие же у тебя грехи?». Святой Симеон говорит ему: «Пророк Давид речет: „Вот я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя“⁵ Подобным всему этому и я облачен». Архимандрит изумился разумному его ответу, тому, что простой поселянин так проникся страхом божьим. Он позвал двух врачей; а те с большими трудами и муками, так что можно было подумать, что Симеон уже умер, сняли с него веревку...^{*} и, ухаживая за ним пятнадцать дней, помогли ему. Тогда архимандрит говорит ему: «Вот, дитя, ты теперь стал здоров. Уходи, куда хочешь».

Тогда святой Симеон покидает монастырь. И вот вблизи монастыря находился колодец, в котором не было воды, но обитало множество злых нечистых духов. А кроме множества нечистых духов, невообразимое множество всяких аспидов, ехидн, змей и скорпионов. Потому все люди боялись даже проходить по тем местам.

Туда, никому не сказавшись, ушел святой Симеон и бросился в тот колодец, сотворив знамение Христово, и скрылся там в углу.

На седьмой день как он ушел из монастыря, архимандрит видит во сне, что неисчислимая толпа мужей в белых одеждах и со светильниками окружила монастырь, восклицая: «Сейчас сождем тебя тут, если не отдашь нам раба божьего Симеона. Почему ты преследовал его, чем он провинился, что ты прогнал его из монастыря, каково его прегрешение? Ответь, пока мы не сожгли тебя. Разве ты не знал, что было у тебя в монастыре? Ведь он окажется больше тебя в тот страшный и грозный день».⁶ Архимандрит весь дрожа проснулся и говорит монахам: «Как вижу, человек тот подлинный раб божий. Вот этой ночью я во сне жестоко потерпел из-за него. Прошу вас, братья, бегите и найдите его, а иначе не возвращайтесь». Они отправились и искали Симеона во всяком месте и, не найдя, пришли к архимандриту с такими словами:

^{*} Текст испорчен.

«Истинно, владыка, не осталось места, где бы мы ни искали, кроме того места, куда никто не смеет ступить из-за множества диких тварей». Архимандрит отвечает: «Дети, сотворите молитву и, взявши светильники, спуститесь туда и ищите его». Они, свершив трехчасовую молитву над колодецем, спустили вниз пятерых монахов со светильниками и веревками. Ползучие твари, как только заметили людей, скрылись по углам.

А святой Симеон, увидев монахов, воскликнул: «Умоляю вас, братья и рабы божии, погодите малое время, чтобы я предал дух свой — достаточно с меня и того, что не выполнил наложенного на себя».

Как он ни сопротивлялся, монахи насильно подняли его со дна колодца, влача как какого-нибудь злодея, и привели к архимандриту. А тот при виде Симеона пал ему в ноги и сказал: «Прости меня, раб божий, сам будь мне наставником и научи терпению и его дарам».

Святой же Симеон непрестанно плакал и молился богу. Прожив в монастыре три года, он уходит, никому не сказавшись, и идет в пустынное место, неподалеку от которого расположились большие селения, а ближе всех селение, называемое Геласис, и там складывает себе из камней малое подножие и стоит на нем четыре года в снег, в дождь и в зной, и толпы народа стекались к нему. Едой его была моченая чечевица, а питьем — вода. Потом он воздвиг себе столп в четыре локтя и простоял на нем семь лет; и повсюду прошла молва о нем. После этого люди складывают святому Симеону две ограды из камней, с дверкой во внутренней ограде, и столп в тридцать локтей; он простоял на этом столпе пятнадцать лет, уврачевав многих — ведь немало бесноватых приходило туда и исцелялось.

Святой Симеон подражал своему учителю Христу и, призывая его, заставлял хромых ходить, очищал прокаженных, косноязычным возвращал речь, расслабленным — силу бегать, страдающим многолетними недугами возвращал здоровье, увещевая и наставляя каждого: «Если кто-нибудь спросит: „Кто тебя исцелил?“, отвечай: „Бог меня исцелил“. Не вздумай говорить: „Симеон исцелил“, потому что тогда снова вернется к тебе та же болезнь. И вот что я говорю тебе: никогда не лги и не клянись богом. А если будет нужда поклясться, клянись мной, смиренным, все равно правдиво ли, ложно ли. Ведь великий и страшный грех клясться богом».

Послушайте о страшном и дивном чуде: мать святого Симеона через двадцать лет узнала, где он, и, поспешив прийти туда, захотела после стольких лет его увидеть. Она много плакала, чтобы он дал себя увидеть, но он ей не уступал. А так как она сильно желала освятиться его святыми руками, ей пришлось всходить по стене ограды, и она упала на землю, так и не поглядевши на него. Тогда святой Симеон говорит ей: «Ныне прости мне, мать; если удостоимся, увидим друг друга в том веке». Когда она услышала это, еще сильнее разожглось у нее желание увидеть его. Опять святой Симеон говорит ей: «Отдохни, почтенная мать

моя, ты ведь пришла издалека из-за меня, смиренного, и устала из-за меня. Полежи малое время и набери сил, спустя немного я увижу тебя». Она послушалась, легла в преддверии ограды и тотчас предала богу дух; просмонарии⁷ пришли разбудить ее и увидели, что женщина умерла, и сказали об этом святому. Он же велит внести ее и положить перед своим столпом. Взглянувши на мертвую, святой Симеон прослезился и начал говорить: «Господь, бог сил, вождь света, начальник Херувимов, путеводивший Иосифа, укрепивший своего пророка Давида против Голиафа, на четвертый день воскресивший из мертвых Лазаря,⁸ простри десницу свою и прими в мире душу рабы твоей». От его молитвы святые останки ее шевельнулись, а уста стали улыбаться; тут все стоящие вокруг изумились и восславили бога. Покойницу убрали и погребли перед столпом святого Симеона, чтобы поминал ее, когда молился.

Послушайте о другом странном и дивном чуде. Какие-то люди изда- лека шли к святому на молитву, и им повстречалась пасущаяся олениха, имеющая во чреве. Один из них говорит ей: «Заклинаю тебя властью святого Симеона, остановись, чтобы мне поймать тебя». Тотчас олениха остановилась, и он, поймав ее, зарезал, и все поели мяса, а шкуру унесли с собой. Сразу они лишились речи, и начали блеять, как скоты, и побе- жав к столпу святого Симеона, падают у его подножия, и молят исце- лить их. Оленью шкуру они наполнили мякиной, и для сведения мно- гих она долгое время лежала вблизи столпа, сами же, проведя там не- малое время в покаянии, исцеленные вернулись домой.

Послушайте еще об одном странном и удивительном чуде. Некой женщине ночью захотелось пить, и она решила напиться воды. Налив себе кружку, она вместе с водой проглотила маленькую змейку, а та в ее чреве выросла в большую змею. Лицо женщины цветом уподобилось зеленой траве, к ней ходило много врачей, чтобы исцелить ее, но на- прасно. Домашние этой женщины, слышав о чудесных исцелениях, со- вершаемых божием святым Симеоном, взяли ее и привели к нему и рассказали ему все. Он приказывает им так: «Плесните ей в рот воды из этого вот источника».

Когда они исполнили, что он велел, змея у всех на глазах начала биться, опрокинула женщину на землю и вышла из ее чрева. Змее по- среди ограды отрубили голову; она издала шипение, и все восславили бога.

Святому снова переменяли столп и сделали высотой в сорок локтей, и слава о нем разнеслась по всей вселенной. Потому великое множество сарацин⁹ пришло к нему с пылкой верой, и он заставил их сокрушаться в страхе божием. Но человеконенавистник диавол, обычно искушающий святых и ими попираемый, навел на бедро Симеона, как и на блажен- ного Иова, болезнь,¹⁰ которая зовется пауцкля, и бедро его исполнилось гноя, и два года он стоял на одной ноге. Несчетное число червей падало с бедра его на землю, почему у окружающих его только и было дела,

что подбирать их и возвращать туда, откуда они упали. Святой же говорил: «Кормитесь от того, что послал вам господь».

По изволению божию случилось царю сарацинскому прийти на молитву к святому Симеону. Когда он приблизился к столпу за благословением, божий святой, увидев его, стал поучать. Во время беседы его с бедра святого падает червь. Царь это заметил, однако не понял, что упало, и бросился поднимать, и приложил к глазам и к сердцу, и, зажав в руке, пошел. А святой говорит ему: «Вернись и положи, что поднял, ибо приносишь тягость мне, грешному. Это червь смердящий из плоти смердящей. Зачем, будучи сам славным, сквернишь свои руки?».

Стоило святому сказать это, царь сарацинский возвращается и говорит ему: «Это будет мне в благословение и в отпущение грехов». Когда он разжал руку, там лежал драгоценный перл. Увидев его, царь начал славить бога и говорит святому: «Вот, ты сказал, что это червь, а то перл бесценный, через который просветил меня господь». Услышав это, святой говорит ему: «По вере твоей, да будет он тебе в благословение во все дни жизни твоей и не только твоей, но и детей твоих». И, получив благословение, царь сарацинский в мире и радости ушел восвояси.

Послушайте о другом чуде. На горе, где стоял столп, к восточной стороне обитал огромный змий, почему в месте том не всходила даже трава. Когда тот змий выходил охладиться, случилось, что в глаз ему вонзился терн, и долгое время никто не мог выносить того, как змий шипел от приключившейся боли. И вот однажды выползает он из своего логова и у всех на виду ложится в преддверии ограды святого Симеона. Тотчас глаз у змия открылся, и терн вышел из его глаза. Змий остался в преддверии ограды три дня, пока не исцелел. И тогда у всех на виду ушел обратно на свое место, никого не тронув, но, пролежав вблизи святого, как смиренная овца, и все невредимыми входили и выходили из ограды.

Послушайте о другом удивительном чуде. Появился в Сирии разбойник из разбойников по имени Антиох, по прозвищу Гонат;¹¹ целый свет только и говорил, что про его дела. Отовсюду были посланы воины, чтобы поймать его и привести в Антиохию, но никто не мог поймать из-за великой мощи его силы. В Антиохию привезли медведей и других диких зверей — разбойнику было предназначено сразиться с ними — и весь город из-за него пришел в движение. Воины выходят, чтобы схватить его, и застают разбойника бражничающим в одной деревенской гостинице и окружают гостиницу. А он, заметив это, начал разыгрывать представление: вблизи этой деревни текла река, и у этого архиразбойника была кобылица, и он приказал ей, точно человеку, и, встав со своего места, бросил свою одежду на кобылицу и говорит ей: «Иди к реке и там дождь-дайся меня». Кобылица идет из гостиницы, кусая всех и лягая копытами, добегает до реки и ждет разбойника там. А он выходит из гостиницы с обнаженным мечом, громким голосом крича воинам: «Бегите, чтобы

остаться живу». И ни один из воинов не одолел его. И вот незаметно для всех стороживших его разбойник на своей кобылице переправился через реку и пришел к ограде святого Симеона. Войдя внутрь, он пал наземь перед его столпом. Когда же и воины были введены в ограду, святой говорит им: «Вместе с господом нашим Иисусом Христом распяты были двое разбойников, один получил воздаяние по делам своим, второй же унаследовал царствие небесное.¹² Если кто может противустать пославшему сюда этого разбойника, пусть придет и сам отторгнет его отсюда, а я не приводил этого человека и не могу его прогнать. Пославший его, сам и воздаст ему, не порицайте меня, смиренного и много труждающегося по грехам своим». С этими словами он отпустил воинов, а когда они удалились, разбойник говорит: «Господин мой, я уйду». Симеон ему говорит: «Таким злодеем уйдешь, как пришел?». Разбойник говорит: «Нет, владыка, меня призывает господь». И воздев руки к небу, ничего больше не сказал, как только: «Сын божий, прими дух мой в мире».¹³

Он рыдал чуть не два часа, так что заставил плакать и самого праведника, и всех окружающих, наконец простерся перед столпом и тотчас испустил дух. Тут разбойника обрядили и погребли вблизи ограды святого. На следующий день из Антиохии приходит более ста мужей с мечами, чтобы схватить разбойника, и начинают кричать на святого: «Отдай нам человека, которого ты здесь держишь». Святой отвечает им: «Братья, пославший его сюда сильнее нас и, возымев нужду в нем как в человеке ему пригодном, призвал его через двух устрашающих своим оружием воинов, которые могли бы поразить молнией весь наш город вместе с живущими там, и взял его; я же грешный, увидев этих ужасных воинов, устрасился и не смел перечить им, чтобы и меня, смиренного, они не убили за то, что я противлюсь богу». Когда мужи услышали это от святого и узнали, с какой славой этот разбойник предал дух свой, они, славя бога и трепеща, вернулись обратно в Антиохию.

Послушайте еще об одном великом и славном чуде. В месте, где жил святой, не было воды. И толпы людей, приходивших к святому Симеону, и бывший с ними скот погибали от жажды. И творя молитву в течение семи дней, святой ни с кем не говорил, но, преклонив колени, молился, и все думали, что он уже умер. На седьмой день около пятого часа с восточной стороны ограды внезапно ключом забила вода. Ископав, нашли некое подобие пещеры, наполненной водой, и отвели от нее семь рукавов. Все прославили бога небес и земли.

Некая царица сарацинская, будучи неплодна, пришла к святому, умоляя, чтобы дано ей было рождать, ибо муж каждодневно корил ее. Она долгое время провела у столпа, преклоняя колени и моля святого Симеона. И вот он сказал ей: «Возвращайся в дом свой, и господь тебе поможет». И, возвратившись в дом свой, она сблизилась с мужем, тотчас понесла и родила дочь. Но дитя до пяти лет не говорило и не ходило.

И вот царица вместе с мужем своим и ребенком плача приходит к святому. Святой Симеон говорит: «Оставайтесь, и бог поможет». Когда же по прошествии семи дней не получили никакого облегчения, они в печали собрались уходить, говоря: «Никак не пожелал господь исцелить ее». И, когда они были уже в пути и далеко отошли от столпа, они оборачиваются, чтобы взглянуть на столп святого Симеона. И вот дочь их внезапно воскликнула, говоря: «Слава тебе, святой Симеон». Родители ребенка, увидев это, восславили господя ради святого Симеона.

Послушайте о другом чуде. В один из дней, когда воины были в походе, какая-то женщина пришла из-за сильного желания как-нибудь увидеть лик святого Симеона. Она надумала переодеться мужчиной и так увидеть его. И однажды она заметила немалое число воинов, отправлявшихся на молитву к святому, и, переодевшись воином, примкнула к ним. Когда они приблизились к месту, где был столп святого Симеона, она говорит своим спутникам: «Братья, если угодно, оставьте своих коней на меня, войдите в ограду и примите от святого благословение, а когда выйдете, войду я, чтобы удостоиться благословения праведника».

Воины вошли и преклонили колени, а святой Симеон говорит им: «Один из ваших воинов остался за оградой». Они ответили ему: «Да, владыка. Он сторожит наших коней». Праведник сказал им в ответ: «Вышедши отсюда, скажите ему: „Не томись, ибо ты услышан и благословен господу“». Воины возвратились и стали спрашивать своего спутника: «Чем ты так угодил богу? Ибо вот что святой сказал нам: „Скажите своему спутнику, ожидающемуся вне ограды: Не томись, ибо услышана твоя мольба и благословен ты господу“». В ответ им он сказал: «Признаюсь вам, братья, я — женщина и сильно желала увидеть святого, потому что я грешница». Воины, услышав это, изумлялись, благословляя бога за святого Симеона, и пошли с миром.

Послушай о другом чуде. Собралась большая толпа... * «Раб божий, народ ждет твоего благословения, прикажи отпустить людей — ведь вот они здесь уже который час».

И я не получил никакого ответа, ибо святого Симеона оставил дух его. Когда многожды я так зывал, но не получал ответа, служитель наверху у столпа стал стенать, подумав, что святой умер. Толпа народа, видя все это, подняла плач, и все били себя в грудь, скорбя о своих грехах. Когда после немалого времени святой дух вновь возвратился к праведнику, он сказал народу: «Братья, большой корабль, на котором было около трехсот душ человеческих, в час этот терпел на море великую бурю. И все громко призывали господя бога. И вот, слыша их вопли и страшные клятвы и видя беду их, я умолил бога, долготерпеливого к нашим грехам, усмирить море, и, подав скорбящим руку, спас всех». Толпа,

* Текст испорчен.

узнав о чуде, восславила бога ради святого Симеона. Благословив народ, праведник отпустил его в мире.

У змеи сделался большой нарыв, и она кричала от боли так, что было слышно за милю.¹⁴ Сожительствующий с ней змей, соболезнуя ее страданию, повел свою подругу к владыке Симеону. И, дойдя до столпа, они разлучились. Ведь змея, не смея показаться праведнику, ушла на половину женщин, а змей вошел в ограду вместе с толпой мужчин и поклонился столпу, то поднимая вверх, то опуская вниз голову и моля праведника. Люди, увидя огромного змея, убежали, а святой Симеон сказал им: «Не бегите, братья, ибо подлинно он пришел сюда с мольбой. Ведь змея, его подруга, больная тяжким недугом, ожидает на женской половине». А потом говорит змею: «Подыми прах с земли и положи на жену твою, а потом подуи, и этим ее уврачуешь». Змей поднял прах с земли и пошел к своей подруге. Народ, увидев это, последовал за ним, чтобы посмотреть, что он станет делать. И вот видят за оградой святого стоящую на хвосте змею с большим нарывом на теле; змей кладет на нее прах и, подув, при глазах всех исцеляет змею и уходит вместе с ней. Увидев чудо, толпы восславили бога.

Другое чудо случилось во дни его. Всю вселенную взыскала великая угроза ужасов, и к святому стекался весь Восток и Антиохия, моля о заступничестве перед богом. Ибо приключались гуссы и великие моры, и даже праведный со своим столпом был колеблем ветром, словно тростник. Плача вместе со всеми, святой говорил толпам: «Братья, все совершилось с пути и до единого негодны.¹⁵ Вы не слушаете меня, но если кто кого превосходит, так это в блудодеянии и в несправедливости — их-то в излишке. Подлинно говорю вам, братья: легче мне говорить с господом, чем с вами, неверными». И велел прекратить моления, он сотворил молитву, но землетрясение снова продолжало им грозить. Святой велел взывать: «Господи, помилуй», и они часами зывали: «Даруй нам мир». Святой сотворил великую молитву и, исполнив ее, сказал народу: «Подлинно говорю вам, братья: из всего множества один единственный услышан. Чтобы вы поверили, вот я заставлю его выйти на середину». И, велел ему выйти вперед, святой перед всеми спрашивает его и говорит ему: «Брат, веруй моим словам — ты один услышан. Но удовлетвори всех и скажи, чем ты угодил богу». А тот не хотел, говоря: «Я грешник, уволь меня». Долго его уговаривали, пока с неба не раздался глас: «Услышана молитва твоя». И тогда поселянин, стоя посреди народа, начал рассказывать: «Я — земледелец, и таково мое правило: что наработаю за день, делю на три части; сперва откладываю долю для нищих, затем — подать казне, и долю на свои нужды. Так я делал до сих пор». Все, приветствуя его, пали ниц и теснили этого мужа, ибо всякий неистово хотел взглянуть на него.

Некто Юлиан, слуга Ардавурия,¹⁶ непрестанно подступал к нему с такими речами: «Позволь, я поднимусь и свергну святого со столпа его

и исполню его...*, и Юлиан, чтобы свергнуть святого, пошел туда и приставил к столпу лестницу и взшел по ней. Когда достиг третьей ступени, лестница отделилась от столпа и повисла в воздухе на четыре локтя от земли, и все дивились происходящему. Ардавурий в досаде натянул лук, желая поразить его, и тотчас рука, ослабев, упала, и он не смог пустить стрелу. И с того дня до конца жизни своей человек этот страдал не только болезнью рук, но и ног.

Блаженный стоял на различных столпах сорок семь лет, и потом господь взыскал его. Пришла пятница. Святой был погружен в молитву, как обычно, и провел так всю пятницу. И в субботу, и в воскресенье тоже не дал, как обычно, знак, что будет благословлять преклонивших колени. Заметив это, я поднялся к нему и увидел лицо его, и оно сияло, как солнце. И хотя святой обычно говорил со мной, сейчас ничего мне не ответил. И я сказал себе «он скончался», и не поверил этому, и боялся приблизиться, и, осмелившись, говорю ему: «Владыка, почему не отвечаешь мне и продолжаешь творить свою молитву? Народ ждет благословения вот уже три дня». Простояв еще час, говорю ему: «Ты ничего не отвечаешь мне, владыка». И, протянув руку, тронул его браду и, когда увидел, как поникло тело его, понял, что святой скончался. И, закрыв лицо свое руками, я в печали заплакал, и, склонившись, облобызал его уста, глаза и браду, и приподнял одежду — облобызал ноги, и, взяв руку его, приложил к своим глазам. И во всем теле моем и в одежде его слышался запах мирры, так что можно было возвеселиться от того благоговения. Около половины часа я простоял у его честных останков, и вот тело праведника вместе со столпом сотряслось, и я услышал глас, говорящий: «Аминь, аминь, аминь», и в страхе сказал: «Благослови, владыка, и помяни меня в благом своем успокоении».

И я сошел на землю и никому не сказал о чуде, чтобы не поднялось смятение, но через верного человека объявил о том антиохийскому епископу Мартирию¹⁷ и стратилату¹⁸ Ардавурию. И на следующий день приходит антиохийский епископ вместе с другими шестью епископами, приходит и Ардавурий в сопровождении шестисот воинов, чтобы сошедшие жители не похитили честных останков святого. Ибо таково было их намерение. Вокруг столпа повесили покровы. И восходят на столп три епископа, и целуют одежду святого, прочитав три псалма, и приносят свинцовый гроб, и кладут туда останки святого, и опускают с помощью особой машины, и все тогда узнают, что святой Симеон скончался. И на верблюдах приходят вооруженные сарацины, так как и они думают похитить останки святого. Стекается такое множество народа, что горы не видно из-за толп людских, дыма курений, горящих свеч и лампад, которым не было числа. Плач мужчин, женщин и детей разносился далеко, и вся гора сотрясалась от голоса птиц, слетевшихся туда и окру-

* Текст испорчен.

живших ограду святого. И вот, когда гроб опустили, его помещают на мраморном престоле, который стоял перед столпом святого, а было это уже на четвертый день после кончины блаженного. Но его святое тело оставалось гибким, словно он отошел час назад. И все епископы дали Симеону целование. Лик его был весьма светел, как свет, а волосы на голове и брата были как снег. Епископ антиохийский пожелал взять в благословение волос от брады святого и стал сухорук. И все епископы сотворили за него молитву, плача и обращаясь к святым останкам: «Ни единый твой член не тронут и одежды не тронуты, и никто более не отторгнет ничего от твоих святых и честных останков». И, когда они с плачем говорили это, рука епископа исцелела. Затем с пением псалмов и гимнов тело святого упокоили в гробу.

За пять или шесть дней до кончины блаженного я, грешный, видел мужа в страшной одежде, которую не могу описать, ростом с двух мужей, и он беседовал со святым трижды в день и давал ему целование. Я хотел рассказать об этом кому-нибудь, но разум у меня был отнят, и я стал бессловесен, пока святой не скончался. И вот, когда муж, о котором речь, приходил к святому, я видел их ядущими; а что ели, не знал. И они пели песнь, а какую, не знал, услышал только аминь. И страх объял меня при виде этого мужа.

И вот гроб святого епископы ставят на повозку и со свечами, кадилами и псалмопением везут в свой город Антиохию. За пять миль от города в месте, называемом Мериопи, мулы стали и не шли дальше, ибо там была несказанная тайна. Справа от дороги стояла гробница, а около нее пребывал некий муж. Судьба этого мужа такова: двадцать лет он был влюблен в замужнюю женщину и не мог овладеть ею. Когда женщина скончалась, ее похоронили в этой гробнице. И чтобы восторжествовал над душой этого человека ненавистник добра, человек этот, придя к гробнице, поднимает плиту и сходится с мертвым телом. И тотчас стал глухонемой, и удержан был в гробнице, и уже не мог уйти от этого места. Идущие мимо подходили к сидящему у подножия гробницы, и всякий бога ради подавал ему — кто попить воды, кто поесть. По божиему изволению честные останки святого провозили в тот день, и человек этот, который не говорил и не слышал, когда повозка и сопровождавшая ее толпа остановились, покинул гробницу, громко взывая: «Примилуй меня, святой Симеон», — чуть только он схватился руками за повозку, тотчас открылись уста его, и к нему вернулся разум. И все, увидев происшедшее, восславили бога, и от криков людских сотряслось все то место. А человек этот кричал: «Сегодня, раб божий, ты спас меня, ибо грех меня сгубил».

Весь город в белых одеждах со свечами и лампадами вышел встречать останки святого. И ставят их в церкви Касиана. И по прошествии тридцати дней по приказу стратилата Ардавурия переносят в Великую церковь, а потом, когда по откровению божию был построен храм свя-

того праведника Симеона, снова переносят с великою славою и песнопениями в этот храм.

Многие хотели, предлагая золото и серебро, взять в благословение что-нибудь от святых останков, и епископ из-за клятв, которыми поклялся, никому не позволил. Множество исцелений совершается в месте, где лежат эти святые останки праведника по благодати, дарованной ему от господа нашего Христа. Святой Симеон скончался месяца сентября первого дня в царствие господа нашего Иисуса Христа, которому слава и сила во веки веков. Аминь.

Я, смиренный Антоний, парамонарий,¹⁹ описал все подробно. Ибо кто бы мог поведать о его чудесах и исцелениях, как должно, если б подробно не описал его святые подвиги во славу и хвалу божью во веки. Аминь.

**ЖИЗНЬ, ДЕЯНИЯ И ПРЕДИВНОЕ СКАЗАНИЕ О СВЯТОМ ОТЦЕ НАШЕМ
МАКАРИИ РИМСКОМ, ПОСЕЛИВШЕМСЯ У КРАЙНИХ ПРЕДЕЛОВ ЗЕМЛИ,
НИКЕМ НЕ ОБИТАЕМЫХ. БЛАГОСЛОВИ, ГОСПОДЬ**

Мы, смиренные и ничтожные монахи Феофил, Сергей и Иггин, призываем купно всех наших отцов и братьев послушать о жизни святого Макария. Отрекшись мира сего, мы затворились в монастыре кир¹ Асклипия в Месопотамии сирской,² что лежит между двух рек, зовущихся Евфратом и Тигром. После девятого часа мы трое сели в уединенном месте, и каждый из нас говорил о воздержании и подвиге. И вот на ум мне, смиренному Феофилу, пришла такая мысль, и я сказал братьям Сергию и Иггину: «Мне, братья, все годы жизни моей хотелось идти, пока не увижу, где кончается небо, ибо говорят, что оно кончается у железного столпа». И братья говорят: «Брат Феофил, вместо великого мужа и отца нашего мы поставим тебя, прежнего своего брата, духовным отцом и отныне неотступно последуем тебе, куда бы ты ни пошел, ибо и нам по сердцу то, что ты сказал». Тотчас мы поднялись и той же ночью тайно от архимандрита³ ушли из монастыря и за 10 008 дней пешком дошли до Иерусалима. Поклонившись святому воскресению и честному кресту, мы направились в святой Вифлеем, поклонились святой пещере, где родился Христос, и увидели звезду Христову и кладезь воды, путеводивший магов,⁴ шедших поклониться младенцу, и посетили место в двух милях⁵ оттуда, где ангелы водили с ними хороводы и пели, говоря: «Слава в вышних богу, и на земле мир, в человеках благоволение».⁶ И мы возвратились и поднялись на святую гору Елеонскую,⁷ где был схвачен Христос, а оттуда снова вернулись в Иерусалим и оставались там двадцать дней, ибо обходили святыни и молились в тамошних монастырях, благодарили и славили бога и крестились, не чая уже увидеть мир сей. Спустя 55 дней пути мы переправились через реку Тигр, и вступили в страну персов, и пришли на широкую равнину, называемую Азия, где скончал жизнь свою Юлиан Отступник.⁸ Мы вошли в пределы Персиды, в город, зовущийся Ктесифонт.⁹ Там могилы трех отроков — Анании, Азарии и Мисаила.¹⁰ Этот город далеко от Вавилона. Мы покло-

нились погребенным там святым отрокам и досыта поели и попили. Возблагодарив бога и оставив город Ктесифонт, мы двинулись в путь и, пройдя персидскую землю, через четыре месяца пришли к пределам Индии и расположились в одной индийской хижине в западной стороне от города, и люди индийские стали нас преследовать. (Вместо города у них одни хижины). И снова мы ушли в другую брошенную хижину, и, войдя, не нашли там никого. Мы оставались там два дня, и вот появились андрогины,¹¹ и на головах у них вместо венков были острые стрелы. И андрогины, увидев нас, весьма испугались: они приняли нас за соглядатаев. И ушли к своим соплеменникам, и собрали около двух тысяч человек, и окружили дом, где мы молились и взывали к богу. Андрогины сразу со всех сторон метнули огонь, чтобы сжечь нас, а мы пребывали в великом страхе, и, выскочив из хижины, оказались посреди них, и не могли бежать. И они стали говорить на своем языке, мы же не понимали, что они говорят, и, не зная языка их, ничего им не отвечали. Андрогины схватили нас, и заперли в тесной темнице, и сказали, что десять дней не будут нам давать ни есть, ни пить. Мы же в смиреннии своем и слезной молитве благодарили бога, и спустя десять дней андрогины, думая, что мы умерли, собрали несметную толпу, и, открыв двери, нашли нас склонившими колени на молитве господа. Они о чем-то посовещались между собой и выгнали нас из города, ударяя крепкими прутьями. Видит бог, что мы не вкушали пищи 70 дней. И, перекрестившись во имя отца и сына и святого духа, мы много дней шли по дороге на восток. Через 40 примерно дней мы оказались в месте, где росли плодородные деревья, прекрасные видом и отличные вкусом своих плодов, которых было на них великое изобилие, и, прославив господа нашего Иисуса Христа, поели и насытились от тех плодов, а оттуда пришли в страну песиголовцев. Когда мы проходили по их земле, песиголовцы, видя нас, дивились и глядели во все глаза, но зла не причиняли. Нагие, они сидели с женами и детьми, и каждый, подобно диким зверям, имел под скалой логово. Мы же, идя по дороге на восток, через сто дней или более пришли в некую страну обезьян, где ничего не видели, кроме обезьян. При нашем приближении они убежали от нас, и мы восславили господа, избавившего нас от их пасти. И потом мы пришли на высочайшую гору, где не светило солнце, и не было деревьев, и не росла трава, а были лишь одни ядовитые гады, и слышалось шипение их, и скрежет зубовой аспидов змей и ехидн, ярящихся друг на друга, и буйволов, и василисков. Мы встречали множество других зверей, имен которых не умеем назвать, и видели единорогов, онокеш-тавров,¹² леопардов и всех прочих, сколько их есть на земле, и восславили господа, избавившего нас от их пасти и укреплявшего на всем пути. На четвертый день нашего странствия мы услышали свист гадов и заткнули уши, не в силах вынести свист их. Но по божьей воле гады нас не тронули. И мы миновали ту гору, и вновь оказались на огромной

пустынной горе, где ни один след не указывал, что там когда-либо были люди. Проведши здесь 60 дней и обдумывая, что делать, мы молили бога спасти нас от великой крутизны той, и вот могучий олень предстал нам и, забегая вперед нас, издавал мычание, а мы следовали его голосу, и пришли к другим кручам, и претерпели страшные и великие опасности, и, в трепете спустившись с высот, с трудом достигли равнины. Там паслись необозримые стада слонов. И мы прошли по равнине той среди слонов, которые не причинили нам вреда, и сбились с дороги. И, помолвившись богу, мы пошли, не вкушая, видит бог, никакой пищи. Через 70 примерно дней, чтобы сказать коротко, мы снова вышли на гладкую равнину, густо поросшую деревьями с чахлыми плодами, ибо в месте том не было света, а только темный туман. Поставив там, мы подняли рыдание и великий плач, потому что не было нам ни пути, ни света. Мы плакали семь дней, и вот перед нами стала летать голубка, и села на высокое место, и снова вспорхнула, и залетала перед нами; мы же в ликовании восславили господа и, следуя за ней, увидели арку, на которой было написано: «Эту арку воздвиг Александр, македонский царь, когда от стен Карфагена до мест сих, как дикого зверя, гнал перса.¹³ Это — область темной мглы, которую он прошел. Желаящий проникнуть далее, да пойдет влево, ибо все воды земные истекают с этой стороны. Если пойдет на шум вод этих, выйдет к свету; направо же одни горы, кручи и превеликое озеро, кипащее гадами». Когда мы прочли надпись на арке Александра, мы воспрянули духом и восславили господа, повсюду спасающего нас, и возрадовались, и пошли влево от арки. Через сорок дней пути на нас повеяло удушающим смрадом, и мы едва не умерли от этого зловония, и каждодневно молили бога сохранить нам жизнь. Нас одержала неслыханная беда, ибо послышался громкий шум, словно от ржания множества коней. Пройдя немного, мы неожиданно увидели перед собой превеликое озеро, кипащее змеями, так что воды его из-за змей не было видно, и рыдание, и плач, и вопль великий, как от толпы людской, исходил из вод озера, и мы услышали глас с неба, говорящий: «Се воды судные и се — отрекшиеся господа». И в великом страхе мы миновали то судное озеро. После многих дней пути мы пришли в некое место, и там были две высокие горы. И мы поглядели на эти горы, и увидели посреди них мужа ростом в двадцать локтей.¹⁴ И был он по всему телу связан восьмью медными веригами, и четыре были прикованы к правой горе, четыре к левой, и вокруг того мужа пылало пламя, и голос его слышался чуть ли не за тридцать миль. И, увидев нас, муж тот начал плакать, и стелать, и биться головой оземь. Он весь обгорел в пламени, так что на нем не было ни одного волоса, мы же от страха и ужаса закрыли лица свои и прошли меж тех двух гор. Большой страх и великий ужас одержали нас. Пять дней мы шли и еще слышали его стелания. И снова оказались в высоком месте, и была там глубокая яма, и некая

жена с распущенными волосами стояла над ней, и большая змея обвилась вокруг нее от ног до самой шеи. И когда жена открывала уста свои, чтобы говорить, змея вонзала в них свое жало. Волосы у жены досягали земли. И другой несказанно странный голос, точно гул большой толпы, исходил из глубины ямы: «Помилуй нас, господь, сын всевышнего бога, помилуй нас». Мы в страхе сказали: «Господи, скончай нашу жизнь в месте сем, ибо глаза наши видели удивительные и дивные тайны и великие судилища на земле». И когда с рыданием и плачем мы миновали то место, скоро пришли в некое другое, где высилось могучее дерево, видом сходное со смоковницей, и была там тьма птиц, видом подобных воробьям, голос же у них точно человеческий, и все они одновременно кричали: «Отпусти нам, господь, отпусти нам, милостивый боже, хотя мы погрешили перед тобой паче всего земного сотворения». Мы же, смиренные, видя эти ужасные и дивные знамения, были в великом страхе и молили бога, чтобы показал нам свершение тайн сих. И тотчас земля разверзлась перед нами и голос, исходящий оттуда, сказал: «Вам не дано узнать эти тайны, идите дорогой своей». И мы миновали место это с трепетом и снова пришли в место ровное, страшное и славное. И вот там стоят четыре пречестных мужа, облик которых был неизречен. Перед этими святыми мужами были сверкающие мечи, смола и сера, а кругом змеи и ехидны, и те четверо святых мужей имели на головах венцы из золота и перлов и в руках своих держали золотые награды за состязание. Увидев их, мы пали на землю и громко закричали: «Помилуйте нас, небесные мужи, чтобы не коснулись нас эти мечи и пламя, исходящее от гадов». И они ответили нам, говоря: «Ступайте с миром дорогой своей, которую начертал вам господь, и ничего на ней не страшитесь — они не имеют власти над вами, ибо мы сторожим их до того дня, пока господь не придет в мир сей». Услышав от них эти слова, мы издали им поклонились и, восславив бога, ушли оттуда в страхе. И снова шли сорок дней, не вкушая ничего, кроме воды, и вдруг до нас донеслись песнопения, словно пела большая толпа, и сладостный запах благовоний, и мы почувствовали дух драгоценного мирра. И от звука этих песнопений и от благовония нас стало клонить в сон, так что мы заснули, и тогда уста наши усладились нежданно слаще, чем сотовым медом. Пробудившись, видим храм великий из хрусталя и в середине его престол и источник, струящий как бы молоко, который течет из-под того престола, и мы подумали, что подлинно это молоко; и мужи страшные и досточудные стояли вокруг источника и пели ангельские песнопения и херувимские напевы. И, увидев их, мы от страха замерли, как мертвые. Но один из стоявших, святой муж с благолепным ликом, взглянув на воды того источника, сказал нам: «Се источник бессмертия, который для праведников, чтобы вкусили от него». Мы же, услышав это, восславив бога и того святого мужа купно со всеми, кто был с ним, и в великом страхе и ликовании миновали место то, ничего

не вкушая, видит бог, ибо уста наши от сладости благоухания того мирра и воды на три дня слепились, как от аттического меда. И снова пришли в некое место, где текла большая река, и, напившись из нее, мы стали сыты и прославили господа нашего. И в шестой час полуночного зноя мы стояли возле устья этой реки, обдумывая, что нам делать. И от реки этой исходил свет вдвое сильнее земного, и мы взглянули на четыре страны земли и неба. И там дули ветры не такие, как дуют здесь. Ибо ветры имели иное дуновение; западный был зелен, восточный подобен цвету желудя, ветер от полуночи золот, как чистая кровь, а полуденный снежно-бел.¹⁵ И звезды небесные были светлее, и солнце то было седмицею жарче этого, и деревья те больше, краше и густолиственнее — одни приносили плоды, другие были бесплодны — и горы те выше и краше, и вся земля та двубразна: частью огневидна, частью бела, как молоко. И всякий род птиц там не похож на здешних. Сто дней мы оставались тут, не вкусив, видит бог, ничего, кроме воды той. И внезапно — не знаю, откуда — стеклась к нам неисчислимая толпа мужей, жен и детей; одни были обычного роста, другие карлики. Мы, увидев их, задрожали от ужаса и, весьма страшась, чтобы они нас не пожрали, стали обдумывать, что делать. Брат Сергей говорит: «Вот, братья, растреплем волосы, чтобы показаться лохматыми, и бросимся на врагов, и они либо побегут от нас, либо пожрут нас». Мы так и сделали. И, увидев нас, те побежали, скрежеща зубами и хватая детей своих, и мы переправились через ту реку, и пошли туда, где они обитали, и увидели там белую, как молоко, траву, вкус которой был, как у медового сота. Трава поднималась над землей на локоть, и мы поели той травы, и насытились, и вид наш стал другим, и сила укрепилась, и мы восславили всевышнего, каждодневно питающего и путеводящего нас. И снова мы шли 18 дней, не зная дороги. По устройению божию видим вдруг торный путь и с виду обитаемую пещеру и, идя много дней по тому торному пути, оказываемся у пещеры святого Макария. И была та пещера украшена, как святой храм. Тогда мы, помолвившись, перекрестились и пожелали войти внутрь, но никого там не нашли и стали раздумывать в душе своей и говорить: «Эта лепота — дело рук человеческих, но подождем до вечера и посмотрим, что будет». Когда мы малое время посидели, вдруг пещера наполнилась благоуханием мирра, и благоухание то коснулось нашего обоняния, так что нас стало клонить в сон, и мы заснули. И когда пробудились, вышли из пещеры той и, поглядев на восток, увидели страшного мужа, вместо одежды прикрытого белоснежными волосами, ибо воистину возвращался Макарий. Волосы его головы от времени стали так длинны, что закрывали все тело. Когда святой шел к пещере, он издали почувял запах наш, и пал на земь, и начал кричать, заклиная нас: «Если вы от бога, подайте знак, если от диавола, отступите от меня, смиренного и грешного». И мы закричали, говоря: «Помилуй нас, святой отец, мы — рабы божины и отреклись диавола». Тогда он идет к нам и, простерев руки к небу

и помолившись господу богу, благословляет нас и, откинув волосы, закрывающие ему лицо и бороду, стал беседовать с нами. И были его волосы белы, как снег, так что нас ослепило сверкание их. И мы увидели лик его, и от великой старости очей его не было видно, ибо брови нависли над ними и скрыли очи его, а ногти на руках и на ногах его были длинной с локоть и более, усы же закрывали уста, спускаясь на подбородок. Поэтому, когда он говорил нам, казалось, что кто-то говорит из ямы. И мы увидели его загрубевшее тело, и было оно точно кожа черепахи. И святой спросил нас, откуда мы и зачем пришли сюда. И мы рассказали ему все, что с нами было, и что мы хотели дойти туда, где кончается небо. Святой Макарий, отвечая, сказал нам: «Дети мои, никому из рожденных от женщины нельзя идти дальше места сего и узнать или представить в мысли чудеса господни и силу. И я, грешный, много ревновал о том и тщился пойти, и ночью предстал мне некто, говоря: „Не хоти испытывать создателя своего, ибо ты не сможешь достичь сего места“. И я сказал: „Почему, владыка?“. И он говорит мне: „В двадцати примерно милях оттуда стоят две стены, железная и медная, а внутри рай, где когда-то пребывали Адам и Ева, а выше рая на востоке кончается небо. Подле рая господь нарядил херувимов и пламенный меч, обращающийся охранять дорогу к древу жизни.¹⁶ Херувимы видом таковы: с ног до пупка — люди, грудь у них львиная, а голова не львиная, руки из кристалла держат пламенные мечи, и херувимы охраняют путь туда, чтобы никто не смел взглянуть далее из-за сил,¹⁷ пребывающих там. Ибо все страшные силы и могучие ангелы, которые за пределами неба, обитают там, и небесные пояса стоят там, где небо кончается“». Выслушав того божьего человека, поведавшего нам реченное ему в видении, мы утрастились великим страхом и, пав на землю, восславили бога и сотворили хвалу святому Макарию за то, что он открыл нам все чудеса божии. И настал вечер, и он говорит нам: «Удалитесь мало от места сего, ибо из вечера в вечер приходят ко мне двое прислужников, и я боюсь, как бы нежданно увидев вас, они, пораженные удивлением, не причинили вам вреда». Мы подумали, что святой говорит о людях, ибо обличем отличались от него, но — вот два льва прибежали из пустыни и, пав к его ногам, рыком своим приветствовали святого, а мы от ужаса упали на землю и не могли вымолвить ни слова. И святой возложил на них руки свои и говорит им: «Добрые мои дети, к нам пришли путники людского племени, не причиняйте им вреда, ибо они — рабы божии». И, позвав нас, он сказал: «Братья, без страха приблизьтесь к нам и сотворим вечернюю молитву». И, когда мы в испуге подошли к святому, оба льва побежали к нам навстречу, и кому облизали ноги, кому, когда он творил поклоны, голову, и, как наделенные разумом люди, согнули лапы свои, и легли у ног наших. Мы же принесли хвалу богу, усмирившему их, и, возложив на них руки, благословили их. По совершении ночного песнопения мы покоились в течение

всей ночи. На следующий день мы говорим святому Макарию: «Скажи нам, честной отец, а как ты оказался здесь?». Он отвечает, говоря: «Склоните, братья, слух ваш к речам моим и услышьте от меня, как я, смиренный, пришел сюда. Я — сын некоего Иоанна, римского синклитика; ¹⁸ он сыскал мне жену без моего ведома и против воли моей устроил свадьбу. И вечером, когда молодых собирались закрыть в брачном покое и все водили хороводы, никем не замеченный я, крадучись, вышел, будто к тому побуждал меня желудок, и в доме одной вдовы укрывался семь дней, в течение которых незабвенная та старица приносила мне вести из дому и рассказывала о том, как оплакивали там мое исчезновение. Затем на рассвете осьмого дня еще впотьмах я, славя бога, покинул дом вдовы. Господь, не оставляющий никакого человека, но простирающий длань свою к тому, кто призывает имя его, послал в образе старца-странника, сопутствующего мне, ангела своего Рафаила, и я спросил его: „Куда идешь, отец?“. Он говорит: „Куда ты намереваешься идти, туда пойду и я“. Я сказал: „Владыка, выведи меня к дороге жизни“. И я шел за ним и по его приказу брал в селениях пропитание. И мы вместе прошли весь путь, и принявший вид старца и путеводящий меня открыл мне, что он — ангел божий. Три года шли мы до назначенного места, где положили отдохнуть, и заснули в месте том. И вот я проснулся, и не нашел своего старца, и начал плакать и печалиться, и тотчас он предстал мне, говоря: „Я — Рафаил, архангел господень, кто по божьей воле в образе старца привел тебя сюда. Не печалься и не страшись, а восславь господна своего в день сей. Ибо ты миновал мрак и узрел все чудеса господни, и суд над грешниками, и места праведных, и источник бессмертия и пришел к свету жизни“. И, сказав это, Рафаил, ангел господень, скрылся с моих глаз и исчез. Я же продолжал свой путь, и тотчас навстречу мне вышла дикая ослица, которая паслась на лугу, и, закляв ее, я говорю: „Ради создателя твоего, укажи мне людское жилье“. И тотчас она остановилась, и заревела, и пошла впереди меня, а я следовал за нею в течение двух дней. И теперь навстречу нам вышел высокий олень, и дикая ослица, увидев оленя, ушла восвояси, и теперь олень путево-дил меня в течение трех дней. И вот теперь навстречу мне ползет змей. И олень, увидев его, ушел, и я, испугавшись этого змея, стал заклинать его, чтобы он не тронул меня. И змей, поднявшись на хвосте своем, от-верз пасть свою и заговорил человеческим голосом: „Благо, что ты пришел сюда, раб божий Макарий — уже двенадцать лет ждет тебя эта гора. Ибо вот и дом я построил для тебя по велению архангела Рафаила — ведь ты Макарий, о котором он предрек мне, и словесно начертал лик твой, и поступь твою, и разговор твой, и вот я узрел тебя сегодня. Десять дней я ожидаю тебя, не отходя отсюда ни ради еды, ни ради питья, и сей вечер видел тебя сидящим на сверкающем облаке, и мне был голос: „Встань, прими раба божьего Макария“. Теперь последуй мне, и взгляни на место твое, и восславь господна“». И, сказав

это, змей, если я смотрел на него, шел впереди меня, будто юноша. И когда мы пришли, он подвел меня к входу в пещеру и тотчас исчез с глаз моих. Я увидел в пещере мертвую львицу и детенышей, скулящих под брюхом ее, не находя в сосцах молока. И, взяв обоих детенышей, я вскормил их соком плодов, точно собственных моих детей, а мать их вынес из пещеры, и предал земле, и стал славить человеколюбца бога.

И пока мы беседовали со святым, вот прилетел ворон и опустился рядом с нами, держа в клюве своем половину хлеба, и положил ее перед нами, и улетел. Старец сказал нам: «Теперь я знаю, что бог не оставил вас, но вместе со мной послал пропитание и вам. Ибо до сего дня птица эта вот уже много лет доставляет мне от единого всемогущего бога пропитание — каждый день половину хлеба. Поедим, и я поведаю вам свои прегрешения». После того как мы сотворили молитву и насытились едой, он начал нам рассказывать: «Когда я прожил здесь, дети мои, двенадцать лет, и вышел однажды около седьмого часа, и сидел с львятами, сатана стал испытывать меня. И вот он претворился в женский платок,¹⁹ весьма богатый и дорогой, подобно лоскуту, лежащий на земле у меня под ногами. А я, несчастный, в ослеплении рассудка ничего не сознавал и, увидев платок этот, поднял и принес в пещеру, и гадал про себя, откуда он здесь. И на следующий день вышел и снова нахожу другую вещь, принадлежащую женщине, поднял и эту, и положил вместе с первой, и снова в ослеплении своем не осенил себя крестным знамением. На третий день, выйдя поутру помолиться богу и не перекрестившись, дабы честным крестом как-нибудь охранить себя от греха, снова я вижу диавола в новой личине. И вот женщина неопишущей красоты, украшенная богатой одеждой и золотом, сидит на камне и так горько плачет, что и меня она заставила заплакать. И я сказал ей: „Как ты оказалась здесь?“. И она говорит мне: „Я — несчастная женщина по имени Мария, дочь римлянина. Родители заставили меня вступить в брак, а я, не желая сблизиться с мужем, тайно от веселящихся и от жениха, никем не замеченная, бежала из брачного покоя, и без пути блуждала по пустыням и горам, и вот пришла сюда, и не знаю, куда мне идти“. Я же, жалкий, был еще ослеплен и поверил в то, что она мне говорила, искусно обманывая жалкую мою душу, и за руку ввел ее в пещеру эту, и сочувствуя ей, дал поесть от плодов этих, чтобы она не умерла с голоду. Она продолжала плакать, и душа моя была бездыханна, и, ослепленный, я не осенил себя крестом. Когда наступил вечер, я, хотя и был ослеплен, сотворил обычную молитву и, окончив вечернее песнопение Христу, лег на землю, чтобы немного отдохнуть. Едва я, несчастный, заснул, женщина тотчас подходит ко мне и, открыв одежду мою, прикасается рукой ко всему телу моему, и во сне я испытывал великое отягчение. Но я, несчастный, еще не подозревал грозящего мне зла и, то ли ослепленный, то ли лишившись рассудка, с того самого часа стал влечься ко греху, и пожелал

смешаться с ней во грехе, так как возжелал ее, а женщина та вдруг исчезла с глаз моих. И я, несчастный, сомневаясь умом, навзничь лежал на земле как бы после глубокого сна и, когда освободился от диавольского соблазна, и пришел в себя, и сознал свой позор, вышел из пещеры, громко плача. А львы эти не подходили ко мне в течение десяти дней и не повиновались мне, зная о позоре и прегрешении моем. Я, несчастный, издали увидев их, слезно попросил львов пойти со мной в глубину пещеры этой и вырыть там глубокую яму. И они вырыли своими когтями глубокую яму в два человеческих роста, и я лег в нее, и пять дней лежал, плача и призывая их засыпать и забросать меня землей. И они, плача, как люди, засыпали меня, и я пролежал так три года, и весь стал перстью земной, и не умер, только потому что господь был моим заступником. Через три года приключается великая буря, и по изволению божию пещера расселась над самой моей головой, и потоки дождя открыли лицо мое и трещину наверху пещеры, и я увидел свет и восславил человеколюбца бога,²⁰ смывшего страшное мое прегрешение по воле господя, сказавшего: „Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию“.²¹

Мы, смиренные, выслушав это из уст того святого мужа, изумились и восславили бога, и вот являются вдруг из пустыни два льва, о которых была речь, и, возложив на них руки, святой благословил их, и они пали на землю и приветствовали нас. И говорит нам воистину Макарий: ²² «Возложите руки свои на них». Мы сказали святому: «Благослови нас, святой и честной отец, чтобы, вернувшись в мир, мы поведали о тебе и возвестили о святом твоём житии». И, помолившись за нас и обняв, он поручил нас богу, чтобы господь хранил нас и был наш вожатый, и дал нам для безопасности в дороге львов, и с божией помощью они провели нас по всему пути невредимыми, и вывели к пределам мрака, и вновь мы увидели арку Александра. И, склонив свои головы, оба льва приветствовали нас и возвратились к святому. Человеколюбец бог сохранил нас от всех неверных, и мы достигли персидского города, называемого Ктесифонт, и, переправившись через реку Тигр, увидели христиан, и на их расспросы открыли им тайны, которые мы видели во время хождения нашего, и рассказали о житии святого человека того, и об остальных 55 днях нашего странствия. И, войдя в святой град Иерусалим, поклонились святому воскресению и прочим святым местам, а потом по милости божией вернулись в монастырь наш и поклонились всем братьям, которых застали там, и святому игумену нашему Асклипию, и поведали им все, что с нами было. Отцу и единородному сыну и святому духу слава и сила и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ИОАНН МОСКХ «ЛУГ ДУХОВНЫЙ»

51

Аназарв — главный город второй Киликии.¹ Милях² в двенадцати от него расположена лавра, называемая Египетской. Тамошние отцы рассказали нам, что пять лет назад в их лавре скончался старец по имени Юлиан. Они поведали также, что около семидесяти лет Юлиан провел в тесной пещере, не владея ничем, принадлежащим к веку сему, кроме платья из козьей шерсти, плаща, евангелия и деревянного кубка. А еще отцы сказали, что во все время жизни своей старец не зажигал светильника и по ночам небесный свет озарял пещеру и позволял ему при чтении различать буквы.

60

Во время пребывания нашего в Александрии один христоробивый человек рассказал нам следующее. Некая монахиня, говорил он, жила в своем доме, вела затворническую жизнь¹ и, заботясь о душе своей, проводила время в постоянной молитве, посте и бдении, а также щедро подавала милостыню. Но диавол, вечно воинствующий против рода человеческого, не могши видеть такую добродетель девушки, наслал на нее напасть — он внушил одному юноше сатанинское влечение к ней. Юноша караулил ее перед домом. И вот когда монахиня хотела выйти и отправлялась из дома своего в церковь, чтобы помолиться, юноша преграждал ей дорогу, докучая и надоедая ей, как это свойственно влюбленным, так что вскоре монахине пришлось из-за этой беды не выходить из дому. Однажды она посылает к юноше свою служанку, велев ей сказать: «Пойдем, госпожа моя хочет тебя видеть». Юноша пошел к ней, радуясь, что добился своего. Монахиня сидела за ткацким станком. Она говорит вошедшему: «Садись». Усадив юношу, девушка говорит ему: «Почтенный брат, скажи, почему ты так преследуешь меня и не даешь мне выйти из дома?». Юноша сказал в ответ: «Потому, госпожа, что действительно сильно люблю и с тех пор, как увидел тебя, весь объят

пламенем». Она сказала ему: «Что же ты во мне находишь столь красивым, что так любишь меня?». Юноша говорит: «Глаза твои. Они ведь соблазнили меня». Когда монахиня услышала, что глаза ее соблазнили юношу, она схватила ткацкий челнок и выколола себе оба глаза. Подвигнутый тем, что монахиня лишилась из-за него обоих глаз, юноша удалился в Скит² и тоже стал рачительным монахом.

64

Однажды трое старцев посетили уже упомянутого пресвитера¹ авву Стефана. Пока они рассуждали о пользе духовной, он молчал. Старцы и говорят ему: «Ты нам ничего не отвечаешь, отец, а мы ведь пришли к тебе ради поучения». Тогда он говорит им: «Простите мне — я не слышал, о чем у вас была речь. Однако скажу, что могу. Ни ночью, ни днем я не вижу ничего, кроме распятого на кресте господа нашего Иисуса Христа». Получив это поучение, старцы удалились.

75

Этот же авва Палладий рассказал нам, когда мы посетили его в другой раз, такое: «Жил в Александрии некий христоробец, весьма богобоязненный, сострадательный и гостеприимный к монахам; была у него весьма смиренная жена, которая всякий день наблюдала пост, и дочь около шести лет. Однажды христоробец этот отправился в Константинополь; ведь он был купцом. И вот, оставив в доме жену, дочь и одного раба, он пошел в гавань. Перед тем как ему уйти, чтобы сесть на корабль, жена говорит: «Кому ты нас поручаешь, господин?». Муж отвечает ей: «Владычице нашей богородице».

Как-то, когда жена сидела за работой, а девочка была подле нее, раб по наущению дьявола решил убить женщину и девочку, взять их добро и бежать. И вот, принеся из кухни нож, он направился в столовую, где сидела госпожа его. Как только раб дошел до двери столовой, его поразила слепота, и он не мог добраться ни до столовой, ни до кухни. В течение часа он ударами понуждал себя двинуться с места и, наконец, стал кричать госпоже: «Пойди сюда». А она удивилась, что раб, не входя к ней, стоит в дверях и кричит, и говорит ему: «Лучше ты иди сюда», не зная, что он ослеп. Раб стал заклинать ее, чтобы она подошла, она же поклялась, что не подойдет к нему. Тут раб говорит ей: «Пошли мне хотя бы девочку». Она не сделала и этого, сказав: «Если хочешь, иди сам». Тогда раб, так как был совсем беспомощен, ударил себя ножом и рухнул замертво. Госпожа его, увидев, что случилось, подняла крик. Сбежались соседи, а вскоре пришли и люди из претории;¹ они застали раба еще живым, и все от него узнали, и прославили господу, явившего чудо и спасшего мать и дитя ее.

Авва Иоанн, игумен монастыря Гигантов, поведал нам, когда мы пришли к нему в Теополь,¹ также и следующее: «Недавно пришел ко мне какой-то юноша и сказал: „Бога ради прими меня. Я хочу покаяться“. Он говорил это с великими слезами. Видя, как юноша подавлен и опечален, я говорю ему: „Скажи мне, какова причина такого твоего сокрушения?“ Он говорит мне: „Поистине, авва владыка, я много грешен“. Вновь я говорю ему: „Верь мне, дитя, сколь ни много есть разных грехов, столь же много и целительных средств. Если хочешь получить исцеление, расскажи мне по правде свои проступки, чтобы я наложил подходящие для них наказания.² Ведь прелюбодей врачается так, убийца иначе, смешивающий яды — опять по-другому, для сребролюбца тоже свое средство“. Юноша стал громко жаловаться и бить себя в грудь — слезы и стенания завладели им — и от сильного смущения сердца он не мог говорить. Когда я увидел, что юноша в беспомощности и несказанной печали не может открыть свое страдание, я говорю ему: „Дитя, послушай меня, напряги немного ум свой, расскажи, что ты совершил, и господь наш Иисус поможет тебе. Ведь по неизреченному человеколюбию и безмерному милосердию своему он все претерпел ради нашего спасения — znalся с мытарями, не погнушался блудницы, не отверг разбойника, был другом грешникам, а затем принял крестную муку;³ радостно примет он в длани свои и тебя, если ты раскаяешься и обратишься, ибо не хочет смерти грешника, но, чтобы грешник обратился от пути своего и жив был“.⁴

Тогда, превозмогши себя и немного сдержав слезы, он говорит мне: „Я, авва владыка, исполнен всяческого греха и недостойн ни небес, ни земли: два дня назад я услышал, что дочь одного из первых людей в этом городе, еще девушка, умерла, и ее схоронили в гробнице поодаль от города и положили с нею множество одежд. Услышав это — ведь подобные нечестивые дела были мне знакомы — я пошел ночью к гробнице и стал снимать с девушки одежды, и снял все, что на ней было, не пощадив даже последнего хитона; я совлек и его и оставил девушку голой, какой она была при рождении. Когда я уже собирался выйти из гробницы, девушка вдруг приподнялась, вытянутой левой рукой схватила меня за правую и говорит мне: «Человек, зачем тебе было обнажить меня? Разве ты не боишься бога? Не страшиться грядущего суда и воздаяния? Разве не обязан чтить во мне мертвую? Разве не уважаешь нашу общую с тобой природу? Как же ты, будучи христианином, допустил, чтобы я нагой предстала пред Христом, не устыдившись, что я женщина? Разве не женщина родила тебя? Разве во мне ты не оскорбил мать свою? Какой ответ, несчастнейший из людей, ты дашь за меня перед грозным судом Христовым? Ведь пока я была жива, никто чужой не видел лица моего, а ты, когда я умерла и погребена, совлек

с меня одежды и увидел мое обнаженное тело. О человеческая природа, в какую бездну зла ты низверглась! С каким сердцем и с какими руками ты приступишь к святому телу и крови господу нашего Иисуса Христа?».⁵ Слыша и видя это, я устрасился и испугался и, весь дрожа, с трудом вымолвил: «Отпусти меня, более я такого не сделаю». Она говорит мне: «Когда захотел, ты вошел сюда, но отсюда ты не выйдешь, когда захочешь — эта гробница будет нам общей. Не надейся умереть сразу: после многодневных страданий ты в мучениях отдашь свою исполненную зла душу». Я же со слезами молил ее отпустить меня, клянясь всемогущим богом впредь отстать от этого нечестивого и незаконного дела. Тогда, после долгих моих просьб и слез, она говорит мне в ответ: «Если хочешь жить и избавиться от ожидающей тебя муки, дай мне слово, что, если я отпущу тебя, ты не только отступишься от этого своего позорного и гнусного ремесла, но сейчас же не медля отречешься мира, и станешь монахом, и покаешься в содеянном, и будешь служить Христу». Я поклялся ей, говоря: «Я сделаю не только, что ты мне сказала, но уже сегодня не вернусь в дом свой и прямо отсюда пойду в монастырь». Тогда девушка говорит мне: «Одень меня, как я была одета». Когда я ее убрал, она вновь упала мертвой. Тотчас я, несчастный грешник, вышел из гробницы и пришел сюда». Услышав это от юноши и укрепив его речами о покаянии и воздержании, я затем постриг его в монахи. Облаченного в иноческое одеяние, я затворил юношу в одной из горных пещер в городе, а он воздавал великую благодарность богу и с той поры подвизался о спасении души своей».

107

Примерно в миле от святой реки Иордан расположена лавра, зовущаяся лаврой святого аввы Герасима. Когда мы пришли в эту лавру, живущие там отцы рассказали нам об этом святом, что однажды, когда он шел по берегу святого Иордана, ему повстречался лев, который громко рыкал из-за того, что у него болела лапа. Он занозил лапу, и от этого она у него распухла и гноилась. Завидев старца, лев подошел и протянул ему больную лапу, в которой был терн; он плакал на свой лад и просил у старца помощи. А старец, увидев льва в такой беде, сел на землю, взял его лапу и, разрезав, вытащил занозу и выдавил много гною, затем тщательно промыл рану, обвязал ее тряпичей и отпустил зверя. А исцеленный лев уже не уходил от старца, но, как верный ученик, сопровождал его всюду, куда бы тот ни шел, так что старец дивился такой признательности его. И с тех пор авва Герасим стал кормить льва, давая ему хлеб и моченые бобы.

В лавре держали осла, чтобы возить на нем воду для братии. Ведь монахи пьют воду из святого Иордана, а от лавры до реки целая миля. Отцы обыкновенно поручали льву пасти осла на берегу святого Иордана.

Однажды, когда лев пас его, осел далеко отошел от него. А тут из Аравии приходят погонщики верблюдов; увидев осла, они угоняют его по пути восвояси. Лев, не уследив за ослом, вернулся в лавру к авве Герасиму очень опечаленным и угрюмым; авва решил, что лев съел осла, и говорит ему: «Где осел?». А тот, как человек, молча стоял, опустив голову. Старец говорит ему: «Ты съел осла? Благословен господь. Все, что делал осел, отныне будешь делать ты». И вот с той поры на льва по велению старца навьючивали короб с четырьмя кувшинами, и он возил воду.

Однажды на молитву к старцу пришел воин, и, увидев, что лев возит воду, и, узнав причину этого, пожалел его. И вот он вынул три номисмы,¹ и отдал старцам, чтобы они купили для этих нужд осла, а льва освободили от его повинности. Вскоре после того как лев был освобожден от доставки воды, погонщик верблюдов, который увел осла, снова пришел, чтобы в святом граде продать хлеб; захватил он с собой и угнанного осла. Переправившись через святой Иордан, он опять повстречал того льва. Увидев его, погонщик оставил своих верблюдов и убежал. Лев же узнал осла, бросился к нему и, как обычно, взяв в зубы его узду, утнал осла и вместе с ним трех верблюдов; с радостными криками, потому что нашел потерянного осла, лев пришел к старцу. Ведь старец думал, что лев съел осла. Тогда старец Герасим понял, что лев был неправо оклеветан. Он дал льву имя — Иордан. Вместе со старцем лев прожил в лавре пять лет, будучи всегда неразлучен с ним.

Когда же авва Герасим отошел к господу и был схоронен отцами, лев по устройению божию на тот раз не оказалось в лавре. Вскоре он вернулся и стал искать старца. Ученик старца и авва Савватий, увидев льва, говорят ему: «Иордан, старец наш оставил нас сиротами и отошел к господу, на вот поешь». Лев не захотел есть, но непрестанно обращал глаза то в одну, то в другую сторону, чтобы найти своего старца, громко кричал и не мог примириться с его кончиной. Авва Савватий и остальные отцы, глядя на льва и трепля его по спине, говорили ему: «Старец отошел к господу и оставил нас». Говоря так, они не могли утишить его криков и стонаний, но чем более, как им казалось, они врачевали и ободряли его словами, тем сильнее и сильнее лев продолжал плакать, тем громче становилось его надгробное рыдание, и голосом, обликом и глазами он показывал свою печаль о том, что не видит старца. Тогда авва Савватий говорит ему: «Ну, пойдем со мной, если не веришь нам, и я покажу тебе, где лежит наш старец». И, взяв льва, он привел его туда, где они похоронили старца. Могила была в полумиле от церкви. Когда они остановились над могилой аввы Герасима, авва Савватий говорит льву: «Вот старец наш». И авва Савватий преклонил колена. Лев, увидев, как авва высказывает свою печаль, стал, стаяя, сильно биться головой оземь и испустил дух тут же у могилы старца.

Это произошло не потому, что лев был наделен разумной душой, но потому, что бог пожелал прославить тех, кто прославил его, не только при их жизни, но и после смерти их и показать, каково было повинование животных Адаму до того, как он преступил заповедь Божию и был лишен райского блаженства.

185

В бытность нашу на острове Самос¹ боголюбивая и нищелюбивая Мария, мать кир² Павла кандидата,³ рассказала нам, что в городе Нисибисе⁴ жила одна христианка, муж ее был язычником. У них было пятьдесят милиарисий.⁵ Однажды муж говорит жене своей так: «Отдадим наши милиарисии в рост, чтобы получить с этого хотя бы малую прибыль — ведь, изводя один за одним, мы скоро растратим все». Жена говорит ему в ответ: «Если хочешь отдать их в рост, отдай христианскому богу». Муж говорит ей: «А где этот христианский бог, чтобы нам дать ему займы?». Она говорит мужу: «Я тебе его покажу, и ты не только не потеряешь деньги, но он заплатит тебе лихву и удвоит сумму, которую получил». Муж говорит ей: «Пойдем, покажи мне его и дадим ему займы». Она, взяв своего мужа об руку, ведет его в святую церковь. В нисибисской церкви пять больших дверей. И вот когда женщина привела его на паперть, где расположены эти большие двери, она показала ему на нищих, сказав: «Если ты отдашь им, то это христианский бог возьмет деньги. Ведь все они — его люди». Тогда муж этой женщины с радостью отдает нищим свои пятьдесят милиарисий и возвращается домой.

Через три месяца, когда у них вышли деньги, муж говорит жене: «Сестра,⁶ христианский бог не считает нужным отдать нам хоть часть своего долга, а мы в крайности». Жена говорит ему в ответ: «Ступай туда, где ты давал деньги, и бог с превеликой готовностью вернет их тебе». Муж бегом бросился в святую церковь. Оказавшись в том месте, где отдал нищим свои милиарисии, и обойдя всю церковь, он не увидел, как рассчитывал, никого, кто бы вернул ему долг, кроме нищих, опять сидевших там. И когда он раздумывал, к кому обратиться и с кого спросить, замечает, что на мраморных плитах под ногами у него лежит один большой милиарисий⁷ из числа тех, которыми он оделил нищих; человек этот наклоняется и, подняв монету, идет в дом свой. И говорит своей жене: «Вот я сходил в вашу церковь и, поверь мне, жена, не увидел христианского бога, которого, по твоим словам, должен был увидеть, и он мне ничего не вернул — только там, где я роздал пятьдесят милиарисий, я нашел на полу вот этот». Тогда достойная удивления женщина говорит ему: «Бог незримо вернул его тебе. Ведь незрим бог и незримой силой своей и дланью правит миром. Но ступай, господин мой, купи чего-нибудь, чтобы мы сегодня поели, а бог снова позаботится о тебе». Муж пошел и купил им хлеба, вина и рыбы. И, вернувшись,

дает жене. Она же, взяв рыбу, начинает ее чистить и, разрезав, находит во внутренностях предивный камень, так что женщина поразилась его красоте. Она не знала, что это за камень, но все же не бросила его. Когда возвратился муж ее и они стали есть, она показала ему камень, который нашла, говоря: «Вот какой камень я нашла в рыбе». Он же, взглянув, и сам был удивлен красотой камня, но тоже не знал его природы. После того как они поели, муж говорит: «Дай мне этот камень — я пойду и продам его, если удастся что-нибудь выручить». Ведь и муж ее, будучи, как я сказал, человеком простым, не знал, что это за камень. И вот он берет камень и отправляется к меняле. А тот был еще и серебряных дел мастером. Уже пришло время закрывать лавку (дело было вечером), и пришедший говорит среброделу: «Хочешь купить этот камушек?». Серебряных дел мастер, взглянув на него, говорит: «Сколько ты просишь?». Продающий камень говорит ему: «Дай сколько-нибудь». Тот говорит: «Хочешь пять милиарисий?». А продающий камень, решив, что меняла смеется, говорит: «Столько ты даешь за это?». Сребродел, думая, что пришедший ответил ему насмешливо, говорит: «Хочешь десять милиарисий?». Тот молчал в уверенности, что над ним опять подшучивают. Сребродел говорит ему: «Хочешь за него двадцать милиарисий?». Продающий молчал, ничего не отвечая. Когда серебряных дел мастер дошел до тридцати, а потом до пятидесяти милиарисий, клянясь, что заплатит такие деньги, пришедший, подумав, сообразил, что если бы его камень не был очень дорогим, сребродел не предлагал бы за него пятидесяти милиарисий. Меняла же, понемногу набавляя, посулил наконец триста больших милиарисий. Владелец камня согласился на это, и отдал камень, и в веселии возвращается к жене своей. Она, увидя его, спрашивает: «За сколько ты продал?». Она была уверена, что муж отдал камень за пять или десять фоллиев.⁸ Тогда муж вынул триста милиарисий, подал ей и сказал, что продал камень за эти деньги. Она же, подивившись доброте человеколюбца бога, говорит: «Вот, муж, сколь благ, великодушен и богат христианский бог: видишь, он не только вернул тебе, ссудившему его деньгами, пятьдесят милиарисий, но и лихву, спустя немного дней ушестерив то, что взял взаймы. Знай теперь — нет другого бога, кроме него, ни на земле, ни на небесах». Убежденный свершившимся чудом и на собственном опыте постигнув истину, человек этот тотчас принял христианство, восславил господя и спасителя нашего Христа с отцом и святым духом и исполнился величайшей благодарности к своей разумной жене, через которую ему было дано познать истинного бога.

ЖИЗНЬ И ДЕЯНИЯ АВВЫ СИМЕОНА, ЮРОДИВОГО ХРИСТА РАДИ, ЗАПИСАННЫЕ ЛЕОНТИЕМ, ЕПИСКОПОМ НЕАПОЛЯ КРИТСКОГО

Людам, стремящимся принять на себя честь наставничества, предложит поучать других собственным примером, являя собой образец добродетельной и угодной богу жизни, ибо по слову божию: «Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли отца вашего небесного». ¹ Да не тщатся наставлять, исправлять и путеводить других, прежде чем наставят самих себя и очистят, следуя заповедям Божиим, и забудут оплакать своего покойника ради заботы о чужом, ² и да сбудется на них истинное и о них реченное слово: «Кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в царстве небесном», ³ и еще: «Лицемер, вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего». ⁴ Потому тот, кто премудро записал деяния апостольские, говорит о великом и истинном боге, наставнике нашем: «... что Иисус делал и чему учил от начала». ⁵ И Павел, великий сосуд избранничества, укоряя римлян, написал: «Как же ты, уча другого, не учишь себя самого?» ⁶

Потому же, что мы не можем дать поучения на примере собственной праведности, ибо обременены грехом, рассказом о подвиге других, потрудившихся в поте лица своего, да дадим вам ныне брашно нетленное, которое укрепляет наши души для вечной жизни. Ибо хлеб поддерживает тело, а слово божие часто пробуждает душу к добродетели, особенно если кто малодушествует и пренебрегает житием по богу. Людам ревностным и мыслью своей стремящимся к богу для наставления довольно сознания, ведущего ко всему благовому и отвращающего ото всякого зла. Тем же, кто хуже их, надобен писанный закон. Если же кто уклонится и от первого, и от второго пути, ведущего к добродетели, подвигнуть его любить бога должно примером рвения других людей, который он воочию может увидеть и о котором может услышать, чтобы стряхнул с души своей сон, и ступил на крутую и трудную стезю, и в будущем обрел веч-

ную жизнь. От нас зависит и в нашей власти презреть ради грядущих благ преходящие блага сего мира или, наоборот, ради благ этого века лишиться неисчислимых благ.

Справедливость сказанного подтверждают прежде жившие угодники божии, люди по природе своей такие же, как мы, особенно же мужи в наши дни воссиявшие, подобно светильникам. Одним из таких светильников — и даже много славнее многих — был премудрый Симеон, ибо достиг столь великой чистоты и бесстрастия, что, пройдя через все, что для плотского и одержимого страстями человека является скверной, вредом и помехой в добродетельной жизни, праведник этот, подобно перлу чистому, не осквернился от грязи (я разумею его пребывание в городе, общение с женщинами и прочие мирские соблазны), желая воистину показать тем, кто слаб духом или выставляет свою слабость причиной того, что не ведет праведной жизни, власть свою над демонами зла, даруемую богом тем, кто всей душой ему служит.

Я прошу всех, слушающих или читающих рассказ этот об ангельском житии святого, внимать ему со страхом Божиим и приличествующей добрым христианам неколебимой верой. Ибо мы знаем, что люди неразумные и безрассудные подумают, будто мы уклоняемся от истины и поведем о вещах, достойных единственно смеха. Но внемлите рекшему: «Кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтоб быть мудрым»,⁷ и еще: «Мы безумны Христа ради»,⁸ и еще: «Потому что немудрое божие премудрее человеков»,⁹ дабы вы не усмотрели смешного в поступках этого подлинно подвижника, но дивились им сильнее и более, чем дивились избравшим иной род жития. Ибо после долгого подвига и не нуждаясь в наставнике, святой Симеон, как бывает во время сражения, когда все войско стоит и лишь некоторые воины, исполненные храбрости из-за силы своей, паче же из-за господней и из-за боевого оружия, которое при них, и из-за разнообразного и долгого воинского опыта, немногие из всего множества вступают в единоборство с противниками, доблестно свершив славное состязание, увидев, что одет броней духа, обретя власть против змей и скорпионов, угасив плотский огонь росой духа, отвратившись ото всей роскоши мира и славы мирской, словно от паутины (и что еще сказать?), как одеждой, облекшись снаружи и изнутри смиренномудрием, удостоенный усыновления по слову «Песни песней» о чистой и бесстрастной душе: «Вся ты прекрасна», говорит Христос душе, «Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе»,¹⁰ по зову господню точно на единоборство с диаволом вышел из пустыни в мир. Ибо считал несправедливым, чтобы столь почтенный от бога и возвеличенный, он презрел спасение ближних своих, но, помня слова: «Люби ближнего, как самого себя»,¹¹ реченные тем, кто не погнушался принять облик раба во спасение раба,¹² подобно господу своему, истинно положил душу и тело свое, чтобы спасти некоторых.¹³

Прежде всего следует рассказать вам о том, как святой Симеон покинул пустыню и вернулся в мир, затем о чудесах его и достопамятных подвигах. Когда царствовал святой император Юстиниан,¹⁴ в праздник честного воздвижения креста сходились в святом граде¹⁵ христолюбивые люди, чтобы по обычаю поклониться святым местам. Ведь все, кто идут туда на поклонение, знают, что в святой и превеликий этот праздник собираются там чуть ли не со всей земли крестолюбивые и христоносные толпы. По устройению божию в этот преславный праздник повстречались двое юношей родом из Сирии. Одного звали Иоанн, а другого звали Симеон. Спустя немного дней, когда святой праздник божий кончился, каждый стал собираться восвояси. С тех пор, как оба эти юноши встретились и полюбили друг друга, они уже не разлучались. Потому на возвратном пути они пошли вместе, а с ними и родители их. У Иоанна был старик отец, матери не было, и во время то был он женат и имел от роду около 22 лет. У Симеона отца не было, а одна старая мать около 80 лет и никого более. И вот все они шли вместе и, когда спустились в долину Иерихона¹⁶ и миновали город, Иоанн видит вокруг святого Иордана монастыри и по-сирийски говорит Симеону: «Знаешь, кто живет в этих домах, что против нас?». Тот говорит ему: «Живут какие-нибудь люди». Иоанн говорит: «Ангелы божии». Симеон, удивившись, говорит ему: «А их можно увидеть?». Тот говорит ему: «Только, если станем одними из них». Оба юноши ехали верхом, ибо родители их были весьма многоимущи. И вот, тотчас спешившись, они отдали коней рабам своим, сказав: «Идите вперед». Ведь они показали вид, будто нужно им присесть, а оказались по воле случая на одной из боковых дорог к святому Иордану. Юноши остановились, и Иоанн, указывая пальцем, говорит Симеону: «Вот дорога, ведущая к жизни», и он показал ему дорогу к святому Иордану, «а вот дорога, ведущая к смерти», и показал на главную дорогу, по которой прошли родители их. «Помолимся, и каждый пусть станет на одной из этих дорог, и кинем жребий, и пойдем по той, что укажет жребий». И они преклонили колени и, вздохнув, сказали: «Боже, боже, боже, хотящий спасти весь мир, яви волю твою рабам твоим». Они бросили жребий, и Симеону выпала десятка, а стоял он на дороге, ведущей к святому Иордану. Тогда юноши возликовали и, забыв, как забывают сон, обо всем, что они имели, и о родителях, обнялись и облобызались. Они свободно владели греческим языком и были украшены великой разумностью.

Обо всем этом святой Симеон рассказал в Эмесе,¹⁷ где он юродствовал, одному человеку, диакону святой вселенской церкви этого же города Эмесь, мужу предивному и исполненному добродетели, который по присущей ему благодати божией прозрел подвиг старца Симеона и которому блаженный тот Симеон явил страшное чудо; о чуде этом мы поведаем в своем месте. Сам упомянутый этот боголюбивый Иоанн, исполненный добродетели диакон, рассказал нам обо всей жизни премуд-

рого, призывая господа в свидетели, что ничего от себя не прибавил к рассказу, но скорее за давностью времени многое забыл.

И вот, по словам его, когда Симеон и Иоанн избрали дорогу, истинно приведшую их к жизни, оба в ликовании бежали, как Петр и Иоанн к животворящему гробу господню,¹⁸ побуждая друг друга рвением своим и готовностью. Ибо Иоанн страшился, как бы жалость к матери не остановила Симеона, а тот опасался, что любовь к молодой жене, подобно камню магниту, притянет к себе Иоанна. И с того часа каждый наставлял и просил другого. Один говорил: «Не малодушествуй, брат Симеон. Ибо мы уповаем на бога, что сегодня возродились. Разве есть нам польза в день суда от суетных благ мира сего и богатства — скорее они принесут вред. Ведь молодость и красота нашего тела вечно не останутся неуязвимыми — их в свое время сгубит и потушит старость или до срока наступившая смерть». И на эти речи Иоанна и многие им подобные Симеон отвечал, умоляя его о том же и говоря: «Нет у меня, брат мой Иоанн, никого, ни отца, ни братьев, ни сестер, кроме той смиренной старицы, матери моей. Не столь смущает меня великий труд, сколь страшит сердце твое, как бы любовь к молодой жене не свела тебя с благого этого пути».

Обмениваясь такими и многими подобными речами, они приходят в монастырь, зовущийся монастырем аввы Герасима. Ибо такова была молитва их: «Господи боже, в том монастыре, где тебе угодно, чтобы мы отреклись мира, пусть мы найдем двери открытыми». Так оно и случилось. В этом монастыре был досточудный муж, звавшийся Никон, жизнь которого подлинно соответствовала имени его.¹⁹ Ибо он побеждал всякую вражью силу, прославился чудесами и знамениями и от бога был почтен даром провидения. Предузнал он и приход этих блаженных, ибо в день их прибытия во сне явился ему некто и говорит: «Встань и отопрй дверь овчарни, чтобы вошли овцы мои». И он сделал так. Придя, Симеон и Иоанн нашли дверь открытой и сидящего в ожидании их авву, и Иоанн сказал Симеону: «Нам добрый знак, брат мой, вот дверь открыта, и сидит при ней привратник». Когда они приблизились, игумен говорит им: «В добрый час пришли вы, овцы христовы», и тут же говорит Симеону: «В добрый час ты пришел, юродивый; истинно десятка твоя победила и десятка ожидает тебя». Он разумел совершенство монашеского подвига.²⁰ Приняв пришедших как посланных ему самим богом, игумен уложил их спать. И на следующий день стал говорить им, как бы по вдохновению божию, прежде чем они что-нибудь сказали ему: «Блага, блага и достойна любовь ваша к богу, если только не дадите врагу спасения вашего угасить ее. Благо путь ваш, но идите вперед, пока не будете увенчаны. Блага цель ваша, но бдите, чтобы не остыло пламя, горящее в сердцах ваших сегодня. Благо, что вы предпочли вечное преходящему. Благо — родители ваши по плоти и благо служить им, но несравненно большее благо угождать отцу небесному. Благо — кровные братья, но

братья духовные важнее. Благо — друзья во Христе, которые есть у вас в миру, но большее благо, когда друзья ваши — святые и угодники божии. Благо — в трудный час заступники ваши пред лицом сильных, но это не то, что иметь святых ангелов, молящих за вас. Благ и достохвальны деяния богача и благочестивая забота о нищих, но не этого приношения ждет от нас господь, а чтобы принесли ему души свои. Сладостно вкушение благ мирских, но оно не сравнится с райским блаженством. Мило и желанно большинству из людей богатство, но оно не сравнится с тем, „не видел чего глаз, не слышало ухо, и не приходило что на сердце человеку“.²¹ Мила красота юности, но она ничто по сравнению с красотой небесного жениха Христа, ибо Давид речет: „Ты прекраснее сынов человеческих“.²² Славно ратоборствовать за царя земного, но скоротечна такая служба и полна опасностей».

Такими и подобными речами наставлял их святой и не прекращал поучать, видя, как от глаз юношей струят ручьи слез. Ибо они внимали ему, словно никогда прежде не слышали слова божиего. Игумен снова оборотился к Симеону и говорит: «Не скорби и не оплакивай седин почтенной матери своей, ибо много более, чем сам ты, ее может утешить бог, умилостивляемый твоими подвигами. Ибо, если б ты пожелал не оставлять мать до кончины ее, как знать, не ушел ли бы ты сам из жизни ранее нее, чуждый добродетелям и не имея заступника, могущего избавить тебя от грядущих зол. Ибо ни любовь матери и отца, ни толпы братьев, ни богатство, ни слава, ни брачные узы, ни привязанность детей не могут смягчить судию, а только добродетельная жизнь, труды и подвиги во славу божию». Затем он сказал Иоанну: «Сын мой, пусть враг душ наших не нашептывает тебе: „Кто будет покоить старость родителя моего? Кто утешит жену мою? Кто осушит их слезы?“». Ибо если б вы поручили близких своих одному богу, а пошли служить другому, справедливо было бы тревожиться, призрит ли он на них и утешит ли. Вы же, прибегнув и посвятив себя тому, которому вверили их, должны быть спокойны и рассуждать так: „Если бы мы пребывали в мире сем и рабствовали жизни, благодать божия устроила бы все; сколь же более бог будет печься о наших домах ныне, когда мы удалились, чтобы от всего сердца служить ему и угождать?“». Итак, дети, помните слова господа, сказавшего: „Позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего“; „предоставь мертвым погребать своих мертвецов“.²³ Не колеблясь мыслью и не смущаясь сердцем, последуйте ему. Почему? Ибо даже, если земной этот и смертный царь призовет вас, желая сделать патрикиями или кувикюляриями²⁴ земного и бренного своего дворца, преходящего как тень и как сон, разве не пренебрежете вы всеми, кто у вас есть, и без раздумий тотчас не пойдете к нему, чтобы насладиться почестями его, ликом его и речью его, и готовы будете принять всякий труд, всякое бремя и даже смерть ради одного того, чтобы удостоиться узреть день тот, когда царь в присутствии всего своего синклита примет

вас, возьмет к себе на службу и одарит?». Когда оба они подтвердили справедливость этих слов, великий Никон сказал: «Нам, дети, верным рабам его, должно с большей ревностью и сознанием своей греховности последовать бессмертному и вечному царю царствующих и идти за ним, помня о любви к нам, которую бог явил, не пощадив ради нас сына своего единородного, отданного им ради всех нас. Так что, если мы, искупленные из погибели и смерти святой его кровью и ставшие родными сынами его, даже прольем нашу кровь, то и этот дар будет неравноценен, ибо кровь царя, братья, это не кровь раба».

Такие и подобные речи говорил им этот богоносный муж, все предзнавший и от бога предуведомленный о предстоявшем им подвиге и жизни, я разумею уединенную и весьма суровую отшельническую жизнь. Ибо он не считал ее ни легкой, ни проводимой многими и всегда скончаемой без укоризны, особенно видя нежное тело, дорогие одежды и юность, возвращенную в роскоши и привыкшую ко всяческой праздности и соблазну. И вот этот мудрый врачеватель и наставник, по присущему ему божественному ведению и опыту вооружив Симеона и Иоанна подобными примерами и поучениями и наставив, снова говорит им: «Хотите сейчас постричься или еще несколько пробыть в сегодняшнем мирском своем платье?». Как по слову, вернее, по внушению святого духа, оба пали в ноги игумена, прося его тотчас и не откладывая постричь их. И Симеон сказал, что, если он сейчас же не сделает этого, они уйдут в другой монастырь, ибо был он прост и нелукав. Иоанн был мудрее и владел большим знанием. Святой Никон тут же, отведа каждого по отдельности в сторону и желая испытать, готовы ли они ради господя отречься мира, сказал одному что-то, пытаясь отговорить от пострига в этот день. Так как никто из них не соглашался на это, игумен подходит к одному и говорит ему: «Вот я уговорил брата твоего в течение одного года остаться, как и сейчас, мирянином». Тотчас тот, к кому он это сказал, ответил: «Если ему угодно остаться, пусть остается, но я, отец, право, не колеблюсь». Симеон, когда наедине говорил с ним, сказал ему так: «Торопись, отец, ради бога. Ибо сердце мое весьма тревожится за брата моего Иоанна: в этом году он женился на очень богатой и красивой женщине, и я опасуюсь, как бы любовь к ней не завладела им вновь и не отвлекла его от любви к богу».

А Иоанн с глазу на глаз сказал этому святому мужу (ведь он понимал все более ясно, чем брат Симеон), так умоляя его со слезами: «Отец, да не потеряю я брата своего через тебя, ибо у него осталась только мать, и такая удивительная любовь была между ними, что он не мог прожить без нее и двух часов, и до сего дня они, мать его и он, спали вместе, чтобы и ночью не разлучаться. Это-то будет мучить и терзать меня, пока он не пострижется, и я не перестану о нем беспокоиться».

Великий узнал об их заботах друг о друге, и, уверившись, что бог не посрамит и не презрит последовавших ему ото всего сердца, не колеб-

лясь, достал ножницы, и, положив их, по велению обряда, на святой престол, постриг юношей, и, сняв с них одежду их, облек в бедную, но исполненную святости. Этот мудрый и сострадательный муж жалел их из-за измененности тела их, непривычного к испытаниям. Во время пострижения Иоанн сильно плакал. Симеон знаками побуждал его перестать, не понимая, о чем он плачет. Он думал, что Иоанн плачет от печали по отцу своему и из-за любви к жене своей. Когда их постригли и святой обряд кончился, игумен снова почти весь день поучал их, провидя, что они по смотрению божию не долго останутся у него. Наутро, т. е. в святое воскресение, игумен хотел дать им святую одежду. Когда некоторые братья стали говорить им: «Вы блаженны, ибо завтра возродитесь и будете чисты ото всякого греха как при рождении, словно в день этот вас окрестили», они изумились и вечером в субботу бросились к святому Никою и пали в ноги ему, говоря: «Просим тебя, отец, не крести нас, ибо мы — христиане и приходим от родителей христиан». Он же, не зная о том, что они услышали от монастырских отцов, стал говорить им: «Кто, дети, собирается вас крестить?». Они сказали: «Почтенные владыки наши, монастырские отцы, говорят нам: „Завтра вы будете вновь крещены“». Тогда игумен понял, что те подразумевали святую одежду, и говорит: «Они правильно сказали, дети мои. Ибо, если богу будет угодно, завтра мы хотим облачить вас в святое и ангельское одеяние».²⁵ Когда чистые сыны Христовы уразумели, что ничто не препятствует им облечься в монашеское одеяние, они говорят авве: «А что еще надобно, отец, чтобы облечься в те ангельские, как ты называешь их, одежды?».

В прошедшую седмицу, когда праздновали святой праздник воздвижения креста, этот великий дал одному из молодых братьев святую одежду; с того времени не прошло семи дней, и брат этот еще носил все, что по обычаю полагается. Великий велел тотчас позвать его. Когда монах пришел, Иоанн и Симеон, увидев его, упали в ноги авве и сказали ему: «Мы просим тебя, если собираешься так же одеть и нас, удостоив такой же чести и славы, сделай это вечером, ибо, будучи людьми, мы опасаемся, как бы ночью не пристигла нас смерть и мы не умерли, лишившись такой славы, радости и такого сонма сопутников и венца». Когда игумен услышал, что они боятся лишиться такого сонма сопутников и венца, он понял, что через носящего святую одежду им было явление видение, и приказал ему воротиться туда, где он пребывал со времени, как был в нее облачен. Когда монах ушел, сыны Христовы весьма опечалились и говорят игумену: «Ради бога, отец, встань и сделай нас такими, каков он, ибо во всем монастыре твоём нет человека, почтенного равной честью». Авва говорит им: «О какой чести вы говорите?». Тогда они сказали: «Во имя удостоившего нас, отец, одежды своей и чести, блаженны и мы, если и нам последует такая толпа монахов со свечами, и мы также наденем блистающий светом венец на головы свои». Ибо они думали, что и игумену открылось то, что предстало их взорам. Игумен

из этих слов все понял, но не сказал им, что ничего не видел, а молчал и дивился великой простоте и чистоте их, особенно Симеона. Великий только ласково молвил им: «Завтра по благости святого духа и вы так облачитесь». Как утверждал святейший диакон, правдолюбец Симеон говорил: «Ночью мы видели лица друга друга, как бы днем». Каждый из них узрел на голове другого венец, как у того монаха, которого видели». «В таком ликовании, — говорил он, — была душа наша, что мы не хотели вкушать ни пищи, ни питья».

Через два дня после того как они прияли святую одежду, они видят того, кто облачился в нее семью днями ранее и чей венец и сопутники открылись им. Теперь он был одет в грубую одежду, и занят работой, и вокруг головы его уже не было венца, и не было толпы монахов со свечами, и Иоанн и Симеон удивились этому. И Симеон говорит Иоанну: «Истинно, брат, когда пройдут семь дней, мы тоже лишимся благолепия этого и прелести». И Иоанн говорит: «Чего ты желаешь, брат?». Тот снова говорит ему: «Чтобы как мы ушли из мира и отреклись мирского, также отказались бы ото всего, наделенного дыханием. Ибо, одетый в одежду сию, прозреваю я иную жизнь и иные дела. С того дня, как раб божий облек нас в нее, внутренняя моя, не знаю от чего, пылает, и душа моя жаждет никого не видеть, ни с кем не говорить и никому не внимать». Иоанн говорит ему: «А что мы будем есть, брат?». Симеон отвечает ему: «То же, что и те, кого зовут вóсками,²⁶ о которых говорил нам вчера владыка Никон. Может быть, он, желая, чтобы и мы вели такую жизнь, рассказал нам, как живут вóски и как спят и все остальное о них». Затем Иоанн говорит: «Как же нам быть? Ведь мы не знаем ни песнопений их, ни чина».

Тогда бог открыл сердце аввы Симеона, и он сказал: «Спасий тех, кто прежде Давида угрожал ему, спасет и нас, а если окажемся достойны, он научит и нас, как научил Давида, когда при стадах своих тот жил в пустыне.²⁷ Не препятствуй мне, брат, и да не отступимся мы от того, чему посвятили себя». Тогда почтенный Иоанн сказал: «Поступим, как тебе угодно. Но как мы уйдем отсюда, когда дверь на ночь запирается?». Симеон говорит ему: «Тот, кто открыл нам днем, откроет и ночью».

И вот, когда они приняли это решение, едва настала ночь, игумен видит во сне, как кто-то отпирает дверь монастыря со словами: «Выходите, крестным знамением осененные овцы Христовы, на пастбище ваше». И, проснувшись, он тотчас идет к дверям и находит их открытыми, и, подумав, что Симеон и Иоанн ушли, печально садится и со вздохом говорит: «Не удостоился я, грешный, чтобы отцы мои помолились за меня. Истинно были они отцами моими, владыками и наставниками, и я лишился их заступничества. Увы! Сколько драгоценных камней, по слову Писания, „лежат на земле его“²⁸ в небрежении, и все видят их, но немногие знают их цену». Когда в печали он говорил себе такие слова, се идут к дверям чистые женихи Христовы, а впереди них пречистый игумен

Никон видит неких евнухов — одни несут светильники, другие держат в руке скипетры. Заметив Симеона и Иоанна, Никон весьма возликовал, ибо сбылось желание его. Когда же блаженные увидели его, они не остановились, ибо не знали, что это игумен. Тогда святой Никон бросился к ним и позвал их. Они узнали игумена и тоже весьма возликовали, паче же потому, что двери были не на запоре, и они поняли, что бог снова открыл святому их намерение. Симеон и Иоанн хотели пасть ему в ноги, но Никон остановил их, говоря, что не следует делать подобного по святости облакающего их ангельского одеяния. Они тотчас говорят: «Благодарим тебя, отец, и не знаем, чем воздать богу и твоей святости. Кто думал, что мы будем удостоены столь великих даров? Какой царь мог бы так почтить нас? Какие земные сокровища в столь краткое время сделали бы нас богачами? Какие омовения очистили бы души наши? Какие родители любили бы и хранили бы нас так? Какие приношения и дары так скоро уготовили бы нам отпущение грехов, как уготовил ты, почтенный отец наш, кто вместо всех предков наших и родителей стал после Христа отцом нам и матерью?! Ты — владыка наш, наш покровитель, наставник, вожатый и все, чего не высказать словом. Через тебя мы получили сокровище это нерасточимое, через тебя обрели перл бесценный, подлинно познали святость крещения, которое предвозвестили нам святые отцы, истинно поняли по сжигавшему сердца наши пламени, которое выше сил было терпеть, столь сильно оно палило нас внутреннюю, как бушует огонь грехов наших. Мы просим твое блаженство, отец, усердно помолиться о нас и отпустить рабов твоих всем сердцем и всей душой служить богу, которому мы посвятили себя, и умоляем никогда не забывать о недостойных сынах твоих, когда воздеваешь честные руки свои в молитве. Истинно, истинно внемли, о святой, мольбам чужестранцев и помни об их сиротстве». И, обняв колени святого, они снова говорили: «Помни, отец, о смиренных овцах своих, которых ты принес в жертву Христу. Помни о чужеземных деревьях, которые ты заботливо посадил в блаженном райском саду. Не забывай нерадивых работников, которых в одиннадцатом часу нанял на виноградник Христов».²⁹ Пастырь весьма удивился, видя, как они, еще два дня назад вовсе неученые, внезапно умудрились, облекшись в святую одежду.

После того как они долгое время плакали, святой Никон, преклонив колени и справа от себя поставив Симеона, а слева Иоанна, воздел руки к небу и сказал: «Боже справедливый и славный, боже великий и могущественный, боже предвечный, услышь в час сей грешника. Услышь меня, боже, в силе своей. Не вспоминаяй в час этой моей молитвы о вечно и во веки творимых прегрешениях ничтожества моего. Услышь меня, господи, услышь меня в пламени молитвы, как тогда пророка своего.³⁰ Воистину да будет так, боже святых сил, воистину да будет, боже, творец ангелов, воистину да будет так, сказавший: „Просите, и получите“.³¹ Не погнушайся мной, имеющим нечистые уста и погрязнувшим во

грехах. Услышь меня, обещавший внимать всем, с верой взывающим к тебе, и направь ноги рабов твоих и стопы их на путь мира.³² Пожалей сынов своих, простых сердцем, живущих на чужбине, рекший: „Будьте просты, как голуби“.³³ Я взываю к тебе всем сердцем моим. Боже, боже, услышь меня, упование всех концов земли и находящихся на чужбине далеко.³⁴ Накажи всех нечистых духов ради сыновей твоих. Возьми щит и латы и восстань на помощь их. Обнажи меч и прегради путь преследующим их. Скажи, о господи, господи, душе их: „Я — твое спасение“.³⁵ Да отступит от ума их дух боязни, беспечности, гордыни и всякого зла и да угаснет всякий огонь в них и всякое побуждение, порожденные диаволом. Да просветится тело их, и душа, и дух светом познания твоего, чтобы, придя к единой вере и признанию святой и поклоняемой троицы и достигнув совершенства и меры возраста, вместе с ангелами и со всеми от века твоими, боже, угодниками восславили во веки веков пречестное и благое имя твое, отца и сына и святого духа. Аминь. Вместе с прочими дарами, господи, навсегда вложи им в сердце и слова этой моей убогой и недостойной молитвы, чтобы прославляли и хвалили благодать твою». И снова игумен стал со слезами говорить Симеону и Иоанну: «Бог, которого вы избрали, добрые дети мои, и вослед которому пошли, сам пошлет ангела своего пред лицом вашим, который приготовит путь свой пред стопами вашими.³⁶ Ангел, по слову великого Иакова, избавляющий меня от всех враждебных сил, упредит вас на путях ваших. Избавивший пророка своего из пасти львиной³⁷ и вас избавит из когтей львиных. Избравший вас бог сохранит жертву мою от посрамления». После этих и подобных им молитв богоносный муж обнял за шею Симеона и Иоанна и стал говорить: «Спаси, боже, спаси их, кто всем сердцем своим возлюбил имя твое. Ибо ты, господь, справедлив и не презришь и не оставишь отказавшихся от суетных дел жизни сей». А затем снова сказал им: «Смотрите, дети, вы поднялись на страшную и утаенную от людских глаз брань. Но не страшитесь, ибо могуч бог, который „не попустит вам быть искушаемыми сверх сил“.³⁸ Сражайтесь, дети, чтобы не потерпеть в брани этой поражения, будьте стойки, ибо оружие ваше — святое ваше одеяние. Помните реченное: „Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для царствия божия“.³⁹ И еще о возведении башни: „Не ленитесь, начав эту прекрасную и высокую постройку“, т. е. свое житие, и да не сбудется на вас: „начали строить, и не достало сил и охоты довершить основание“.⁴⁰ Крепитесь, дети мои: брань коротка, но славен венец, труд на время, а отдых — на века».

Между тем шли часы, и уже ударили в било,⁴¹ когда Симеон и Иоанн готовились выйти; тут Симеон отвел игумена в сторону и сказал ему: «Ради бога, отец, помолись, чтобы господь уничтожил память о жене у брата моего Иоанна; да не покинет он меня по подстрекательству диавола, и да не погибну я от тоски по нем и от разлуки с ним. Помолись, отец, заклинаю тебя богом, чтобы господь утешил отца его, и он не тре-

вожился о нем». Старец удивился любви его к брату и ничего не ответил ему. Авва Иоанн в свою очередь отвел игумена в сторону и зывал к нему так: «Бога ради, отец, не забудь брата моего в своих молитвах, чтобы он не покинул меня из-за сострадания к матери своих и в гавани мне не привелось потерпеть кораблекрушения». И вот, когда он это сказал, игумен, пораженный их любовью друг к другу, наконец говорит им: «Идите, дети. Ибо я благовествую вам, что открывший вам эти двери уже открыл и те». И, перекрестив им лоб, грудь и все тело, отпустил их с миром.

Когда он их отпустил, и Симеон с Иоанном вышли, они стали говорить так: «Боже великого раба твоего, путеводи нас, беспомощных чужеземцев, ибо не знаем ни мест сих, ни страны сей. Но, идя к тебе, мы обрекли себя смерти в безбрежной пустыне этой». И вот Иоанн говорит Симеону: «Что будет? Куда мы пойдём?». Тот ответил ему: «Давай повернем в правую сторону, ибо правая сторона — благая».⁴² И, идя так, дошли до Мертвого моря и реки, называемой Арнон. По устройению божию, ибо бог не оставляет верящих в него всем сердцем, они нашли место (там жил какой-то старец, за несколько дней до того почивший), где было немного утвари и пригодная для еды трава; ею и питался старец, там покоившийся. Преславные, увидев место то, возликовали, точно нашли какое сокровище, ибо поняли, что оно уготовано и дано им самим господом. Они стали благодарить бога и великого старца, говоря: «Истинно по молитвам его мы счастливо совершили путь сей».

Когда они пробыли там немного дней, враг душ наших, диавол, сверх сил которого было терпеть добродетель рабов Христовых, начал искушать их — Иоанну он внушил тоску по жене его, а Симеону — великую любовь к матери. И, когда один из них испытывал угнетение, тотчас говорил другому: «Встань, брат, помолимся». И они повторяли молитву великого старца (она была такова: «Господи, вложи им в сердце слова этой молитвы моей»), которую оба, оказалось, помнили слово в слово. И они творили ее при всяком искушении и при всякой просьбе к богу. Иногда диавол разжигал их, как рассказывал святой юродивый, на вкушение мяса и вина и снова внушая им страх перед властями и небрежение подвигом своим, так что всячески старался заставить покинуть пустыню и возвратиться в монастырь. Также он внушал им сны, а иногда многоликий змий этот представлял им в видениях друзей их плачущими или безумными и многое другое, о чем невозможно рассказывать, самому не испытав подобного искушения. Но всякий раз как они вспоминали венцы, которые узрели на головах друг у друга, поучение и слезы старца, на сердце их как бы проливался святой елей, и оно утешалось.

Владыка Никон тоже являлся им во сне — он то наставлял их, то молился за них, а иногда обучал словам псалмов. И они просыпались, наизусть помня все, что от него слышали во сне, и были в великой радости от этого, ибо знали, что старец печалится о них, и на деле убеж-

дались в этом. Ведь Симеон в своих молитвах прежде всего просил бога, чтобы успокоилось сердце матери его и укрепилось, а Иоанн, чтобы бог призвал к себе жену его, и скончалась любовь ее, питаемая памятью о нем. Бог, рекший, что «желание боящихся его он исполняет»,⁴³ услышал обоих. Спустя два года честной Симеон по воле божией узнал, что мать его теперь беспечальна⁴⁴ и ночью видит его во сне, и он утешает ее, и говорит ей по-сирийски «„Ла дэхре, лих ém“⁴⁵ (а это значит «не печалься, мать»), ибо мне и почтенному Иоанну хорошо, и мы здоровы, и служим при царском дворце, и вот на нас венцы, которыми украсил нас царь, и богатые одежды. Утешь отца брата Иоанна и скажи, что он вместе со мной служит царю. Потому не печальтесь». И авве Иоанну предстал в видении ангел, говорящий ему: «Вот, теперь отца твоего я сделал беспечальным и жену твою скоро возьму к себе».

Оба рассказали друг другу то, что видели во сне, и обрадовались, и возликовало сердце их. И тотчас господь навсегда разрешил их от дум о родителях, и впредь отошла от них эта забота, и больше они ни мало о родных не печалились. Но радостно и неумоимо денно и ночью свершали подвиг отшельничества и уединения, предаваясь только непрестанному труду и беззаботной заботе, я разумею прилежной молитве, и поэтому рачительные подвижники эти скоро так преуспели, что в краткое время удостоены были божественных видений, знамений и чудес. Немного спустя они подвизались в отдалении друг от друга, примерно как камень кинуть. Ведь братья уговорились так, т. е. уединяться, когда кто-нибудь возжелает одинокой молитвы, а если одного посетят мысленные соблазны или ослабнет ревность его, идти к брату своему и вдвоем молить бога избавить его от искушения. И вот в один из дней Симеон, сидя на своем обычном месте, в восхищении духовном видит себя при большой матери своей в Эдессе (ибо он был родом оттуда) и говорит ей по-сирийски: «Как ты себя чувствуешь, мать?». И когда она ответила: «Хорошо, дитя мое», снова говорит ей: «Иди к царю, не страшись, ибо по просьбе моей он уготовал тебе почетное место, и, когда будет на то воля его, я последую за тобой». Придя в себя, Симеон понял, что в час тот мать его скончалась, и, прибежав к брату Иоанну, говорит ему: «Встань, почтенный брат, сотворим молитву». Когда тот встревожился (ибо подумал, что Симеона искушает диавол), Симеон говорит ему: «Не тревожься, брат. Благодарение господу, ничего худого не случилось». Иоанн говорит ему: «А почему ты так быстро бежал, отец Симеон?» (Ведь он весьма почитал и уважал его, так же как тот Иоанна). Тогда глаза Симеона стали полны слез, и слезы покатались по груди его, точно перлы, и он говорит Иоанну: «Господь уже призывает к себе добрую мою и благочестивую мать». И рассказал ему о своем видении, и они преклонили колена и стали молиться. И слышно было, как Симеон обращал к богу воистину печальные и умоляющие слова. Внутренняя его потрясена была и взволнована сыновними чувствами, и он вскричал: «Боже, принявший

жертву Авраама, видевший всесожжение Иефтаи, не погнушавшийся даров Авеля, через сына своего Самуила явивший Анну пророчицей,⁴⁶ господь мой, господь, ради меня, раба твоего, прими душу доброй моей матери. Вспомни, господи, труды ее и тяготы, которые она из-за меня сносила. Вспомни, господи, слезы ее и стенания, когда я покинул ее, чтобы прийти к тебе. Вспомни, господи, о сосцах ее, вскормивших меня, недостойного, чтобы порадоваться моей юности, ибо она не порадовалась. Не забудь, владыка, что она, которая и на единый час не могла разлучиться со мной, разлучилась на все время. Помни, всеведающий владыка, что, когда она думала радоваться на меня, я ради имени твоего покинул ее. Не забудь, справедливец, терзания внутренности ее в день, когда я ушел к тебе. Ты, господи, знаешь, как, когда я покинул ее, она все ночи не могла найти сна, вспоминая о моей юности. Ты, владыка, ведает, сколько ночей она не смыкала глаз, тоскуя по спавшем с ней ягненокке. Не забудь, человеколюбец, сколько горя было на сердце ее, когда она в печали глядела на одежду мою, ибо не было с нею перла ее, надевавшего эти гиматии. Вспомни, владыка, что ее девственника, утешения, радости и отрады я лишил ради того, чтобы служить тебе, моему и ее богу и владыке всяческих. Пусть ангелы сопутствуют ей, чтобы спасти душу ее от нечистых духов и кровожадных зверей, обитающих воздух этот и стремящихся пожрать тех, кто идет мимо.⁴⁷ Боже, боже, пошли с ней надежных стражей против всякой нечистой силы на ее пути и вели, боже мой, чтобы безболно и легко душа ее рассталась с телом. И, если в этой жизни мать моя как женщина смертная согрешила делом или словом, отпусти душе ее ради жертвы ее, ибо рожденное ею дитя, меня, недостойного раба твоего, она отдала тебе, владыка. Господь, господь бог мой, справедливый судия и человеколюбец, да не ввергнешь ты ее из горя в горе, из боли в боль, из стенаний в стенания, но вместо печали, которой она печалилась из-за единственного сына своего, даруй ей радость, вместо слез — ликование, уготованное святым твоим, боже, боже мой, во веки веков. Аминь».

Когда они встали с молитвы, брат Иоанн начал утешать Симеона, говоря: «Вот, брат Симеон, бог внял тебе, и услышал молитву твою, и призвал к себе твою мать. Теперь раздели со мной мою заботу и помолимся с божией помощью вдвоем, чтобы господь смилостивился и над той, которая по его воле зовется моей супругой, и внушил ей стремление к монашеской жизни или по милосердию своему призвал ее к себе». И вскоре, после того как они стали молиться, в одну из ночей авва Иоанн видит, что пришла мать Симеона и, взяв за руку жену его, говорит ей: «Встань, сестра, и иди ко мне, ибо царь, который принял на службу к себе моего сына, даровал мне дом дивный. Но смени одежды свои и надень чистые». И тотчас Иоанн увидел, как она встала и последовала за матерью Симеона, и понял, что жена его тоже умерла и что обе они в местах блаженных, и возликовал великим ликованием.

Когда 29 лет провели они в пустыне, упражняясь во всяком подвиге и терпя лишения, холод, зной и несказанные искушения диавола, и обо-ролицей его, и достигли великого совершенства, особенно Симеон из-за при-сущей ему простоты и чистоты (ведь до пребывавшей в нем благодати святого духа он не чувствовал страданий, холода, голода, зноя и как бы преступил пределы природы человеческой), Симеон говорит Иоанну: «Брат, что за польза нам долее оставаться в этой пустыне? Послушай меня: встань и уйдем, чтобы спасти также и других. Ибо здесь мы ни-кому, кроме себя, не приносим блага и ни от кого не получаем мзды». И стал говорить ему такими словами Священного писания: «Никто не ищи своего, но каждый пользы другого»,⁴⁸ и «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых».⁴⁹ Говорил и слова Евангелия: «Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела, и прославляли отца вашего небесного»,⁵⁰ и другое подобное. В от-вет почтенный Иоанн говорит ему: «Я думаю, брат мой, что сатана, разъярившись на то, что мы так подвигаемся, вселил в тебя мысль эту. Напротив, оставайся, и да свершим мы в пустыне этой житие, какое на-чали проводить и к какому были призваны господом». Симеон говорит ему: «Истинно, я не останусь, но, одетый силой Христовой, пойду, чтобы смеяться над миром». Снова говорит ему брат его: «Любезный брат, молю тебя богом не оставляй меня, смиренного. Ибо я не достиг еще такого совершенства, чтобы мог смеяться над миром. Ради того, кто соединил нас, да не пожелаешь ты отъединиться от брата своего. Ты ведь знаешь, что, кроме бога, у меня есть только ты, брат мой, ибо ото всех я отрекся, чтобы пойти за тобой. А теперь ты хочешь, как в безбрежном море, бросить меня в этой пустыне? Вспомни, что в день, когда мы кинули жребий и пришли к владыке Никону, мы решили не расставаться. Вспомни страшный час, когда облачились в святую одежду и стали оба как единая душа, так что все дивились на любовь нашу. Не забывай слов великого старца, которыми он наставлял нас в ночь на-шего ухода из монастыря. Пусть, молю, я не погибну, и бог да не спро-сит с тебя душу мою». Снова Симеон говорит ему: «Считай, что я умер. Разве, живя без меня, ты не должен заботиться о себе? Истинно, если ты пойдешь со мной, поступишь разумно и хорошо, так как я не останусь». Когда брат Иоанн увидел, что Симеон неколебим в решении своем, ему открылось, что бог вразумил его на это. Ведь ничто не могло разлучить их, кроме смерти, впрочем, вероятно, и она не могла. Ибо они часто про-сили бога вместе призвать их к себе и верили, что господь услышит эту их мольбу, так же как услышал и все остальные.

И вот Иоанн говорит Симеону: «Смотри, Симеон, не хочет ли диавол насмеяться над тобой?». Тот сказал ему: «Не забывай только меня в своих молитвах, как я не забуду тебя, и бог и молитвы твои спасут меня». И снова брат его стал наставлять его и говорить: «Смотри, будь осторожен, брат Симеон, чтобы жизнь в миру не расточила того, что ты

накопил в пустыне, чтобы не сгубила того суета, что даровало тебе отшельничество, и сон не стер того, что принесло бдение. Будь осторожен, брат, чтобы прельщение мирским не скончало твоей монашеской строгости, смотри, чтобы общение с женщинами, от чего тебя до сего дня спасал господь, не погубило плодов телесного воздержания. Смотри, чтобы стяжание не прогнало от тебя нестяжания, чтобы сокрушенное постом тело не утучнилось от брашна. Смотри, брат мой, как бы не лишился ты из-за насмешек своих сознания греховности своей и молитвы своей из-за небережения своего. Смотри, прошу тебя, когда смеется лицо твое, да не веселится вместе и ум твой, когда осязают руки твои, да не осязает с ними вместе и душа, когда рот вкушает, да не наслаждается сердце, когда поднимаются ноги, да не нарушается в неподобной пляске покой внутри тебя, коротко сказать — что творит тело твое, да не творит душа. Но если, брат мой, господь подлинно даровал тебе силу, чтобы при всяком телесном движении, будь то слова или поступки, ум твой и сердце твое пребывали бесстрастными и спокойными, не оскверняясь от этого и не получая ущерба, то я истинно радуюсь твоему спасению и единственно хочу, чтобы ты попросил у бога не разлучать нас здесь». Тогда авва Симеон говорит ему: «Не бойся, брат Иоанн, ибо я поступаю так не по своей, а по божией воле. И ты узнаешь, что дело мое угодно богу и свершено с его помощью, ибо перед смертью я приду и позову тебя, и обниму, и спустя немного дней ты последуешь за мной. Встань же и сотворим молитву». И когда они довольно времени помолвились, и обнялись, и слезами своими омочили грудь свою, авва Иоанн отпустил Симеона, далеко проводив его, ибо душа его не могла сносить разлуку с братом, но, когда авва Симеон говорил ему: «Вернись, брат», эти слова были ему как меч острый, и снова он просил позволения еще немного проводить Симеона. Только когда авва Симеон приказал Иоанну, тот повернул назад восвояси, орошая землю слезами.

Симеон быстро дошел до священного града господа нашего Христа. «Ибо я весьма жаждал, — говорил он, — и был сжигаем желанием через столько лет вновь узреть святые места Христовы». И, побывав у святого и животворящего гроба господня и на святой спасительной и победоносной Голгофе,⁵¹ он исполнил свое желание. Три дня провел Симеон в святом граде, поклоняясь пресвятым местам господним и молясь. А молитва его была только в том, как бы подвиг его не открылся до самого дня отшествия его, чтобы избежать ему славы людской, порождающей в человеке гордыню и самонадеянность, погубившую даже ангелов небесных.⁵² И внял ему рекший: «Взывают праведные, и господь слышит».⁵³ Ибо, хотя Симеон явил множество знамений и сотворил множество чудес, как это видно будет из дальнейшего, подвиг святого остался сокрытым от людей. Его молитва да самой кончины его как бы завесой легла на сердца свидетелей его деяний. Ведь если б не это (я разумею то, что бог сокрыл от людей подвиг этого блаженного из-за славы, которой они

почтили бы его), не каждый разве знал бы того, кто исцелял бесноватых, держал в руках уголья, одним предсказывал будущее, другим повторял то, что они позаглазью о нем говорили, забавы ради незримо переносил в пустыню всевозможные яства, обращал иногда к благочестию иудеев или заблуждающихся в вере, излечивал страждущих, а иных людей избавлял от опасности? Нередко он, будто шутя, выдавал замуж распутных и гулящих женщин или, прельщая деньгами,⁵⁴ наставлял их на правильный путь, некоторых же из них по присущей ему чистоте побуждал к отшельнической жизни. И не удивляюсь я, христороубцы, что, свершая все это с божией помощью, он остался неузнанным. Только бог постоянно открывает людям сокровенные подвиги слуг своих, и по устройению его подвиги этого святого, ото всех утаенные, в конце концов обнаружались.

Пробыв, как уже было сказано, в святых местах три дня, Симеон приходит в город Эмесу. А появление его в этом городе было таково: честной Симеон, увидев на гноище перед стенами дохлую собаку, снял с себя веревочный пояс и, привязав его к лапе, побежал, волоча собаку за собой, и вошел в город через ворота, расположенные вблизи школы. Дети, заметив его, закричали: «Вот идет авва дурачок!», и бросились за ним бежать, и били его. На следующий день — это было воскресенье — он запасся орехами и, войдя в церковь при начале службы, стал бросаться ими и гасить светильники. Когда подошли люди, чтобы его вывести, Симеон вскочил на амвон и начал оттуда кидать в женщин орехами. С большим трудом его вывели на улицу, и тут он опрокинул столы пирожников, которые до полусмерти избили его. Увидев, как сильно он побит, Симеон сказал себе: «Истинно, истинно, смиренный Симеон, в руках людей этих тебе не прожить и одной седмицы». По устройению божию его видит один харчевник⁵⁵ и, не зная, что Симеон показывал себя кородивым, говорит ему (он считал, что авва в трезвом рассудке): «Хочешь, почтенный авва, вместо того, чтобы бродить с места на место, продавать у меня бобы?». И тот сказал ему: «Хочу». В первый же день, когда харчевник приставил его к делу, Симеон стал всем раздавать бобы и сам поедал их в большом количестве, ибо всю седмицу ничего не ел. И вот жена харчевника говорит мужу своему: «Откуда ты взял этого авву? Право, если он будет так прожорлив, мы не много продадим — ведь я заметила, что он съел по крайней мере целый горшок бобов». Они не знали, что содержимое остальных горшков, бобы, чечевицу, разные лакомства и другое, он роздал своим собратьям и прочему люду, и думали, что все это продано. Открыв денежную шкатулку и не найдя в ней ни единого фоллия,⁵⁶ они отколотили Симеона и, оттаскав за бороду, выгнали вон. Когда настал вечер, святой захотел (а Симеон не ушел от харчевника на ночь глядя и лег спать за дверьми) воскурить фимиам и, не найдя черепка, сунул руку свою в очаг, набрал углей и воскурил фимиам. Так как богу угодно было спасти харчевника (он был еретик из акефалов-

севериан⁵⁷), жена его увидела, что Симеон воскуряет фимиам в руке, и, удивившись, говорит: «Боже единый! Авва Симеон, в ладони своей ты воскуряешь фимиам?». Когда старец услышал это, он притворился, будто ожегся, и, стяхнув угли в старый плащ, который был на нем, сказал женщине: «Когда не хочешь, чтобы я воскурял в руке своей, гляди, я воскурю в плаще». Видит бог, сохранивший от огня терновник и отроков,⁵⁸ старца и одежду его пощадил огонь. А каким образом спасены были харчевник и жена его, будет сказано в другой главе.

Сотворив какое-нибудь чудо, святой положил себе сразу оставлять место то, пока не забудется, что он свершил. Кроме того, он старался тотчас сделать что-нибудь неподобное и тем сокрыть подвиг свой. Одно время в трактире он подавал теплую воду и так зарабатывал пропитание свое. Трактирщик тот был до того бессердечен, что нередко даже не кормил Симеона, хотя и преуспевал благодаря ему, ибо, желая развлечься, горожане говорили друг дружке: «Пойдем, выпьем там, где прислуживает юродивый». И вот в один из дней в трактир вползла змея, и отшла из одного кувшина с вином, и излила туда яд свой, и опять уползла. В это время аввы Симеона не случилось на его привычном месте — он плясал на улице с какими-то мирянами. Вернувшись в трактир, святой замечает на кувшине том невидимую другим надпись «Смерть». Тотчас он все понял и, взяв полено, разбил кувшин. А хозяин выхватил из рук его полено и стал бить им Симеона, пока не устал, и выгнал его вон. На следующий день авва Симеон вернулся и спрятался за дверь. И вот снова приползла змея, и трактирщик, заметив ее, схватил вчерашнее полено, чтобы убить им змею, но промахнулся и разбил все кувшины и стаканы. Тут из-за дверей выскочил юродивый и говорит ему: «Что ты делаешь, дурак! Видишь, не только я шкода». Тогда трактирщик понял, почему авва Симеон разбил кувшин, и получил назидание, и стал почитать святость его.

И вот блаженный, желая свести на нет свое назидание, чтобы хозяин не разгласил его тайну, как-то раз, когда хозяйка спала в спальне своей, а муж ее прислуживал в трактире, авва Симеон пришел к ней и сделал вид, будто снимает платье свое. Женщина закричала, и на крик пришел муж ее, и она говорит ему: «Прогони его — будь он трижды проклят — он хотел изнасиловать меня». И трактирщик прибил Симеона, и выгнал его вон на холод (той ночью была сильная буря и дождь), и с тех пор не только считал его безумным, но если от кого другого слышал: «Право, может авва этот только показывает себя юродивым», тотчас говорил ему: «Он самый настоящий одержимый — если я в чем убедился, меня никто не собьет: ведь он пытался совратить жену мою, но это ему не удалось, и мясо он ест, словно не верует в бога». Святой же, не вкушая целую неделю хлеба, часто ел мясо, и никто не знал, что он наблюдает пост, а мясо он ел на глазах всех, чтобы обмануть их.

Был же он как бы бестелесен и ничто не считал непристойным, будь то поступки людские или естественные потребности. Ибо не раз, когда желудок его требовал обычного удовлетворения, он при всем народе без стыда присаживался тут же на площади, чтобы всех заставить поверить, будто делает это по безумию своему. Обороняемый, как мы многожды говорили, пребывающей на нем благодатью святого духа, Симеон обарывал распаление дьявольское, и огонь этот не повреждал его.

Как-то раз упомянутый пречестной и боголюбивый Иоанн, который поведал нам о жизни святого, увидев, что Симеон истаял от строгого воздержания своего (это было после пасхи, и он, ничего не вкушая, наблюдал все святые посты), и пожалев и подивившись неизреченному подвигу его, хотя святой жил в городе и вращался среди мужчин и женщин, пожелал укрепить силы его и как бы в шутку говорит: «Не сходить ли тебе, юродивый, помыться?». Тот со смехом говорит ему: «Ладно, пойдем, пойдем», и с этими словами снимает одежду свою и повязывает ее вокруг головы своей, как тюрбан. Почтенный Иоанн говорит ему: «Оденься, брат мой, иначе я не пойду с тобой». Авва Симеон говорит ему: «Отвяжись, дурак, я только сделал одно дело вперед другого, а не хочешь идти вместе, я пойду немного впереди». И, оставив Иоанна, он пошел немного впереди. Мужская и женская купальня находились рядом; Симеон умышенно прошел мимо мужской и устремился в женскую. Почтенный Иоанн закричал ему: «Куда идешь, юродивый? Остановись — эта купальня — для женщин». Пречудный, обернувшись, говорит ему: «Отстань ты, юродивый: здесь теплая и холодная вода и там теплая и холодная, и ничего более этого ни там, ни здесь нет». И побежал, и вошел к женщинам, словно в славе господней, а они все накинулись на него и выгнали его с побоями. Боголюбивый диакон спросил Симеона, когда тот поведал ему всю жизнь свою: «Ради бога скажи, отец, как ты почувствовал себя, когда вошел в женскую купальню?». Симеон говорит ему: «Подлинно, дитя, как полено среди поленьев, так я себя чувствовал тогда. Ибо я не ощущал ни того, что у меня есть тело, ни того, что я оказался среди тел. Ум мой всецело занят был божьим и сосредоточен на нем». Святой ведь творил одни дела свои во спасение и из сострадания к людям, другие же, чтобы скрыть свои подвиги.

Однажды за городскими воротами юноши бегали, затеяв игру,⁵⁹ и в числе их сын почтенного диакона Иоанна, друга Симеона; немного дней ранее он согрешил с замужней женщиной, и в него, когда юноша, никем не замеченный, выходил из дома ее, вселился дьявол. И вот святой задумал наставить его на путь и исцелить и говорит играющим: «Если не возьмете меня в игру, я не дам вам бегать», и начал бросать в них камни. Сторона того юноши, которого святой задумал исцелить, согласилась принять его. Но Симеон отошел к противной партии, ибо знал, что сделает. И, когда играющие побежали, он бросается за одержимым бесом юношей и, догнав его, для всех неприметно ударяет по лицу и говорит:

«Не прелюбодействуй, несчастный, и демон не приблизится к тебе». И тотчас демон свалил юношу с ног, и все сбежались к нему. Когда, извергая пену, одержимый лежал на земле, он увидел, что юродивый изгоняет из него черного пса и бьет его деревянным крестом. Спустя долгое время юноша пришел в себя, и его стали спрашивать, что с ним было, но он ничего не мог ответить, кроме: «Кто-то сказал мне: „Не прелюбодействуй“». Когда авва Симеон почил в мире, юноша как бы очнулся и всем подробно рассказал о том, что с ним случилось.

Как-то мимы⁶⁰ давали в театре представление. Среди них был один фокусник. Святой, желая воспрепятствовать подобному злу (тем более, что упомянутый фокусник творил и добрые дела), решил не уходить и встал внизу на арене, где играли мимы. И как только увидел, что фокусник начал нечестивое свое дело, метнул в правую руку его камешек, начертав на нем крест, и тот сделался сухорук. Ни один человек не видел, кто бросил этот камень. Ночью фокуснику является во сне святой и говорит ему: «Я поступил, как замыслил, и если ты не поклянешься, что отстанешь впредь от подобных занятий, не исцелеешь». Тот фокусник поклялся богородицей: «Больше я не стану делать такого». И, встав наутро, увидел, что рука его здорова, и рассказал все, что ему приснилось, кроме того, что это Симеон предстал ему во сне, а мог вымолвить только: «Какой-то монах в венце из вай сказал мне это».

Во времена блаженной памяти императора Маврикия,⁶¹ когда страшное землетрясение разрушило Антиохию и грозило уже Эмесе (как раз тогда святой из пустыни возвратился в мир), Симеон, украв в школе ремень, стал стегать колонны и говорить: «Сказал тебе владыка твой: „стой“». И когда землетрясение началось, ни одна из колонн, которые он стегал, не обрушилась. И вот Симеон подошел к одной колонне и говорит: «Ты да не упадешь и да не будешь стоять». И колонна дала трещину сверху донизу, и немного накренилась, и осталась в таком положении. Никто не мог понять, зачем блаженный это сделал, и все говорили, что он стегал колонны по безумию своему. В действительности же следовало славить бога и дивиться делам его, ибо в тех поступках Симеона, которые люди считали безумными, часто являл он чудеса. Однажды перед тем, как город поразила моровая язва, он обходил все школы и, целуя мальчиков, каждому говорил как бы в шутку: «Счастливого пути, мой хороший». Лобызал он не всех, но лишь на кого указала ему благодать божия. И говорил учителю каждой школы: «Ради бога, несмысленный, не бей ты мальчиков, которых я целую, ибо им предстоит длинный путь». А учителя, смеясь над ним, иногда ударяли его ремнем, иногда давали знак мальчикам, и те осыпали его бранью. Когда же пришла моровая язва, ни один из тех, кого облобызал авва Симеон, не остался в живых — все умерли.

Святой имел обыкновение приходить в дома богачей и выкидывать разные шутки; часто он делал вид, что целует хозяйских рабынь. Од-

нажды рабыня какого-то знатного человека, беременная от одного мирянина, не желая открыть соблазнителя своего, на вопрос госпожи, кто ее испортил, сказала: «Меня изнасиловал юродивый Симеон». Когда он по своему обыкновению пришел в дом этот, госпожа рабыни говорит ему: «Прекрасно, авва Симеон, что ты испортил и обрюхатил мою рабыню». Тот тотчас рассмеялся и, склонив голову свою и сложив пальцы,⁶² сказал: «Прости, прости, смиренная, когда она родит, ты получишь маленького Симеона». Пока не пришел день ее, авва Симеон оставался при этой рабыне и приносил ей пшеничный хлеб, мясо и рыбу, говоря: «Ешь, жена моя». Когда же женщине пришло время и час рожать, она мучилась три дня в смертельных муках. И вот госпожа ее говорит юродивому: «Помолись, авва Симеон, потому что жена твоя не может родить». Он, приплясывая и в лад хлопая руками, сказал ей: «Иисус свидетель, Иисус свидетель, смиренная, ребенок не родится, пока женщина не скажет, кто его отец». Когда роженица услышала об этих словах Симеона, она сказала: «Я оклеветала его — ребенок у меня от одного эмесянина». Тут женщина сразу разрешилась. И все дивились, и одни считали Симеона своим домашним святым, другие говорили: «Его предсказания от сатаны, ибо он настоящий дурак».

Некие два отца из монастыря вблизи Эмесы стали раздумывать и искать причину, почему впал в соблазн еретик Ориген,⁶³ почтенный от бога таким ведением и мудростью, и один говорил: «Присущее ему ведение было не от бога, а от изобилия природных дарований: обладая вообще гибким умом, он изострил его чтением Святого писания и творений святых отцов, и это помогло ему написать свои сочинения». Второй возражал: «Не может человек по одному природному изобилию дарований говорить то, что он сказал, особенно в своих Гексаплах.⁶⁴ (Потому-то вселенская церковь до сего дня признает Гексаплы). Снова первый стал так отвечать ему: «Право, есть язычники, обладающие бóльшей, чем он, мудростью и составившие больше него книг. Что же, и тех следует хвалить из-за пустого их многословия?». Так как отцы эти не могли прийти к согласию, один говорит наконец другому: «Мы слышали от людей, ходивших в святые места, что в пустыне иорданской много великих монахов, пойдем спросим их». Дойдя до святых мест и помолвившись, они направляются в пустыню Мертвого моря, куда удалились приснопамятные Иоанн и Симеон. Бог не дал труду тех отцов свершиться втуне, и они встретили авву Иоанна, который к этому времени тоже достиг великого совершенства: увидев их, он сказал: «В добрый час пришли оставившие море и ищущие почерпнуть воды в пустыне». У них была долгая и боголюбезная беседа, и отцы сказали Иоанну, для чего они свершили столь длинный путь. И он говорит им: «Отцы, я еще не удостоился благодати толкования приговоров божиих, возвращайтесь в страну свою к юродивому Симеону, и он сможет разрешить этот ваш спор и все, что только захотите, и скажите ему: „Помолись об Иоанне, чтобы и ему

выпала десятка“». ⁶⁵ Когда они пришли в Эмесу и спросили: «Где здесь юродивый по имени Симеон?», все стали смеяться над ними и говорить: «Зачем он вам, отцы? Он ведь не в своем уме и всем досаждаёт и над всеми смеётся, особенно же над монахами». Они все же стали искать его и нашли в харчевне, где он, подобно медведю, лакомился бобами. Один из отцов, сразу же смутившись этим, сказал себе: «Истинно, мы нашли мужа, исполненного подлинного ведения: он может нам многое растолковать». Приблизившись, отцы говорят ему: «Благослови». Симеон говорит им: «Не в добрый час вы пришли и кто послал вас — несмыслен»; затем он взял за ухо отца, сердце которого смутилось, и дал ему такую пощечину, что у него три дня горела щека, и говорит: «Почему гнушаетесь бобами? Ведь их мочили сорок дней, а Ориген их не ест, потому что слишком далеко вошел в море, да и не смог оттуда выйти и утонул в пучине». ⁶⁶ Отцы удивились, ибо Симеон сказал им все, даже слова: «Юродивый хочет десятку? Сам он такой же несмысленный, как вы. Скажи, доставались тебе пинки? Идите, идите». И, тотчас взяв кружку с горячей фуской, ⁶⁷ он обжег им губы, так что отцы не могли повторить слов его. Однажды, когда Симеон служил еще у харчевника, он стал играть на лютне в переулке, где обитал нечистый дух. Он играл, читая молитву великого Никона, чтобы прогнать оттуда духа, ибо тот замучил многих людей. И вот, когда дух бежал из места того, он в обличии эфиопа прошел по харчевне и все там сокрушил. Вернувшись, пречудный говорит своей хозяйке: «Кто это тут все переломал?». Она сказала: «Пришел какой-то эфиоп, будь он проклят, и все переломал». Симеон со смехом говорит ей: «Маленький, маленький, да?». Она говорит: «Да, юродивый, правда, маленький». Он говорит ей: «Это я послал его, чтобы он тут все разбил». Когда женщина это услышала, она бросилась бить Симеона, а святой, подобрав с полу грязи, кинул ей в лицо, и застил глаза ее, и сказал: «Теперь меня не поймаете. Либо перейдите в веру мою, либо черный этот каждодневно будет все здесь сокрушать». Хозяева харчевни были ведь еретиками акефалами. Симеон ушел, и, гляди, на следующий день в тот же час явился эфиоп и снова сокрушил все у всех на глазах. Утесняемые такой напастью, муж и жена стали православными. Их исцелил от неверия Симеон. Но они не смели никому говорить о нем, хотя всякий день юродивый, проходя мимо, вышучивал их.

Какой-то из городских ремесленников, зная о добродетели Симеона, захотел открыть ее всем. Ибо однажды он увидел, что во время омовения Симеона при нем было два ангела. Ремесленник тот был иудеем и неустанно хулил Христа. И вот во сне ему является святой и запрещает кому бы то ни было рассказывать о том, что он видел. На утро иудей все же решил открыть тайну святого, но тотчас перед ним предстал Симеон, коснулся уст его и затворил их, и иудей никому не мог рассказать о нем. Тогда ремесленник отправился к юродивому и рукой своей сделал

ему знак, чтобы разрешил язык его. А авва Симеон показывал себя юродивым и потому стал как дурачок подавать ему ответные знаки. И вот он движением руки дал понять иудею, чтобы тот перекрестился. Страшное это было зрелище, как оба, молча, делали знаки друг другу. Снова старец является иудею во сне и говорит: «Или прими крещение, или останешься немым». И тогда святой не смог его обратить. Когда же авва Симеон умер, и иудей при перенесении останков святого на кладбище увидел на нем венец, он вместе со всем домом своим принял крещение. И чуть только отошел он от святой купели, так сразу заговорил. Ежегодно иудей творил память юродивого и созывал нищих.

Блаженный достиг такой чистоты и бесстрастия, что часто плясал и водил хоробы, и по одну сторону от него была блудница, а по другую вторая; он держал их за руку и вращался среди мирян, и выкидывал свои шутки. Иногда гулящие женщины лезли к Симеону за пазуху, приставали к нему, били по лицу и щипали. Старец же, подобно чистому золоту, нисколько не осквернялся от этого. В пустыне, как он сам рассказывал, не раз приходилось ему бороться с палившим его вожделением и молить бога и преславного Никона об избавлении от блудной похоти. И однажды видит он, что преславный тот муж пришел и говорит ему: «Како живешь, брат?». И Симеон ответил ему: «Если бы ты не пришел — худо, ибо плоть, не знаю почему, смущает меня». Улыбнувшись, как говорил Симеон, пречудный Никон принес воды из святого Иордана и плеснул ниже пупка его, осенив Симеона знаменем честного креста, и сказал: «Вот ты исцелел». И с тех пор, как клятвенно заверял святой, ни во сне, ни наяву не приступало к нему плотское распаление. Поэтому-то стойкий этот муж и отважился возвратиться в мир, желая сострадать мучимым соблазном и спасти их. Иногда он говорил какой-нибудь гулящей женщине так: «Хочешь быть моей подружкой? Я дам тебе сто номисм». ⁶⁸ Многие, кого он манил, верили его словам, ибо он показывал деньги. (Ведь блаженный имел все, что было ему угодно, так как из-за святости его цели бог все незримо посылал Симеону). От взявшей деньги он потом требовал клятвы, что она не откажется от него.

Симеон все совершал под личиной глупости и шутовства. Но слово бесильно передать его поступки. То он представлялся хромым, то бежал вприпрыжку, то ползал на гузне своем, то подставлял спешащему подножку и валил его с ног, то в новолуние глядел на небо, и падал, и дрыгал ногами, то что-то выкрикивал, ибо, по словам его, тем, кто Христа ради показывают себя юродивыми, как нельзя более подходит такое поведение. Подобным образом он часто изобличал прегрешения и отвращал от них, и ради вразумления какого-нибудь человека гневался на него, и давал предсказания, и делал все, что ему было угодно, лишь изменяя свой голос и облик, и при этом люди принимали его за одного из тех, кто говорит и предвещает, одержимый демоном.

Если какая-нибудь женщина, слышавшая его подружкой, обманывала его, тотчас он в духе своем знал, что она совершила плотский грех, и святой говорил и, раскрывая рот свой, кричал: «Ты обманула меня. Святая богородица, святая богородица, накажи ее», и молился, чтобы женщина та осталась расслабленной до самой смерти своей. Нередко, когда подружка его закосневала в плотском грехе, он насылал на нее демона. И этим всех женщин, с которыми у него был уговор, приучал быть воздержанными и не обманывать его.

Вблизи Эмесы жил некий протокомит.⁶⁹ Услышав о Симеоне, он говорит: «Право, я сумею понять, когда увижу его, на самом деле он безумен или показывается безумным». И вот он пришел в город и по случайности видит, как одна гуляющая женщина поднимает Симеона, а вторая настегивает. Протокомит смугился и стал говорить себе по-сирийски: «Неужто сам сатана сомневается, что этот лжеавва блудит с ними?». Тотчас юродивый, вырвавшись из рук женщин, идет к протокомиту, стоявшему от него как камень кинуть, дает ему пощечину и, сняв с себя одежду и пританцовывая, говорит: «Иди сюда — позабавимся, несчастный, ничего худого здесь нет». Тогда протокомит понял, что Симеон прозрел мысли его, и удивился. Но всякий раз, как он принимался рассказывать об этом кому-нибудь, язык его сковывало и он не мог говорить.

Симеон имел благодать воздержанности большую, чем многие святые. Ибо, когда начинался святой великий пост, он не вкушал ничего до страстного четверга, а в четверг утром шел к пирожнику и наедался.⁷⁰ Все окружающие приходили в смущение, рассказывал святой, что он не постится даже в страстной четверг. Почтенный Иоанн, диакон, понимал, однако, что Симеон живет так по воле божией. И вот когда с утра в страстной четверг Иоанн застал его лакомящимся у пирожника сладями, он говорит: «Сколько стоит твое угощение, юродивый?». Тот, держа в руке сорок нумиев, говорит: «Фолий, несмысленный». Этим Симеон хотел сказать, что он ест по прошествии сорока дней.⁷¹

Вновь на другой какой-то улице города завелся демон. Однажды святой, идя мимо, увидел, как демон этот готовится напасть на кого-то из прохожих; тогда он набрал полную пазуху камней и начал бросать их на площадь, не давая желающим пройти по той площади. В это время там пробежала собака, и демон напал на нее, и изо рта у нее пошла пена. Тогда святой говорит всем: «Теперь, дураки, идите»; премудрый ведь знал, что, ступи здесь человек, демон вместо собаки поразил бы его, — потому малое время не давал здесь проходу.

Цель премудрого этого Симеона, как уже сказано, была такова: прежде всего спасти души людские либо постоянно причиняемым в насмешку вредом, либо творимыми на шутовской лад чудесами, либо наставлениями, которые, показывая себя юродивым, он давал, а, кроме того, целью его было скрыть добродетель свою, дабы не иметь от людей ни хвалы, ни чести.

Когда однажды девушки завели на улице хороводы и песни, Симеон решил пройти мимо них. Увидев его, девушки затаили озорную песенку про монахов. Святой сотворил молитву, чтобы их образумить, и тотчас бог всех девушек сделал косыми. И вот, когда друг от друга они узнали о своей беде и поняли, что это Симеон сделал их косыми, девушки с плачем побежали вслед за ним и кричали: «Сними свое заклатье, юродивый, сними!». Они ведь думали, что стали косыми по заклатью его. Догнав святого и силой его удерживая, они молили, как Симеон рассказывал, чтобы он поправил то, что им сделал. Святой со смехом говорит им: «Кто из вас хочет исцелеть, ту я поцелую в больной глаз ее, и она исцелет». Те, кто по воле божией должны были стать здоровы, говорил святой, согласились, а остальные, которые не захотели, чтобы он их поцеловал, так и остались косыми и плакали. Когда же святой немного отошел от них, и эти девушки побежали за ним, крича: «Постой, юродивый, постой ради бога, поцелуй нас тоже». Диво было глядеть, как старец бежал, преследуемый девушками; одни прохожие говорили, что девушки с ним играют, другие считали, что и они повредились в уме. Девушки эти так навсегда и остались косыми. Святой говорил: «Если бы господь не сделал их косоокими, они всех сириянок превзошли бы разнузданностью, но по болезни глаз своих избегли многих зол».

Почтенный Иоанн, друг Симеона, позвал его как-то раз к завтраку. а в доме у него висели сырые окорока. Авва Симеон стал отрезать от них куски и есть. Премудрый же Иоанн, не желая громко сказать это Симеону, наклонился к уху его и говорит: «Ты, право, не смутишь меня, если поешь сырой верблюжатины, так что, если хочешь, ешь». Ведь ему была открыта добродетель юродивого, ибо сам он тоже был мужем духовным.

Однажды некие жители Эмесы пришли в святой град праздновать пасху. Один из них направился к святому Иордану помолиться и обходил пещеры, оделяя отцов дарами. По устройению божию случилось, что этому страннику встретился в пустыне авва Иоанн, брат аввы Симеона. Когда странник увидел Иоанна, он пал на землю и попросил пустытника помолиться за него. Авва Иоанн говорит ему: «Откуда ты?». Тот говорит: «Из Эмесы, отец». Тогда Иоанн ответил ему: «Зачем же ты, живя в одном городе с аввой Симеоном, кого зовут юродивым, обращаешься ко мне, ничтожному? Ведь я, как и весь свет, живу его молитвами». Авва Иоанн повел странника в пещеру свою и богато угостил его, ибо по милости божией у него все было. Ведь в засушливой пустыне той разве найдешь пшеничные хлебы, жареную рыбу, отменное вино и красивые кувшины? Когда они досыта поели, Иоанн дает ему три жареные рыбы — они тоже были дарованы святому богом — и говорит: «Дай это юродивому и скажи ему от меня: „Ради бога молись за брата своего Иоанна“». И вот господь дал свидетельство истины — когда странник вернулся в Эмесу, у городских ворот встречается ему авва Симеон и го-

говорит: «Как дела, несмысленный? Как живет другой такой же несмысленный, авва Иоанн? Надеюсь, ты не съел даров, которые он послал с тобой? Право, право, если съел все три, они лягут у тебя комом в желудке». Странник был поражен, услышав все то, что сам собрался ему сказать. Юродивый тотчас привел его в убежище свое, и, как уверял странник: «Он поставил передо мной все то же, что авва Иоанн», даже точь-в-точь такой же величины кувшин, который он видел в пещере Иоанна. «И когда мы поели, я отдал посланных ему рыб и пошел в дом свой, и не решался что-нибудь рассказать о Симеоне, ибо все думали, что он — не в своем уме».

Выше мы упомянули, что Симеон явил чудо тому боголюбивому мужу, который поведal нам о жизни его. А чудо это таково. Несколько злодеев совершили убийство и через окно подбросили труп в дом упомянутого того боголюбивого мужа. Поднялось немалое смятение, о случившемся донесли властям, и почтенный Иоанн был приговорен к повешению. Идя на казнь, Иоанн говорил себе только одно: «Боже юродивого, помоги мне, боже юродивого, не оставь меня в час сей». Господь хотел спасти его от такого оговора, и вот является некто и говорит авве Симеону: «Смиренный, тот друг твой, почтенный Иоанн, будет повешен, и, право, если он погибнет, ты умрешь с голоду, ибо никто так не заботится о тебе, как он». Пришедший рассказал Симеону и то, как Иоанна сумели запутать в убийстве. Авва Симеон, по обыкновению показав себя безумным, отпустил этого человека и удалился в потаенное место, где он всегда молился и которого никто не знал, кроме друга его, боголюбивого Иоанна, и, преклонив колени, просил бога избавить раба своего от столь страшной опасности. И, когда ведшие Иоанна на казнь пришли туда, где им надлежало сколотить ему виселицу, — вот спешают всадники и требуют освобождения Иоанна, так как найдены настоящие убийцы. Когда его освободили, Иоанн тотчас направился в место то, где, он знал, всегда молился авва Симеон, и, издали увидев его с воздетыми к небу руками, содрогнулся, ибо, по клятвенному заверению Иоанна, от святого в небо поднимались сгустки огня, «а вокруг него была как бы пещь пылающая, а он стоял посредине, так что я не дерзнул к нему приблизиться, пока не свершит молитву свою. И, оборотившись, он узрел меня и тотчас говорит мне: „Что случилось, диакон? Во имя Иисуса, во имя Иисуса, едва ты не испил до дна. Теперь помолись. Это испытание послано тебе за то, что вчера пришло к тебе двое нищих, а ты, хотя и имел, что им подать, прогнал их. А не твое ведь, брат мой, то, что ты подаешь. Разве не веришь сказавшему, что «получите во сто крат в веке сем, в грядущем же жизнь вечную?»⁷² Если веришь, подай, а, коли не подаешь, значит, не веришь господу“». Таковы были слова юродивого, вернее премудрого святого! Ведь перед этим почтенным Иоанном, когда они оставались вдвоем с глазу на глаз, Симеон никогда не показывал себя юродивым, но говорил с ним так разумно и с таким смирением что изо рта

его часто исходило благоухание; как уверял этот почтенный Иоанн: «Я не мог поверить, что это тот, кто недавно казался юродивым».

Со всеми другими Симеон держался не так. Иногда в святое воскресение он надевал на себя, будто столу,⁷³ связку колбас, в левой руке держал горчицу и так с самого утра макал мясо в горчицу и ел. Некоторым, кто приходил позабавиться с ним, он мазал горчицей губы. Однажды ради такой забавы пришел какой-то поселянин, у которого на обоих глазах было по бельму, и Симеон помазал глаза его горчицей. Поселянин едва не умер от страшной боли, а Симеон говорит ему: «Несмысленный, промой глаза уксусом и чесночным соком, и сразу исцелеешь». Тот, считая, что как-то нужно спастись, сейчас же бросился к врачам, но ему стало еще хуже. Наконец поселянин в гневе произнес по-сирийски клятву: «Клянусь богом небесным, пусть тут же вытекут оба мои глаза, но я сделаю по слову того юродивого». И когда он промыл глаза, как велел ему Симеон, тотчас исцелел, и глаза его стали чистыми, словно были такими от рождения, так что он восславил бога. Тогда юродивый, встретив этого поселянина, говорит ему: «Вот, несмысленный, ты и исцелел. Смотри, больше не кради козлят у своего соседа».

В Эмесе у одного человека украли пятьсот номисм, и, когда он искал свои деньги, навстречу ему попался авва Симеон. Чтобы подбодрить себя, он говорит Симеону: «Можешь, дурак, сделать что-нибудь, чтобы нашлись мои деньги?». Тот говорит ему: «Могу, если тебе угодно». Задавший вопрос говорит: «Сделай, и, если они найдутся, я дам тебе десять номисм». Симеон говорит ему: «Поступи, как я тебе велю, и этой ночью деньги будут у тебя в укладке». И вот этот человек клятвенно обещал Симеону послушаться его, если только он не потребует чего-нибудь неподобающего. Симеон снова говорит ему: «Так вот, деньги твои украд кравчий, твой раб. Но, смотри, обещай мне, что не приберешь ни его, ни какого-нибудь другого в доме своем». Ибо этот человек был щедр на побои. Эмесянин полагал, что Симеон запретил ему кого-нибудь наказывать за кражу денег, авва же Симеон сказал это, чтобы тот никогда никого не бил. Человек же дал со страшными клятвами обещание, что не тронет никого пальцем. И, уйдя, по-хорошему подступил к рабу своему, и получил от него все деньги. Когда после этого эмесянин принимался бить кого-нибудь, он не мог, потому что рука его тотчас целенела. И, понимая, в чем дело, он говорил: «Истинно, это мне в наказание от Симеона», и шел к юродивому со словами: «Избавь меня, юродивый, от клятвы», а тот сразу прикидывался, будто по глупости своей не знает, что ему говорил. И так как этот человек часто докучал Симеону, святой является ему во сне и говорит: «Право, если я избавлю тебя от клятвы, избавлю и от денег твоих, и все их расточу. Тебе не совестно? Зачем поднимаешь руку на сорабов своих, которые в грядущем веке окажутся выше тебя». После этого сновидения человек, докучавший Симеону, оставил его в покое.

Симеон свыше всякой меры сострадал бесноватым: много раз уходил к ним, представляясь тоже одержимым бесом, и, общаясь с ними, исцелял многих из них молитвой своей, так что некоторые бесноватые восклицали и говорили: «Велика твоя сила, юродивый! Ты смеешься над всем миром, приходишь и сюда досаждать нам? Ступай прочь: ты не такой, как мы. Зачем всю ночь мучаешь нас и палишь огнем?». Ведь, когда праведный был с ними, он, как муж, говорящий по внушению духа святого, обличал многих воров и блудодеев, иным с криком выговаривал, что они редко причащаются, иных изобличал в клятвопреступлении, так что благодаря такой хитрости отвращал от греха чуть ли не всех в Эмесе.

Во времена те жила женщина, которая гадала, делала амулеты и занималась колдовством. Святой сумел расположить ее к себе, давая ей то, что получал от подававших ему — когда мелкую монету, когда хлеб, когда одежду. Однажды он сказал ей: «Хочешь, я сделаю тебе амулет от сглаза?». Она говорит ему: «Конечно, юродивый», рассудив, что, хотя он и юродивый, может быть, и сумеет сделать. Уйдя, он написал на табличке по-сирийски: «Господь да разрушит твою колдовскую силу и да не позволит тебе отвращать от него и привлекать к себе людей». Симеон вручил ей эту табличку, и женщина носила ее, и более уже не могла дать кому-нибудь прорицание или амулет.

Однажды Симеон вместе с нищими сидел и грелся у печи стеклодува. Стеклодув этот был иудей. Шутя, Симеон говорит нищим: «Хотите я заставлю вас смеяться? Вот я крестом осеню стакан, который выдувает мастер, и стакан треснет». Когда так один за другим лопнуло семь стаканов, нищие стали смеяться и сказали об этом мастеру, и тот бросился за Симеоном и прижег его раскаленным железом. Убегая, Симеон закричал ему: «Сукин ты сын, истинно, пока не осенишь лба своего крестом, все твои стаканы будут трескаться». И когда стеклодув опять один за другим испортил тринадцать стаканов, он смирился и перекрестил лоб, и стаканы его больше не лопались. С тех пор иудей отрекся своей веры и стал христианином.

Десять мирян за городом однажды стирали свою одежду, и блаженный, идя мимо, говорит им: «Пойдем, несмысленные, я славно угощу вас завтраком». Пятеро из них сказали: «Видит бог, пошли», а остальные стали удерживать их, говоря: «Право, неизвестно, из чего он приготовит вам завтрак. Ведь он ходит из дома в дом и просит милостыню, откуда ему взять угощение? Ему бы только отвлечь вас от дела». Но пять человек поверили Симеону и ушли с ним. И он говорит им: «Подождите здесь». И, оставив их, он отошел как стрелу пустить и украдкой стал молиться. Тогда те говорят себе: «Право, он подшутил над нами. Не иначе как авва Симеон хочет угостить нас травой». И вот едва они это сказали, как замечают, что авва машет им, чтобы они приблизились. Ведь он, как мы упомянули, помолился и с божией помощью все для них приготовил.

Подойдя, миряне увидели, что перед Симеоном лежат дарованные ему богом белые хлебы, пирог, мясной паштет, рыба, всевозможное вино, оладьи, сласти и все решительно существующие на свете лакомства. Когда они поели, Симеон говорит: «Берите, смиренные, и для жен ваших. И, если впредь вы не будете несмысленными мирянами, право, эти хлебы не переведутся в ваших домах до самой смерти моей». Уйдя, люди эти говорят себе: «Поглядим одну седмицу и, если хлеба не убудет, перестанем, право, посещать разгульные сборища». И вот, когда увидели, что хлебы не убывают, хотя они ежедневно их ели, люди эти отступились от зла, а трое из них даже стали монахами, подвижные примером юродивого. Правда, пока Симеон не покинул жизни сей, они никому не могли рассказать о случившемся.

В сочинении, посвященном Симеону, следует упомянуть и о том, какое чудо он явил одному несчастному и притом весьма достойному погонщику мулов. Тот был милосерд и по несчастью впал в бедность. Однажды, когда он отправился, чтобы купить вина для нужд своего дома и на продажу, блаженный встречает его и говорит: «Куда идешь, несмысленный?». Ибо эти слова постоянно были у него на языке. Погонщик ответил ему: «За вином, юродивый». Авва Симеон говорит ему: «Принеси на обратном пути мяты». Сочтя эту встречу дурным предзнаменованием, погонщик стал говорить себе перед дорогой: «Какой черт с утра послал мне этого авву с его „Принеси мне мяты“». Право, с вином будет неудача — то ли оно скиснет, то ли еще что-нибудь». На обратном пути, купив очень хорошего вина, он на радостях забыл про мяту. И вот авва у ворот встречает его и говорит ему: «Ну, несмысленный, как дела? Где мята?». Погонщик отвечает ему: «Право, забыл я про нее, смиренный». Авва улыбнулся и говорит: «Ступай, дела твои устроены». И вот когда погонщик принялся сгружать мехи, в них оказался такой крепкий уксус, что можно было сдохнуть от одного запаха. Тогда он понял, что это сделал юродивый авва, и стал говорить: «Право, вот мне наказание за мяту». Погонщик побежал к Симеону и, придя, стал просить его (он говорил, что Симеон, подобно фокуснику, заставил его глаза обмануться): «Исправь то, что ты сделал, юродивый». Симеон говорит ему: «А что я сделал?». Погонщик говорит: «Я купил отличного вина, а через два часа оно превратилось в уксус». Симеон отвечает ему: «Ступай, ступай, пусть тебя это не огорчает — в этом году открой харчевню, и дела твои пойдут хорошо». Ибо цель старца и его молитва была о том, чтобы благословен был труд погонщика из-за милосердности его, но Симеон не желал благотворить явно, а все делал на шутовской лад. Погонщик смирился и говорит: «Благословен господь, я открою харчевню». И он открыл харчевню, и бог благословил его и сделал так, что вместо того, чтобы быть благодарным Симеону, погонщик скорее сердился, не догадываясь, как святой ему помог. Ведь все дело было в том, что бог скрывал цель аввы Симеона.

Захворал как-то один из первых людей в городе (святой имел обыкновение навещать в дом его и устраивать там всякие шутовские проделки). Будучи при смерти, человек этот увидел во сне, будто играет в кости с каким-то эфиопом. А эфиоп этот — не кто иной, как сама смерть. И вот, когда, по его словам, очередь метать кости дошла до него, ему нужно было три раза получить по шестерке, чтобы не проиграть. Привиделось ему также, что пришел авва Симеон и сказал: «Что слышно, несмысленный? Этот черный человек, видно, обыграет тебя. Но обещаю тебе, что впрямь не изменишь жене своей, и я кину кости вместо тебя, и проиграет черный». «Я поклялся, — рассказывал этот человек, — и авва взял от меня кости, и трижды ему выпало по шесть очков». Едва больной проснулся, как пришел юродивый и говорит ему: «Ловко, бесполовый, ты три раза получил по шестерке, но если преступишь клятву свою, тот черный тебя придушит». И, высмеяв его и всех в доме, юродивый убежал прочь.

В прибежище этого истинно мудрого мужа не было никакого добра (прибежище служило ему только для сна, вернее, для всеобщего бодрствования), кроме оберёмка хворосту. Часто всю ночь до рассвета он молился и орошал пол слезами, а утром выходил и из масличных ветвей или трав делал себе венок, и надевал его, и плясал с какой-нибудь веткой в руке, крича: «Победа императору и городу», причем под городом он разумел душу, а под императором — разум.

Святой испросил у бога, чтобы не росли волосы на голове его и не отрастала борода; опасаясь, как бы, если он будет стричься, люди не поняли, что только показывает себя юродивым. Потому во все время, пока Симеон вел такую жизнь, никто не видел, чтобы у него отрастали волосы или чтобы он стриг их.

Только с почтенным диаконом Иоанном Симеон нередко вел назидательные беседы, но грозил ему великими муками в грядущем веке, если откроет его тайну. Этому Иоанну, после того как поведал ему обо всей своей жизни, т. е. за два дня до отшествия своего, Симеон сказал: «Сегодня посетил я брата моего Иоанна и понял, что он по воле божией достиг великого совершенства. И я возликовал. Ибо увидел его в венце, на котором было начертано: „Венец отшельнической стойкости“. А он, благословенный, говорит: „Когда ты пришел, я узрел мужа, сказавшего тебе: «Иди, иди, юродивый, чтобы быть почтенным не одним венцом, но многими, за души, что ты привел ко мне». Мне же сдается, почтенный архидиакон, что брат мой ничего подобного не видел, но желал угодить мне: какой награды заслуживает юродивый дурак?». Снова Симеон говорит: «Молю тебя, диакон, не пренебрегай, как уже случалось, ни одной душой человеческой, особенно же монахами и нищими. Ибо ведомо любви, что среди нищих, а особливо слепцов есть люди, словно солнце, сверкающие из-за смирения и страданий своих. Сколько видел я поселян, которые приходили в город причаститься, бывших воистину чище всякого золота из-за

простоты своей и невинности и потому, что в поте лица ели хлеб свой. Но не кори меня, владыка, за то, что я говорю. Ибо любовь к тебе заставила меня поведать все убожество жалкой жизни моей. Знай, что скоро господь возьмет и тебя. Но, сколько достанет сил, пекись о своей душе, чтобы безопасно миновать владык мрака, обитающих воздух сей.⁷⁴ Ибо господь ведает, что я в великой заботе и страхе, пока не миновал. Ибо се день бедствия, о котором сказано у апостола и у Давида.⁷⁵ Потому прошу тебя, дитя и брат мой Иоанн, сколько найдешь в себе сил, а то и свыше сил возлюби ближнего своего по милосердию своему. Эта добродетель более всех прочих поможет нам тогда. Ибо сказано: „Блажен, кто помышляет о бедном и нищем! В день бедствия избавит его господь“.⁷⁶ И еще прошу тебя — никогда не приближайся к святому престолу, имея на сердце вражду к кому-нибудь: твое беззаконие да не сделает и других недостойными того, чтобы нисшел на них святой дух».

Это и многое другое он говорил Иоанну, но заповедал ничего из слов его не передавать никому, ибо не все примут их с верой: «Утешься тем, что через три дня господь возьмет к себе ничтожного юродивого и почтенного Иоанна, брата его. Ибо, уходя, я сказал ему: „Брат, пойдем: пришло время“. Два дня спустя ты войди в прибежище мое и взгляни, что ты там увидишь: я хочу, чтобы у тебя осталась память о смиренном и грешном юродивом». И, сказав ему это и многое другое, он удалился в прибежище свое.

Теперь, возлюбленные, пора поведать вам о том, как пречудно Симеон умер, лучше сказать, усоп. Ведь кончина его весьма назидательна и предивнее того, о чем мы уже рассказали, ибо она — печать и свидетельство подвига и подтверждение безупречной жизни его. Когда великий почувствовал приближение сужденного всем часа, желая и после смерти не получить полагающейся людям чести, что он делает? Заползши под оберёмок хвороста, лежавший в святом прибежище его, он во сне предал дух свой господу в мире. Водившиеся с ним люди, не видя его два дня, говорят: «Пойдем, посмотрим, не захворал ли юродивый». Пришедши, они нашли его мертвым под оберёмком хвороста. Тогда они сказали: «Хотя бы теперь люди поймут, что авва был не в своем уме. Ведь такова и смерть его». И какие-то два человека вынесли святого, не обмыв, без песнопений, свечей и ладана и собирались схоронить на кладбище для чужеземцев. Когда несшие тело его шли мимо дома того стеклодува из иудеев, которого, как мы выше сказали, Симеон обратил в христианство, упомянутый стеклодув слышит песнопения, на которые неспособны уста смертных, голоса толп, которых не составит все человечество. Пораженный догадкой, он выглядывает из дома и видит, что только двое людей несут честные останки святого. Тогда услышавший дивное пение сказал: «Блажен ты, юродивый, ибо не люди поют над тобой, а силы небесные почтили тебя своим песнопением». И тотчас он вышел и своими руками похоронил Симеона. И тогда стеклодув расска-

зал всем об ангельских песнопениях, которые слышал. Об этом узнал и почтенный диакон Иоанн и побежал в толпе прочих туда, где был погребен святой, чтобы взять честные останки его и, убрав достойно, предать земле. Но, открыв гроб, он не нашел в нем тела. Господь, чтобы прославить Симеона, восхитил его. Тогда все точно пробудились ото сна и стали рассказывать друг другу, какие чудеса святой явил каждому из них, и уразумели, что юродивым он показывал себя ради бога.

Таковы, христороубцы, жизнь и подвиги предивного этого Симеона. Рассказанные здесь чудесные деяния его — немногое из многого: его подвиг истинно был сокровенным и любезным богу и, никому не ведомый, нечаянно открылся всем. Се обновленный Лот.⁷⁷ Как тот в Содоме, так этот, не узванный никем, жил в мире сем. Сверхенные им чудеса и преславные подвиги мы старались записать, как позволило нам ничтожество наше, а кроме этой, сделали другую краткую запись, ибо тогда еще не знали многих подробностей предивного этого предания. Почтить святого хвалой не в наших силах: это дело тех, кто способен речью своей соревновать с его подвигом. Ибо какие слова могли бы служить хвалой тому, кто почтен сверх всяких слов, какие плотские уста могли бы восславить того, кто во плоти был бесплотным? Какая мудрость могла бы превознести превозшедшего любезным богу юродством всякую мудрость и разум? Истинно — человек смотрит на лицо, а господь смотрит на сердце.⁷⁸ Истинно, по-иному увидит бог, по-иному человек. Истинно, никому не постигнуть дел человеческих, кроме духа человеческого.⁷⁹ Истинно, христороубцы, не будем никого судить до срока, пока не придет господь, который просветит всех.⁸⁰ Кто, христороубцы, сказал бы, что Иуда телом был с учениками, а сердцем с иудеями? Кто сказал бы, что Раав,⁸¹ которая в Иерихоне телом служила блудодеянию, душой принадлежала господу? Кто подумал бы, что Лазарь, нищий, страдающий от язв своих, удостоился великого блаженства в лоне Авраама?⁸² Помни об этом, возлюбленные, и мы да взнемлем благому увещанию: гляди только на себя, а не на ближних твоих, не на окружающих тебя, а лишь на себя,⁸³ потому что всякий понесет свое бремя и получит свою награду от небесного царя Христа, слава которого и сила с отцом и пресвятым духом во веки веков. Аминь.

Симеон, прозванный юродивым Христа ради, ведший на земле ангельскую и предивную жизнь, почил 21-го дня июля месяца. Воссияв подвигами, угодными богу его, и поразив своими чудесами даже ангельские силы, он предстал пред престолом бога и отца света и неустанно славит его в сонме сил небесных. Да даст нам господь такой же, как тому блаженному Симеону, удел и часть со всеми святыми в вечном царствии своем, ибо слава его во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ, БЫВШЕЙ БЛУДНИЦЫ, ЧЕСТНО ПОДВИЗАВШЕЙСЯ В ИОРДАНСКОЙ ПУСТЫНЕ

Тайну цареву прилично хранить, а о делах божиих объявлять похвально.¹ Так сказал ангел Товиту после чудесного прозрения очей его и после перенесенных им тягот, от которых Товит по своему благочестию был потом избавлен.² Ибо разгласить цареву тайну опасно и губительно, умалчивать же о пречудных делах божиих вредит душу. Потому, страшась умолчать о божественном и опасаясь участи раба, который, получив от владыки своего талант, зарыл его в землю³ и данное ему для пользования спрятал, не истратив, я не утаю дошедшего до меня священного предания. Да уверует всякий в слово мое, передающее то, что мне довелось услышать, да не подумает он, поразившись величием случившегося, будто я что-нибудь приукрашиваю. Да не уклонюсь я от истины и да не искажу ее в слове своем, где упомянут бог. Не пристало, думаю я, умалять величие воплощенного бога Слова, соблазняясь об истинности передаваемых о нем преданий. К людям же, которые будут читать эту мою запись и, поразившись предивному, что в ней запечатлено, не захотят ему поверить, пусть милостив будет господь, ибо, отпрявляясь от несовершенства естества человеческого, они считают невероятным все, что выше людского понимания. Далее я перейду к своему повествованию о том, что случилось во времена наши и о чем поведал святой муж, привыкший с самого детства говорить и совершать угодное богу. Пусть же не соблазнит неверного заблуждение, будто в наши дни не случается столь великих чудес. Ибо благодать господня, из поколения в поколение нисходящая на святые души, приготовляет, по слову Соломона, друзей господя и пророков.⁴ Однако пора приступить к благочестивому этому повествованию.

В палестинских монастырях подвизался некий муж, равно украшенный делом и словом, который чуть что не с пелен был взрощен в монастырском обычае и трудах. Старец этот звался Зосима. Пусть никто на основании его имени не подумает, что я говорю о том Зосиме, который был обвинен в ереси. Этот и тот — разные люди и весьма от-

личны один от другого, хотя оба носят одинаковое имя. Этот искони православный Зосима жил в каком-то из древних монастырей, проходя поприще подвижничества. Он укрепил себя во всяческом смирении, соблюдал всякое правило, поставленное в этой школе подвига ее наставниками, а многое сам добровольно назначал себе, стремясь подчинить плоть духу. И старец достиг поставленной цели, ибо столь прославился как муж духовный, что из ближайших, а нередко и из дальних монастырей постоянно приходило к нему множество братьев, чтобы его наставлением укрепиться для подвига. И, хотя он предан был деятельной добродетели, всегда размышлял над словом Божиим, и ложась в постель свою, и вставая ото сна, и занятый рукоделием, и когда случалось ему вкушать от пищи. Если же тебе угодно знать, каким брашном он насыщался, то скажу тебе, что постоянным псалмопением и раздумиями над Священным писанием. Рассказывают, что нередко старец удостоивался божественных видений, ибо получал озарение свыше. Как сказал господь: «Кто не оскверняет плоть и всегда трезвится, бодрствующим оком души видит божественные видения и получает в награду блага вечные».⁵

Зосима говорил, что еще малым дитятей отдан был в этот монастырь и до своего 53-го года проходил там поприще подвижничества, а потом смутился мыслью, что по совершенству своему во всем не нуждается более в наставничестве. Так, по словам его, он рассуждал в своей душе: «Есть разве на земле монах, который мог бы преподавать мне что-нибудь или был бы в состоянии наставлять меня в подвиге, какого я не ведаю и в каковом не упражнялся? Разве сыщется кто среди пустынножителей болий меня деятельной жизнью или созерцательной?». Однажды старцу предстает некий муж и говорит ему: «Зосима, ты славно и, насколько это в силах человеческих, подвизался, и славно прошел монашеское поприще. Однако никто не достигает совершенства, и ожидающий его подвиг труднее уже свершенного, хотя человек того и не ведает. Чтобы ты узнал, сколько есть еще других дорог ко спасению, уйди из родной земли и из дома отца твоего, подобно тому славному праотцу Аврааму,⁶ и ступай в монастырь вблизи реки Иордана». Тотчас старец, согласно этому велению, покидает обитель, в которой он с младенческих лет жил, приближается к святейшей среди рек, Иордану, и, путеводимый тем же ранее представшим ему мужем, находит монастырь, который представил ему для жительства бог. Постучав в двери, он видит привратника, который сообщает о его приходе игумену. Тот, приняв старца и увидев, что он со смирением по монашескому обычаю творит поклон и просит за него помолиться, спрашивает: «Откуда и зачем ты пришел, брат, к этим смиренным старцам?». Зосима отвечал: «Откуда я пришел, не зачем говорить, пришел же я, отец, ради назидания духовного, ибо слышал о вашем славном и достохвальном житии, могущем духовно приблизить ко Христу, богу нашему». Игумен сказал ему: «Только бог, брат мой, врачует слабость человеческую, и он обнаружит тебе и нам божест-

венную свою волю и наставит тому, как надобно поступать. Человек же не может наставить человека, если всякий постоянно не будет сам ревновать о духовной пользе и рассудительно стремиться совершать должное, надеясь в этом на помощь божью. Однако, если любовь к богу подвигла тебя, как ты говоришь, прийти к нам, смиренным старцам, оставайся здесь, раз ты для этого пришел, и добрый пастырь, отдавший душу свою во искупление наше и по имени зовущий своих овец,⁷ напитает всех нас благодатью святого духа. Когда он кончил, Зосима снова склонился перед ним и, попросив игумена помолиться за него и сказав «аминь», остался в том монастыре. Он увидел, как старцы, преславные своей деятельной жизнью и созерцанием, служат богу: псалмопение в монастыре никогда не смолкало и длилось всеобщно, в руках монахов всегда была какая-нибудь работа, а на устах псалмы, никто не произносил праздного слова, заботы о преходящем не тревожили, годовые прибитки и попечение о житейских печалях даже по имени не были известны в обители. Единственным стремлением у всех было, чтобы каждый был мертв телесно, ибо умер и перестал существовать для мира и всего мирского. Всегдашним брашном были там боговдохновенные слова, тело же монахи поддерживали только самым необходимым, хлебом и водой, ибо каждый горел любовью к богу. Зосима, увидев их житие, ревновал об еще большем подвиге, принимая все более тяжелые труды, и нашел сподвижников, прилежно трудившихся в вертограде господнем. Прошло довольно дней, и настало время, когда христиане наблюдают великий пост, предуготовляясь почтить страсти господни и воскресение. Монастырские ворота никогда не отворялись и постоянно были на запоре, чтобы монахи без помех могли свершать свой подвиг. Отмыкать ворота запрещалось, кроме тех редких случаев, когда сторонний монах приходил за каким-либо делом. Ведь место то было пустынное, недоступное и почти неизвестное соседним монахам. В монастыре исстари соблюдалось правило, из-за которого, я полагаю, бог привел Зосиму сюда. Что это за правило и как оно соблюдалось, я сейчас скажу. В воскресение перед началом первой седмицы поста по обычаю преподавалось причастие, и всякий приобщался чистых тех и животворящих тайн и, как это принято, вкушал немного от еды; все затем вновь собирались в храме, и после долгой молитвы, творимой колелопоклоненно, старцы давали друг другу целование, каждый из них с поклоном подходил к игумену, прося его благословения на предстоящий подвиг. По окончании этих обрядов монахи отворяли ворота, согласным хором пели псалом: «Господь свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь крепость жизни моей: кого мне страшиться?»⁸ и все выходили из обители, оставляя там кого-нибудь не затем, чтобы сторожить их добро (ибо у них не было ничего, что могло бы привлечь воров), но дабы не оставлять церковь без опеки. Каждый запасался чем мог и чем хотел из съестного: один брал сколько ему требовалось хлеба, другой —

сушеные фиги, третий — финики, четвертый — моченые бобы; некоторые не брали с собой ничего, кроме рубища, прикрывавшего их тело, и насыщались, когда испытывали голод, растущими в пустыне травами. Правилom и непреложно наблюдаемым законом у них было, чтобы один монах не знал, как подвизается другой и чем занят. Едва перейдя Иордан, все далеко отходили друг от друга, разбредались по всей пустыне, и один не приближался к другому. Если же кто издали замечал, что какой-нибудь брат идет в его сторону, не медля уклонялся с дороги, и шел в другом направлении, и пребывал наедине с богом, непрестанно распевая псалмы и питаясь тем, что было под рукой. Так монахи проводили все дни поста и возвращались в монастырь в воскресенье, предшествующее животворящему восстанию Спасителя из мертвых, чтобы торжествовать предпразднество по чину церкви с ваями.⁹ Каждый приходил в монастырь с плодами своих трудов, зная, каков его подвиг и какие семена он взрастил, и никто не спрашивал другого, как тот проходил назначенное себе состязание. Таково было это монастырское правило, и так оно во благо свершалось. Ведь в пустыне, имея судью единственно бога, человек состязается с самим собой не ради угождения людям и не для того, чтобы выставить свою стойкость напоказ. Свершаемое же ради людей и им в угоду, не то что без пользы для подвизающегося, а служит для него причиной великого зла.

И вот Зосима по принятому в этом монастыре правилу с малым запасом необходимого для телесных нужд пропитания и в одном рубище перешел Иордан. Следуя этому правилу, он шел по пустыне и ел, когда его побуждал к тому голод. Ночью там, где его застигала темнота, он прямо на земле вкушал краткий сон, а на рассвете снова продолжал путь и всегда шел в одном направлении. Ему хотелось, как он говорил, дойти до внутренней пустыни,* где он надеялся встретить кого-нибудь из живущих там отцов, который мог бы духовно просветить его. Зосима шел быстро, словно спеша к какому-то славному и знаменитому прибежищу. Он шел так 20 дней и однажды около шестого часа решил на малое время остановиться и, взглянув на восток, сотворил обычную молитву.

Обыкновенно он в определенные часы дня останавливался на краткий отдых, творил песнопения и, преклонив колени, молился. Тут во время молитвы, когда глаза его были возведены к небу, справа от места, где он стоял, Зосима увидел как бы человеческую тень. Он задрожал от ужаса, думая, что это дьявольское наваждение. Оградив себя крестным знаменем, ибо в это время кончил молитву, и стряхнув страх, Зосима оборотился и увидел, что подлинно кто-то идет в сторону полдня. Человек был наг, темен кожей, словно его опалил солнечный жар, волосы же имел белые, как руно, и короткие, так что они едва достигали шеи. Зо-

* Текст испорчен.

сима, увидев это и словно впад от радости в восторг, исполненный ликования из-за удивительного зрелища, бросился бежать в ту сторону, куда поспешал представший ему муж. Он возвеселился неизреченным веселием, ибо не видел во все те дни ни людского облика, ни следов или признаков зверя или птицы и жаждал узнать, что это за человек и откуда, надеясь стать свидетелем и очевидцем преславных дел. Когда этот путник понял, что издали за ним следует Зосима, он бросился бежать в глубь пустыни. Зосима же, как бы забыв о своей старости и презрев тяготы пути, решил его настигнуть. Он преследовал, а муж тот усиливался уходить. Но Зосима бежал быстрее и вскоре приблизился к убегающему. Когда же настолько близко подошел, что можно было слышать голос, Зосима стал кричать и так со слезами говорил: «Зачем бежишь меня, грешного старца? Раб божий, подожди кто бы ты ни был, ради бога, по любви к которому ты поселился в этой пустыне. Подожди меня, немощного и недостойного, ради надежды своей на награду за подъятый тобою труд. Остановись, удостой старца своей молитвы и благословения ради бога, не отторгающего ни единого человека. Пока Зосима все это со слезами говорил, оба они оказались как бы в ложе, изрытом речным потоком. Я не думаю, что когда-нибудь там протекала река (ибо как это могло быть в пустыне?), но место было тем не менее таково на вид.

И вот, когда они достигли этой впадины, беглец спустился в нее и вышел по другую сторону, а Зосима, утомившись и не в силах долее бежать, стоял на этом краю, непрестанно плача и стная, так что при близости расстояния тому возможно было слышать. Тогда муж тот сказал: «Авва Зосима, прости меня ради бога, но нельзя мне оборотиться и показаться тебе на глаза, ибо я женщина и совсем нага, как ты видишь, и срам моего тела ничем не прикрыт. Но если тебе угодно исполнить просьбу грешницы, дай свое рубище, чтобы мне скрыть то, что выдает во мне женщину, и я повернусь к тебе и приму твое благословение». Ужас и восторг, как он передавал, овладели Зосимой, когда он услышал, что женщина назвала его по имени, Зосимой. Ибо, как муж острого ума, умудренный в вещах божественных, старец понял, что она не могла бы назвать по имени человека, которого никогда прежде не видела и о ком никогда не слышала, не будучи отмечена благодатью предзнания. Тотчас Зосима исполнил то, о чем женщина его просила, и разорвал свой ветхий гиматий, и, повернувшись к ней спиной, бросил половину ей. Женщина, прикрыв то, что прежде всего следовало закрыть, поворачивается к Зосиме и говорит ему: «Зачем тебе, авва Зосима, угодно было увидеть грешницу? Что хотел ты узнать или увидеть, не убоявшись подъять такой труд?». Он, склонив колени, по обычаю попросил благословения, а она, припав к его ногам, просила о том же. Оба они простерты были на земле, и каждый просил благословить его, и оба говорили только: «Благослови». По прошествии достаточного времени

женщина сказала Зосиме: «Авва Зосима, тебе приличнее благословить меня и за меня помолиться, ибо ты почтен пресвитерским саном,¹⁰ уже много лет предстоишь святому престолу и преподаешь святые дары». Это повергло Зосиму в еще сильнееший страх и смятение. Задрожав, старец покрылся испариной и стал плакать, и голос его от стенаний пресекся, и он сказал, прерывисто и часто дыша: «Все обнаруживает, духовная мать, что ты удалилась к богу и умерла для мира. Дарованная тебе благодать угадывается из того, что ты, никогда меня не видев, назвала мое имя и сан. Но, так как благодать измеряется не саном, а достоинствами, ради бога, благослови меня и помолись за меня, ибо я нуждаюсь в твоей помощи».

Тогда, уступив настояниям старца, женщина говорит: «Благословен господь, хотящий спасения душам человеческим и пекущийся о телах наших». ¹¹ Когда Зосима сказал «аминь», оба они поднялись с колен. Женщина говорит старцу: «Зачем ты пришел ко мне, грешной, человече? Зачем пожелал увидеть женщину, не имеющую нисколько добродетели? Если благодать святого духа путеводила тебя ради того, чтобы со временем ты послужил мне, скажи, каковы теперь судьбы христианского рода? Как императоры? ¹² Как устроятся дела церковные?». Зосима говорит ей: «Коротко сказать, по твоим, мать, святым о нас молитвам, Христос даровал всем прочный мир. Но прими недостойную мольбу старца, и помолись обо всем мире, и обо мне, грешном, чтоб не бесплодно было мое долгое странствие по этой пустыне». Женщина ответила ему: «Тебе, авва Зосима, имеющему священнический сан, скорее надлежит, как я уже сказала, молиться обо мне и обо всех, ибо для этого он тебе дан, но, так как мы должны соблюдать послушание, я с охотой подчинюсь твоему велению». С этими словами она обращается к востоку и, возведя к небу глаза и воздев руки, начинает шептать молитву. Голоса не было ясно слышно, потому Зосима не мог разобрать слов молитвы. Стоя на коленях, как он рассказывал, объятый дрожью, он молчал. Зосима, свидетельствуясь богом, утверждал, что, видя, как долго женщина та молится, он немного приподнялся и, взглянув, узрел, что она творит молитву, возвысившись чуть не на локоть ¹³ от земли и застыв в воздухе. Тут его одержал еще больший страх, и в великом смятении он не смел ничего сказать, только в душе своей многожды повторял: «Господи, помилуй». Простертый на земле, старец стал тогда соблазняться в уме своем, не дух ли это злобный и не притворна ли молитва его? Женщина облегчила душу Зосимы, повернувшись и сказав: «Почему, авва, мысли твои смущают тебя и ты соблазняешься обо мне, что я дух, и молитва моя — притворна. Верь, человече, что я — грешница, оборонена, однако, святым крещением; не дух я, а персть земная и прах, всецело плоть, чуждая духа». При этом она осеняет крестным знамением лоб, глаза, губы и грудь, говоря так: «Господь, авва Зосима, да избавит нас от лукавого и от его козней, ибо необо-

рима господня сила». Увидев и услышав такое, старец пал на землю и со слезами обнял стопы ее, говоря: «Заклинаю тебя именем господа Иисуса Христа, рожденного девой, из любви к кому ты облеклась этой наготой и так изнурила свою плоть, не утай от раба своего, кто ты, откуда, когда и каким образом пришла в эту пустыню. Не утай от меня свою жизнь и поведай все, чтобы открылось величие господне, как гласят слова: „Сокрытая мудрость и сокровище невидимое — какая в них польза?“¹⁴ Поведай мне все, ради бога, ибо будешь говорить не для тщеславия и похвалбы, а в назидание мне, грешному и недостойному. Ибо я верую богу, ради коего ты живешь и подвизаешься, и в эту пустыню путешествован был того ради, чтобы господь открыл мне твои подвиги. Не в нашей власти противоборствовать приговорам божим. Не будь угодно Христу, богу нашему, чтобы открылся подвиг твой, он не попустил бы, чтобы кто-нибудь узрел тебя, и не укрепил меня, кому не дозволено было покидать свою обитель, на свершение столь дальнего пути». Когда авва Зосима сказал это и многое другое, женщина возвеселила дух его словами: «Я совещусь, авва, поведать тебе о сраме дел моих, прости мне, ради бога. Но, так как ты зрел нагое мое тело, я обнажу перед тобой и деяния мои, дабы ты узнал, какого позора и нечестия исполнена моя душа. Не из боязни, как тебе мнилось, согрешить тщеславию не хотела я, подлинно сосуд дьявола, поведать о себе: я знала, что, начни я повествовать о своей жизни, ты бежал бы меня, как бегут змеи, не в силах внимать мерзости, которую я творила. Однако поведаю, ни о чем не умолчав, но об одном прошу — не ослабей в молитве за меня, чтобы господь смилостивился надо мной в час своего суда».¹⁵ Старец не переставая плакал, а женщина начала рассказывать свою жизнь, сказав: «Родом я, брат мой, из Египта. При жизни родителей я в двенадцать лет, презрев любовь к ним, ушла в Александрию. Когда я потеряла чистоту и сколь неудержимо и жадно влеклась к мужчинам, я совещусь даже вспоминать, ибо стыд теперь не позволяет мне говорить. Коротко скажу, чтобы ты узнал, как похотлива я была и как падка до наслажденья: 17 лет, да простишь ты мне это, я торговала собой и, клянусь, не ради корысти, ибо часто отказывалась, когда мне предлагали плату. Поступала я так, безвозмездно совершая то, чего мне хотелось, чтобы привлечь к себе большее число желающих. Не думай, что я не брала денег, потому что была богата: мне приходилось просить подающие или прать, но я была одержима ненасытной и неудержимой страстью пятнать себя грязью. Это была моя жизнь: я почитала жизнью постоянное поругание своего тела. Проводя так дни свои, однажды летом я замечаю большую толпу мужчин, ливийцев и египтян, спешащих к морю, и спрашиваю одного из прохожих: „Куда торопятся эти люди?“ Он ответил, говоря: „В Иерусалим на праздник честного воздвижения креста, который наступает через несколько дней“. Я сказала ему: „А возьмут они с собой меня, если я захочу плыть с ними?“ Он мне:

„Если у тебя есть деньги на проезд и на пропитание, никто тебе не помешает“. Я ответила ему: „Правду сказать, брат, у меня нет ни на проезд, ни на пропитание. Все же я пойду с ними на нанятый ими корабль, и, угодно им это или не угодно, они должны будут меня кормить, ибо за проезд я заплачу своим телом“. Мне хотелось отправиться с ними (прости мне, авва), чтобы иметь много любовников к услугам своей похоти. Я предупредила тебя, авва Зосима, чтобы ты не заставлял меня рассказывать о своем распутстве, ибо мне страшно, видит бог, сквернить словами тебя и самый этот воздух». А Зосима, окропляя слезами землю, отвечал ей: «Говори, бога ради, мать моя, говори и не утаивай ничего, что составляет назидательную твою повесть». Она, продолжая начатый рассказ, говорит: «Тот юноша, услышав мои бесстыдные слова, со смехом пошел прочь. А я бросила свое веретено (иногда я его носила с собой) и побежала к морю вслед за бегущей туда толпой, повстречавшейся мне. Заметив на берегу каких-то юношей, около десяти или более человек, крепких телом и стремительных в движениях, показавшихся мне подходящими для того, к чему я стремилась (юноши, видимо, помогли своим спутникам подняться на корабль, ибо некоторые пришедшие раньше уже заняли свои места) по великому своему бесстыдству, я вмешалась в их толпу и сказала: „Возьмите меня с собой, я буду вам не без пользы“. Добавив еще более непристойные слова, я всех заставила рассмеяться. Юноши увидели мою готовность ко всяческой разнузданности и взяли меня на свой корабль, а так как медлить было не для чего, он снялся с якоря. Как я поведаю тебе о дальнейшем, отец? Чей язык мог бы передать и чье ухо выслушать, что было в пути? К чему только не побуждала я этих несчастных даже против их воли?! Нет такого сказуемого или несказуемого разврата, в котором я не была бы для этих несчастных наставницей. Я, авва, дивлюсь, как море стерпело мое распутство, как земля не разверзла свои недра и заживо не поглотила меня, уловившую в свои сети столько душ. Бог, я думаю, хотел моего раскаяния, ибо он не хочет смерти грешника, но, по великодушию своему, ждет его обращения.¹⁶ Так мы достигли Иерусалима. Все дни, которые я прожила в городе до праздника, я провела так же, если не более позорно. Уже мало мне было юношей, с которыми я имела дело во время плавания и которые в пути служили мне, и я совратила многих других, выбирая для этого и жителей Иерусалима и чужеземцев. Когда наступил святой праздник воздвижения креста, я по обыкновению ходила по городу, охотясь за душами юношей, и однажды на рассвете увидела, что все идут в церковь, и пошла с остальной толпой. И вот я вместе с нею вступаю в притвор.¹⁷ Когда пришел час святого воздвижения креста, расталкивая других и в свою очередь теснимая, я пыталась вместе со всеми войти в церковь. С великим трудом мне, несчастной, удалось протиснуться к дверям, ведущим внутрь храма, где молящимся являли животворящее древо креста.¹⁸ Но, когда я была уже на пороге и

все беспрепятственно вошли, меня же не попустила войти какая-то божественная сила, не дав мне переступить порог. Меня снова оттеснили, и снова я одна осталась стоять в притворе. Решив, что причина этого женское слабосилие, я вновь смешалась с входящими в храм и изо всех сил боролась и отталкивала соседей локтями, стараясь пройти вперед. Но все усилия были тщетны, ибо, когда злосчастные мои ноги ступили на порог, все люди беспрепятственно вошли, и только меня, бедную, храм не принимал. Словно воинский отряд, которому приказано было преградить мне вход, некая сила неизменно препятствовала мне, и снова я оказывалась в притворе. Трижды и четырежды безуспешно пытаюсь войти, я выбилась из сил и, будучи не в состоянии расталкивать людей и сносить, чтобы меня толкали (тело мое ослабло от усилий), в конце концов сдалась и отступила в угол притвора. И тогда мне открылась причина, по которой не дано мне было узреть животворящее древо креста, ибо духовные очи мои озарило слово спасения, указуя, что мерзость дел моих закрывала мне доступ в храм. Я начала плакать и скорбеть, ударяя себя в грудь и из глубины души испуская стоны, и тут увидела над собой икону пресвятой богородицы и говорю к ней, не сводя с нее глаз: „Дева владычица, родившая по плоти бога Слово, я знаю, что не должно и не благовидно мне, столь запятнанной грехом, взирать на пресвятой и непорочный лик приснодевы, чье тело и душа чисты и свободны от скверны. Ибо твоя чистота должна по справедливости ненавидеть меня и отвращаться моим распутством. Но поелику, как я слышала, бог, рожденный тобой, для того и воплотился в человека, чтобы призвать грешников к покаянию,¹⁹ заступись за одинокую и ни в ком не имеющую опоры, сделай, чтобы и мне было дозволено войти в храм. Да не лишишь ты меня созерцания креста, на котором распятый во плоти бог и сын твой пролил кровь свою ради моего искупления. Повели, владычица, открыть мне двери, чтобы я могла поклониться святому кресту и рожденному тобой богу; стань моей поручительницей в том, что никогда более не оскверню мою плоть постыдным соитием, но, когда взгляну на крестное древо сына твоего, тотчас отвергнусь мира и всего мирского и тотчас уйду, куда ты, поручительница моего спасения, прикажешь мне и куда поведешь меня“. Так я сказала и, укрепленная своей горячей верой и ободренная состраданием богородицы, покидаю то место, стоя на котором творила молитву. Снова я иду и замешиваюсь в толпу входящих в храм, и сейчас никто уже не отталкивает меня, и я в свою очередь не отталкиваю никого, никто не мешает мне приблизиться к дверям, ведущим внутрь храма. Меня объяли страх и восхищение, и вся я с головы до ног трепетала и содрогалась. Затем я достигла дверей, дотоле недоступных для меня, и, словно сила, прежде препятствовавшая, теперь пролагала мне дорогу, свободно переступила порог, и, взойдя в святой храм, удостоилась зреть животворящий крест, и увидела святое таинство, и поняла, сколь милостив бог к кающемуся.

И вот я, несчастная, пала ниц, лобзая святые те плиты, и поспешно вышла, торопясь к той, что дала за меня поручительство. Я прихожу туда, где скрепила свое обязательство, и, склонив колени пред приснодевой и богоматерью, сказала так: „Ты, милосердная владычица, явила свое ко мне человеколюбие и не отторгла мольбы грешницы, и я узрела прославление, которое справедливо не можем зреть мы, нечистые. Хвала богу, по заступничеству твоему принимающему раскаяние грешников. Что я, грешница, могу думать и говорить? Пришел час, владычица, чтобы исполнились слова твоего за меня поручительства. Ныне путеводи меня, куда тебе угодно, ныне будь мне и наставницей спасения, и руководительницей на пути покаяния“.

Говоря это, я вдали услышала глас: „Перейди Иордан и обретешь блаженное успокоение“. Услышав этот глас и уверовав, что он обращен мне, я в слезах вскричала к богородице: „Владычица, владычица, не оставь меня“. С этим я покидаю притвор храма и спешу прочь. Когда я выходила, какой-то человек дал мне три фолія,²⁰ сказав: „Возьми, амма“.²¹ Я на эти деньги купила три хлеба и взяла их в благословение пути своего, спросив хлебопека: „Где проходит дорога на Иордан, человече?“ Узнав, какие ворота ведут в ту сторону, я бегом вышла из города и в слезах пустилась в путь. Своими расспросами опережая чужие, я без отдыха шла весь день (кажется, был третий час дня, когда я узрела крест) и на закате солнца пришла наконец к храму Иоанна Крестителя у Иордана. Прежде всего сотворив там молитву, я тотчас вошла в Иордан и окропила той священной водой лицо и руки, затем в храме Предтечи причастилась чистых и животворящих тайн, съела половину одного хлеба и, напившись воды из Иордана, легла спать на земле. Утром я нашла недалеко от этого места малую ладью, переправилась на другой берег и снова стала просить богородицу путеводить меня, куда ей будет угодно. И вот я оказалась в этой пустыне и, с той поры до сегодняшнего дня пребывая здесь, бегу мира, ожидая господя моего, спасающего от маловерия и тревожностей²² тех, кто приходит к нему». Зосима сказал ей: «Сколько лет, госпожа моя, пребываешь ты в этой пустыне?». Женщина ответила: «Кажется, тому 47 лет, как я покинула святой город». Зосима сказал: «Чем же ты питаешься, госпожа моя?». Женщина сказала: «Два с половиной хлеба были у меня с собой, когда я переправилась через Иордан; вскоре они зачерствели и высохли, и я их понемногу съела». Зосима сказал: «И столько-то лет ты прожила вовсе без печали и при столь внезапной перемене вовсе не ведала соблазна?». Женщина ответила: «Ты спросил меня ныне, авва Зосима, то, о чем мне страшно даже говорить. Ибо, если теперь стану вспоминать все опасности, которые претерпела, и ужасные мысленные соблазны, боюсь, что вновь они одержат меня». Зосима сказал: «Не умалчивай ни о чем, госпожа моя, ибо единожды я уже попросил тебя, чтобы, ничего не опуская, ты во всем меня поучила». Она сказала: «Истинно, авва, семнадцать лет я сражалась в этой пустыне с необуз-

данными своими страстями, как с лютыми зверьми. Когда я садилась есть, мне хотелось мяса и египетской рыбы, хотелось вина, столь мною любимого, ибо, живя в миру, я много его пила; здесь же, не находя и воды, я сгорала от жажды и несказанно страдала. Посещала меня и безрассудная тоска по разгульным песням, постоянно смущая меня и побуждая напевать их демонские слова, которые я помнила. Тогда я плакала и била себя в грудь, вспоминая об обете, который дала, удаляясь в пустыню, и однажды мысленно очутилась я пред иконой богоматери, моей поручительницы, и жаловалась ей, умоляя прогнать соблазны, осаждающие мою злосчастную душу. Однажды, когда я долго плакала и сколько доставало сил наносила себе удары, какой-то свет внезапно озарил меня. И с тех пор настала для меня после треволнения великая тишь. Как, авва, поведаю тебе о помышлениях, снова толкавших меня в блудный грех? В моем злосчастном сердце горело пламя и всю меня жгло, возбуждая похоть. Едва этот помысел посещал меня, я бросалась на землю и обливала ее слезами; мне думалось, что моя заступница и хранительница явилась сюда, чтобы покарать нарушительницу своего обета. Случалось, я по суткам лежала так, пока тот сладостный свет не изливался на меня, прогоняя соблазнявшие ко греху помыслы. Впоследствии я всегда обращала духовные свои глаза к моей поручительнице, прося помочь мне, терпящей бедствие в море этой пустыни. И она была мне опорой в моем раскаянии. Так во множестве искушений прошло 17 лет. Но с той поры до сего дня богогодица не оставляла меня и руководствовала во всем». Зосима сказал ей: «Неужели ты не испытывала недостатка в еде и одежде?». Она отвечала ему: «Съев те хлеба, о которых упомянула, я 17 лет питалась травами и тем, что могла найти в пустыне. Гиматий же, бывший на мне, когда я переправилась через Иордан, сносился. Мне пришлось немало страдать от холода и летнего зноя, когда меня палила жара или, дрожащую, сковывал холод, так что часто я падала наземь и лежала почти бездыханно и недвижимо. Я постоянно сражалась с кознями и ужасными искушениями дьявола. Но с того времени и до сих пор сила божия всяким путем обороняла мою грешную душу и жалкое тело. Ибо одно воспоминание о том, из скольких опасностей я была ею спасена, насыщает меня нетленным брашном, надеждой на спасение. Ведь брашно мое и крепость — слово господне. Ибо не хлебом единым живет человек,²³ и совлекшие с себя покров греха облекаются скалой, когда им нечем скрыть наготу».²⁴ Зосима, услышав, что она еще сохраняет в памяти слова Писания, из книги Моисеевой, Иова и Псалтыри,²⁵ сказал ей: «Ты, госпожа моя, читала только Псалтырь или и другие священные книги?». На это она улыбнулась и говорит старцу: «Истинно, я не видела человека с тех пор, как переправилась через Иордан, кроме как сегодня тебя, не встречала и ни единого зверя, ни другой какой твари, как пришла в эту пустыню. Грамоте же я никогда не училась и не слышала даже, как

поют псалмы или что-нибудь оттуда читают. Но Слово божие, наделенное жизнью и силой, само дает человеку ведение. Здесь кончается моя повесть. Но как в начале ее, и ныне заклинаю тебя воплощением божественного Слова молиться обо мне, грешной, перед господом». Так сказав и так свершив свой рассказ, она пала к ногам Зосимы. И снова старец со слезами вскричал: «Благословен бог, творящий великие, чудные, славные и предивные дела, которым нет числа. Благословен бог, показавший мне, как он награждает тех, кто боится его. Истинно, господи, ты не оставляешь взыскующих тебя». Женщина, удержав старца, не позволила ему пасть ей в ноги и сказала: «Все, что ты услышал, человеце, заклинаю тебя нашим спасителем Христом никому не рассказывать, пока бог не разрешит меня отселе. А теперь ступай с миром — на следующий год ты увидишь меня, а я тебя, хранимого благодатью господней. Сделай, ради бога, то, о чем я тебя ныне прошу, — в будущий великий пост не переходи, как принято у вас в монастыре, Иордан». Зосима удивился, что ей ведомо монастырское правило, и сказал только: «Слава богу, дарующему великие блага любящим его». Она говорит: «Оставайся, авва, как я тебе сказала, в монастыре; ведь, если б и захотел, невозможно тебе будет выйти. В день святой тайной вечера²⁶ возьми для меня в священный и достойный подобных таинств сосуд от животворящего тела Христова и крови и стой на том берегу Иордана, который ближе к поселениям, чтобы я могла прийти и причаститься святых даров. Ибо с тех пор, как я приобщилась в храме Предтечи, до того, как перейти Иордан, до сего дня не приобщалась и теперь всей душой этого жажду. А потому, молю, не пренебрегай моей просьбой и принеси мне те животворящие и святые тайны в тот самый час, когда господь созвал учеников на святую свою вечерю. Авве же Иоанну, игумену твоего монастыря, скажи так: „Призри на себя и на овец своих, ибо они творят дурные дела, которые должно исправить“. Но я не хочу, чтобы ты сейчас сказал ему об этом, а когда бог повелит тебе сделать так». Кончив и сказав старцу: «Помолись за меня», она снова скрылась во внутренней пустыне. Зосима склонил колени и припал к земле, где напечатлелись следы ее, восславил, и возблагодарил господя, и в ликовании души и тела пошел назад, славословя господя нашего Христа. Вновь пройдя ту пустыню, он вернулся в монастырь в день, когда у тамошних монахов было принято возвращаться.

Весь год Зосима молчал, не смея никому рассказать то, что он видел, но в душе молил бога снова явить ему желанный лик. Он страдал и сокрушался, что ждать придется целый год, и желал, если б это было возможно, чтобы год оборотился одним днем. Когда же наступило воскресенье перед великим постом, все тотчас после обычной молитвы вышли из монастыря с песнопениями, а Зосиму одержала лихорадка, которая заставила его остаться в келии. Он вспомнил слова святой, сказавшей: «Если б и захотел, невозможно тебе будет выйти из обители». Спустя немного дней он восстал от болезни, но оставался в монастыре. Когда же прочие

монахи вернулись и наступил день тайной вечери, он сделал то, о чем женщина попросила его. Взяв в малый сосуд пречистого тела и честной крови господа нашего Христа и положив в корзинку фиг, фиников и немало моченых бобов, он поздним вечером покидает монастырь и в ожидании прихода святой садится на берегу Иордана. Хотя пресвятая медлила своим появлением, Зосима не сомкнул глаз и непрестанно смотрел в сторону пустыни, ожидая ту, кого желал увидеть. Сидя так, старец говорил себе: «Может быть, она не идет из-за какого моего прегрешения? Может, не нашла меня и воротилась назад?». Говоря так, он заплакал, и в слезах стенал, и, воздев глаза к небу, так молил бога: «Не отнимай у меня, господи, блаженства снова увидеть то, что дозволил единожды лицезреть. Да не уйду я только с тяжестью обличающих меня грехов». После этой слезной молитвы иная мысль посетила его, и он стал говорить себе: «Что будет, если она придет? Ведь ладьи нигде нет. Как она переправится через Иордан и подойдет ко мне, недостойному? Увы мне, жалкому, увы несчастному! Кто по грехам моим не дал мне вкусить такого блага?». Пока старец думал такие думы, се явилась святая и стала на том берегу реки, откуда шла. Зосима поднялся в радости и ликования со своего места, славя бога. И опять приступило к нему сомнение, что она не сможет перейти Иордан. И видит тогда (ночь выдалась лунная), как святая осенила крестным знаменем Иордан и вступила в воду, и пошла по воде немокренно, и направилась к нему. Еще издали она остановила старца и, не позволяя ему пасть ниц, крикнула: «Что ты делаешь, авва, ведь ты иерей и несешь святые дары?». Он повиновался, и святая, выйдя на берег, сказала: «Благослови, отец, благослови меня». Он, дрожа, ответил ей: «Подлинно неложны слова господа, рекшего, что по силам очищающие себя подобны богу.²⁷ Слава тебе, Христос, бог наш, виявший мольбе моей и явивший милосердие рабу своему. Слава тебе, Христос, бог наш, через эту свою рабу открывший мне великое несовершенство мое». Женщина попросила прочесть святой символ веры и «Отче наш, сущий на небесах».²⁸ Когда Зосима кончил творить молитву, она по обычаю облобызала уста старца. Причастившись так животворящих тайн, она воздела руки к небу, стала стенать и плакать и вскричала: «Ныне отпускаешь рабу твою, владыко, по слову твоему, с миром. Ибо видели очи мои спасение твое».²⁹ Потом говорит старцу: «Прости, авва, прошу тебя исполнить еще одно мое желание. Сейчас ступай в свой монастырь, хранимый благодатию божией, а на следующий год снова приди в то место, где я в первый раз тебя видела. Ступай, ради бога, и вновь по воле божией узришь меня». Старец отвечал ей: «О если б мне было возможно сейчас последовать тебе и вечно видеть честной твой лик. Но исполни единственную просьбу старца — вкуси немного от того, что я принес тебе здесь». И с этими словами он показывает ей свою корзинку. Святая, только кончиками пальцев притронувшись к бобам, взяла три зернышка и поднесла их ко рту, сказав, что довольно и духовной благодати, хранящей в чи-

столе душу человека. Затем снова говорит старцу: «Помолись, ради бога, помолись за меня и вспоминай меня, злосчастную». Он, припав к стопам святой и призывая ее молиться за церковь, за государство и за него, отпустил со слезами, ибо не дерзал долее удерживать свободную, и ушел, стелая и жалуясь. Святая вновь перекрестила Иордан, вошла в воду и, как прежде, прошла по ней. Старец возвращался, исполненный ликования и великого страха, коря себя за то, что не спросил имени святой; однако надеялся сделать это в следующем году.

По прошествии года старец, свершив положенный срок, снова идет в пустыню, торопясь к той пречудной. Пройдя довольно по пустыне и обнаружив приметы, указывающие ему место, которое искал, Зосима стал озираться по сторонам и все оглядывать в поисках сладчайшей добычи, подобно опытному ловчему. Когда же удостоверился, что нигде ничего не видно, заплакал и, подняв глаза к небу, стал творить молитву, говоря: «Яви мне, владыка, сокровище твое некрадомое, сокрытое тобой в этой пустыне. Яви мне, молю, ангела во плоти, которого недостойн мир». Так молясь, он оказался как бы в изрытом рекой устье и увидел в восточной его части ту святую женщину, лежащую мертвой; руки ее были сложены по обычаю, а лик обращен к восходу. Подбежав, он омочил слезами ее стопы, к остальному же ее телу не смел прикоснуться. Довольно часов плакав и прочитав приличествующие времени и обстоятельству псалмы, сотворил молитву погребения и сказал себе: «Не знаю, схоронить останки святой или ей это будет неудобно?». Говоря это, он видит в голове ее начертанную на земле надпись, гласящую: «Здесь схорони, авва Зосима, останки смиренной Марии и прах предай праху, непрестанно вознося молитвы господу за меня, скончавшуюся по египетскому счислению месяца Фармуфа,³⁰ по ромейскому³¹ апреля в ночь страстей Спасителя по принятии святых тайн». Прочитав эту надпись, старец возликовал узнав имя святой, а также и то, что она, причастившись у Иордана святых тайн, тотчас очутилась в месте своего отшествия. Путь, который Зосима с трудом прошел за двадцать дней, Мария свершила в один час и сразу отошла к господу. Слава бога и окропля слезами тело Марии, он сказал: «Время, смиренный Зосима, свершить повеленное. Но как, несчастный, ты сможешь вырыть могилу, когда нет у тебя в руках ничего?». Сказав это, он увидел неподалеку малый обломок дерева, лежащий в пустыне. Подняв его, Зосима начал рыть землю. Но земля была суха и не поддавалась его усилиям, а старец устал и обливался потом. Испустив из глубины души стон и подняв голову, он видит, что могучий лев стоит у останков святой и лижет стопы ее. Старец при виде льва задрожал от страха; особенно когда вспомнил слова Марии, что никогда она не встречала в пустыне зверя. Осенив себя крестным знамением, он ободрился, уповая на то, что чудесная сила усопшей сохранит его невредимым. Лев же стал ластиться к старцу, выказывая дружелюбие движениями тела и всей повадкой. Зосима сказал льву: «Зверь, великая заповедала схоронить ее

останки, а я — старец и не имею сил выкопать могилу, вырой ее когтями, чтобы нам предать земле тело святой!». Тотчас же лев передними своими лапами изрыл яму, достаточную, чтобы схоронить тело. Старец снова окропил ноги святой слезами и, прося ее молиться обо всех, предал тело земле (лев при этом стоял поблизости). Оно было, как и прежде, нагим, одетым только тем лоскутом гиматия, данным ей Зосимой, которым Мария, отвернувшись от него, прикрыла свой срам. После этого оба удалились: лев, подобно овце, отступил во внутреннюю пустыню, а Зосима повернул назад, благословляя господу нашего Христа и воссылая ему хвалы. Возвратившись в свой монастырь, он обо всем рассказал монахам, не скрыв ничего из того, что ему довелось услышать и увидеть, но все с самого начала им передал, так что они дивились величию господню и со страхом и любовью чтители память святой. А игумен Иоанн нашел в монастыре людей, нуждающихся в исправлении, так что и здесь слово святой не оказалось праздным или бесполезным. Зосима скончался в этом монастыре почти ста лет от роду. Монахи из поколения в поколение изустно передавали это предание, пересказывая в назидание всем желающим внимать. Но мне неизвестно, чтобы до сих пор кто-нибудь предал его письму. Я записал то, что дошло до меня изустно. Другие, быть может, тоже описали жизнь святой и много меня искуснее, хотя ни о чем подобном я не слышал, а потому, как мог, составил этот рассказ, заботясь более всего об истине. Господь, щедро воздающий тем, кто прибегает к нему, да сделает поучение читающих наградой мужу, повелевшему мне составить эту запись или повесть, и да удостоит его места и чести, заслуженных блаженной этой Марией, о которой здесь было сказано купно со всеми от века своими угодниками, почтенными за созерцание и свершение деятельной добродетели. Восславим же и мы господу, чье царствие во веки, дабы удостоил и нас в судный день своего милосердия во Иисусе Христе, господе нашем, всяческая слава которому, честь и вечное поклонение с безначальным отцом и пресвятым, благим и животворящим духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

❧ ❧

ПРЕИСПОЛНЕННАЯ ВЕЛИКОГО НАЗИДАНИЯ ПОВЕСТЬ О ЖИТИИ И ДЕЯНИЯХ БЛАЖЕННОГО И ПРАВЕДНОГО ФИЛАРЕТА МИЛОСТИВОГО

Я хочу рассказать вам, возлюбленные, о боголюбезном и безукоризненном житии праведного мужа, который угождал богу, и почтен был по милостивости своей, и в тяготах жизни благодарил господу, и достиг, уповая на него, после крайней бедности величайшего богатства. Склоните потому слух свой к моему исполненному немалою назидания рассказу. Ведь добродетельная жизнь святого — пример для тех, кто стремится ко благу и спасению.

В Пафлагонской земле есть деревня, называемая Амния, зависимая от главного города Гангры.¹ Там жил человек по имени Филарет, родом из знатных людей Понта и Галатии,² сын некоего Георгия земледельца, одного из первых тамошних людей, достояние которого было нажито трудом его слуг. Этот Филарет был благочестив, богобоязнен и весьма богат. Было у него много скота — шестьсот быков, сто пар волов, восемьсот коней на пастбищах, восемьдесят выездных лошадей и мулов, двенадцать тысяч голов овец, пятьдесят пригородных имений с большим количеством земли, одно поодаль от другого, которые стоили очень дорого. Ведь в каждом из них бил горный источник, вдосталь орошающий все, что должно было напитать его водой, было также множество рабов с женщинами и детьми. Блаженный Филарет имел и супругу по имени Феосево; она тоже была благородная и богобоязненная и принесла ему немало богатство. У них были дети — красавец сын по имени Иоанн и две дочери: одну звали Илатия, другую звали Еванфия. Они были очень хороши собой и красотой своей затмевали в те времена всех.

Филарет этот был милостив, весьма нищелюбив и страннолюбив, одевал раздетого, пришедшим издалека давал все необходимое, а когда человек у него что-нибудь просил, с радостью давал и, сначала накормив за своим столом, отправлял в путь, уподобляясь странноприимцу Аврааму и преславному Иакову.³ Так он долгое время жил. Имя его стало известно по всей восточной земле и вблизи нее, а милосердие прославилось среди всех людей. И, если кто лишался быка, лошади или другого

животного, он шел к блаженному, чтобы пожаловаться ему, и всякий по своему выбору получал из его стада скотину, которая была ему нужна, но сколько блаженный ни отдавал, стадо его вдвое приумножалось.

Диавол, увидев простоту этого мужа, позавидовал ему, как некогда праведному Иову,⁴ и хлопочет, чтобы Филарет обеднел: ему захотелось посмотреть, таково ли будет сострадание праведника ко всем, как прежде. Ведь особенного добра, говорил этот злокозненный, милостивец не делает, когда уделяет нуждающимся от избытка. Затем диавол получил от бога соизволение (ведь без этого ничего нельзя сделать: «только господь, по слову пророчицы Анны, делает нищим и обогащает»),⁵ чтобы Филарет по-прежнему раздавал бедным свой скот и все прочее, что у него было — при том, что бог не будет возмещать убытка сторицей; в конце концов праведник из-за таких дарений, из-за нашествия измаилитов⁶ и по множеству разных других причин впал в крайнюю бедность. У него не осталось ничего, кроме пары волов, лошади, осла, коровы с теленком, одного раба и одной служанки, а все его имения были захвачены соседними династиями⁷ и земледельцами. Ведь увидев, что Филарет обеднел и не в состоянии обрабатывать свои пашни, они, кто силой, кто добром, поделили имения его между собой, а ему оставили только отцовский дом, в котором Филарет жил. Претерпев такое, он не печалился, не богохульствовал, не досадовал, но, как человек, нечаянно разбогатевший, исполняется радости, так он радовался, когда обеднел, ибо сбросил с себя тяжелое бремя богатства: он помнил слова Спасителя «трудно богатому войти в царствие небесное»⁸ и что «богатство — благо для тех, кто пользуется им разумно, бедность — благо для терпеливых».⁹

Однажды Филарет запряг волов и отправился в поле пахать. Он работал, благодаря бога за то, что в поте лица ел хлеб свой,¹⁰ и следовал слову апостола: «Трудясь, надобно поддерживать слабых»¹¹ и «Праздный, да не ест».¹² Филарет старался своими руками добывать себе каждодневное пропитание и давать нуждающимся то, что им необходимо. Памятуя слова: «Блажен пекущийся о жизни скота своего»,¹³ он останавливал волов и молился, благодаря бога за такую свою бедность.

У одного человека, который пахал свою пашню, пал вол. Подумав об убытке, жестокости и несговорчивости заимодавцев, когда дело касается лихвы, пахарь стал печалиться, и плакать, и жаловаться, взывая к богу: «Господи, нет у меня ничего, кроме этой упряжки волов, и по множеству бед моих не знаю, как теперь прокормлю жену и девятерых малых детей? Чем заплачу подать императорам? Откуда сыщу денег заимодавцу? Ты ведь ведаешь, владыка, что волов я купил в долг. Что мне делать, не знаю. Брошу дом свой и убегу далеко отсюда, пока мои заимодавцы ничего не узнали и не набросились на меня, как дикие звери. О, господи, если бы нищелюбец Филарет не обеднел, я бы смело пошел к нему и получил от него второго вола и подвел бы его под ярмо, забыв, что

остался без своего. Но теперь и он ничего не имеет». Тут земледелец, подумав, сказал себе: «Пойду-ка я к нему и хотя расскажу о своей беде, чтобы он поплакал вместе со мной, — даже это будет мне утешением в горе. Ведь я знаю, пусть он и не может ничего мне дать, но остался по-прежнему милосерден. Ведь так уж заведено — людям в несчастье плакаться своим друзьям и от этого получать некоторое утешенье, а в счастье радоваться с ними, ликовать и от всего сердца выказывать свою любовь, как говорит апостол: «Плачьте с плачущими и радуйтесь с радующимися, будьте единомысленны между собою, не высокоумрствуйте, но последуйте смиренным»,¹⁴ с нищими будьте нищим, плачьте с плачущими, помогайте бедствующим, будьте опорой слабым и не надейтесь на непременное богатство». И вот, взяв свое стрекало, он пошел к прежде воистину богатому Филарету, не изменившему своим добрым нравам. Земледелец нашел Филарета пахущим поле и стал со слезами рассказывать о своей беде. Только услышав о горе земледельца, Филарет тотчас выпряг одного из своих волов и отдал ему, так как счел за лучшее так выказать ему свое сочувствие и помочь его беде. А земледелец, глядя на это, говорит: «Господин, я знаю, что второго вола у тебя нет. Как же ты будешь пахать свое поле?». Старец сказал: «У меня ведь остался один, очень большой и сильный вол, он нас всех прокормит. Ты же бери этого и скорее уходи, чтобы твой вол не стоял зря, а домочадцы и жена не успели пока узнать о случившемся и не опечалились еще больше, чем ты». Земледелец взял вола и пошел, славя бога и молясь за того, кто пожалел его, а досточтимый погнав своего единственного вола и, взвалив на спину ярмо и рало, отправился в дом свой. Жена его увидела, что возвращается один вол, а Филарет тащит на себе ярмо, и говорит: «Господин мой, а где второй вол?». Филарет сказал: «Я разомлел на солнцепеке и распряг волов, чтобы они паслись, а я немного передохнул. Когда же я заснул, вол убежал в поле».

Сын Филарета отправился искать вола и увидел его в упряжке земледельца. Узнав свою скотину, он сильно рассердился и начал ругать земледельца, грозя отстегать его плетью и говоря: «Как ты посмел запрячь чужого вола? Не иначе вы считаете, что нас уже нет на свете, раз из столь богатых мы превратились в совершенно нищих».

Земледелец ответил: «Дитя, твой отец отдал мне вола» и рассказал ему о своем несчастье. Юноша, услышав, что отец отдал вола, ушел в огорчении и обо всем сказал матери. Она в печали души своей воскликнула: «Горе», и, сорвав головную повязку, стала рвать волосы и в сердечной тоске подошла к мужу и закричала с плачем, называя его потатчиком лентяев, ленивцем, медносердым, безжалостным и бессердечным; она добавила и такие слова: «Да, тебе не жаль меня, несчастную, пожалел хотя бы детей. Как им жить? Но ты — тверже камня, и у тебя нет сердца: чтобы увильнуть от работы и полеживать в тени, ты отдал вола, а не бога ради».

Филарет же кротко сносил упреки жены и, ничего не отвечая, улыбался, чтобы не поддасться гневу и не погубить своего добродетения. Таков был этот пречудный муж, что не только неустанно пекся о нуждающихся, но, исполненный скромности и смирения, присоединил к этим двум добродетелям еще и благотворительство.

Хотя жена долго бранила его в печали души своей, он по кротости ответил ей только: «Богат господь, и я слышу слова его: „Взгляните на птиц небесных — они не сеют, не жнут, не собирают в житницу, и отец наш небесный питает их“.¹⁵ Тем паче нас он напичкает, что мы лучше их. И еще „Не заботьтесь о завтрашнем дне,¹⁶ что будете есть и пить и во что оденетесь. Потому что всего этого ищут язычники“.¹⁷ „Ищите прежде всего царствия божия, и это все приложится вам“,¹⁸ и „получите сторицей“;¹⁹ и унаследуют жизнь вечную „те, кто ради Христа и Евангелия“,²⁰ раздавали свое добро бедным... * если за одного вола мы получим сторицей?». Так он говорил не потому, что хотел в веке сем получить сторицей, но чтобы утешать малодушные супруги. Она же, услышав эти слова, замолчала.

Пять дней спустя вол, который оставался у того земледельца, поев на пастбище ядовитой травы, называемой чемерицей, вдруг упал в судорогах наземь и издох. И земледелец, горько жалуясь на свое несчастье, с волом, которого получил от Филарета, пришел к нему и сказал: «Грех, который я совершил по отношению к твоим детям, взяв вола, пал на меня. Бог не потерпел моего проступка и отнял моего второго вола». А боголюбивый Филарет, отошедши, привел оставшегося у него вола и дал земледельцу со словами: «Бери и этого и ступай пахать свое поле. Я собираюсь уйти далеко из этих мест, зачем же вола стоять без дела». Он говорил это для того, чтобы земледелец не отказался взять его. Получив вола, земледелец радостно возвратился в дом свой, благодаря бога и дивясь простоте Филарета, который даже в такой бедности не перестал творить дела милосердия.

Тут дети Филарета и жена стали плакать и говорить между собой: «Беда от этого человека, этого юродивого старика и чадоненавистника. При всей нашей бедности утешением нам была упряжка волон, с ней мы и в голод не пропали бы». Святой старец, слыша вопль детей и жены, сказал, клятвой подтверждая свои слова: «Дети мои, не печальтесь — в тайнике у меня спрятано премного денег; если вы проживете даже сто лет и ничего не наживете, их хватит и на пропитание, и на одёжу. Скот, который, как вы знаете, у нас прежде был, я тайно распродал, предвидя теперешнюю нашу бедность и грозящий голод; еще от своих родителей я слышал, что не велик со скотины прок — она ведь легко гибнет от зимней стужи, мора или вражеских вторжений. Потому я решил постепенно продавать своих волон и вырученные деньги

* В тексте пропуск.

надежно прятать в крепкий сосуд, который ничего не боится. И так много их там, что мне было не счесть». Услышав от отца эти слова, подкрепленные клятвой, они утешились, хотя и были глубоко опечалены его поступками. Праведник же провидел мысленно будущее нерасточимое богатство господне, щедро уделяемое тем, кто соблюдает его заповеди.

Через некоторое время от императоров пришел приказ выступить против измаилитов, которые грабили ромейские земли. Так как предстоял смотр, с воинов требовали коней и повозки. Один из воинов по имени Мусулий, человек весьма бедный, ничего не имел, кроме единственного коня; за день до смотра его конь стал вдруг кружиться, в судорогах упал на землю и испустил дух. Оказавшись в безвыходном положении, так как он не был в состоянии купить другого, воин идет к святому мужу Филарету и рассказывает ему о своей бедности и случившемся несчастье и просит одолжить ему коня и спасти от наказания, угрожающего от начальника тем, кто не имеет необходимого снаряжения. Праведник сказал ему: «Когда кончится смотр и ты вернешь лошадь, что тогда будешь делать?». Тот сказал: «Пусть только минет этот день, и сотник не накажет меня плетью, а потом я убегу и скроюсь где-нибудь далеко отсюда. А дальше, как быть, не знаю». Только услышав это, старец вывел быстрого и красивого коня и с радостью отдал воину, сказав: «Прими, брат, этот малый дар, и да будет господь с тобою во всяком месте, и он сохранит тебя невредимым на войне». Получив коня, воин ушел в великой радости, славя бога и молясь за старца. А жена милостивца и дети, поверив, что у него спрятано много денег, не сердились за это и не досаждали ему, чтобы он открыл свой тайник. Теперь у Филарета оставались только корова с телянком, осел и достаточно полных меда ульев.

К нему пришел другой бедняк с такой просьбой, говоря: «Дай мне телянка из своего стада; чтобы мне обзавестись от твоего даяния скотиной, ибо дар твой доброхотен и когда попадет в чей-нибудь дом, приумножается его достаток». Блаженный Филарет охотно отдал телянка бедняку, сказав: «Бог пошлет тебе прибыль». Тот ушел в радости. А корова, matka этого телянка, идет к двери дома, громко мыча, так что разжалобила старца и заставила его сокрушаться. Его жена, услышав рев коровы, тоже почувствовала к ней сострадание, так как сама рожала и кормила, и сказала мужу: «Ну, ладно, детей своих ты не пожалел. Неужели не болит у тебя душа за несчастную корову? Как мог ты разлучить ее с телянком? Ты, видно, легко расстался бы со мной или с нашими детьми». Божий человек, встав, обнял и благословил ее, сказав: «Благослови тебя бог за твои справедливые слова. Ведь, истинно, я был бессердечен и жесток, когда разлучил телянка с его матерью, и прогневил этим господя». Филарет бросился вдогонку за бедняком и стал кричать: «Веди назад телянка, потому что matka его ревет перед дверьми моего дома». Тот вернулся с телянком, думая, что старец каялся теперь из-за

своего столь дорогого подарка. Когда корова увидела своего теленка, она побежала к нему, и стала его облизывать, и дала ему сосать. Благочестивый немало возрадовался. И вот святой сказал бедняку: «Брат, по словам моей жены, я совершил грех, разлучив теленка с его матерью: возьми же ее в придачу и ступай своей дорогой, и господь благословит и приумножит скотину в твоём доме, как некогда и мое стадо». Так оно и случилось. Ведь после получения этого дара у бедняка завелось много быков, и он стал богат и владел стадом, большим, чем некогда Филарет. Жена же старца корила себя, говоря: «Поделом мне, не скажи я ничего, у наших детей была бы корова».

Теперь у них оставался только осел да пчелы. Но в это время начался голод, и праведник, не в состоянии прокормить детей и жену, взял осла и пошел далеко к своему другу и занял у него шесть модиев²¹ зерна и, взвалив их на осла, привез домой; а жена его и дети исполнились радости. Когда он сел отдохнуть с дороги, к нему пришел нищий и попросил пригоршню зерна. Милостивец сказал жене — она вместе со служанкой веяла зерно: «Жена, этому брату моему дай один модий, по модию отдели детям, модий моей жене и модий служанке, а что осталось — тому, кто попросит». Снова он говорит жене: «А мне ты ничего не уделаила?». Она сказала: «Ты ведь ангел, а не человек, и брашна тебе не надобно. А было б надо, то от полученного взаимно зерна, которое ты привез за столько миль,²² не отдавал бы на сторону». И, вне себя, жена сказала: «Благочестия ради дай ему два модия». Филарет сказал: «Благослови тебя господь». И, отмерив два модия, отдал брату. Жена с насмешкой говорит ему: «На твоём месте я добавила бы ему еще модий». Он отмерил модий и дал нищему. Нищий, не имея мешка для зерна и не зная, как быть, собирался уже скинуть с себя одежду, а был он в одном хитоне. От жены Филарета не скрылось замешательство нищего и желание мужа поскорее снарядить его в путь, и она, как прежде, с насмешкой сказала: «На твоём месте я бы дала нищему мешок». Филарет так и сделал. Тогда жена швырнула на пол сито, в котором веяла зерно, и стала рвать на себе волосы и говорить мужу: «Ради меня отдай ему и второй полный мешок». Он так и сделал. А нищий в затруднении, так как ему было не снести шесть модиев, воскликнул, обращаясь к этому обновленному Иову:²³ «Господин, пусть все зерно остается здесь, а два модия я понемногу перенесу в свою хижину. Ведь унести все сразу мне не под силу». Феосево услышала эти слова и со стенанием говорит мужу: «Дай человеку осла, чтобы он не надорвался». Филарет благословил свою жену, снарядил осла и, нагрузив его, отдал нищему, и отпустил с миром во свояси, и стал повторять известные слова «да не знает нищий заботы», «наг я вышел из чрева матери моей, и наг возвращусь».²⁴ А жена его с детьми сидела не евши, не имея из чего спечь хлеб; не в силах смотреть, как голодают ее дети, она пошла к какому-то соседу спросить займы хлеба. Ей удалось достать один хлеб и, набрав дикорастущих

овощей, она дала детям. И они вечером поели и легли спать, а старца не позвали к столу. Он без всякой на них злобы отправился к соседу, и, поев, заснул, благодаря бога.

Один из прежних друзей Филарета, сборщик налогов, услышал, что этот достославный человек впал в нищету, и в память старой дружбы нагрузил на сорок мулов сорок модиев зерна и послал ему, написав: «Пусть это будет пропитанием тебе и твоим домашним, а когда израсходуешь, я пошлю тебе столько же».

Получив зерно от тех, кто его доставил, Филарет благословил бога, не оставляющего уповающих на него. Жена же сказала ему: «Выдели мне с нашими детьми полагающуюся нам долю, а со своей частью поступиай, как знаешь». Он сказал: «Я сделаю, как тебе угодно», и выделит им по пять модиев. Взяв свою часть, праведник дал от нее нищему, когда тот пришел, и за два дня все роздал бедным. В час трапезы жена его и дети садились за стол и старец подходил к ним, с улыбкой говоря: «Принимайте, дети, гостя». Им приходилось приглашать его, и он ел вместе с ними. Дети говорили: «Когда же ты возьмешь из тайника деньги, и купишь себе съестного, и будешь сыт? Ведь ты отбираешь и ешь хлеб, который дал нам». Филарет отвечал «Будьте спокойны, дети, — теперь уже я их скоро достану».

У Филарета оставалось только двести пятьдесят ульев, правда, очень хороших и дающих много меда. Когда же к нему пришел нищий, Филарет, не имея более ничего, провел его в улейники, и открыл улей, и, достав мед, досыта накормил нищего, и сам поел. Делая так каждодневно, он роздал и весь мед. Сохранился только один улей. Дети Филарета знали, что для них не осталось даже меда, и вечером тайком сходили в улейники и до дна очистили последний улей, но слегка помазали его, чтобы отец ни о чем не догадался. Снова пришел другой нищий за подаянием. Праведник за руку привел его в улейники, так как не имел иного подаяния, кроме меда. Открыв улей и обнаружив, что он пуст, Филарет, не задумываясь, снимает с себя хитон и дает нищему. Когда праведник вернулся домой, жена, увидев, что на нем только один хитон, сказала: «Господин мой, где твой второй хитон? Не отдал ли ты его нищему?». А он в смущении сказал сыну: «Дитя, сбегай на пчельник — я забыл его там». Тот пошел, и, ничего не найдя, вернулся, и рассказал об этом матери. Она же, думая, что Филарет говорит правду и огорчаясь, что муж ее остался без верхнего хитона, принесла свое платье и, переделав его на мужской лад, отдала мужу.

Царствовавшая в это время христоролюбивая императрица Ирина,²⁵ которая правила вместе со своим сыном Константином, по всей ромейской земле от восточных до западных ее пределов разослала послов искать невесту императору Константину. Побывав всюду, но не найдя достойной девушки, они пришли в пределы Понта, в самое сердце Пафлагонии, деревню, где жил Филарет Милостивый; она называлась Амния и зависела

от главного тамошнего города Гангры. Посланцы императора издали заметили старинный, красивый и очень большой дом Филарета Милостивого и, считая, что его занимает какой-нибудь вельможа, велели слугам остановиться там. Но жители деревни говорили послам: «Не ходите, господа, туда, в тот дом, потому что он, хотя с виду богат и красив, беден и пуст внутри и живет там нищий старец». Но императорские послы подумали, что они говорят так по наущению самого хозяина, богатого династа, и в гневе сказали своим слугам: «Не обращайтесь внимания и идите туда». А истинно страннолюбивый и боголюбивый Филарет, взяв жезл свой, вышел навстречу императорским послам, в великой радости обнял их и сказал: «Бог в добрый час привел моих владык в дом раба их. Великая честь для меня, что вы удостоили остановиться в хижине бедняка». И начал говорить своей жене. «Приготовь хороший обед, госпожа, чтобы нам не пришлось краснеть перед этими вельможами». Она сказала: «Ты так хозяйничал, что в доме у нас не осталось и единой курицы. Навари диких овощей и угощай своих друзей». Честной старец сказал ей: «Разведи только огонь, убери большую столовую и оботри старинный стол из слоновой кости, а бог пошлет им, что есть». Она послушалась. По воле бога, не оставляющего тех, кто верует, неожиданно с задних дверей к рабу божию пришли первые люди деревни и принесли ему и баранов, и ягнят, и куриц, и голубей, и хлеба, и старого вина, и другую снедь. И его жена приготовила кушанья. Когда стол был накрыт в большой столовой, посланцы императора сильно возрадовались, увидев весьма богатый покой и стол из слоновой кости с золотыми украшениями, большой, круглый, старинной работы, за которым могло уместиться тридцать шесть человек, увидев подаваемые кушанья, достойные знатных гостей, и почтенного, честного и благолепного хозяина — ведь он истинно был подобен Аврааму не только своим гостеприимством, но и обликом.²⁶ Во время трапезы вошел сын старца Филарета по имени Иоанн, лицом — отец, ростом — Саул,²⁷ волосами — Самсон,²⁸ прелестью — Иосиф.²⁹ Вошли и внуки, тоже очень красивые, чтобы подавать на стол и убирать со стола.

Гости, глядя на них, любовались красотой и благообразием юношей. Они сказали хозяину дома: «Есть ли у тебя, почтенный старец, жена?». Он сказал: «Да, господа, есть, а это — мои дети и внуки». Тогда они сказали ему: «Пусть войдет твоя жена и тоже принимает нас». Когда она вошла, и посланцы увидели, какой она блистает красотой, хотя женщина была уже в преклонных летах, они спросили: «А дочери у вас есть?». «Да, две дочери; юноши, которых вы видите — их сыновья». «Не правда ли, у них есть сестры?» Старец отвечал: «У моей старшей дочери три дочери».

Императорские послы сказали: «Пусть девушки войдут, чтобы по воле боговенчаных наших императоров мы взглянули на них. Ведь они повелели нам, недостойным слугам своим, чтобы во всей ромейской земле

не осталось ни одной девушки, на которую бы мы не взглянули». Старец говорит: «Давайте есть и пить, что бог послал, а завтра да будет все по воле божией».

Поднявшись поутру, послы стали повсюду разыскивать девушек. Старец сказал им: «Господа, хотя мы и нищи, но дочери никогда не выйдут из нашей скромной хижины. Если угодно, господа, войдите во внутренние покои и увидите их». Те поспешили во внутренние покои. Послов с должным почетом встретили и приветствовали две дочери старца со своими дочерьми. Увидев красоту женщин, и необыкновенную прелесть лиц их, и то, с каким достоинством они держатся, послы от изумления не могли говорить. В радости, не отличая девушек от их матерей из-за редкой красоты матерей и, казалось, одинакового возраста тех и других, они сказали старцу: «Отец, которые тут твои дочери, матери девушек, а которые внуки?». Старец показал. И, когда послы императорской мерой стали мерить рост первой девушки, он оказался точь-в-точь, и размер ее головы тоже, и длину стопы они нашли такой, как нужно.³⁰

С великой радостью посланцы взяли девушек вместе с матерью их, дедом, бабушкой и всей родней, числом тридцать душ, и отправились в счастливый город Константинополь. Детей Филарета звали так: старший сын — Иоанн, старшая дочь, вдова с двумя дочерьми — Ипатия, имя старшей ее дочери было Мария, а второй — Миранфия; дети второй дочери старца, Еванфии, звались Космо и Ипатия, а отец их — Михаилом.

Из других мест тоже были собраны девушки, числом десять; среди них и дочь одного богатого стратилата³¹ Геронтиана, девушка очень красивая, но заносчивая из-за своего богатства.

И вот их повели к императору. Внука милостивца, Мария, просила своих товарок, говоря: «Сестры, давайте уговоримся друг с дружкой так: „Та из нас, которая по божией воле станет императрицей, пусть не оставит своей заботой остальных“». А дочь стратилата Геронтиана ответила: «Я точно знаю, что владыка выберет меня, так как я самая из вас богатая, знатная, красивая лицом и обликом; вы же — нищенки и не имеете ничего, кроме прелести лица, которой красуетесь, и потому должны оставить надежду». Девушка, услышав эти речи, смутилась и молчала, но в уме своем призывала старца молиться за успех и удачу.

Когда они прибыли в Константинополь, первой послы ввели к любимцу императоров Ставракию,³² который вершил всеми делами в священном дворце, дочь стратилата Геронтиана. Увидев ее, он сказал: «Ты — девушка красивая и приятная, но не годишься в жены императору». Наградив ее множеством даров, ее отпустили восвояси. Последней была введена Мария, внука праведника, вместе с матерью, сестрами и дедом. Император Константин, императрица Ирина и первый при дворе человек Ставракий, увидев поразительную красоту женщин, дивились их скромности и стыдливости, а также благородной осанке, и потому император выбрал Марию, внуку праведника,³³ вторую внуку взял в жены один из

его вельмож по имени Константинакий, почтенный титулом патрикия,³⁴ а третью вместе с богатыми дарами отправили в жены славному лонгобардскому королю Аргусу,³⁵ ибо Аргус этот хотел, чтобы ему сосватали девушку из Константинополя, пусть бедную, но красивую.

После свадьбы император, радуясь заключенному союзу и восхищенный красотой жениной родни, пожаловал при прощании с семьей дивного Филарета каждому от самого старшего до грудного младенца деньги, одежды, золото, драгоценности, усыпанные дорогими камнями и перлами, и большие дома по соседству с дворцом и отпустил ее.

Тогда домашние старца вспомнили сказанные им слова: «У меня есть скрытое ото всех богатство». Получив его, праведник не забыл о божих дарах, которые копили ему нетленное богатство, но, исполнившись благодарности, сказал родне своей: «Устроим и мы теперь богатый пир, чтобы принять царей со всем их синклитом». И вот, когда все для пиршества было по его приказу приготовлено, блаженный Филарет, встав рано поутру, собрал всех прокаженных, хромых, увечных, старцев и расслабленных, которых мог найти, — числом двести — и ведет в дом свой, говоря: «Приближается император вместе с патрикиями и всем синклитом, те же, кого мы ожидали, уже пришли». В доме поднялось великое смятение и замешательство, когда по знаку праведника вошли нищие и расположились кто за столом, кто на земле. И сам блаженный Филарет сел с ними. Глядя на это, некоторые из его домочадцев шепотом говорили: «Право, старец не забыл своего обычая, но в нашем теперешнем положении нам уже не грозит пойти по миру».

Филарет приказал сыну своему Иоанну, императорскому спафарии,³⁶ и внукам прислуживать за столом. Когда гости отъели, Филарет созвал родных своих и говорит: «Вот богатство, что я вам посулил, бог вам даровал. Считаете ли вы меня еще своим должником? Может быть, почему-либо вы недовольны мной? Скажите». Они, вспомнив слова святого старца, заплакали, говоря: «Истинно, господин, ты все это предзнал; будучи праведным, ты праведно подавал милостыню, а мы, безумные, по безумию своему наносили обиды твоей святости. Но прости нас, если мы в чем погрешили перед богом и перед тобой». Они пали ему в ноги, Филарет же велел им встать и сказал: «Вот господь мой, который возвестил в святых евангельях своими устами, что воздаст любящим его сторицей,³⁷ воздал вам. Если же вы желаете унаследовать жизнь вечную, каждый из вас пусть уделит по десятой номисм³⁸ сидящим здесь братьям». Все с охотой сделали по слову его. Нищие получили от праведника дары и разошлись восвояси, благодаря его и молясь за милосердного к ним старца.

Снова он сказал родным своим: «Если хотите выкупить мою долю императорского пожалования, каждый пусть сообразно ее цене заплатит мне за каждую вещь. Если же вы отказываетесь, я свою долю отдам нищим братьям, ибо с меня довольно зваться отцом императора». Они дали Фила-

рету шестьдесят литр,³⁹ т. е. стоимость взятых ими даров. Это стало известно императорам и синклиту, и все радовались простоте этого мужа и его щедрости к нищим. Они жаловали праведнику много денег для раздачки. У блаженного был такой обычай: он не хотел давать просящему только номисму, сребреник или обол,⁴⁰ но особый слуга по имени Ликаст носил за ним три кошелька — один полный золота, второй — серебра, третий — оболы или лепт.⁴¹ Кошельки были одинакового вида и размера, и, когда нищий просил милостыню, святой протягивал руку за кошельком, но не указывал, какой ему подать, потому что, по его словам: «Какой будет угодно богу, тот мне слуга и подаст. Господь ведь ведает сокровенное, меру бедности всякого и в чем он нуждается, и соответственно дает каждому, зная, что богатые, впад в нужду, часто по привычке ходят в роскошной одежде, но тем не менее голодают и нуждаются; есть и такие, кто прикидывается нищим и, имея в доме своем деньги, не оставляют прежних привычек бедности, носят лохмотья и ходят собирать подавание. Это же зовется любостыжанием и поклонением золотому тельцу. Ибо все, что превышает потребность, — любостыжательство. Не со всех равно, но с каждого спросится той мерой, которой он получил от бога». Рукоблудствуясь этим, святой по воле божией брал из кошелька золото, серебро или медь, и куда ему велел господь, туда тянулась рука его. Он клятвю заверял: «Часто я видел человека в роскошном хитоне и протягивал руку за кошельком, чтобы дать ему одну монету, потому что по одежде своей он не казался нищим, и сама собой рука моя тянулась, и я вынимал много монет, и давал ему. Равно при виде другого, одетого в старые лохмотья, запятнанные навозом, я протягивал руку, чтобы взять целую пригоршню монет, но вынимал лишь несколько». Так преславный Филарет постоянно творил милосердие, зная, что этим служит богу. Так он ревновал о том, чтобы унаследовать царствие небесное, и унаследовал его. Прожив во дворце четыре года, он не соглашался носить ни шелковых одежд, ни золотого пояса,⁴² не принимал никакого высокого сана, кроме сана ипатика,⁴³ да и его по великим настояниям и просьбам императора с императрицей, и говорил: «С меня вполне достаточно одного — зваться дедом императрицы. Тот, на кого я уповал и в кого веровал, поднял меня, нищего, с земли и из грязи». Таково было смирение праведника, что он не желал слышать о другом имени или саве, кроме прежнего, Филарет Амнийский.

Все годы прежил он в делах милосердия, будучи верным заступником беззащитных сирот, вдов и нищих, и оставлял эту жизнь, удостоившись откровения о своей кончине.⁴⁴ Ведь однажды, еще в полном здравии, он в сопровождении самого верного своего слуги ушел, никому не сказавшись, в один из городских монастырей, так называемый Крисис, иные зовут его Родофилион,⁴⁵ к святым монахиням и, попросив у настоятельницы гроб, уплатил ей за это много золота, а она дала ему гроб, куда после смерти должно было сложить его останки. Праведник сказал на-

стоятельница монастыря: «Мало дней спустя я оставлю жизнь эту для иного мира и предстану пред иным царем, и хочу, чтобы бренное тело мое покоилось здесь». Он велел своему слуге никому не говорить об этом. И, раздав нищим все, что у него оставалось, т. е. одежды и другое свое достояние, Филарет занемог и лег на постелю свою. По прошествии девяти дней праведник позвал всю свою родню. Когда все собрались, он начал говорить: «Знайте, любезные дети мои, что праведный царь призывает меня, и сегодня я оставлю вас и уйду к нему». Те же подумали, что он разумеет царственного своего родича, и сказали: «Как же ты пойдешь, отец, когда лежишь больной?». Филарет отвечал: «За мной придут, чтобы понести меня на золотом троне: се уже стоят одесную в великой славе, но вы не видите». Тогда они уразумели его слова и подняли великий плач, как некогда дети Иакова над отцом своим,⁴⁶ но, показав им рукой своей, чтобы перестали плакать, праведник начал наставлять их так: «Вы, любезные дети, знаете мою жизнь, как с самой молодости прожил я с вами, возлюбя дела милосердия, и творил их за счет трудов своих, а не из награбленного, памятуя слова Писания: „Что закаляющий на жертву сына пред отцом его, то приносящий богу жертву из награбленного и из имени бедных“.⁴⁷ Некоторые из вас помнят ли очами человеческими зримое богатство, которым я владел, и не так давно посланную нам богом нищету? Видите теперешнее наше богатство? Видели ли вы, чтобы я оставил дела милосердия? Видели ли, чтобы кем-нибудь пренебрег? У кого-нибудь что-нибудь отнял? Скажу без обиняков: делайте, как делал я. А если сделаете более этого, будете блаженны. Не жалейте преходящего богатства, раздавайте его бедным, шлите его мне в тот мир, куда я теперь отхожу, а я соблюду его в целости для вас, и, когда вы придете, оно будет вас ждать. Не оставляйте богатства здесь, чтобы добром вашим не наслаждались чужие, ибо нередко оно достается тем, кому вы не желали бы. Разве не знаете, что написано в книге мудрости божией: „Спешит к богатству завистливый и не знает, что милостивый победит его“?⁴⁸ Надежно, дети, только расточаемое богатство, а то, которое на запоре и под замком, убегает, подобно беглому рабу. Будьте странноприимны, заступайтесь за вдов, опекайте сирот, не оставляйте страждущих, не отриньте содержащихся в темнице, обряжайте и хороните мертвых, не пропускайте служб церковных, не желайте чужого добра, никем не гнушайтесь, не радуйтесь несчастию врага, поминайте в церкви умерших братьев и меня, пока не отойдете к вечному покою. Заповедую вам через верных людей ваших раздать все, что пожелаете послать мне, вдовам и сиротам, странникам, содержащимся в темнице, и тому подобным людям, ибо они без труда внидут в царствие небесное и доставят царю деньги, хотя и грешны».

Кончив поучение, праведник велел сыну Иоанну ввести детей своих и начал говорить, что с каждым из них будет. Первому сыну он сказал: «Женись, дабы приумножить род». Так оно и случилось — тот умер от-

цом семерых детей. Второму сыну сказал, что он проживет недолго и умрет в молодости двадцати четырех лет. «Ратуй, — сказал он внуку, — о спасении души своей». По достижении двадцати четырех лет тот роздал имущество свое нищим и, покаявшись, чистым отошел к господу, обретя подлинную жизнь. Третьему своему внуку праведник предрек то же, что второму, назвав ему и день его кончины. И этот роздал свое богатство нищим и, покаявшись святому старцу в грехах юности своей, упокоился в мире. Ведь досточудный старец был чист сердцем и, как какой-нибудь провидец, знал то, что свершится в будущем с его внуками.

И сестры их стали просить его благословения, говоря: «Благослови и нас, святой отец». И он сказал им: «Господь да благословит вас. В греховной жизни этой вы останетесь девственницами и после краткого земного страдания наследуете царствие небесное». Так оно и было. Затворившись в монастыре пресвятой Богородицы у ворот Пемптон⁴⁹ и достигнув молитвами и изнурением плоти святой жизни, украшенные всяким видом подвижничества, они через двенадцать лет, примерно прожитых в схиме, обе в одно время почили, предуказав путь подвига другим тамошним монахиням, и удостоились на небесах брачного чертога.

Блаженный помолился за всех своих близких и за жену свою, и вдруг лицо его просияло, как солнце, и он начал улыбаться и петь псалом: «Милость и суд буду петь тебе, господи».⁵⁰ Когда он кончил, по дому распространилось сильное благоухание, так что все бывшие в нем подумали, что оно от множества благоуханий. И праведник стал читать символ веры, а, окончив, начал молитву Спасителя «отче наш, сущий на небесах»⁵¹ и, сказав «да будет воля твоя», приподнялся на постеле своей и предал дух господу; хотя Филарет был уже глубоким старцем — он дожил до девяноста лет — ни зубов его, ни лица, ни десен не тронуло время: он был свеж, цветущ и светел ликом, как яблоко или роза.

Император Константин и мать его Ирина, услышав о кончине блаженного, прибыли в сопровождении синклита и, немало оплакав отшествие старца, во гробе, который он сам приготовил для себя, предали земле святые его останки и роздали нищим много денег. Святого провожала на кладбище большая толпа нищих, с воплем обращаясь к богу: «Господи, за что отнял ты у нас кормильца, который пробыл с нами такой малый срок? Кто питает нас? Кто прикроет наготу нашего тела? Кто заплатит заимодавцам нашим? О, господи, за что ты это нам сделал? Лучше бы ты убил нас всех, чем лишить кормильца». Когда все они плакали, один из нищих, мальчик по имени Еварет, который постоянно приходил к святому за милостыней и от рождения был одержим бесом, часто ввергавшим его в огонь и в воду (мальчик жестоко страдал безумием), услышал об отшествии праведника и тоже явился. Бес в нем начал нечленораздельно кричать, и лаять, и сотрясать ложе. А когда тело праведника принесли на кладбище, бес опрокинул мальчика, вышел из него и по милости божией и по молитвам раба его Еварет с того часа очистился.

Видя это, собравшиеся там восславили бога, даровавшего такую милость рабу своему. Святого похоронили в гробу, который он купил в монастыре Крисис, декабря месяца второго дня, славя и благодаря бога, во дни наши явившего столь достойного раба своего.

Таково житие боголюбивого Филарета Милостивого, таковы деяния милосердного последователя Христа, в награду за что муж этот стал Христовым угодником и был прославлен в сей жизни и в грядущем веке, и удостоен царства вечного.

Нельзя обойти молчанием чудеса, случившиеся после того как святой почил, — они исполнены великого назидания для каждого. Один из близких Филарета, муж чистый сердцем и телом, рассказал следующее, клятвой подтвердив слова свои. На другой день после отшествия праведника ко Христу, муж этот, лежа на постеле своей, пришел в духовный восторг и видит, что он восхищен, а некто в сверкающей ризе показывает ему мучения грешников и текущую в месте том огненную реку (люди с трудом выносят рев ее), а за рекой этой пречудный цветущий сад, поросший травой и насыщающий благовонием всю землю ту, и множество всевозможных деревьев, прекрасных и высоких, каких не зрел род человеческий, — блага, «что приготовил бог любящим его»,⁵² как сказано в Писании. Узрел и то, что доступно глазу человеческого — всякое дерево, какое растет и в наших садах, но краше и выше, и все они струили благоухание ароматов, и вьющиеся вокруг деревьев прекрасные виноградные лозы, покрытые тяжелыми гроздьями, и финиковые пальмы, и все, что украшает людскую трапезу. Там стояли мужи, жены и дети в белых ризах и ели от плода деревьев тех. Предстал очам его и блаженный Филарет в сверкающей ризе, сидящий в сени деревьев на золотом престоле, изукрашенном драгоценными камнями и перлами (его окружали новоокрещенные младенцы и толпа нищих в белых ризах, которые теснили друг друга, чтобы приблизиться к престолу старца), муж со светлым ликом, державший в руках золотой посох, и родич праведника спросил: «Господин, кто сей сидящий старец? Не Авраам ли? И я желал бы оказаться там». Спутник его ответил: «Это Филарет Милостивый — обновленный Авраам». Старец стал звать родича: «Дитя, иди и ты сюда и вкуси от благ». Тот ответил: «Отец, я не могу, ибо мост узок, а под ним река огненная. Я вижу в водах ее множество нагих людей, терпящих муки и скрежещущих зубами, и боюсь, как бы и мне не упасть туда и не мучиться вместе с ними». Старец сказал: «Иди, дитя, не страшись, ибо все, кого ты здесь видишь, перешли через нее. Попробуй только — я тебе помогу». И, протянув руку, старец позвал его, а он, набравшись смелости, стал переправляться и с помощью святого переправился, хотя боялся и трепетал от страха. И тут он проснулся и начал со стенаниями и стонами оплакивать блаженство божественного видения и грозящий огонь и, рыдая, говорил: «Увы, какой улады и блеска сладчайшего света, узренного мной, я лишился». Он считал, что здесь мы живем во

тьме, ибо свет, который мы видим, с тем светом рядом — мгла. Вот малое из того многого, что узрел своими глазами родич праведника и что он, подтвердив клятвою, рассказал.

А жена Филарета покинула царственный град и отправилась к себе на родину. Употребив деньги, полученные ею от императоров и от внуки, на восстановление храмов, сожженных и разрушенных безбожными персами,⁵³ на приобретение драгоценной церковной утвари, а также на постройку монастырей, богаделен и больниц, вернулась в Константинополь. Славно и благочестиво окончив жизнь, она почила в мире и была погребена рядом с мужем своим.

Да будет господь по молитвам их милостив к нам, как к ним, и да удостоит царствия небесного во Иисусе Христе, госпде нашем, слава и сила которому вместе с его безначальным отцом и пречистым, святым и животворящим духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ЖИЗНЬ, ДЕЯНИЯ И ПОДВИГИ СЯГОГО ОЦА НАШЕГО И ИСПОВЕДНИКА МИХАИЛА, ПРЕСВИТЕРА И СИНКЕЛЛА ГРАДА ИЕРУСАЛИМА

Увековечивать деяния святых мужей и передавать память о них потомкам — дело, исполненное великой для жизни пользы. Ведь предание о подвигах их побуждает к ревности души людей боголюбивых, призывая их к свершению подобных же деяний. Такова и жизнь Михаила, я разумею исповедника и синкелла,¹ о котором ныне предстоит мне поведать; святой град господа нашего Христа, Иерусалим, произвел его и взрастил, словно украшенное пышной листвой добродетелей дерево, а преславный Константинополь удостоил благой доли Христова исповедника и архимандрита монастыря Хора.²

Кто были родители этого преславного человека божия и гражданина Иерусалима, мы не знаем, ибо не случилось никого, кто бы назвал нам имена их. Предки святого, как сам он утверждает в своих письмах, персы. Родители его, хотя были многодетны, не имели ни одного сына, о чем они немало печалились. Мать, как женщина боголюбивая и верная, часто посещала молитвенные дома божии и, пребывая там, денно и нощно молила бога, чтобы даровал ей господь плод чрева — сына, как некогда Анне, жене Елканы, матери прозревающего будущее пророка Самуила,³ говоря ему только: «Адонай, господи, Элогим, Саваоф.⁴ Если, взирая с небес, ты обратишь взор свой на меня, смиренную, и даруешь мне плодом чрева сына, я посвящу его тебе, чтобы он служил тебе, всегда пребывая у святого твоего престола». Вседержитель бог, медленный во гневе своим, но скорый в помощи тем, кто призывает его с верой, внял сетованию ее, и услышал ее молитву, и даровал ей по просьбе ее сына, которого она вскормила и как благожеланный дар отдала ему.

Ибо в дни те, сходясь с мужем своим, она понесла во чреве, и родила сына, и нарекла ему в купели возрождения⁵ имя Михаил, что означает воитель божий,⁶ как бы ясно объявляя и предрекая этим именем, что ему предстоит отличиться подвигами против безбожных еретиков.

Когда младенец был отнят от груди и достиг уже трех лет, мать по своему обету посвятила его богу. Вместе с мужем пришла она в церковь

во имя святого Воскресения господя нашего Христа. Она подвела сына к тогдашнему телетарху⁷ святого града господя нашего Христа православному предстоятелю апостольского престола в граде сем, говоря так: «Прими, святой владыка, и передай великому пастырю Христу рожденного от чрева моего и сопричисли его клиру церкви во имя святого Воскресения господя нашего Христа». И она рассказала ему все по правде — и как господь услышал молитвы ее, и как она обещала посвятить сына своего богу. А он согласился на их просьбы и, помолившись за мальчика, постриг его и причислил пока к чтецам⁸ церкви во имя святого Воскресения господя нашего Христа.

Родители, взяв своего богоданного сына, вымоленного и обретенного в церкви во имя святого Воскресения, в великой радости вернулись в дом свой. И передают его учителю, чтобы обучил его начаткам знания. А мальчик преуспевал в росте и в науках перед богом и людьми. Когда же он, как мы сказали, получил начальное образование, по велению постригшего его патриарха мальчика отдают обучаться грамматике, риторике и философии. И, подобно тучной земле, которую оросили, в малое время он постиг грамматику, риторику и философию в такой мере, как тогда никто, и не только это, но и самое существенное из поэтики и астрономии. Так все и шло; мальчик преуспевал в мудрости, росте, добронравии и в угодной богу жизни, никогда не пренебрегал божими молитвенными домами и славословиями, упражнялся в посте, бдении и молитвах и, умягчая юношеский нрав, посвящал себя богу как любезный ему храм,⁹ чтобы от младых ногтей, насколько это возможно для человека, стать домом божим. Так он упражнялся, и вел угодную богу жизнь, и был всем желанец, всеми любим и прославляем в устах всех из-за добродетельной своей жизни.

Когда отец его умер, а мать овдовела, на него пала немалая забота о том, как устроить жизнь матери своей и сестер своих. Вскоре мать Михаила, подвигнутая его божественными увещаниями и видя столь добродетельную жизнь своего сына, решила вместе с дочерьми удалиться в какой-нибудь монастырь святого града господя нашего Христа.

А блаженный Михаил со всяческим рвением помог ей в том и постриг ее вместе с двумя дочерьми ее, как мы уже сказали, в монастырь вблизи святого Сиона, матери всех церквей, пожертвовав весьма много денег в этот монастырь. А прочее движимое и недвижимое имущество свое продал и роздал деньги нищим; оставив себе лишь малую часть, он бежал из города, чтобы его не удержали близкие, знакомые и родные. Осуществив свою угодную богу цель, Михаил приходит в великую лавру святого отца нашего и наставника пустыни Саввы¹⁰ и просит игумена принять его и ввести в боголюбивую свою и исполненную добродетели общину, отдав ему и те деньги, которые принес с собой, чтобы игумен распорядился ими по своему желанию. Преславный же тот пастырь, видя твердость, смирение и мудрость молодого человека — Михаилу было около

двадцати пяти лет, — уступил его просьбе. И спустя немного дней пастырь этот призвал его к себе и, наставив и поощрив к исполненной добродетели жизни подвижника, постриг и сопричислил добродетельной и боголюбезной общине своей.

Отец наш, великий Михаил, прияв пресвятой и ангельский образ, так предался подвигу и такой наблюдал пост, что всю неделю довольствовался одними овощами без соли и их вкушал лишь через два или три дня. Кроме субботы, воскресения и праздников, он 18 лет не ел хлеба. Хотя множество раз наставник его, т. е. игумен монастыря, призывал святого отступить несколько от строгостей, чтобы тело его сохранило силы для служения богу и для труда в лавре, тот не соглашался, но еще более упражнял себя в житии по богу, посте, бдении всеобщем стоянии на молитве, так что вся братия дивилась ему. Если отцы выходили для сбора хвороста и все брали по одной ноше, он набирал две и приносил их на пекарню.

Двенадцать лет отличаясь во всякой службе и почти всех превзойдя в послушании и смирении, он по воле божией и велению игумена удостоивается сана пресвитера.¹¹ Упомянутый игумен лавры вместе с ним идет к святому патриарху Фоме¹² и просит его удостоить пресвятого Михаила рукоположения. Патриарх тотчас же это сделал. Когда святой отец наш Михаил рукоположен был названным архиерархом в церкви во имя святого Воскресения господа нашего Христа, он вместе со своим пастырем возвратился в упомянутую уже лавру и не только продолжал проводить прежнее свое строгое житие, но наблюдал еще большую строгость, стремясь благодаря посту, бдению, сну на голой земле и всеобщему стоянию на молитве стать достойным полученного священства и безукоризненным слугой как царя небесного, так и архиерарха божия.

Спустя два года он просит игумена своего дать ему отшельническую келию для безмолвия и одинокой молитвы. Тот, всячески желая удовлетворять просьбы святого — ибо знал его благочестивую цель, — дал ему келию и малую пещеру по боголюбезному его стремлению к безмолвию и молитвам к богу. Пресвятой Михаил был, как сказано, столь нестяжателен, что не имел в келии своей ничего, принадлежащего к суетной жизни сей, кроме хитона, который носил, подстилки, на которой спал, да глиняного сосуда, в котором размачивал хлеб, чтобы есть.

Так все и шло, и так отец наш подвизался. И вот господь посылает ему честную двоицу родных братьев — я разумею Феодора и Феофана.¹³ Феодор имел от роду 25 лет, святой Феофан — 22 года. Взойдя к игумену лавры, отец наш великий Михаил уведомляет его об их приходе, и тот велит принять обоих и путеводить в жизни по богу. По велению игумена он постриг братьев во иночество и ввел в ангельский образ уединенного жития и вместе с ними творил славословие богу, наставляя их на пути спасения как добрый учитель, и преподавал им грамматику, философию и многое из поэтики, так что в краткое время пресвятые братья достигли

мудрости, и молва о них дошла до пределов земли той и до самого благого и православного предстоятеля апостольского престола. Патриарх часто призывал их к себе для беседы и толкования Священного писания. И, внимая потоку премудрых речей их, струящихся, как воды речные, он радовался и ликовал духом и славил милостивца бога, явившего в дни его таких светочей. Удивлялся он также великому смирению и воздержанию во всем премудрого Михаила. Ибо тот, обладая преизобилием мудрости, совершенной добродетелью и благородным происхождением, был украшен величайшим смирением.

Потому что святые так угождали богу чистой своей жизнью, постоянно множился народ божий, просвещаемый их учением и истинно православными и божественными догматами. На пятидесятом году жизни великого Михаила патриарх Фома, которого я уже упоминал, по откровению божию делает блаженного и великого Михаила своим синкеллом. Потому он, повелев Михаилу оставить прежнюю свою отшельническую келию, отвел его в церковь во имя святого Воскресения господа нашего Христа вместе с двумя учениками, я разумею Феодора и Феофана, предустановив им жить в монастыре Спудиев, построенном святейшим патриархом Ильей¹⁴ близ церкви во имя святого Воскресения господа нашего Христа. Спустя немного дней патриарх в церкvi во имя святого Воскресения господа нашего Христа рукоположил во пресвитеры учеников его, я разумею премудрого Михаила, Феодора и Феофана. И с того времени были неразлучны великий Михаил и упомянутый святейший патриарх Фома.

Издавна пресвятой и великий Михаил желал, денно и нощно моля бога, чтобы, если он угоден ему, бог удостоил поклониться святым мощам первоверховных апостолов Петра и Павла, пострадавших в великом граде Рима, когда в нем правил нечестивый Нерон.¹⁵ В дни те, о которых у нас речь, восстали некие иереи и монашествующие из племени франков, говоря в символе веры, утвержденном 150 святыми отцами, собравшимися в Константинополе при императоре Феодосии Великом на второй собор против безбожного Македония, осмелившегося произнести хулу на дух святой: «И в духа святого, господа животворящего, исходящего от отца и сына».¹⁶ Потому немало был смущен великий град Рим; папа, правивший тогда римским престолом,¹⁷ воспротивился и не пожелал, чтобы прибавлены были какие-нибудь слова, которые отсутствовали в символе веры, установленном собранием святых отцов. Этот папа в послании великому Фоме, патриарху святого града господа нашего Христа, просил, чтобы он помог его церкви, которой угрожает опасность, и послал от апостольского своего и святого престола каких-нибудь людей, украшенных красноречием и мудростью, противустать тем, кто зломысленно придерживается прибавления франков к символу веры, как говорит великий Михаил в своих святых посланиях, обращенных им к православным монахам, живущим в Сицилии. Упомянутый

святейший патриарх Фома посоветовался со своим православным и святым собором и святыми отцами, пустынножительствующими близ святого града господя нашего Христа, и всеми единодушно было положено отправить к упомянутому папе в великий град Рим великого и святого Михаила как способного объединить церковь божью и преградить необузданные уста безбожных франков, научив их говорить истину и не презирать того, что должно думать, и следовать неоспоримому учению святых отцов, рекших по внушению святого духа: «Исходящего от отца, вместе с отцом и сыном поклоняемого и славимого».¹⁸ Безбожные агаряне в это самое время наложили величайшую денежную дань на церковь во имя святого Воскресения господя нашего Христа и на прочие церкви господни святого Иерусалима, так что жители этого святого града господя нашего Христа не в состоянии были заплатить столько денег. По двум этим причинам патриарх и святой собор его постановили отправить к упомянутому папе пресвятого Михаила, чтобы он заставил умолкнуть тех, кто ложно учит о символе веры, а равно возвестил Христову иерарху о денежной дани, наложенной на церковь во имя святого Воскресения, дабы тот простер длань помощи граду господню в беде его. И вот святейший патриарх, святой собор и отцы написали упомянутому папе послание относительно символа веры и наложенной дани; было представлено также отправить послания константинопольскому патриарху Феодоту, ересеначальнику иконосжигателей, и императору Льву Армянину¹⁹ в надежде и их отвратить от иконоборческой ереси и привести во вселенскую апостольскую православную церковь. Это случилось в начале царствования упомянутого Льва. И вот великий Михаил, собираясь в путь к святому папе римскому, намеревался посетить также молитвенные дома божии священного этого и царственного града.

Святой исповедник Феодор Студит, сосланный при императоре Никифоре на восток, обратился с посланием к упомянутому первосвященнику святого града господя нашего Христа с просьбой помочь и вместе с ним поддержать божью константинопольскую церковь, утесняемую безбожными еретиками иконоборцами.²⁰ Потому-то патриарх Фома и собор его написали послание к упомянутому выше патриарху, вернее злотриарху Феодоту и владыке Льву, вразумляя их и наставляя отказаться от нечистой иконосжигательной ереси.

Отец наш, великий Михаил, не смея ослушаться, а паче того, прияв такое веление святых отцов как бы от бога и издавна моливший быть удостоенным поклониться первоверховным апостолам, сотворил вместе с посылающими его молитву и, наряженный ими, как их соратник вышел из святого града господя нашего Христа вместе со своими учениками, я разумею Феодора и Феофана, и еще с одним монахом Спудийского монастыря по имени Иов, чья непорочная по богу жизнь многим засвидетельствована. До Диосполя и Лидды²¹ Михаила провожали святой

патриарх с иерархами и сонмом святых отцов. Обняв их и попрощавшись, он начал путь свой.

Проходя через город Селевкию, Михаил встретил там неких супротивных монахов, отрицающих седьмой Никейский собор, собравшийся в правление священных императоров Константина и матери его Ирины и во патриаршество Тарасия,²² и не числивших в священных диптихах святых, исповедников и великих патриархов Тарасия и Никифора.²³ Премудрым своим поучением и собственным примером он убедил их признать этот святой собор и согласиться с его постановлениями. И не только их он убедил согласиться с постановлениями этого святого собора и со вселенской и апостольской церковью божией, но всех, с кем ему по дороге довелось об этом беседовать, он заверял, говоря, что бо- жия иерусалимская церковь и ее телетарх со своими архиерархами и отцами пустынножителями признал, одобрил и числил в святых дипти- хах святой вселенский седьмой собор наравне с предшествовавшими ему шестью святыми вселенскими соборами, а также признал архиерархов его Тарасия и Никифора единодушными себе и единомысленными. Убежденные его словами, все они признали седьмой святой вселенский собор и приняли его постановления.

Не скрылось это от нечестивого, богопротивного и зверонменитого императора²⁴ и его иерарха, точнее ересиарха, Феодота, и он стал скре- жетать зубами. Когда же святой отец наш и поборник благочестия Ми- хаил вместе с учениками своими в мае седьмого индикта²⁵ вошел в счастливый град Константинополь и довел до сведения императора и патриарха Феодота порученное ему дело, император тогда еще таил гнев свой на святых. Получив послание и прочитав его, и он, и патриарх не только не были вразумлены и не согласились с истиной, но впали в еще злейшее заблуждение. Они определяют великому Михаилу и уче- никам его остановиться в Хорском монастыре и отдохнуть от трудов пути, назначив им довольствие за счет императорской казны.

Спустя немного дней после прихода Михаила император, послав за ним, призывает святого с учениками его во дворец, называемый Хри- сотриклин, куда собрался также синклит. Когда святые и богоносные отцы вошли и предстали пред императором, он сказал им: «Какова при- чина, святые отцы, того, что вы обременили себя приходом к справедливости величества моего?». Святой отец наш Михаил говорит в ответ императору: «Святейший патриарх, правящий священным престолом свя- того града господя нашего Христа вместе со своим святым собором и отцами пустынножителями, послал нас к кротости величества вашего сказать богопутеводимой царственности вашей ради святой всеиенской апостольской церкви Христовой и ради православного народа, чтобы твоя божественность дозволила беспрепятственно писать иконы и всем невозбранно поклоняться им, как сказано об этом в доставленном нами послании». Император повелел принести его и прочитать в присутствии

всех. Послание от святейшего патриарха иерусалимского к константинопольскому патриарху Феодоту и императору Льву было принесено и гласило так: ²⁶ «Господь бог и спаситель наш Иисус Христос, единый из святой пресущественной и живоначальной Троицы с отцом и духом вывел мир сей из небытия в бытие и рукой своей по образу своему и подобию сотворил из персти земной человека, для спасения нашего в последние дни мира был рожден девой, вочеловечился и облекся в ветхого Адама, ²⁷ по зависти диавола и лукавству женщины изгнанного из рая и ставшего слугой диавола, ради того, чтобы сохранить образ его, преданный страданиям, принял все, крестную муку, смерть и прочее, о чем рассказывается в святых евангелиях. И вот великий бог и спаситель наш, Иисус Христос, повелел Моисею на горе Синайской ²⁸ прежде всего сделать двух херувимов, осеняющих кивот завета. На скинии завета ²⁹ тоже была икона пресвятой Богородицы и приснодевы Марии; равным образом пророки Исая, Иеремия, Даниил, Иезекиил и прочие действительно видели иконы и изображения. Сам бог всяческих и господь наш Иисус Христос разве не называется, не есть и по вере нашей не признается образом и подобием незримого бога отца? Что же святые и преславные апостолы, разве они не писали икон, с благоговением не поклонялись им и не чтили их? А первый пастырь и учитель церкви, которому Христос вверил ключи царствия и повелел пасти словесных его овец, простиив трехкратное его отречение после трехкратного вопрошения, ³⁰ разве не дал он ученику своему Панкратию ³¹ двух икон Христа и матери его пречистой богородицы и приснодевы Марии, заповедав ему в святой церкви изображать все земное житие истинного бога нашего, начиная с явления деве ангела, сказавшего: „радуйся, обрадованная, господь с тобой“, ³² и кончая вознесением его и сошествием святого духа, чтобы ненаученный и неграмотный из начертанного на святых иконах мог уразуметь, что предвечный господь наш и бог Иисус Христос свершил и претерпел ради нас и спасения нашего? Что же, разве евангелист Лука первым не написал господя Христа и мать его во плоти, ³³ и доныне икона эта разве не сохраняется в великом Риме и святом граде господя нашего? А что сказать о пророках и апостолах? Разве сам господь наш и бог Иисус Христос, подобие незримого отца, набросив на лик свой тряпицу и так отобразив плотский образ свой, не послал его с прислужником Авгарю, верному топарху города Эдессы? ³⁴ Икона эта и до сих пор сохраняется в том городе. Обо всем этом мы упомянули, пытаясь показать, что иконы — вещь не новая и не недавняя, а существовали от начала и издревле почитались в Ветхом и Новом завете. Поэтому мы просим могущество ваше отступить от новой этой нечистой ереси иконосжигательства и признать заповеданную отцами святою апостольскую веру, чтобы церковь божия вернула себе исконную красоту святых икон, а вы, вняв призыву нашему, не были навеки преданы анафеме, но скончали дни свои в истинной православной вере и весе-

лились в вечных кущах вместе с пророками, апостолами, мучениками и святыми, получив вечное искупление».

Когда послание было прочитано в присутствии всех, этот змий из бездны и львоименитый зверь, недостойный императорской багряницы, разъярившись на святых, велел, жестоко избив их, заключить в тюрьму Фиала, а святейшего патриарха и его святой и апостольский собор, равно как и сонм святых отцов, обвинил во многих грехах и предал анафеме как еретиков и идолослужителей, отступивших от истинной веры, сказав: «Этого мало — они и нас заставляют идолопоклонствовать».

Святые и богоносные отцы, отведенные в тюрьму, воссылали благодарственные песнопения к господу Христу, удостоившему их так пострадать за него и за его икону, и молили даровать им твердость и бесстрашие до самой кончины, чтобы посрамить злобного тирана и христоненавистника.

Прошло немало дней, а святые голодали, не желая брать никакой пищи от слуг жестокого тирана, так как те были еретиками и христоненавистниками, и хотя император посылал им многое: финики, винные ягоды и все, чем, он знал, питаются подвижники, они этого не принимали, сказав по слову святого псалмопевца Давида: «Елей грешника да не умастит главу мою»,³⁵ ибо решили скорее умереть голодной смертью, чем вкусить от этих даров.

Тогда император через одного ученого мужа, способного говорить и слушать других, имя которого я намеренно не называю, обратился к ним, говоря: «Почему добродетель ваша и мудрость ваша, исполнившись злого намерения, желает смерти и не повинуется постановлению православного собора, осудившего и изгнавшего из церкви божией идолослужение?»³⁶ Разве не знаете реченного Давидом об этих идолах: „есть у них уста, но не говорят, есть у них глаза, но не видят, есть у них уши, но не слышат, есть у них ноздри, но не обоняют, есть у них руки, но не осязают, есть у них ноги, но не ходят; и они не издают голоса гортанью своею“.³⁷ Не таковы разве святыни ваши? Потому говорю вам — внемлите мне, признайте вселенскую церковь и получите немалую честь, ибо я поставлю вас архиереями выдающихся престолов; оставьте свое намерение погибнуть ужасной смертью».

Когда истинно православные исповедники и отцы наши услышали это, они громко вскричали: «Да не отречемся мы ни от изображенных на иконе господа нашего Иисуса Христа, ни от матери его, ни от святых его», и воскликнули: «Пусть даже прольется кровь наша. Передай пославшему тебя еретiku и немилосердному тирану так: „Бей, ссылай, казни, делай, что тебе угодно и что желаешь. Ничего иного не услышишь от нас, как поклоняемся, почитаем, лобзаем и веруем в икону бога нашего Христа, и матери его, и святых его и с радостью умрем за него“». Удалившись, злокозненный приспешник нечестивого императора

говорит императору: «Мы потерпели поражение, владыка, мы потерпели поражение, ибо мужи эти выше угроз».

Услышав это, император приказал оставить святого Михаила и Иова в тюрьме, а святых Феодора и Феофана, учеников Михаила, сослать на остров Афусию.³⁸ Это было исполнено, и святые были отправлены в изгнание, и прибыли на остров этот в августе месяце седьмого индикта, и их отдали под надзор начальнику острова, приказав утеснять всяческим утеснением, чтобы они скорее умерли. Но бог, не оставляющий тех, кто уповает на него, вверил их сострадательному человеку, упомянутому начальнику острова, и они жили в покое и держались избранной дороги, т. е. подвижничества. Потому, находясь на этом острове, святые не переставали своими посланиями укреплять православных в том, чтобы они скорее приняли смерть, чем отступились веры своей и отреклись от изображенного на иконе господя нашего и бога Иисуса Христа и святых, как учит нас сам господь наш, говоря во святых евангелиях: «Будьте мудры, как змии, и кротки, как голубицы».³⁹

Когда пробежали шесть лет и тиран скончался и был предан на вечные муки, восстал другой император по имени Михаил,⁴⁰ исполненный той же ереси и богопротивного образа мыслей. Он велел взять святого Михаила из названной тюрьмы и в оковах сослать вместе со святейшим Иовом в один из олимпийских монастырей близ города Прусиады.⁴¹ После того как это было исполнено и святых отправили в изгнание, великий поборник благочестия пресвятой Михаил не переставал своими посланиями укреплять православных в том, чтобы они стойко сносили преследования нечестивых христоненавистных еретиков и безбожных иконосжигателей.

После того как и этот нечестивый владыка Михаил скончался, вместо него восстал другой император по имени Феофил,⁴² родной его сын, кровожадный, немилосердный, дышащий хриstopротивным гневом и испуганием, злейший всех до него царствовавших, с ненасытимой яростью обрушивающийся на православных, противустоящих его безбожью и ниспровергающих безбожное его и нечестивое учение. Упомянутый этот нечестивый владыка в пятый год своего царствования велел доставить из упомянутого монастыря святого отца нашего великого Михаила.

Когда это было сделано и святой прибыл в счастливый Константинополь, Феофил приказал заключить его под своды тюрьмы, называемой Преторий, весьма темные и мрачные, зимой исполненные сырости и холода, летом — духоты и жары. В такой-то страшной тюрьме Михаилу неоткуда было ждать облегчения, и он был разлучен со своим соратником и сподвижником (ибо никому не дозволялось сноситься со святым, и его сторожили два кровожадных и суровых воина, которые не разрешали даже прислуживающему ему Иову хотя бы увидеть его или побеседовать с ним). От такой скорби и бедствий святой отец наш и исповедник

великий Михаил два года страдал сильной слабостью и от старости своей и по многим утеснениям сделался почти слеп и согбен.

Некая верная православная монахиня Ефросиния много утешала этого пресвятого и заботилась о телесных нуждах его. Все годы, что он провел и в другой своей темничной келии, после того как исцелил от того тяжелого недуга и был переведен из темного и зловонного помещения и заключен в новое, она не переставала печься о нем и передавать через прислуживающего ему еду, питье и одежду. Ведь спустя два года император велел, как мы уже сказали, перевести его из темного и холодного застенка и заключить в другой застенок того же Претория, сковав ему шею цепью, а на ноги надев колодки.

Через четыре месяца после его заточения сюда упомянутый нечестивый владыка вспомнил об учениках его, я разумею Феодора и Феодана. О причине же того, почему император вспомнил об учениках святого Михаила, я позднее скажу.

Был некий Стефан, асикрит.⁴³ Он знал слугу Христова Михаила и его учеников, ибо они наставляли его в православном вероучении. Немного времени спустя какие-то христоненавистники выдали тирану этого Стефана как сторонника истинной веры, и вот, приведенный пред лицо его, он принял от него много пыток и утеснений и, не в силах их вынести, согласился и подписался под иконоборческой ересью. Святой отец наш Михаил, узнав об этом, направил ему увещательное послание, ободряя Стефана и побуждая отворотиться от такой ереси. Тот, как человек, страшась жестоких пыток злобного тирана, хотя на краткое время и склонился к безбожной и противузаконной ереси, потом под влиянием поучений и наставлений святого смело объявил свое согласие почитать изображенного на иконе господя нашего Иисуса Христа и поклоняться ему. Христоненавистный тиран обрек этого Стефана многим пыткам, но не сумел победить стойкость его в вере и потому осудил на изгнание, а имущество его велел передать в императорскую казну.

Не только этого упомянутого нами Стефана святой отец наш и исповедник Михаил подвигнул пострадать за Христа и его икону, но также знакомого ему спафария⁴⁴ Каллону своими увещательными и побуждающими к твердости посланиями он склонил умереть, подвизаясь во имя Христа. Узнав об этом, упомянутый христоненавистный владыка вскипел страшным гневом. Потому христоненавистные приспешники напомнили исполненному греха нечестивому императору о Феодоре и Феодане, говоря так: «Владыка и самодержец, некие четыре монаха, направляясь в великий Рим, пришли из святого града, как сами говорят, в предшествующее твоему царствованию с посланиями от своего иерарха, дабы обратить православнейшего и верного императора Льва и склонить его поклоняться идолам, которых они именуют святыми иконами, ибо исполнены этой ереси идолослужения. И, тщась поколебать нерушимую скалу правильной веры его, они не смогли отворотить его от истинного

вероучения, а сами, многожды им поучаемые и просвещенные всевозможными наставлениями и увещаниями, не извлекли пользы из таких наставлений и увещаний. Хотя император сулил им различные почести, великие блага и выдающиеся престолы, если, отвратившись от нечистой ереси иконопочитания, вернее идолослужения, вернуться во вселенскую церковь, они не послушались и не вняли православным его поучениям. Потому, охваченный сильным на них гневом, он обрек их многим утеснениям и пыткам в надежде склонить к истине при помощи таких утеснений. Когда же понял, что в этом не успел и бессилён переубедить их, повелел бросить в тюрьму Фиала учителя их и наставника, бывшего, по словам этих людей, синкеллом архиерарха святого града господя нашего, равно как и второго старца, а двух учеников его сослал на остров Афусию. И оттуда они писали послания, увещевая тех, кто хотел жить по правильной вере, и смущали своим безбожным учением веру православных иереев и императора, не давая православным жить в мире и покое. Они склонили любезных тебе и единомысленных асикрита Стефана и спафария Каллону, мужей благороднейших и почтеннейших, отвергнуться правильной твоей апостольской и царской веры и вплоть до смерти терпеть кары, бичи, лишиться имущества, но не признать истины».

Когда они кончили, император Феофил, громко восстенав, подобно льву, скрежеща зубами, дланями бия себя по лицу и вскричав «увы», повелел через скорохода доставить с острова Афусия учеников его, я разумею предивного Михаила, святых Феодора и Феофана, а святым Михаилу с пресвятым Иовом, старцам, изможденным многими утеснениями и недугами, почти слепым и согбенным, измученным голодом, жаждой и холодом, он повелел цепью сковать пресвятые шеи, на ноги надеть деревянные колодки и не дозволять никому с ними видеться, дабы не обращали людей к идолослужительной вере. О, Христос мой! Как восславлю море безграничной мудрости твоей и долготерпия? Злословимый нечестивыми устами, ты молча сносишь, что изображенный на иконе образ твой, который ты принял от святой девы богородицы ради спасения нашего, они называют идолом! О, нечистые и враждебные правде, о, неблагодарные творения и образы зла, за которых, если сказать словами Священного писания, Христос напрасно умер.⁴⁵ Разве икона Христа, которого в неверии своем вы, нечестивцы, только по видимости считаете богом, такой же идол, как Аполлон, икона преблагословенной богородицы матери его идол, как Артемида, а иконы святых его идолы прочих лжебогов? Разве напрасно было воплощение Христово? Напрасно учение апостолов и вселенские соборы? Не довольно. Это не так. Не так, как вы говорите. Мы, христов народ, царицы иереи, по учению апостолов православно поклоняющиеся изображенному на иконе господу нашему Иисусу Христу, отвратившись от них и от суесловного их учения, продолжим рассказ о подвиге святых исповедников отцов наших, я ра-

зумею Михаила, Феодора и Феофана, великих светильников церкви, возблиставших, подобно солнцу, и озаривших всю вселенную светом истинного учения.

Как мы уже сказали, упомянутому нечестивому владыке приспешники его напомнили о несогласии святых отцов наших с верой его, об их исповедничестве, а также об их православных поучениях, и через скорохода он повелел тотчас доставить их в счастливый град Константинополь. Беззаконнейший приспешник незаконного императора, посланный за ними, тотчас прибыл на названный остров и, не мешкая забрав их оттуда, препроводил в Константинополь, уверяя, что не знает причины, по какой это было ему приказано. Когда святые прибыли в город июля месяца восьмого дня четырнадцатого индикта, приведший их сначала сам вошел к императору и доложил о них. Тот приказал заключить святых в государственную тюрьму, называемую Преторий, а наутро велел узникам предстать перед ним.

Задолго до прибытия святых об этом стало известно всем, и все ждали, что они предстанут пред судом императора и понесут наказание; можно было видеть и слышать только застращивания и угрозы, с которыми приступили к ним приспешники нечестивого императора; одни с жестокостью говорили: «Сразу же, несчастные, и без возражений покоритесь императорским велениям, чтобы по безумию своему не умереть страшной смертью», другие говорили, что они, мол, претерпят ужасные мученья, если послушаются императора, третьи: «Вы безумны. Не будьте мудрее архиереев церкви и священного нашего владыки». И многое другое еще злейшее этого говорили им злобные приспешники царя, то уговаривая их, то стараясь устрашить. И это святые слышали до того, как их призвали к императору в Хрисотриклин.⁴⁶

Предшествуемые эпархом,⁴⁷ они вошли в двери покоя и увидели императора (вокруг него было немало вельмож из синклита), пылавшего великим гневом и яростью. Эпарх довел узников до его трона, а затем удалился, оставив их одних пред очами императора. Святые вошли смело, ничего не страшась, ибо был в них страх бога, рекшего: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить, а бойтесь более того, кто может и душу, и тело погубить в геенне»,⁴⁸ так что император при виде их поразился. Ибо вошли они так, словно явились не на состязание и панкратий,⁴⁹ а на брачный пир. Когда святые остановились пред императором, он резким и суровым голосом велел им приблизиться к нему. И говорит: «Из какой вы земли?». Святые отвечают ему: «Из Моавитиды».⁵⁰ Снова он с еще большей суровостью говорит им: «Зачем вы пришли сюда?», и прежде чем они ответили, велел сильным мужам стегать их по лицу. Святых беспощадно бичевали много часов, и от невыносимых пыток они уже не могли держаться на ногах — глаза им от ударов бичей застила тьма, так что они упали и поднялись, подобно святому Елеазару,⁵¹ которого били по чреву, чтобы вновь он встал на ноги; опи-

раясь о грудь палача, святые стояли недвижимо и мужественно терпели муку за Христа, пока император не приказал палачам остановиться.

Что может быть лучше и удивительнее, чем уподобиться подвигом своему создателю? Ибо как Христос мой был бичеван, стоя пред лицом Пилата,⁵² так и его верные слуги радостно принимали удары за него и его икону.

Когда палачи прекратили бичевание, император говорит святым: «Зачем вы пришли сюда, нечестивые?», желая услышать от них: «Чтобы принять вашу веру». Но так как святые молчали, ничего не отвечая ему и глядя в землю, император сказал епарху: «Возьми этих нечестивцев, начертай на лицах их ямбы и передай обоим сыновьям Агари⁵³ — пусть доставят их на родину». Рядом с императором стоял тот, у кого были эти ямбы, по имени Христодул; ему император велел вслух прочесть стихи, добавив такие слова: «Не беда, если стихи нехороши». Он сказал это, зная, что подвижники Христовы в совершенстве постигли правила поэтики и могут осмеять стихи. Кто-то из присутствующих, желая угодить императору, заметил: «Эти люди, владыка, и не заслуживают лучших ямбов».

Вот что сказали и что свершили суесловы те. Мы же приведем эти ямбы и повторим их в своем повествовании, поскольку знаем, что от этого не может быть вреда. Их счетом двенадцать, и они были начертаны в Претории на лицах святых исповедников Феодора и Феофана в правление Феофила и гласили так:

Подобно людям, что хотят увидеть град,
В котором Слово бог, вселенную творя,
Поставил некогда пречистые стопы,
Они пришли сюда в священные места,
Кощунства и хулы злокозненный сосуд,
Свершили много страшных и постыдных дел
Безбожномысленно, неверия полны.
Отступников изгнали из святой земли,
Но в граде царственном убежище найдя,
Не отступили от нечестья своего.
За то их осудил карающий закон:
Они — преступники с начертанным лицом.*

Мы же, народ Христов, христолюбивое стадо, отвращаясь от такого его суесловия, скажем ему: «О, нечестивец и враг истины, ты называешь пресвятым сына божия, чей изображаемый в церкви образ похитил отсюда и предал огню? Ведь если бы мог, ты самое имя его уничтожил бы среди христиан, чтобы не звался он Христом и сыном Божиим. Как же ты, нечистый, признаешь святым град, где сын Божий и бог Слова ради спасения нашего познал таинство воплощения? Как же жителей его ты

* Перевод Г. Г. Шмакова.

едва не предал смерти из-за веры их во Христа и его икону? Если эти святые, по твоему ложному слову, являются сосудом кощунства и хулы, как же мог их послать архителетарх и собор его и отцы пустынножители с боговдохновенным своим посланием к твоей зломысленности как мужей подлинно мудрых делом своим и словом? И если, как ты говоришь, они были изгнаны оттуда, как же святой собор и праведные отцы могли вручить им это послание? Что дурного они совершили, когда вошли в царственный град, и какое зло кому причинили? Ты считаешь злым и безумным, что они собственным примером и своими святыми православными посланиями путеводили многих верных из тьмы ереси к свету истины? Император, недостойный багряницы, достоин разве что насмешек. При твоем безумии и неправом образе мыслей неудивительно, что ты приказал начертать им лица и сделал их против собственной воли и желания мучениками за Христа, себе же уготовал вечные муки, к которым будешь присужден господом Христом, чей телесный образ на иконе отрицал вместе с отцом твоим, сатаной. Когда херувимы с пламенным мечом увидят, что лица праведников начертаны, они в благоговении отступят и дадут им войти в рай. Ты хотел преследовать их, но господь, справедливо судящий в своем справедливом гневе, помешает такому твоему намерению, чтобы святой и преславный град божий, Новый Иерусалим, не лишился подобных светочей, но украсился ими, вправив их в венец царства, как драгоценные камни. Ты вскоре подпадешь губительной смерти и вечным мукам, их же святые и пречистые останки церковь божия сохранит у себя как сокровище некрадмое и императорскую багряницу, а пресвятые и честные души их примет на вечное ликование со всеми святыми горний Иерусалим, мать первородных, чей основатель и владыка — бог».

Но вернемся к своему рассказу и посмотрим, что повелел враг истины и что претерпели мученики Христовы. Ибо, как мы уже сказали, император велел Христодулу вслух прочитать ямбы святым, а после того как это было сделано, распорядился отвести их в тюрьму Преторий и начертать стихи на лицах их. Когда святых увели от императора в Преторий и они вступили под своды так называемой Фермастры, тотчас вбегают какой-то человек с требованием вернуть узников. Сейчас же их вновь препроводили к императору. Увидя их, Феофил говорит: «Возвратившись в землю свою, вы, может быть, будете говорить, что вот мы, мол, насмеялись над императором ромеев,⁵⁴ но я ранее насмеюсь над вами и, предав жестоким пыткам, отошлю восвояси».

И он велит, чтобы со святых была совлечена одежда, и они предстали пред ним нагими. Когда святые мученики Христовы были раздеты, император приказал сильным мужам накрепко связать им тонкими ремнями руки по шести раз каждому, дабы во время пытки они не могли ими двигать. После того как святых крепко связали, император распорядился, чтобы один из этих людей встал впереди, другой же сзади и

беспощадно стегали их бычьими жилами. Бичевали мучеников с такой силой, что по четыре воина сменилось у каждого. Им наносили удары по спине и по груди, но ничего от них не слышали, кроме «господи, помилуй» и «пресвятая богородица, помоги нам». Император, слыша, что святые молятся, резвярился и беспрестанно кричал, заклиная своим именем и побуждая бичующих такими словами: «Бей крепко, если любишь меня».

После того как святых долго пытали, так что они уже не были в состоянии говорить, а кровь их, словно река, залила весь пол, император приказал вернуть их в темницу. Святые после невыносимых пыток едва могли передвигать ноги. Но вот явился другой посланец и велел им возвращаться. Так как у святых не доставало сил идти, еще кто-то, пришедший от императора, предстал пред ними и стал спрашивать: «Почему вы радовались смерти императора Льва и почему, прибыв к нему, не сумели обратить его в свою веру?». Святые, с трудом отвечая ему, сказали: «Смерти Льва мы не радовались, но и не приняли его веры, лучше сказать, богопротивной ереси». Задавший им эти вопросы был логофетом дрома.⁵⁵ Он говорит им: «Ступайте, куда вам повелел император». И только с приходом темноты святых отвели в Преторий.

Спустя четыре дня эпарх, находясь в присутствии своем, велел привести святых. Он начал устрашать их ужасными пытками и угрозами, говоря, что, если не подчинятся поставленным им требованиям, он подвергнет их наказанию, начертает им лица и предаст агарянам. Так как святые отказались исполнить веление императора (при этом присутствовал Христодул, прочитавший ямбы, и его отец), держались с твердостью и были готовы претерпеть тысячи смертей, сказав: «Никогда мы не осквернимся единомыслием с вами, и даже если б ты выколлот нам глаза и огнем жег тело наше, мы бы не осквернились согласием с теми, кто отрицает веру и учение христиан», отец Христодула невольно сказал эпарху: «Эти люди никогда не поклонялись иконе; я не знаю, за что они терпят, придя сюда!». Христов мученик Феофан суровым голосом сказал ему: «Отступи от нас, враг истины, ибо не ведаешь, что говоришь и что утверждаешь, — мы признаем, чтим и поклоняемся истинному богу нашему Иисусу Христу, его иконе и иконам матери его и святых его, зная, что почитание иконы восходит к почитанию первообраза.⁵⁶ И за Христа, и за его икону мы отдаем свою жизнь и проливаем кровь свою». Когда эпарх услышал это, он искательно говорит: «Однажды только признайте — ничего более я не требую — и отпущу вас, и вы пойдете, куда вам угодно». В ответ мученик Христов Феодор сказал ему: «Эпарх, ты говоришь подобно человеку, уговаривающему другого так: „Я не прошу тебя ни о чем, только дай отрубить себе голову и ступай, куда хочешь“». Так вот знай — посрамление для нас, когда кто-нибудь осмеливается склонять нас к той вере, принять которую уговариваешь нас ты. Я дивлюсь, как такой человек не понимает, что легче небу стать землей и земле

небом, чем нам отступить от веры нашей и учения; как невозможно, будучи человеком, подняться на небеса, так же невозможно нам сделать то, о чем ты говоришь. Поступай, как тебе угодно. У тебя власть над телом нашим, власть же над душами нашими принадлежит Христу».

Тогда епарх велит написать им лица. Хотя раны святых уже воспалились и причиняли им муки, вновь приблизились палачи и бросили святых на лежа, и начертали им лица; много часов уязвляя их лица, они выводили на них ямбы. Когда же кончили писать, заставили святых подняться на ноги и с того дня ничего более не говорили им. Прежде чем уйти от епарха, святые сказали ему и восседавшим с ним, указывая на свои лица: «Знайте, увидев эту надпись, херувимы и пламенный меч⁵⁷ отступят и дадут нам войти в рай из благоговения перед ликами нашими, столь позорно начертанными ради владыки их. Ибо над нами единственными впервые от века свершился неслыханный этот обряд, хотя человеколюбивыми вы и назвали тех, кто в безумии пошел против нашего божественного учения, сами вы еще кровожаднее их! Но сии все надписи вы истинно узрите на лике Христовом, ибо он рек: „Так как вы сделали это одному из сих братьев моих меньших, то сделали мне“».⁵⁸

Император, услышав это, ибо епарх передал ему слова святых, сказал епарху, сраженный, я думаю, силой этих слов: «Знай я, что это верно, я так бы начертал на всем народе моем».

Пусть никто, я прошу, не усумнится в том, что я написал правду и не пожелал внести в этот свой рассказ то, чего мученики Христовы не претерпели. Лица святых исповедников Христовых Феодора и Феофана были начертаны восемнадцатого июля четырнадцатого индикта.

Когда святые, как мы уже сказали, вышли от епарха, император повелел заточить их в тюрьму рядом с наставником их и пастырем, я разумно богоносного Михаила. Христов исповедник весьма возликовал, когда услышал, что, претерпев за Христа и за икону его удары бича по груди и спине и начертание лиц, они смело возвещали тайну домостроительства божия и не были сломлены или побеждены, прияв по воле императора столь ужасные пытки. И в посланиях к ним говорил так (святые ведь не видели друг друга и могли только, да и то с трудом, обмениваться письмами): «Я радуюсь, дети мои духовные, стойкости вашей, услышав, что вы подвизались и пострадали за Христа, и блаженными почитаю члены ваши, изнуренные бичеванием во имя создателя и господя нашего Иисуса Христа, за нас предавшего тело свое бичам. Восхваляю и обнимаю рамена ваши и грудь, обогранные кровью потому, что нас ради из пронзенного копьем животворящего бока истекла божественная и искупительная кровь. Чту пресвятые и любезные мне лики, начертанные за святой образ Христов, лобызаю эти одушевленные образы и изображения, уязвленные железом и вычерненные им за поставленный и написанный образ и лик искупителя моего и спасителя. Радуйтесь этому, дети мои,

и пусть сердце ваше укрепится, потому что вы явили себя подлинно жителями святого града Иерусалима, потомками и согражданами трех святых отроков, угасивших печь вавилонскую,⁵⁹ и других семерых (я разумею маккавейских отроков со старцем Елеазаром), посрамивших идолопоклонника Антиоха. Молю бога даровать вам силу и твердость до конца, чтобы мы, жители святого града Иерусалима, всецело посрамили и уничтожили безбожную веру этого тирана. Расскажите мне в письме, что начертано на лицах ваших, что уготовал вам нечестивейший тиран, что вам угрожает, что еще враги замышляют против вас, злосчастных. Мой поклон вашей святости с письмом сим передаст муж твердый, второй Иов.⁶⁰ Какова наша участь, известно вашей божественной и боголюбезной мудрости. Также и великий поборник и защитник благочестия Мефодий⁶¹ посылает вам через меня поклон и неустанно за вас молится, узнав о подвиге вашем, посрамляющем нечестие».

Этот всеблагий и великий поборник благочестия Мефодий написал множество посланий пресвятому Михаилу, величая его владыкой, отцом, покровителем и достойным царствия небесного. Писал он также и соратникам его, я разумею Феодора и Феофана, укрепляя их своим словом, когда те были в ссылке на острове Афусия. По воле нечестивых иконосжигателей святой и великий Мефодий вынес множество различных ссылок и пыток во имя Христа и его святого поклоняемого образа и немало лет был заточен в той же тюрьме Преторий, где содержались святые и богоносные отцы наши. Они не переставали писать друг другу и укреплять один другого на подвиг благочестия.

Какое же чудо творит всемогущий бог, когда святые исповедники и отцы наши уже седьмой год томятся в тюрьме Претория? Он, не желая долее терпеть скипетр грешных правящим клиром праведных, дабы праведные не протянули рук своих в беззаконии, очистил церковь свою от врагов ее. Ибо рек Петру: «На камне веры твоей я создам церковь мою, и врата ада не одолеют ее»,⁶² назвав вратами ада постоянно сменяющие друг друга соблазны церкви своей.

Вскоре упомянутый нечестивый император скончался, чтобы вечно мучиться в неугасимом вечногорящем огне. Царство его и власть перешли к супруге его Феодоре и сыну их Михаилу.⁶³ Феодора прежде всех прочих деяний и свершений, которыми императоры обычно утверждают славу свою, обращает прилежную и великую заботу на то, чтобы укрепить власть свою, являя, будучи женщиной, подлинное мужество и благородство умилостивлением бога честным восстановлением благочестивых его догматов и святых икон и объединением несогласных, чтобы в этом единении блюлись нерушимость апостольских и отеческих догматов и подлинная чистота веры.

И вот императрица, в великой своей мудрости и пронизательности обдумав это и рассудив, повелела призвать и освободить всех, кто за православную веру был отправлен в изгнание или заключен в тюрьму, и преду-

ставила им прибыть к ней в царственный град. Повсюду рассылались указы, собирающие исповедников Христовых и мучеников, и из всех земель и городов, как с весенних лугов прекрасные цветы, явились одушевленные столпы Христовы. И на глазах исполнялось слово Священного писания: «Возведи очи твои, Сион, и посмотри вокруг — все собираются к тебе отпрыски твои.⁶⁴ Ибо идут от восхода и от заката, от севера и от юга поклониться царю твоему здесь». Когда они сошлись, благочестивая Феодора повелела собрать все духовенство и мучеников в одном из покоев дворца, чтобы в присутствии всего синклита и великого множества народа ясно возвестить всем православное постановление относительно святых икон. И по божественному решению упомянутой императрицы и юного сына ее, я разумею императора Михаила, а также перархов божиих и святых мучеников, восставшие на святые иконы были преданы всяческой анафеме, так что из-за неожиданности и внезапности происшедшей в государстве перемены нечестивый Иоанн,⁶⁵ который во время то по смятению и помрачению умов правил тронном архиерейства, едва не отдал злую свою душу. Постановлением благочестивых императоров и священного собора святых отцов Иоанн, эта губительная язва, был осужден, предан вечной анафеме и с позором изгнан с апостольского престола и из города. У всех была одна общая забота — кого откровение господя бога поставит управлять высшим престолом церкви. Взоры всех обратились на великого поборника благочестия, я разумею премудрого Михаила, дабы ему было вверено церковное кормило, так как он был синкеллом святого града господя нашего Христа, отличался в богословской мудрости и претерпел многие угнетения и пытки за Христа и его икону.

Но отец наш, великий Михаил, не принял этого, ибо всегда имел подлинное смирение перед Христом, говоря, что он по малости своей недостойн такой чести. И вот святой собор вместе с упомянутой императрицей по божественному совету премудрого Михаила решил обратиться к великому Иоанникию,⁶⁶ который вместе со своим сподвижником чудотворным Евстратием, игуменом Агаврского монастыря, подобно светильнику, блистал тогда на горе Олимпе своей угодной богу жизнью, предзнанием и чудесами. Они сделали это, послав двух мужей от святого собора и одного придворного, так называемого спафария. Те отправились, дошли до горы Олимпа и, найдя праведника в лавре во имя святого пророка Илии, где он скрывался от еретиков, сообщили ему постановление святого собора и христоролюбивых императоров.

Человек божий, великий Иоанникий, выслушав их, весьма возликовал и тут же обратил к господу богу мольбу, прося его сжалиться над своими овцами и открыть того, кто достойно будет пасти православное его и святое стадо, которое он искупил кровью своей. Затворив перед упомянутыми святыми мужами двери сходного с пещерой малого того покоя, он велел им тоже молиться о том, чтобы господь указал мужа, который им надобен. На восьмой день моления своего Иоанникий, отпе-

рев упомянутую дверь и выйдя наружу, вручает им посох, сказав так: «Ступайте, дети, и отдайте посох сей монаху и пресвитеру Мефодию, сейчас изгнаннику в Элевомитском монастыре». ⁶⁷ И, сотворив молитву, отпустил их.

Упомянутые богобоязненные мужи, архиереи и спафарий, вернувшись в счастливый Константинополь, сообщили это собору и царям. А те тотчас через скорохода приказали упомянутому пресвятому мужу прибыть в царственный град. Ибо так повелел полученный от святого посох, который указывал на того, кому предстояло пасти святую и апостольскую церковь божию. Муж этот, братья, — Мефодий, о котором мы выше упоминали.

Когда это случилось и святой Мефодий прибыл в счастливый град Константинополь, где претерпел много мук за Христа и его святую и пречистую икону, его по воле божией и святого вселенского собора поставили патриархом, и он занял предназначенный ему богом апостольский престол. Он многожды предал еретиков анафеме и, изгнав всех их священнослужителей, очистил церковь божию от власти еретиков. Тогда-то по велению православных императоров он делает поборника благочестия, отца нашего богоносного Михаила, своим синкеллом и игуменом великого Хорского монастыря.

Поскольку я упомянул об этом императорском и православном монастыре Хора, я коротко расскажу о нем. Итак, этот упомянутый мною святой монастырь благочестивейший и знаменитый владыка Юстиниан построил весьма большим, славным и пречудным. ⁶⁸ Если кто назовет его ⁶⁹ горой божией, горой Хорив и Кармил, горой Синай, Фавор, Ливан или святым градом на горе иерусалимской, не уклонится от истины. Упомянутый славный владыка повелел останавливаться в этом пресвятом монастыре прибывающим из Иерусалима иереям и монахам, а пропитание им уделять за счет императорской казны.

Я скажу тут же, почему благочестивый владыка дал такой указ. Ведь такое предание об этом дошло до нас и искони передавалось от отца к сыну, что святой отец наш богоносный Савва, будучи послан тогдашним иерусалимским патриархом по имени Петр ⁷⁰ к упомянутому благочестивому владыке из-за набегов безбожных самаритян, ⁷¹ пленения ими жителей и сожжения божиих домов молитвы с просьбой, чтобы божественный этот и чистый глава повелел отстроить молитвенные дома божии, прогнать безбожных и нечестивых самаритян и освободить от их власти святой град божий и его окрестности. Он исполнил это по упомянутой просьбе святого отца нашего Саввы.

Так как святой отец зазимовал в счастливом Константинополе, упомянутый благочестивый владыка отправил его в тот монастырь, строительство которого к этому времени было уже полностью завершено, дабы он осмотрел и освятил этот построенный им монастырь. ⁷² Ибо слышал,

что святой Савва основал большинство обителей во граде господя нашего Христа и в пустыне вокруг него. Прибыв туда, блаженный отец наш Савва весьма возликовал, глядя на местность и всевозможные сооружения. Этот святой монастырь ведь со всех сторон обведен стеной и отделен от мирской жизни и суеты и, словно неприступный град, основан на горе и касается небес высокими крышами своих строений. По этой-то причине благочестивые императоры с тех пор поселяют там прибывающих из Иерусалима в Константинополь. Посему и преславные и святые исповедники Христовы и мученики, явившись из Иерусалима, были отправлены всезлобным и звероименитым владыкой в этот самый монастырь. Нечестивый гонитель, пришедший во след гонителю, недостойный своей багряницы Константин Копроним,⁷³ потому только, что там жили православные и святые отцы, а также святой и великий патриарх Герман,⁷⁴ разорил, разрушил и только что не сравнял с землею этот монастырь, весьма богатый денежными средствами и землями.

Ведь звероименитый первый из ересеначальников⁷⁵ отец этого императора за то, что святой отец Герман предал его вечной анафеме как иконосжигателя и иудействующего,⁷⁶ сослал патриарха в упомянутый этот честный и православный монастырь.⁷⁷ Ослепив мужа своей сестры Анны, православнейшего владыку по имени Артавазд,⁷⁸ Копроним сослал его вместе с женой и девятью сыновьями в упомянутый монастырь, превратив обитель эту в гостиницу для мирян и изгнав из нее всех монахов. Здесь, в монастыре, покоятся останки этих православных. В этой же святой обители, как было сказано, скончался упомянутый великий и святой Герман, и тут покоятся нетленные его и святые мощи.

Потому-то святой телетарх Мефодий поставил, как мы сказали, святого исповедника и великого отца нашего Михаила игуменом этого монастыря, а премудрого и великого Феофана рукоположил митрополитом святейшей церкви города Nikeи, где при святом и великом императоре Константине для обвинения нечестивого Ария собрался первый святой вселенский собор 318 святых отцов.⁷⁹ Когда Мефодий задумал рукоположить Феофана, некоторые архиереи говорили святому, что не полагается, мол, тому столь высокий сан, ибо он — мученик из чужой земли «и мы ничего не знаем ни о нем, ни о его житии». Великий поборник благочестия Мефодий сказал им в ответ: «Верьте мне, отцы, что и я не имел мысли удостоить его столь великого избрания, но начертанное лицо его, следы бичей на теле, многолетнее пребывание в тюрьме и в изгнании заставляют меня — даже против моей воли и желания — считать Феофана достойным избрания и высочайшего престола. Это открыл мне, когда я молился, истинный бог наш Христос, за которого он вынес многие утешения и пытки». Тогда-то поборник благочестия великий Михаил сказал в ответ патриарху Мефодию: «Если что совершишь и сделаешь для духовного моего сына, премудрого Феофана, для меня, его соизгнанника и союзника, сделаешь, ибо я — это он и он — я». Святейший патриарх

почитал слова и деяния отца нашего, я разумею святого Михаила, словно они были от бога, а не от человека.

Когда все это так свершилось, святой отец наш и исповедник Феодор, родной брат святого Феофана, окончил жизнь 27-го дня декабря месяца, прожив 70 лет. Книга его, зовущаяся «Кинолик»,⁸⁰ ясно свидетельствует о высоте его мудрости, суесловные же уста еретиков и иконосжигателей она заграждает премудрыми доказательствами, собранными из Священного писания. Великий и богоносный Феофан вместе со своим наставником, премудрым Михаилом, увенчав похвальным словом его святое и божественное отшествие, сложили останки в святой гроб и предали погребению в месте, где покоились умершие до него святые отцы.

А исповедник Феофан четыре года пас в законах православия словесных своих овец и поднес господу зрелые плоды — блаженные души спасенных им и его премудрым поучением он собрал в пристани царствия небесного. Однажды этот премудрый архиерей господя нашего Христа прибыл в счастливый Константинополь и явился к тамошнему архиерею и приветствовал его, отправился он также и в монастырь Хора к своему наставнику и покровителю, премудрому Михаилу. И, приветствовал его, пробыл с ним довольно времени. И впал в недуг, от которого и скончался. Призвав премудрого и великого пастыря своего, я разумею Михаила, он говорит ему: «Помолись, отец, за сына своего, ибо я отхожу. Предай и меня, плод забот твоих, как прежде родного брата моего, всевышнему богу Христу и святыми своими руками обряди тело, которое ты укрепил своими великими трудами и мудрыми увещаниями, и схорони меня в земле отцов моих; сила брэнной и жалкой плоти моей совсем иссякла. И как пастырь поминай овцу свою в молитвах». И, сказав это и еще сказав: «Господи, предаю дух свой в руки твои»,⁸¹ он предал свою пресвятую душу в руки святых ангелов, жизни которых подражал. Этот премудрый иерарх и исповедник, мученик Христов Феофан, усоп 67 лет 11 октября девятого индикта в правление христолюбивых и православных императоров Михаила и матери его Феодоры.

Вселенская и апостольская божия церковь владеет многими писаниями и поучениями премудрого и святого мученика Феофана и хранит их как нетленное сокровище. Ведь этот божественный и великий Феофан явлен был божией церкви как второй Давид псалмопевец: ибо он украсил святыми и пречудными канонами⁸² святые службы великого господя и спасителя нашего Иисуса Христа, его пресвятой матери, преблагословенной богородицы приснодевы Марии, его славных пророков, апостолов, мучеников, святых, праведников, а также и архангелов.

Святой отец наш великий Михаил, увенчав этого великого и богоносного Феофана похвальным надгробным словом и в последний раз обლობызав, предал погребению в честном своем монастыре рядом с нетленными и святыми мощами премудрого исповедника Германа. Такова была жизнь святой двоицы братьев, Феодора и Феофана, исповедников и

мучеников, так они состязались и совершили подвиг свой и посрамили тиранов и безбожных еретиков, и приложились к желанному им сонму, бесстрашно заступаясь как добрые пастыри за православное свое и святое стадо.

Но тут, богоносная и православная братия, от этих святых к другому святому обратим речь свою и посмотрим, что за чудеса вседержитель бог сотворил для святого отца нашего богоносного Михаила; став игуменом этого монастыря, он нашел его в великом умалении и только что не скрытым с лица земли безбожными еретиками, как нами было уже сказано; монахи были изгнаны оттуда и только весьма немногие приютились в одной из монастырских усадеб под названием Касторион, в подворье святого мученика Трифона, и жили в большой нужде. Пресвятой отец наш Михаил послал за ними и, собрав, поселил в монастыре, вместе с ними творя службы господу. По смотрению божию, благо учредившему все, чтобы возвысился защитник этого монастыря святой Михаил, в скором времени братия его приумножилась до ста монахов.

Так как добрая и боголюбивая его община терпела сильную нужду во всем необходимом — ибо обитель была крайне бедна — он по боголюбивому решению своему отправился к святому и великому патриарху Мефодию и, сообщив ему об этом, искал его помощи, чтобы братия не рассеялась и не разошлась из-за бедности, в которой жила. Святой Мефодий вместе с ним идет к великому и православному императору Михаилу и его благочестивой матери и обо всем рассказывает божественному скиптродержцу. И оба они просят, чтобы божественная его царственность заступилась за монастырь и с непреклонностью повелела безмездно вернуть в его императорский монастырь все строения и усадьбы, когда бы то ни было отторгнутые нечестивым императором Копронимом от этого любезного богу монастыря. Так это и случилось, и святой отец наш с братией своей стал жить в великом достатке, божие стадо приумножалось и преуспевало в жизни по богу и в премудрых его наставлениях и поучениях. Добродетельная жизнь святого сияла, подобно светильнику, так что почти весь двор и клирики вселенской церкви приходили к нему, чтобы он молился за них и просвещал их своими святыми поучениями. Услышав об этом, великий патриарх Мефодий радовался и ликовал духом, что божия церковь украшалась столь славными мужами; он и сам был чуть что боится неразлучен с богоносным Михаилом.

Между тем близилось святое и славное отшествие Михаила из суетной жизни этой, ибо он достиг глубокой старости, 85 лет. Денно и ночью со слезами и скорбью он непрестанно молил бога, чтобы ему разрешиться и быть со Христом, по слову блаженного Павла,⁸³ вместе со своими учениками и спутниками, я разумею Феодора и Феофана. Вседержитель бог внял мольбе раба своего и в ночном видении преуказал ему отшествие. В пост святого рождества господа нашего Христа, когда Михаил, как

обычно, спал, ему явился ангел божий, говоря: «*Михаил, Михаил, встань и приготовься, ибо вседержитель господь призывает тебя и повелел, чтобы ты ушел из суетной жизни сей и был свободен от многих трудов и скорбей и пребывал с ним в местах отдохновения блаженных. Через десять дней ты пойдешь к нему.*»

Проснувшись, человек божий великий Михаил заплакал и тотчас стал на молитву, и, молясь, со слезами и великим ликованием говорил: «*Благодарю тебя, Христос, бог мой, что услышал смиренную молитву мою и повелел мне прийти к тебе. Сохрани, господь бог мой, стадо, которое ты вверил мне, недостойному, невредимым и нетронутым никакой погубляющей души ересью и никаким злом, и да кончится на нас, твоих рабах, дерзость еретиков и раздоры в церкви твоей, да прекратится на нас мученичество святых, подвигающихся во имя твое. Скончай соблазны во вселенской и апостольской церкви своей, которую ты спас святой кровью своей. Слава тебе во веки. Аминь.*»

После такой молитвы он велел ударить в било.⁸⁴ И, когда собралась святая братия его, он начал утреннее песнопение богу. Так как удары била раздалась в неурочный час, ученики его стали спрашивать, говоря: «*Почему, отец, ты созвал нас в неурочное время?*». Тогда по окончании утренних песнопений божественный Михаил говорит им: «*Ничего печального, возлюбленные мои дети, это вам не возвещает: господь мой, Иисус Христос, призвал меня уйти и пребывать с ним.*». Когда слова эти были сказаны во всеуслышание, братия исполнилась печали и слез, не могши подумать, что осиротеет. А святой отец наш, обратив слова свои к сердцам их и наставив их увещаниями, начал говорить так: «*Возлюбленные дети мои, не забывайте заповедей моих, а паче заповедей господя нашего Иисуса Христа; пусть ум ваш не надмится и не пренебрежет служением богу. Вечно храните искреннюю любовь ко всяческому добродеянию, ибо это неотделимо от совершенства: всякая добродетель творится любовью и смиренномудрием. Смиренномудрие возвышает, а любовь к возвышенному не дает пасть. Любовь выше смиренномудрия, ибо по любви к нам бог Слово, господь наш Иисус Христос, унизил себя, став, подобно нам, человеком. Потому должно постоянно славить его по воле его и по данному ему обету воссылать песнопения и благодарствия, а нам, удалившимся от забот житейских, особенно и за очищение от грехов приносить ему дары, чистоту души, непорочность тела, нелицемерную любовь, и с радостью отдать душу и пролить кровь свою за него и за икону его, и не предать православной нашей апостольской и вселенской веры.*». Сказав это, он отпустил всех.

Утром с просветленным лицом Михаил входит к святейшему патриарху Мефодию, так что патриарх, увидев его, сказал ему: «*Почему, честной отец, так светел лик твой — никогда не доводилось мне видеть тебя таким?*». Ведь святой отец был бледен из-за чрезвычайного воздержания и смирения плоти. Михаил, хотя они были наедине, сказал ему на

ухо: «Должно мне, святой и вселенский учитель, радоваться и ликовать, ибо господь мой и бог, Иисус Христос, призвал меня, недостойного, в свое царствие».

Когда святейший архиепископ услышал это, он исполнился печали, ибо весьма любил и почитал блаженного, и говорит ему: «Пойдем, блаженнейший, к православным императорам нашим, чтобы и они услышали твои святые молитвы». И вместе с ним святейший патриарх идет к православному и божественному владыке Михаилу и боголюбезной его матери, я разумею православную и великую императрицу Феодору, и наедине святой патриарх возвестил им все. Верные и православные императоры призвали блаженного и святого Михаила, пали в ноги святого отца, прося его помолиться и быть заступником за них и за все царство перед вседержителем богом. Великий Михаил, попросившись с ними и дав им прощальное целование, говорит: «Благоденствуйте, земные владыки, благоденствуйте и не забывайте царя небесного, Иисуса Христа, и оберегайте церковь его от всякой ереси и не отрицайте иконы его. Вот, говорю вам, веруя во Христа моего и бога, что со всеми святыми удостоены будете царствия небесного купно со святым Константином, Феодосием и Елезвоем,⁸⁵ христианнейшими, православными и божественными владыками, потому что вернули невесте божией, я разумею церковь апостольскую, ее иконную красоту». Сказав это, он ушел.

Когда оба они, патриарх и великий Михаил, вышли из императорского дворца, святейший патриарх пригласил святого пойти с ним, и они вошли в его келию. Патриарх просил Михаила остаться до определенного ему богом последнего дня. Святой отец наш, не привыкший к послушанию, подчинился просьбе его и был с ним, радуясь и проводя время в молитве, посте, всеобщем стоянии и бдении. За пять дней до своей кончины он просит святейшего вселенского патриарха Мефодия отпустить его в монастырь, чтобы ему умереть в своей келии. Тот же не хотел разлучаться с Михаилом и просил приять кончину в патриаршей его келии, но видя, как сильно святой скорбит и тоскует, что его не отпускают в монастырь, и не желая его печалить, отпустил Михаила в сопровождении своего святого клира.

Возвратившись в обитель свою, Михаил идет в храм во имя священномученика Анфима. И, попросившись с этим мучеником Христовым, исповедник Христов и мученик направляется в так называемое тамошними монахами убежище, где покоятся славные и святые мощи святых мучеников Вавилы и 84 его учеников.⁸⁶ И, припав к их святым гробницам, он молил святых мучеников не оставлять его в пути, который предстоит ему, и своим заступничеством перед богом оборонить их общий святой монастырь от злого соблазна. Попросившись с этими мучениками, он вышел из храма и отпустил всех бывших с ним клириков великой божией церкви, дав им святое целование и помолвившись за них.

Они удалились, и вот ученики его встретили праведника со све-

чами, курильницами и песнопением: «Слава тебе, господь Христос, гордость апостолов, радость мучеников», и так далее. И, приветствовав их, он направляется вместе с ними в храм сорока святых мучеников. Михаил попрощался с ними и вошел в усыпальницу святых исповедников, отцов наших Германа и Феофана, и пал на святые могилы их, слезно молясь и говоря: «Святые исповедники Христовы и богоносные отцы, се иду к вам по велению господя лежать с вами телесно. Пропу, чтобы по молитвам вашим и в небесном Иерусалиме я был вместе с вами». После прощания с ними он указывает место, куда сложить его святое и нетленное тело, и входит в свою келию.

В субботу 19 декабря на память святого великомученика Игнатия он велел отслужить панихиду в его приделе,⁸⁷ находящемся в храме во имя святого великомученика Анфима. Затем после утренних песнопений Михаил возвращается к себе в келию и призывает многочисленных учеников своих и говорит им: «В плоти сей мне уж больше не стоять с вами на всенощной молитве, ибо, как я вам сказал, меня призывает бог». Когда святой промолвил это, все начали плакать и стенать, не в силах подумать об утрате святого старца. А великий человек божий со слезами говорит им: «Оставайтесь, отцы и братья, оставайтесь в месте сем и с благодарностью терпите все испытания до отшествия своего из этой жизни и повинуйтесь власти игуменов ваших, которые будут после меня, а я заступлюсь за вас перед богом в страшный день судный, когда он придет воздать каждому по делам его».⁸⁸

Вслед за этими словами Михаил в последний раз всех облобызал, лег на постелю свою, сложил руки для молитвы и со словами: «В руки твои предаю дух мой», почил 4 января.

Уместно тут вспомнить слова Священного писания: «Дорога в очах господних смерть святых его».⁸⁹ Вседержитель бог почтил отшествие его чудом. Ибо одному монаху из паствы его, много лет одержимому нечистым духом⁹⁰ — за какое прегрешение, не знаю, но бог знает, по слову апостола,⁹¹ не было дано освободиться от этого демона до отшествия праведника: бог, мнится мне, предопределил лучшее — монаху очиститься кончиной этого праведника, а тому возвыситься из-за великого чуда. Ведь когда блаженный предал святую свою душу в руки господя, нечистый дух вскричал и, нещадно истерзав монаха, вышел из него и исчез по невидимой божией силе.

Недостойный труд сей написал я со слов родных святого, знавших его людей, тех, кто разделял с ним трапезы, жил с ним под одной крышей, и учеников его, а также со слов сподвижников тирана. Что же я скажу тебе, о, честной отец, пресвятой Михаил? Поведать о твоём исповедничестве и жизни превышает силу человеческую, ибо деяния твои велики и заслуживают похвалы, превосходящей обычную. Мученик божий, ты единый подражал владыке Христу страданием за его икону и смелым исповеданием веры, ты, пресвятой Михаил, страж всего нашего

рода, губитель демонов, почитатель святых икон, целитель страждущих и тихая пристань для терпящих бурю, путеводитель заблудших и опора православных, вселенский светильник, просвещающий души, омраченные ересью, сообщник ангелам и соименник архангелам,⁹² водящий с ними хороводы, слуга святой троицы, освятитель душ человеческих, по истинной вере приявших и прославивших подвиг твой, и, чтобы быть кратким, праведник, неутомимый во всяком благе и во всяком деле, гордость подвижников, цвет праведников, правило монашествующих, светильник наставников, образец для подначальных, совенчанник мучеников. Слуга бога Слова, прими мое слово, чтобы в здравии и крепости душевной и телесной я по достоинству благодарил и славил прославившего тебя господя нашего Христа, которому почитание и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

СИМЕОН МЕТАФРАСТ. ЖИЗНЬ И ДЕЯНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО НИКОЛАЯ

Сколь ни мудра рука зографа в искусстве подражать жизни и сколь ни изощрена воспроизводить образы предметов, слово сравнительно с изображением много искуснее показывает то, что ему угодно, и делает это наглядным, в более сильной степени побуждая к подражанию, подстрекая души к ревности и наставляя таким же деяниям. Потому боголюбезная жизнь, отображаемая словом, многих может подвинуть к добродетели и внушить им ревность о том же. Житие божественного отца Николая как едва ли какое другое услаждает слух, радует душу и путеводит к добродейнию. Нам должно, по мере своих сил, пересказать его и представить словом (хотя оно известно большинству и знакомо) лишь одного ради, чтобы привести на память и тем усладить души, стремящиеся к добродетели.

Отчизна этого великого и пречудного отца — славный некогда ликийский город Патара, родители — люди благородные, достаточные, но не богатые, чуждые мирской славы и роскоши, прекраснейший для будущего их сына пример нестяжательности, ибо заботились только о добродетели и всячески к ней стремились. Они, посаженные при потоках благочестия, вовремя приносят плод,¹ святого Николая, и затем чрево матери заключают родовые муки, так что она остается впредь бесплодной и бесчадной, словно сама природа признает, что невозможно женщине этой родить другое подобное чадо. Мать, родивши этого своего первого и последнего благородного отпрыска, дала, однако, вместе с мужем обильный плод духу (ибо благословенны были подлинным благочадием), сокровищницу добродетелей, я разумею пречудного того Николая. Отпрыск таких родителей, святой Николай, бесплодием своей матери явил свидетельство родства с Крестителем, потому что тот рождением своим разрешил родильные муки матери, а этот навечно скончался.² Когда он был младенцем и лежал у материнской груди, бог показал, каким будет Николай, достигнув разумного возраста. Ибо всю седмицу он, как младенец, сосал грудь, а по средам и пятницам вкушал молоко по разу в день, да и то лишь вечером, следуя еще до вступления в детский возраст святому правилу³ и с самого начала показывая склонность к воздержанию.

Так он рос, усваивая добрые нравы частично от родителей, а частично, как тучная земля, сам порождал их и взращивал; когда же пришло время, его отдали учителю.

Вследствие своих природных дарований и остроты ума в краткое время Николай превзошел большинство наук; всяческую же суету презирал и сторонился неподходящих сборищ и бесед, уклонялся вступать в разговор с женщинами и даже не смотрел на них, заботясь лишь об истинно разумном. Он протиснулся с мирскими делами и все время проводил в домах божиих, приутоворяя себя к тому, чтобы стать достойным домом господним. Так как святой много потрудился для ведения святого писания и разумения божественных догматов, был украшен множеством добрых качеств и неукоснительно соблюдал подобающую иереям неукоризненность жизни, а также и потому, что нрав у него и до того, как он стал стар, был спокойный и рассудительный, его хотят удостоить пресвитерского сана.⁴ Попечением дяди, заменявшего ему отца, тогдашний предстоятель церкви в Мирах⁵ рукополагает его во пресвитеры: так, богом дарованный родителям, по их молитве он возвращается богу. А этот архиерей Мир, удостоенный божественного духа, видя, что душа юноши цветет добродетелями, предрек грядущее преизобилие у него благодати, сказав, что он будет благим утешителем печалющихся, добрым пастырем душ, подателем спасения тем, кто в опасности, и призовет заблудших на нивы благочестия. Дальнейший рассказ покажет, что это впоследствии исполнилось.

Что сказать о том, сколь велика была ревность его о подвигах после рукоположения, как он предавался бдению, постам и молитве, стремясь наблюдать бестелесную жизнь в смертном теле? Многих это заставляло весьма удивиться на него. Когда уже помянутый дядя его — тоже Николай — увидел, что отрок стяжал столь великую добродетель, он поручает ему попечение о храме божием, который воздвиг во имя святого Сиона для основанного им монастыря, а в помощники дает тех, кого он знал как сподвижников его по добродетели, чтобы вместе с ним они несли эти заботы и прилежали в подобных трудах. Однажды пречудный этот Николай отправился в Палестину, чтобы поклониться животворящему гробу господню и спасительному крестному древу, а сподвижники его, заменяя Николая, столь ревностно поклонились о храме, как если бы он сам был тут. Но об этом позднее. Когда родители его скончали жизнь свою и он стал наследником их достояния, Николай выказал то, что полагается любящему сыну после смерти добрых родителей, — не стал тотчас подсчитывать наследство и нимало не заботился о том, чтобы преумножить его и сохранить. Ведь он давно был далек от всяческих мирских соблазнов и стремился последующими деяниями своими показать праведные основы жизни и все дальнейшие поступки свои привести в соответствие с этим началом. Поэтому, все поручив богу, он сказал: «Укажи мне, господь, путь, по которому мне идти, ибо к тебе возношу я душу мою»⁶ и: «Научи меня

исполнять волю твою, потому что ты бог мой»,⁷ ибо «на тебя оставлен я от утробы; от чрева матери моей ты — бог мой».⁸ Он слышал и такие слова божественного Давида: «Когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердца»,⁹ а также слова Соломона: «Милость и истина да не оставляют тебя».¹⁰ И Николай постоянно творил благодеяния, и рука его не уставала подавать просящим, и давания текли обильным и мерным потоком. Но пора уже по отдельности рассказать о добродетелях Николая, чтобы яснее представить преизобильную доброту его.

Некий муж, из славного став бесславленным и нищим из богатого, так как терпел нужду во всем, даже в самом насущном — увы, вот до чего может дойти нужда, — решил трех своих дочерей, отличавшихся чудной красотой, отдавать за мзду похоти желающих и на выручаемые деньги себе и детям своим доставлять пропитание. Ибо выдать их замуж он не мог, так как по крайней их бедности девушками сразу стали гнушаться. Вот в такой-то этот человек был беде и такое ужасное дело замыслил, и уже принялся, жалкий, его устраивать. Но ты, господи, благой источник всяческого блага, человеколюбиво призирающий на наши нужды, устроишь так, что это доходит до ушей святого Николая, и посылаешь его как доброго ангела-заступника к тому мужу, вот-вот готовому взять грех на душу, дабы облегчил его бедность и спас от зла еще горшей бедности.

Смотри, какова сострадательность святого и ведение им сердца человеческого! Он не подошел к тому мужу, и даже слова не сказал ему, не дал и увидеть благодетельствующую руку, а таково ведь обычно милосердие малодушных. Ибо знал, что подобная назойливость огорчает людей, из богатства и славы вставших в бедность, смущает их души и будит воспоминание о прежнем благоденствии. Но, словно стремясь превзойти евангельскую заповедь о том, чтобы левой руке не доверять то, что свершаешь,¹¹ он даже самого благодетельствуемого не желал делать свидетелем своего доброго дела. Столь далек он был от того, чтобы искать мирской славы, что старался утаить свои добрые дела тщательнее, чем другие свои злодеяния. И вот, взяв полный золота узелок, он поздней ночью идет к дому бедняка и, вметнув узелок через окошко внутрь, тотчас поспешает домой, словно боясь, что его при этом увидят.

Встав поутру, тот человек нашел золото. Развязав узелок, он поразился и почел себя обманутым, так как опасался, что золото это ненастоящее. Откуда же мог он его ждать, когда благодетель не пожелал, чтобы благодетельствуемый был свидетелем его поступка? Бедняк потер пальцем золото, внимательно разглядел и, убедившись, что это подлинно золото, радовался, дивился, недоумевал и от счастья плакал. Когда же по долгому размышлении не нашел никого, кому мог бы приписать случившееся, подумал, что это дар божий и заплакал слезами благодарности. И, разумеется, прежде всего он поспешил исправить то, что послужило причиной его прегрешения перед богом, и тотчас же выдал замуж стар-

шью из своих дочерей, дав ей хорошее приданое, — полученное им золото. Когда это стало известно пречудному Николаю и он узнал, что бедняк исполнил его волю (ведь сам он как раз желал браком уничтожить причину зла), принял решение сделать то же и для второй дочери. Ночью, тайно ото всех, он вметнул через окошко такой же узелок с золотом. Утром человек тот встает и опять находит золото и, как в первый раз, удивляется. Он падает ниц, с горячими слезами говоря: «Господи, творящий милосердие, спаситель мой, некогда вследствие послушания моего воплотившийся¹² и ныне исхитивший меня и моих дочерей из сетей дьявола, открой мне исполняющего волю твою, ангела среди людей, подражателя твоей благодати, покажи, кто избавил меня от тягот бедности и освободил от злых намерений. Ибо вот я по милости твоей законному мужу отдаю свою вторую дочь, не ставшую добычей дьявола и не принесшую мне прибýtка, злейшего, увы, урона». Так он сказал и, не медля, свершил брак второй дочери, уже воспрянув духом и питая добрые надежды, что и для третьей дочери найдется муж. Ибо он был спокоен, что за приданым ее дело не станет, заключая это, как естественно, из примера двух первых своих дочерей. А потому он был начеку и все ночи проводил без сна, опасаясь, как бы добрый податель богатства не пришел незамеченным, и решив, если он снова появится, обеими руками удержать его и спросить, кто он и откуда у него столько золота.

Так он бодрствовал в ожидании своего благодетеля. Глубокой ночью слуга Христов Николай неслышно приходит в третий раз и, дойдя до обычного места, снова через то же окошко мечет такой же узелок золота и тотчас удаляется. А отец дочерей, услышав стук упавшего на пол золота и поняв, что пришел его благодетель, со всех ног бросился ему вслед. Догнав своего благодетеля и увидев, кто он — ибо по своей добродетели и знатности святой был всем известен, — бедняк падает к ногам Николая, называя его своим освободителем, заступником и спасителем душ на краю их погибели. «Если бы, — говорил он, — великий в милосердии своем господь не послал мне твоих благодеяний, я бы, злосчастный отец, увы мне, давно погиб вместе с тремя дочерьми. Но через тебя он ныне спас нас и избавил от страшного греха, „из праха поднимает бедного, из брения возвышает нищего“». ¹³ Так говорил он к святому и со слезами радости и с горячей верой припал к его блаженным стопам. А Николай, поняв, что узан этим человеком, поднял его и заклинал во всю жизнь никому не говорить о том, что произошло, чтобы сострадательность его сохранилась в тайне. Вот одно из деяний святого, самое славное и знаменитое. А о том, как каждодневно он подавал нуждающимся милостыню, насыщал нищих хлебом и питал их в голод и «души алчущие исполнял благами», ¹⁴ невозможно рассказать даже кратко. Когда Николай достиг совершенной добродетели и более приблизился к богу, его охватывает любовь к молчанию, и он решает уйти от людей, так как иначе не может

осуществить это свое желание. «Остановитесь и познайте»,¹⁵ как сказано. Потому он решил уйти далеко и, по словам пророка, «оставаться в пустыне».¹⁶

Как-то Николай задумал посетить Палестину, чтобы увидеть святые места, где пострадавший за нас господь свершал свое земное житие. Взойдя на египетский корабль, он прибывает в Палестину, ища там любезного ему уединения и подвигнутый, как я сказал, желанием побывать в святых местах. Но несколько отложим рассказ об этом, чтобы нам остановиться на самом плавании. Николай поплыл прямым путем в Египет. Моряки не подозревали о том, что им грозит, а он возвещает им бурю и сильный ветер. Ибо, по его словам, он видел, как диавол взшел на корабль и ножом разрезал канаты на мачте и на кормиле, обнял весь корабль и, закружив, хотел потопить в волнах вместе со всеми людьми. Едва святой смолк, словно по какому-то невидимому знаку, сильный вихрь с неба столбами вздымает морские воды. Не менее были взволнованы души всех, кто был на корабле, и люди, окружив Николая, молились богу и просили святого защитить их, терпящих страшное бедствие и не видящих избавления от зла, и надеялись на его помощь, ибо слышали пророчество. Он ободрил их и обещал скорое избавление от бедствий. И действительно, все ужасы неожиданно окончились — море успокоилось, и настала великая тишь, и люди, забыв о недавних слезах, стали веселы, благодарили бога и его слугу, и дивились вещим словам Николая и помощи.

Когда буря утихла, один из моряков поднялся на верхушку средней реи, чтобы поправить какую-то снасть; он уже собирался спуститься вниз, как вдруг сорвался, упал на палубу и лежал бездыханным, подобно мертвому. А святой, готовый прийти на помощь своей молитвой еще прежде, чем его успеют позвать, пробуждает пострадавшего к жизни скорее, чем пробуждают спящего, и невредимым передает мореходам. Когда моряки подняли все паруса и, совершив остальное плавание при легком попутном ветре, уже причалили к берегу, господь через святого Николая сотворил множество исцелений: слепые тотчас узрели любезный свет, а кто страдал тяжелыми недугами, исцелялись от них; коротко сказать, не было ни одного страждущего или мучимого телесной болью, ни одного, обремененного печалью, кто, обратившись к Николаю, не был бы тотчас уврачеван и избавлен от своей печали. Так как исцеления были не только скорыми, но и не стоили большим денег, не мудрено догадаться, что более не оставалось страждущих, а потому понятно, сколько было исцеленных и сколько людей благодарило и славilo бога. Из тех мест святой направляется ко гробу господню и к честной Голгофе,¹⁷ где нас ради вкопан спасительный крест. Ночью подходит ко святому крестному дереву, и сами собой перед ним распахиваются священные врата. Сотворив там горячую молитву и поклонение, он обретает еще большую духовную силу.

Довольно пробыв в Палестине, Николай снова морем возвращается на родину, ибо божественное видение повелело ему это, чтобы паства не была дольше лишена его сладчайшего гласа. Когда пречудный взшел на корабль, открылось злоумышление моряков, и все дивились силе божественного духа, присущей ему. Ведь он собирался плыть на родину и уговорился об этом со злодеями корабельщиками, и с этим вступил на их корабль. А они, когда подняли якорь, вспомнили о своем доме. И вот, выйдя из гавани под парусами, при попутном ветре они направились к своей земле. Но возмездие не медлило и шло по их следу: внезапно сильная буря сломала кормила и грозила самой жизни корабельщиков, святого же доставила в гавань его родного города. Как же поступает сострадательный этот и великодушный Николай? Он не огорчился на них и не сказал им ни одного жестокого слова, но, видя, что моряки устыдились и от души каялись, поддался своей обычной мягкости и, даровав им спокойное плавание, отослал в родную землю. Сам же он воротился в монастырь во имя святого Сиона, некогда дивно выстроенный, как я уже сказал, его дядей, был радостно встречен, исполнив всех живших в нем ликования и насытив преизобилием своей благодати. Смотрение божие мудро устроит его жизнь, приготовив великому этому светочу достойную лампаду. Потому бог вновь привел Николая, прилежно копящего божественный мед добродетели, в город. Стремясь к жизни, удаленной от людских глаз, он этим делает себя более заметным и достойным всяческой чести. Ибо добродетель не оставляя подвижника в тени: подобно тому, как свет обнаруживает проходящих, плоды трудов его скоро обнаружили дерево. Но бог, ведающий тайное сердца его, не мог долее скрывать ото всех своего раба и открывает его людям. Как это произошло, следует здесь рассказать. Так как в Мирах незадолго до этого предстоятель церкви оставил престол свой и жизнь и отошел к богу, епископы и избранные мужи клира ревновали о том, чтобы вверить престол достойному. И вот, когда все они собрались, некто по внушению божию и собственной своей мудрости, подал совет решить все с помощью молитвы. Единодушные были полными, словно каждый и ранее держался этой мысли, и бог, исполняя желания боящихся его и услышав их мольбу, открывает одному из них того, кто станет во главе церкви. Этому мужу было божественное видение, побуждавшее его пойти и встать перед входом в храм, и глас: «Кто первым войдет в храм, тот подвигнут духом моим. Его — имя тому мужу будет Николай — поставьте епископом, ибо он предизбран». Божественный тот муж, так получив откровение, возвестил об этом собору и клиру. После общей горячей молитвы муж, которому был открыт великий, направляется туда, куда призвал его божественный глас. Уже на рассвете и блаженный Николай, подвигнутый божественным духом, приходит в церковь. Когда он вступил в преддверие, удостоенный того видения муж берет его за руку и тотчас спрашивает: «Как тебя, дитя, звать?». Святой уважительно и просто отвечает: «Я грешный Нико-

лай, владыка, раб твоей святости». Божественный тот муж, услышав от великого эти смиренные слова, по тому, что его зовут Николаем (ведь имя это предрек божественный глас), и по выказанному им великому смиренномудрию, ибо помнил слова: «На кого призывает господь, как не на смиренного и кроткого»,¹⁸ понял, что он тот самый, на кого указал бог, тотчас исполнился радости, словно нашел утаенное сокровище, и, почтя встречу с Николаем счастьем, говорит ему: «Следуй за мной, дитя», и приводит к епископам. Те тотчас вспоминают сказанное им ранее, и душа их тоже исполняется божественным ликованием; ибо они считают, что и добродетель Николая согласуется со словом Божиим. Затем епископы не медля ведут святого во храм. Всюду распространяется молва о чуде — ведь в подобных обстоятельствах она обычно стремительно летит на быстрых крыльях — и стекается несметная толпа народа. А епископы громким голосом говорят: «Примите, братья, своего пастыря, которого избрал нам дух святой и которому вверил поведать и усовершенствовать наши души, кого поставила над нами не человеческая, а божественная воля. Вот мы обрели мужа, в ком имели нужду, нашли ныне, кого искали. Пасомые и благо направляемые им, мы исполнены надежд, что усовершенствовавшись предстанем пред богом в день явления его и откровения». К этому народ присоединил свою благодарность и обратил к богу слова несказанного ликования. Святой собор епископов вместе с остальным клиром, совершив перед тем все необходимые обряды, рукополагает его архиереем, хотя Николай не желал и медлил принять предстояние вследствие своей воистину достохвальной скромности; едва согласился править престолом Мир тот, кто неискаженным распространял слово истины, берег в чистоте святые догматы и вразумлял им.

Но диавол посмотрел на это своим злобным оком. Он не мог стерпеть, что процветает благочестие и, не медля, вселился во власть имущих и тотчас начал яростное гонение, и повсюду полетели императорские приказы, призывающие верных отречься благочестия. Всех, не желающих подчиняться, ожидали оковы, темницы, страшные пытки и, наконец, насильственная смерть. Вскоре зло это, взяв себе в помощники крылатых слуг, преданных поборников нечестия, достигло Мир. Божественного Николая, так как он славен был в Мирах как ревнитель христианской веры и поборник благочестия, схватили первые люди Мир. Он был приговорен к оковам, дыбе и множеству других пыток, а затем вместе с многими христианами заключен в темницу. Там он пробыл довольно времени, не видя никакого просвета в своих бедах, но принимая тяготы заточения с таким достоинством, как другой человек вещи отрадны и желанны. Однако и в темнице он не переставал кропить свою паству влагой благочестия и питать веру ее, давая стопам этих людей прочное основание и делая их смелыми ратоборцами истины. Но после ненастья выходит нежданно солнце, и после порыва бури веет тихий ветер. И человеколюбец мой Христос, взирая с небес на народ свой, сокру-

пает и губит все скипетры нечестия, диоклетианов, максимианов¹⁹ и всех последующих языческих императоров, и воздвигает своему народу рога спасения,²⁰ и знамение звездного креста призывает Константина, сына Константа и Елены, и дарует ему ромейский скипетр.²¹ А он, премудрый, зная, кто его призвал, уверовал в него, и низринул всех врагов, и ревностно защищал благочестие, и правил палинодию²² тем, кто царствовал до него, повелев разрушить капища идолов и освободить узников, томящихся во имя Христово, восстановить христианские храмы и вернуть церквам их убор. Когда христианская вера подчинила себе всю его державу, исповедники²³ Христовы возвратились восвоеси. Миры встретили своего архиерея Николая как мученика, приявшего бескровный венец. Он же, одаренный всевозможными от бога данными ему дарами, исцелял всякий недуг и прославился не только среди верных, но в скором времени и среди многих неверных, и все выказывали неизреченное почтение к нему. Видя, что сохранилось еще немало языческих храмов, где обитают сонмы демонов, нещадно губящих жителей Мир, святой, горя божественной ревностью, мужественно восстает на них. И, обойдя весь город в поисках капищ, он уничтожил их до основания и обратил в пепел. Так святой прогнал толпы демонов и дал своей пастве вкусить ничем не смущаемого покоя.

Святого, воинствующего против злых духов, посещает некое вдохновение свыше, и божественный промысел велит ему не оставить нетронутым капища Артемиды, но обратиться против него и, подобно прочим, уничтожить. Капище это, чудное своей красотой и величиной превосходящее остальные, было любимым прибежищем демонов. Потому-то святого охватила великая ненависть к тому капищу, и он смело восстал и разрушил не только все, что возвышалось над землей, но стер его до самого основания: части, находящиеся высоко над землей, он обрушил, те же, что располагались ниже или под землей, рассеял по воздуху. Злые демоны дрогнули при приближении святого и, испуская вопль, бежали, жалуясь, что он их жестоко теснит и они принуждены покинуть свое убежище. Так святой сражался с демонами, и война эта с ними кончилась победой.

Но должно остановиться и на других его деяниях, чтобы не было предано забвению ничто, достойное упоминания. Когда Константин, первый благочестивый император, правил державой ромеев и великий его архиерей наставлял народ православным догматам, с корнем вырывая все враждебное и несогласное с ними,²⁴ в Никее собирается все православное духовенство,²⁵ чтобы утвердить основы благочестивой веры, предать осуждению богохульную ересь Ария²⁶ и упрочить во всей церкви мир. Оно постановляет считать сына равночестным отцу и единосущным. Пречудный Николай тоже был на этом святом соборе и решительно восстал против ереси Ария. Опровергнув ее и определив для всех незыблемый канон православной веры, он покидает Никею и возвращается

к своей пастве, путеводя всех к добродетели и поучая еще ревностнее прежнего.

Однажды в Ликии случился голод, и Миры тоже разделяли общую участь, испытывая недостаток в съестных припасах. Тогда великий Николай во сне является одному купцу, торговавшему хлебом, и, дав ему задаток в три золотых, велит отправиться в Миры и продать хлеб тамошним жителям. Купец просыпается и находит деньги; вспомнив свой сон, он поражен чудом, приходит в Миры и там продает свой хлеб. А жители города, получив таким образом помощь, как и во всех прочих случаях, приписывают свое спасение богу и великому Николаю. В скором времени тайфалы²⁷ поднимают в Великой Фригии восстание. Император Константин, узнав об этом и созвав из-за этого совет, посылает во Фригию трех стратилатов²⁸ (их звали Непотиан, Урс и Герпилион) успокоить тайфалов и восстановить порядок. Поспешно покинув Константинополь, они остановились в одной из гаваней Мир ликийских, называемой Андриах. Так как волнение на море не позволяло плыть дальше, стратилаты недолго задержались там. Во время этой стоянки некоторые из их воинов сошли на берег, чтобы купить съестного. Поскольку же воины обычно склонны к грабежу и насилию, и эти повели себя так и стали обижать жителей. Дело дошло до столкновения, и у так называемой Плакомы²⁹ произошла стычка. Об этом стало известно пречудному Николаю, и он тотчас отправился в гавань. Лишь только некоторые увидели Николая, весть о его приходе разнеслась повсюду, и весь город вместе со стратилатами, как обычно, встретил его коленапреклоненно. Святой спросил стратилатов, зачем они пришли и откуда; те сказали, что посланы императором, чтобы замирить волнение во Фригии. Святой позвал их в город и оказал им радушный прием. После этого стратилаты усмирили своих воинов и, удостоенные благословения Николая, собирались уже покинуть Миры.

В это самое время к святому подходят какие-то жители Мир и, припав к его ногам, горячо просят заставить от обидчиков и положить конец их страданиям. «Игемон³⁰ Евстафий, — со стоном и слезами говорили они, — подкупленный тем, кто служит зависти и злу, трех мужей из нашего города, совершенно ни в чем не повинных, осудил на смерть. Город весьма горюет и печалится о них и в этой великой беде просит тебя прийти к месту казни, ибо, если явишься ты, солнце не увидит здесь такого злодеяния». Услышав их жалобы, этот человек божий, подражавший сострадательности господней, страждя о них душой, одевается ревностью и бесстрашием, берет с собой упомянутых стратилатов и тут же отправляется в путь. Оказавшись в некоем месте под названием Леон,³¹ он стал спрашивать мимо идущих людей, не слышали ли они чего-нибудь про тех мужей и не знают ли, где они находятся. Люди те отвечают: «На равнине у так называемых Диоскуров».³² Николай тотчас отправился к храму во имя святых Крискента и Диоскорида и, уз-

нав, что приговоренные к казни только успели выйти за порог его и их ведут в Виру (это — место, где казнят преступников), поспешает и, восполнив бессилие старости сердечным пылом, скоро приходит в указанное ему место. Он видит там большую толпу и этих мужей, увы, со связанными на спине руками и закрытыми лицами лежащих на земле, подставив для удара обнаженные шеи, — жалостное зрелище, беда, на которую скорбно взирать, — и палача, со злобным и бездушным взглядом уже поднявшего меч и одним своим обликом являющего кровожадность. Когда святой это увидел и обратил взор на печальное зрелище, то, уравновесив суровость мягкостью, не сказал ни дерзкого, ни резкого слова, но и не выказал никакой опаски или робости; сколько доставало сил он побежал к палачу, смело выхватил из его рук меч, и, ничего не страшась, бросил на землю, и осужденных освободил от их оков. Никто не воспрепятствовал его самовластному поступку, так как все знали, я думаю, его великую добродетель и чтили любовь к справедливости. Сильное ликование вызвало у спасенных слезы, и все они издавали радостные клики из-за неожиданно наступившей перемены. Равнина превратилась в театр — все славословили святого и кричали, пораженные зрелищем, которое увидели.

Тут является игемон Евстафий. Но великий Николай не обратил на него внимания, не подошел к нему и даже оттолкнул, когда Евстафий хотел пасть к его ногам и грозил обвинить перед императором, призвать против него бога и причинить величайшее зло за то, что он столь несправедливо пользовался своей властью и совершил великие преступления. А того терзали стрекала раскаяния, и сердце жестоко грызла совесть, и слезами своими он будил сострадание, чистосердечно моля великого Николая примириться с ним. Он при этом слагал вину на Симонида и Евдоксия, первых людей в Мирах, но ложь его не скрылась от Николая, ибо святой доподлинно знал, что Евстафий был подкуплен и потому осудил на смерть невиновных. Стратилаты, тоже благодарные Николаю, прославляли устами своими великого слугу Христова и ему одному приписывали свое спасение. Затем они, удостоенные его божественных молитв и унеся их с собой как добрый дорожный запас, прибыли во Фригию. Совершив там все, что следовало и что приказал им император, мужи эти довольные вернулись в Византий.³³ Император и вельможи с почетом и роскошью принимают их, и отныне они становятся знаменитыми и славными во всем государстве, и им оказывают великий почет.

Но не суждено было, чтобы зависть снесла это и взоры злых стерпели; потому некие люди, придя к эпарху города, из-за того, что те стратилаты попали в большую, чем они, честь, сплетают против них оговор: они, мол, замыслили какое-то зло, и их намерение чревато большими опасностями. «Стратилаты, — говорили эти клеветники, — как мы слышали, стремятся к перевороту и готовят заговор против им-

ператора». Так оклеветав стратилатов и подкупив эпарха большим количеством золота, с его помощью отравляют они слух императора. Эпарх тотчас идет к императору и сообщает то, что он от них слышал, угваривая без расследования дела схватить стратилатов и заключить в темницу, «чтобы они, — говорил эпарх, — не могли привести свой замысел в исполнение». Император последовал его совету и заключил стратилатов в темницу. Они же не знали, почему у них отняли свободу, ибо были далеки от каких бы то ни было злоумышлений.

Между тем прошло довольно времени, и зло, словно ему мало было уже достигнутого, довершает начатое. Стратилаты продолжали томиться в темнице. Клеветники же, видя, что время идет, в страхе, как бы какая-нибудь случайность не обнаружила их сговора и беда не оборотилась бы на них, снова идут к эпарху, требуя не оставлять так дела стратилатов, но наказать их по заслугам. Тот же, опасаясь, чтобы его не заставили вернуть золото, поскольку он не исполнил своего обещания, снова идет к императору, мрачным лицом и печальным взглядом показывает, что пришел как вестник несчастья, но вместе с тем стремится обнаружить свое попечение о его жизни, любовь к нему и преданность. Эпарх своими льстивыми речами пытается ввести императора в заблуждение и говорит: «Люди, владыка, злоумышляющие против твоего величества, хотя ты осыпал их милостями, и в темнице не отказались от своих замыслов, и никто из них не раскаялся; они и до сих пор придерживаются прежнего образа мыслей и не перестают строить козни. Теперь, если будет на то твоя воля, мы их накажем по заслугам, в противном случае должно опасаться, как бы они не опередили нас и не нанесли нам вреда». Эти слова встревожили императора и внушили ему опасения. Чтобы освободить ум свой от забот и в будущем не испытывать страха, он осуждает невиновных на смерть. Казнь была назначена на следующий день, ибо император вечером произнес свой приговор. Зловещий вестник казни приходит к тюремщику и объявляет ему решение императора. А тот, горько оплакав злосчастье узников, ибо был, очевидно, много человеколюбивее эпарха, а кроме того, успел уже стать им добрым другом, печально идет к ним и говорит: «О, если бы я не вел с вами бесед, и вы не пробыли здесь так долго, и я не делил с вами трапезы! Легче я перенес бы тогда несчастье, меньше страдал бы из-за разлуки с вами, и скорбь так не омрачала бы мою душу. Ведь завтра мы расстанемся друг с другом для последней и горчайшей, увы, разлуки, и я уже не увижу вас, которых люблю, не услышу ваших речей, не преломлю с вами хлеба, ибо вы приговорены к смерти. Если хотите сделать какие-нибудь распоряжения касательно своего имущества, час для этого настал, иначе смерть может опередить вас». Так он сказал в печали, горько оплакивая их казнь. Они же — что же делать в такой беде душе, не знающей за собой вины, заслуживающей смерти? — разорвали на себе одежду и в тоске терзали волосы, говоря: «Какой демон

с завистью взглянул на нашу жизнь? Почему мы должны умереть как преступники? Какое заслуживающее казни деяние мы совершили?». Они по имени окликали своих друзей, родных и близких, призывали бога в свидетели совершающегося и уже представляли себе свою смерть.

Пока стратилаты так горько сетовали и оплакивали свою, увь, печальную долю, один из них, Непотиан, вспомнил, как Николай подал помощь трем мужам из Мир и избавил их от смерти, чудесно став их спасителем и добрым заступником. И вот, говоря про это между собой, — ведь беда делает людей изобретательными и побуждает душу измышлять всевозможные выходы — они прибегают к заступничеству божественного Николая, сказав: «Господи, боже Николая, некогда освободивший трех мужей от несправедливой казни, ныне призири на нас, ибо среди людей у нас нет заступника. Вот сердце наше томится, и скорби его множатся, и некому избавить нас от этого испытания. Вот голос покидает нас еще до смерти, и язык пересох от пламени сердца, и мы уже не можем обратиться к тебе с мольбой: „Да предвоят нас щедроты твои, господи“,³⁴ не попусти несправедливости свершиться, не потерпи неправо́й казни. Избавь нас от руки тех, кто ищет нашей смерти, и поспеши на помощь, ибо утром мы должны умереть».

Тот, кто милует боящихся его, как отец сыновей своих, вняв этой мольбе, посылает помощника, своего святого слугу. Ночью пречудный Николай во сне явился императору и сказал: «Император, немедля восстань ото сна и освободи из темницы трех заключенных там стратилатов, ибо их оклеветали». Затем он рассказывает, какую несправедливость они терпят, и подробно повествует об их злосчастии, и грозит, если император не повинуется, воздвигнуть против него войну и погубить его злой смертью, чтобы свершилась над ним тяжчайшая кара. Пораженный дерзкой речью мужа и тем, как он поздней ночью проник во дворец, император спросил: «Кто ты, осмеливающийся устрашать меня такими словами и грозить моему величеству?». Он отвечает: «Николай из Мир». Тотчас император, утраченный видением, встает с ложа, а святой подобным же образом является во сне епарху Авлавию и его также обвиняет в преступлении против стратилатов; когда епарх, подобно императору, спрашивает, кто он, говорит: «Раб Христов Николай». Авлавий проснулся и задумался над своим видением, пытаясь понять и природу его и что оно значит. Тут к нему является какой-то посланец из дворца и пересказывает сон императора, а епарх передает содержание своего сна. Оба поражены этим удивительным чудом, и император, и епарх, словно по уговору, видевшие одинаковый сон. Так как они не могут истолковать свое видение, император призывает из темницы стратилатов и, когда они предстают перед ним, говорит: «При помощи какого колдовства вы заставили нас увидеть сны, воздвигающие столь великую брань и столь страшные угрозы?». Они же, не чувствуя за собой никакой вины, вопрошали друг друга знаками, знает ли об этом другой и переглядывались в недоуме-

нии. Император, видя это, смягчается и, приблизившись, велит им отвечать. Глаза у стратилатов наполняются слезами, и они с воплем говорят: «Мы, о император, не сведущи в волховании и не замыслили никакого зла против твоего величества, свидетель тому всевидящее око господне. Если же это не так и мы повинны в злых умыслах против тебя, пусть не будет нам, о император, милости, заклинаем тебя троицей, пусть не пощадишь ты нашего рода, произнеся приговор, если это возможно, тягчайший смертного. Нам, о самодержец, отцами заповедано чтить императора и выше всего ставить верность ему; преступающего же это правило строго наказывать и обходиться с ним как с врагом. Так что мы, не щадя своей жизни, о император, заботились о твоей безопасности, а потому ждали щедрого воздаяния твоей десницы. Всякий раз, как вражеская рука грозила твоему величеству и время требовало доблестных людей, ты, презрев других, облеченных равной с нами честью, выбирал, увы, нас и нам поручал отражать твоих врагов. Мы охотно повиновались твоему приказу, принимая на себя этот труд и с божией помощью успешно воздвигая против врагов твоих свою доблесть, что, я уверен, подтвердят все. Ныне зависть вооружила против нас то, что прежде служило причиной нашего благоденствия, и мы признаны виновными и, увы, как ты видишь, ждем самого страшного наказания. Так что доказательство нашей преданности тебе, о император, стало для нас причиной тягчайшей кары, и вместо ожидаемой славы и справедливого воздаяния мы страшимся за свою жизнь и ждем наказания за последний и злосчастный свой подвиг. Как, о солнце, как, о справедливость, вы можете взирать на это!».

Душа императора была потрясена этими словами, и он стал раскаиваться в совершенной против стратилатов несправедливости. Ведь он страшился кары господней, и чтил свою багряницу, и, полагая законы другим, боялся, что не сумеет держать ответ за свой суд. Тотчас он милостиво глядит на стратилатов и обращается к ним мягко. Когда им дозволено было говорить свободно, они, скрепив свои души, открыли сокровище,³⁵ и не стали утаивать надежды, и громко воскликнули: «Боже святого Николая, избавивший трех мужей от несправедливой смерти, через этого святого избавь и нас от угрожающей нам опасности». На это император говорит: «Скажите мне, кто это Николай, как и кого он спас?». Тут Непотиан рассказал ему все по порядку.

Император, прежде почитавший бога и его слуг, и ныне не изменил свойственной ему добродетели. Лишь услышав о Николае, он вспомнил свое видение и заступничество Николая за невинно осужденных и, удивившись его великой ревности, милует стратилатов, говоря: «Не я дарую вам жизнь, но тот, кого вы призывали на помощь и который и нас пробудил ото сна, горячо заступаясь и печалясь о вас. Ступайте теперь к нему и, приняв пострижение, воздайте этим Николаю благодарность, а от нашего имени скажите ему: „Вот я исполнил твое веление — не

угрожай мне“». Так император сказал и вручил им Евангелие в золотом окладе и сосуд, тоже украшенный золотом и драгоценными камнями, и два золотых подсвечника, велев пожертвовать это в храм города Мир.

Стратилаты, нежданно получив свободу, тотчас пустились в путь, и, ликуя, приходят к святому, и радуются, видя его. От великого счастья они готовы отдать и самое дарованную им жизнь, чтобы достойно возблагодарить святого, оказавшего им чудесную помощь. Затем они полагают в храм императорские дары, шепча: «Господи, господи, кто подобен тебе, избавляющему бедного от грабителя его?»,³⁶ и, не оставив даже нищих без доли в своей радости, даруют им свое имение.

Когда бог так возвысил своего раба, крылатая молва, восстав, прошла повсюду и все собой исполнила; прошла через море, и пронеслась по волнам, и ни единого места подлунной не оставила в неведении о великих добродетелях святого мужа.

Однажды какие-то моряки попали в сильную бурю. Отчаявшись спастись собственными силами, они стали молиться великому Николаю, ибо и до них дошел слух, что он нечаянно подает помощь в опасности, и призывали в своей беде, и протягивали к нему руки, уповая единственно на его заступничество. Николай немедленно поспешает на корабль и, представ перед ними, говорит: «Вот вы звали меня, и я пришел защитить вас». Затем, ободрив их, он при их глазах берется за кормило и, казалось им, направляет путь корабля. Затем словом усмиряет море и, как некогда мой Иисус, успокаивает волны, ветер и все, что приносит с собой буря,³⁷ и делает плавание для них спокойным и безопасным.

И вот, когда при легком ветре моряки достигли земли и сошли с корабля на берег, они поспешили к своему спасителю. Услышав, что он пошел в церковь, они направляются туда. Николай, присоединившись к клиру, стоял там вместе с другими. Когда моряки взглянули на него, хотя глаза их прежде не видели Николая, после его явления на море тотчас узнали святого. Подбежав к нему, они припадают к его ногам, и язык их произносит слова благодарности, а душа говорит вместе с устами, вспоминая, что она претерпела и как была избавлена от гибели, источает из очей их слезы, свидетелей произносимых ими слов. Затем моряки все по порядку рассказывают окружающим. Пречудный Николай мог освободить и от духовной гибели (и почитал это многожды важнее). Узнав по дарованной ему благодати прозрения укоренившуюся в тех моряках порочность, удалившую их от бога и его заповедей, он сказал: «Познайте себя, призываю вас, дети, познайте, и вразумите на угодный богу путь сердца свои, и ум, и мысли. Ибо, хотя зло наше скрыто от многих и мы кажемся добрыми, ни одно из наших дел не утаится от господя, ибо сказано: „Человек смотрит на лицо, а господь смотрит на сердце“.³⁸ Услышьте и такие слова писания: „Не творите зла, и да не претерпите зла“.³⁹ Творите добрые дела и блюдите

в жизни своей чистоту тела, „ибо мы — храм божий. Кто разоряет храм божий, того карает бог“.⁴⁰ Се рек святой Павел. Живите так, и бог будет вам надежной крепостью».

Сказанного достаточно, чтобы увидеть, сколь великой силой бог наделил Николая. Но все же память о нем не разрешает моему рассказу на этом остановиться, и если остающееся он обойдет молчанием, обложит его великой пенью. Дошедшее до нас древнее предание представляет Николая старцем с ангельским ликом, исполненным святости и благодати божией, добавляя еще и следующее: если кто его встречал, едва взглянув на святого, усовершенсался и становился лучше, и всякий, чья душа была отягощена каким-нибудь страданием или печалью, при одном взгляде на него обретал утешение. От него исходило некое пресветлое сияние, и лик его сверкал более Моисеева.⁴¹ Если инаковерующим случалось встретиться с ним где-нибудь на дороге и лишь услышать сладчайший его глас, они уходили, отвергшись ереси, в которой с детства возросли, и утвердившись в истинном учении. Столь славно свершив свою согласную с добродетелью жизнь и умастившись в Мирах цветами от бога полученных даров, как бы благовонным и поистине сладостным мирром, достигнув глубокой старости и свершив множество дней божьих и разрешающих, он, будучи человеком, должен был подчиниться общему закону естества и на малый срок впал в недуг. Время это святой проводил, благодаря бога и распевая отходные и прощальные песнопения, и с радостной надеждой ждал отшествия. Ибо как для других желанна жизнь во плоти, так для него желанно было отрешение от плоти. И вот он разрешается от этой бременной и кратковременной жизни для того вечного и блаженного жития, соприсутствует сиянию ангелов и ликует вместе с ними в лицезрении ясного и чистого света троицы; его честное тело святые епископы и весь клир, одетые в светлое облачение, перенесли в храм Мир, и с того дня оно начало источать мирро, целящее душевные и телесные недуги. Со всей земли туда стали устремляться люди, чтобы получить от неиссякаемой этой благодати.

Неких мужей, живущих на расстоянии многих дней пути от Ликии, охватывает великое желание посетить могилу святого, чтобы взять от мирра и причаститься благодати. Нагрузив корабль съестными припасами, они собрались плыть в Ликию. Но злой демон, некогда обитавший в капище Артемиды, которого преславный Николай, разрушив храм до основания, изгнал оттуда вместе с другими демонами, узнав о намерении этих мужей и не простив святому разрушения капища и своего изгнания, старался, сколько имел силы, мстить ему. Он предуставил себе лишить тех мужей благодати и воспрепятствовать их желанию. Потому демон принял обличие женщины с сосудом елея, который, по ее словам, она собиралась принести на могилу святого, но ее де страшило долгое плавание. «Нельзя, — говорила она, — женщине пуститься в дале-

кое плавание по открытому морю. Поэтому прошу вас доставить этот кувшин на могилу святого и налить елею в стоящий там светильник». Так говорил злой демон и так просил, отдавая тот кувшин в руки боголюбивых странников. А заключалась в нем злая сила, достойная того, кто дал елей.

Долгими просьбами женщина уговаривает их согласиться, и они берут кувшин. По свершении первого дня пути — и это чудо, о верный слуга господень и надежный заступник в опасности, сотворил ты, — предстал во сне одному из странников, Николай велит бросить кувшин в море. Встав на рассвете, эти мужи сделали так и бросили сосуд с елеем в море. И тотчас высоко в небо поднялось пламя, показался зловонный дым, а воды расступились и, вскипев из глубины, громко взревели и обратились в огненные струи. Корабль, подхваченный таким водоворотом, начал тонуть, и плывшие на нем, уstraшенные невиданной опасностью, смотрели друг на друга с отчаянием и ужасом и были в совершенном смятении. Но тот, кто, находясь вдали, заботился об их спасении и повелел выбросить кувшин в море, предстал тогда странникам и чудесно избавил их от страшной беды и опасности. Ибо корабль покинул это место, и люди перестали страшиться, и подул сладкий и благовонный ветер, и все обрадовались этому дуновению, и веселились душой.

Таковы были, Николай, дары божии, таковы воздаяния за твои труды, таковы награды за подвиги в сей жизни. Что же касается грядущих воздаяний — «не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил бог любящим его».⁴² Насколько мы знаем о твоих деяниях, я без колебаний могу назвать тебя славным мучеником, венчанным бескровным венцом, ибо единственно с помощью молитвы ты оборол силу нечестия, и, благо воззванный из изгнания, вернулся к христианам блистательным победителем, и вторично восприял прежнюю честь во господе нашем Иисусе Христе, которому вместе с отцом и святым духом слава, сила и поклонение ныне и присно и вовеки веков. Аминь.

ЖИТИЕ И ДЕЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА БОЖИЯ АЛЕКСИЯ. БЛАГОСЛОВИ, ОТЕЦ

Во времена те жил в городе Риме благочестивый муж по имени Евфимиан, синклитик.¹ У него было три тысячи рабов, опоясанных золотыми поясами и одетых в шелк. Потомства он не имел, ибо жена его была бесплодна. Будучи весьма благочестив, он строго соблюдал заповеди божии. Столь добрый муж постился всякий день до девятого часа. В доме своем он учреждал три стола — для сирот и вдов, для заходящих людей и путников и для страждущих и нищих. Сам же вкушал от еды в девятой час вместе с заходящими монахами и путниками. И всякий раз как выходил из дому, творил заповедь милосердия и подавал милостыню нищим, говоря в душе своей: «Я не достоин ступать по земле бога моего». Почтенная жена его Аглаида была женщиной верной и богобоязненной; всякий день она исполняла заповеди божии, призывая господа, и умоляя, и говоря: «Вспомни, господи, меня, недостойную рабу твою, и даруй мне плод чрева, чтобы был он мне опорой в старости и утешением души». И услышал ее человеколюбец бог, рекший через своего пророка: «Возопиешь, и скажу: вот я».² И она зачала во время то и родила сына. И возликовал потому раб божий Евфимиан и жена его Аглаида и восславили бога. И, когда пришел срок, отец окрестил младенца и нарек ему имя Алексей. Когда же сын достиг надобного для учения возраста, ему преподали грамоту, и честное дитя в краткое время усвоило все начатки знания, а затем грамматику и всякие церковные книги и, постигнув философию и риторику, стало премудро; когда же этот святой Алексей возмужал, Евфимиан и жена его решили женить сына. Перебрав в памяти дочерей знатных семейств, они нашли одну девушку царской крови и рода, превосходящую всех красотой и богатством, и выбрали ее. И обвенчали их с честными иереями в храме святого Вонифатия.³ И, введя новобрачных в свадебный покой, весь день до вечера провели в веселии. И вечером Евфимиан говорит сыну своему: «Войди, дитя, взгляни на невестку мою и супругу твою». И, вошед в брачный покой, юноша увидел ее сидящей в кресле. И он взял свой золотой перстень и поясную пряжку, завернутые в пур-

пурного цвета покров, и отдал ей, и сказал: «Прими это и береги, и господь да будет между мной и тобой, пока на то воля его», и сказал ей и другие сокровенные слова. И, выйдя из брачного покоя, удалился в свою спальню. И, взяв долю от богатств своих, ночью покинул дом и, придя к пристани, увидел корабль, готовящийся плыть на восток. Он взошел на этот корабль и прибыл в Магналию, город Лаодикии сирийской.⁴ Сойдя на берег и помолившись господу, Алексий сказал: «Господь бог, сотворивший небо, землю и море и спасавший меня от чрева матери моей, спаси и ныне от суетной жизни сей и удостой меня вкусить благ твоих со всеми угодниками твоими, ибо ты милостивый, Спаситель, и мы славим тебя во веки веков». И, встав с молитвы, он в тот же час встретился с погонщиками ослов и следовал за ними до тех пор, пока не пришел в Эдессу месопотамской Сирии.⁵ Там находится нерукотворная икона святого и царственного образа господа нашего Иисуса Христа, которую он дал Авгарю,⁶ когда во плоти пребывал на земле. И, войдя в город, Алексий продал все, что у него было, и роздал деньги бедным. И, облекшись в нищенское рубище, сел, прося подаяния, в притворе⁷ храма во имя владычицы нашей пресвятой богородицы. Он наблюдал строгий пост и еще более строгое бдение. Ибо от воскресения до воскресения причащался святых и чистых тайн Христовых. Ел же две унции⁸ хлеба, а две унции воды были ему питьем, и всю неделю он жил в воздержании, а ночи проводил бодрствуя. Все, что ему подавали, Алексий раздавал нищим. И лицо свое преклонял к руке, а сердце пребывало постоянно с господом. Мать его с самого дня свадьбы затворилась в спальне своей и, оставив открытым только одно оконце для света, постелила себе на полу вретнице, посыпала его пеплом и, так лежа, говорила: «Я не встану отсюда, пока не узнаю, что случилось с моим единственным сыном». И невестка, стоя рядом со свекровью, говорила: «Не отойду от тебя до последнего вздыхания своего, но как пустыннолюбная и единомужняя горлица не брачается с другим, когда друг ее попал в сети охотника, но ожидает его, сетуя в пустыне, так и я сохраню верность мужу моему и буду ждать, пока не узнаю, что с ним случилось и какое избрал себе житие».

И вот в Риме, когда Алексий уже покинул его, начались поиски его. Так как Алексия не нашли, отец послал на розыски всех своих рабов. Они прибыли в Эдессу, город месопотамской Сирии, и подали Алексию милостыню, не признав его. И, взглянув на них и узнав их, Алексий восславил бога и сказал: «Благодарю тебя, господи боже, что удостоил меня твоего святого имени ради принять подаяние от собственных рабов моих». И все рабы вернулись в Рим и возвестили своему господину, что нигде не нашли сына его. А жена Алексия с того часа, как он оставил ее в брачном покое, как его искали и не нашли, затворилась в спальне его, и у окна, где он всегда сидел и читал, постелила вретнице — «до времени, пока господь не призовет на меня, и я не узнаю, что случилось с му-

жем моим». Равно и мать его скорбела и молилась, лежа на вретнице и говоря: «Господи боже мой, призри на меня и открой, что случилось с моим единственным сыном». Отец его проводил дни в великой печали и слезах и неустанно молил бога открыть ему, где сын его. Но ни отцу, ни матери не было даровано откровения о сыне, и они смирились, поручив все воле божией, однако забота и скорбь никогда не отступали от них.

Когда раб божий Алексий провел 17 лет в притворе храма во имя пресвятой владычицы нашей богородицы, угождая господу богу своему, пресвятая и пречистая богородица является во сне просмонарию⁹ и говорит ему: «Введи человека божия внутрь храма моего, ибо он достоин царствия небесного — молитва его как миро благовонное, и как венец на главе царей, так почивает на нем дух святой; как солнце освещает мир, так воссияла жизнь его пред ангелами господними». Услышав это, просмонарий вышел, чтобы отыскать человека божия, и, не найдя его, возвратился, моля пресвятую богородицу открыть ему, кто этот человек божий. Снова пречистая богородица является ему во сне, говоря так: «Нищий, который сидит при дверях этого храма моего, — се человек божий». Просмонарий тотчас входит в притвор, и, увидев его, берет за руку, и вводит в храм, и с того времени служит ему, и всясьма чтит его. И молва о жизни человека божия Алексия прошла по всей той земле. Когда Алексий понял, что святость его открылась всем, он бежал из города Эдессы, и, придя в Лаодикию, взшел на корабль, и задумал отправиться в киликийский город Тарс,¹⁰ ибо там его никто не знал. И вот на корабль налетел бурный ветер, и по смотрению божию корабль занесло в Рим.¹¹ Выйдя на берег, Алексий сказал: «Жив господь бог мой. Никому более я не буду обузой, но приду в дом отца моего, ибо домашние меня не признают». И вот он встретил отца своего (тот учреждал в доме своем столы для нищих), который шел из дворца со свитой своей, и приветствовал его, говоря: «Раб божий, окажи милость захожему нищему и дай мне угол в доме своем, чтобы мне напитаться крохами, падающими от стола рабов твоих, и бог благословит дни твои, и дарует тебе царствие небесное, и кровным твоим, пребывающим в странствии, пошлет благословение господь мой Иисус Христос, и исполнит тебя надежды о них». И, услышав о кровных на чужбине, Евфимиан тем горячее пожелал принять такого нищего, ибо вспомнил про единственного сына своего. Он привел нищего в дом и, созвав всех рабов, сказал им: «Кто из вас хочет услужать ему? И, жив бог, он получит свободу и наследует от имени моего. Дайте нищему место в сенях дома моего, чтобы, входя и выходя, я мог видеть его, еду и питье носите ему от моего стола и не обижайте его, если ему что понадобится, но с готовностью следуйте приказанному вам». И Алексий оставался на месте, отведенном ему. А когда наступил вечер, рабы стали мучить его, посмеваясь над ним и глумясь. И одни толкали его ногами, другие били, третьи выливали ему на голову

помои. Человек божий Алексий, прозрев в этом диавольское наущение и злобу ненавистника добра, принимал все с радостью, готовностью и смирением, повторяя про себя слова: «Твердо уповал я на господа, и он приклонился ко мне и услышал вопль мой. Извлек меня из страшного рва и из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои, и утвердил стопы мои».¹² Снося все это, человек божий Алексий, в радости сердца своего еще 17 лет неузнанный в отчем доме своем, терпел насмешки, брань, побои и обиды. Когда же богу было угодно взять доверенное им Алексию сокровище,¹³ тот говорит служающему ему рабу: «Ты всегда был ко мне добр, брат, дай мне теперь харатью трость¹⁴ и чернила, чтобы мне сделать запись». Раб принес все, что он потребовал. И, взяв харатью, человек божий записал на ней всю жизнь свою и сокровенное, известное отцом его и матерью его, и слова, сказанные жене в брачном покое, и что подарил ей золотой перстень и поясную пряжку, завернутые в пурпурного цвета покров. И записал все, чтобы отец и мать узнали, кто это, и увидели, что он сын их Алексий. В один из дней — это было воскресение — до его отшествия к господу, после священной литургии,¹⁵ когда народ причащался святых и чистых тайн, а в присутствии священных римских императоров и архиепископа Маркиана¹⁶ от престола изошел невидимый глас: «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я упокою вас».¹⁷ Страх и восторг объяли всех, и люди пали на лицо свое и многожды повторяли: «Господи, помилуй». И снова от престола изошел другой невидимый глас: «Ищите человека божия, чтобы он помолился о Риме и обо всем народе, и все устроится вам благо, ибо в пятницу на рассвете человек божий разрешится от плоти своей». В четверг вечером все собрались в храме святого первоверховного апостола Петра и просили бога открыть им человека божия. Во время молитвы той снова был невидимый глас: «В доме Евфимиана человек божий и останки его, и там ищите». Тогда божественные императоры обратились к Евфимиану и сказали: «Такая благодать в доме твоём, а ты не открыл нам этого?». Евфимиан сказал: «Жив господь бог мой, я ничего не знаю». И, призвав ведающего домом его, он сказал: «Кто из товарищей твоих имеет такую благодать?». Раб ответил: «Жив господь бог мой, не знаю такого, господин, ибо все — весьма дурны». Тогда божественные императоры велели отправиться в дом Евфимиана и там искать человека божия. Евфимиан тотчас приказывает приготовить для приема их престолы и седалища и встретить их зажженными светильниками и воскурением фимиана. Когда императоры, архиепископ и весь синклит вступили в дом его, в полном молчании начались поиски в покоях Евфимиана. А мать человека божия завесила оконце свое, чтобы никто ее не видел, и говорила: «Что это за смятение, что за шум и что это говорят?». И невестка ее из высокого покоя своего тоже заметила всех людей и подымающую суету и вопрошала о том же. Прислуживавший человеку божью Алексию сказал владыке своему: «Господин мой, не тот ли нищий, которому ты дал меня в услужение, человек божий,

ибо я видел великие и дивные знамения того. От воскресения до воскресения он причащался святых и пречестных тайн и ел две унции хлеба, а две унции воды были ему питьем. И всю неделю он жил в воздержании, а ночи все проводил бодрствуя. Иные из рабов твоих весьма мучили его — били ногами, посмеивались над ним и глумились, иные выливали на голову его помой, а он все сносил с радостью». Услышав это, Евфимиан тотчас идет к человеку божию и обращается к нему, а тот уже не слышит его. И, открыв лик Алексия, увидел, что он сверкает, как лик ангела, а рука его держит харатью. Евфимиан прикоснулся к харатье, желая взять ее, чтобы увидеть, что написано на ней, а святой не отдавал ему харатью. И тогда он подошел к божественным императорам и сказал им: «Мы нашли, кого искали». И потом рассказал: «17 лет назад я принял в дом свой нищего» — и передал им по порядку все происшедшее и то, что святой почил и держит харатью в руке своей и, мол, «не отдает мне ее». Тогда божественные императоры велят постлать ложе и положить на него святые его останки. Все это было тотчас сделано, и все встали, императоры, архиепископ и весь синклит. И императоры приблизились к ложу, говоря: «Раб господень, мы, хотя и грешники, — цари, а этот муж — отец императоров и всего города. Отдай нам эту харатью, чтобы мы увидели написанное на ней и узнали все о тебе». Тогда Алексей отдал им харатью, а они, взяв, вручили ее хартулярию¹⁸ святейшей церкви Аэтию. И, когда императоры, архиепископ и Евфимиан сели, тот стал читать. Было глубокое молчание, и все безмолвствовали во время его чтения, а когда он дошел до упоминаний об отце, матери и жене Алексия и до слов о том, как святой дал ей золотой перстень и поясную пряжку, завернутые в пурпурного цвета покров, Евфимиан тотчас поднялся с места, разорвал на себе одежду, стал рвать волосы на голове и терзать седины свои. И бросился к честным останкам и припал к груди святого. И целовал его любовно, говоря: «Увы, сладчайшее дитя мое, зачем ты так сделал и навел на душу мою великую печаль и нескончаемое страдание! Увы, свет моих очей! Столько лет я прожил одиноким, ожидая, когда услышу голос твой или весть о том, что с тобой случилось. И ты не открылся мне. Увы, утешение и отдохновение старости моей! Что мне делать с печалью сердца моего? С этого дня я сильнее восплачу в раненой душе своей, ибо всякий день видел тебя униженным в родительском доме твоём. И ты не открылся мне, чтобы я знал, кто ты». А мать его, услышав, что это сын ее, выбежала из спальни своей, как львица из клетки. Она наносила себе удары и терзала волосы и разодрала одежды свои, и с распущенными волосами подбегала ко всем, призывая дать ей приблизиться и обнять честное тело сына своего, ибо в покое было великое множество народа. Она громко взывала ко всем, говоря: «Увы, мужи! Расступитесь, дайте взглянуть мне на любезного и желанного моего сына и хотя на краткое время усладиться ликом его. Увы, братья, расступитесь, дайте взглянуть

мне на мое единственное дитя, чтобы сбылась надежда моя. Увы, мужи, расступитесь, дайте взглянуть мне на ягненка моего, на птенца гнезда моего, на вскормленного молоком моим, на труды рук моих!». И, припав к груди честного мужа, она любовно целовала его и, взывая ко всем, говорила: «Увы, сладчайшее дитя мое, зачем ты так сделал и навел великую печаль на душу мою. Ты видел, что всякий день я так убивалась, и не открылся мне! Увы, мое утешение! Столько лет ты был одинок, и как чужой жил в родительском доме, и не открылся мне! Увы, что мне делать, на что ныне уповать?». В черных одеждах вошла жена его и припала к груди святого. Она тоже говорила со слезами: «Увы, одинокий мой горлик, сколько лет я прожила из-за тебя в одиночестве, ожидая, что услышу голос твой или весть о том, что с тобой случилось. И ты не открылся мне. Сегодня я стала вдовицей, и ныне не на что мне больше уповать и некого ожидать и незачем терпеть. С этого дня я восплачу в раненой душе своей». А окружающие были умилены слезами их, и все заплакали. Тогда божественные императоры и архиепископ приказывают поставить ложе в середине города. После этого тотчас стал стекаться народ, чтобы поклониться честным и святым останкам. Страждавшие неисцелимыми недугами, взглянув на святого, разрешились от всех скорбей своих — немые заговорили, слепцы прозрели, одержимые демоном стали здоровы, прокаженные очистились и всякая иная болезнь отошла от них. Императоры, увидев эти чудеса, удивились и понесли ложе на плечах своих, да освятятся от честных останков человека божия Алексия. И отец его, и мать его шли по обе стороны ложа, а жена в великой печали, удара себя в грудь, следовала за ложем. Толпы народа теснились вокруг, и люди давили друг друга, и мешали идти тем, кто нес ложе. Тогда императоры велят метать на дорогу золотые и серебряные монеты, чтобы отвлечь народ туда. Но никто не обращал на деньги внимания, и все устремлялись к ложу с останками святого. Потому несшие ложе с трудом дошли до храма святого Вонифатия. Там они поставили ложе на семь дней, и отец, и мать, и жена Алексия пребывали при нем. И императоры, сделав серебряный ковчег, похоронили в нем останки святого марта 17-го дня. А было это в правление божественных императоров ромейских Аркадия и Гонория и в архиепископство Маркиана. И толпы верно сходились к ковчегу семь дней, и на седьмой день при стечении всего народа мощи стали струить благовонное миро. Все, кто брал от него, избавлены были от скорбей своих, прославляя отца и сына с безначальным святым духом ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ЛЕГЕНДЫ О ЧУДОТВОРНЫХ ИКОНАХ

1

Прекрасным, сладостным и весьма поучительным кажется мне, о верные прихожане, благочестиво сюда собравшиеся, поведать вам об удивительном и великом чуде. Я думаю, и вы согласитесь с этим, если склоните к словам моим внимательное ухо. Знайте, возлюбленные, что три патриарха, я разумею Иова Александрийского, Христофора Антиохийского и Василия Иерусалимского,¹ вместе с многочисленным собором своих епископов и тремя тысячами монахов, составив и написав пространное послание, подкрепленное многими доводами, отправили его императору Феофилу,² дабы подвигнуть и склонить императора к тому, что по изначальной вере святых отцов должно почитать пречистые и честные иконы святых. Началом да будет это предание о предивном чуде.

Святейший вселенский патриарх Герман³, много пострадавший от христоненавистных и безбожных иконосжигателей, а потом осужденный ими на изгнание, покидая патриархию и взяв с собой святую икону господа и спасителя нашего, украшенную по краю драгоценными камнями, пришел с нею в место, называемое Амантий,⁴ на берег моря и своей рукой начертал на табличке для письма: «Учитель, спаси себя и нас».⁵ Табличку он привязал к лицевой стороне иконы и, пустив икону в море, возрыдал, поклонился земно и отбыл в изгнание. И эта святая и пречистая икона, как гласит нелживая молва, через сутки оказалась в древнем Риме. Папа Григорий⁶ по откровению божию узнал о ее явлении. И этот человек божий тотчас вышел, чтобы встретить икону. Он сел в лодку и, путеводимый свыше смотрением Божиим, увидел икону и приблизился к ней. Слушайте дальше об этом дивном чуде и трепещите пред величием его. Чуть только архиерей устремился к чудотворной иконе, не сводя с нее очей своих и потянувшись к ней руками, а паче того сердцем, ибо исполнился слез, тотчас она поднялась над водами и взлетела к рукам этого достойного служителя своего, стоявшего посредине лодки. О великое и удивительное чудо, знамение и предание! Кто, слыша

его, не страшится и не ликует, громко не славит и не восхваляет чело-
веколюбца бога? Тогда папа в страхе и удивлении, из вод речных прияв
в руки свои преславный образ господя нашего Иисуса Христа, в сопрово-
ждении несметных толп народа, сошедшегося туда со свечами, кадилами
и песнопением, отнес его в храм святого первоверховного апостола Петра.
И после усердных молитв и приличествующих славословий преславную
эту и драгоценную святыню убрали туда, где хранится священная
утварь для святого богослужения, и там этот святой и пречистый образ
находится до сего дня, и все верные его почитают и поклоняются ему.
На нем еще виден след морской воды и влаги — полоса шириной в пять
пальцев. Это чудо, страшное и удивительное, думаю я, не менее, возлюб-
ленные, сотворенного праведным богоприимцем Симеоном, который ру-
ками своими приял младенца,⁷ создавшего все своим словом и велением,
не уступает и чуду жившего до него Моисея, кто приял своей рукой скри-
жали, начертанные богом.⁸ Пусть устыдятся, скроются и исчезнут с лица
земли те, кто от всего сердца не чтят и от всей души не поклоняются свя-
той и пречистой иконе господя нашего Иисуса Христа, пресвятой присно-
девы Марии, родившей его по плоти, и всех святых его, и да не обретут они
царствия небесного. А мы обратим слово свое к преданию о другом чуде.

2

В ограде святой и великой церкви божией перед воротами, обращен-
ными к востоку, там, где с обеих сторон их на плитах проконнесского
мрамора¹ дивно высаты честные, святыне и нерукотворные кресты, вну-
шая трепет, почтение и благоговение, находится святой и пречудный кла-
дезь, называемый так, потому что источник мудрости, господь наш Иисус
Христос, освежился водой его и отдохнул от трудов пути, беседа
с самаритянкой о тайнах мудрости и познания.² В восточном углу
места сего на высоком столпе находилась святая и пречистая икона
господя спасителя нашего. И некий иудей из числа живших здесь часто
проходил мимо — ибо тут все ходят — и видел святую эту и пречистую
икону, которой поклонялись верные. Этот несчастный, уязвленный
в сердце стрелом злого демона, тотчас же задумал безбожное и чудо-
вищное дело, которое в сердце ему заронил отец его диавол. Улучив
время, чтобы его никто не заметил, иудей взял кинжал и пронзил им
середину того святого образа Христова. И тотчас икона стала источать
святую кровь, и она обарила хитон беззаконного иудея. Что мне сказать
и что молвить, о Христе боже мой, сколько ты каждодневно терпишь от
злых убийц твоих, иудеев, да и от нас, гневящих тебя и не исполняю-
щих святые заповеди твои?! А этот беззаконный иудей в страхе и ужасе
перед происшедшим чудом сорвал святую икону с места ее и бросил
в колодезь, а сам бежал. Прохожие, увидев, что этот несчастный иудей
бежит, а одежда его запятнана кровью, подумали, что он убийца, и,

схватив его, стали уличать в преступлении. Принужденный сбежавшейся туда благочестивой толпой, он сознался в том, что дерзнул совершить, и «если не верите», сказал, «посмотрите — икона лежит на дне колодца». И вот тотчас зажгли светильники, и подняли икону из колодца, и узрели чудо дивное и несказанное: кинжал был вонзен в икону, и она продолжала источать святую кровь. Это предивное чудо, превосходящее все прочие знамения и чудеса, возвеселило верных, сомневающихся укрепило, а враждебных истине и суемысленных заставило умолкнуть и обрекло погибели.

3

Рассказывают, что Петр и Иоанн, возлюбленные ученики и апостолы господни, построили в городе Лидде, называемом также Диосполем,¹ прекрасный храм во имя богородицы, и благолепно украсили его, и вознесли моления свои с плачем и сердечным стенанием, говоря: «Дева богородица, мать божия, верная заступница прибегающих к тебе, явись нам, смиренным и недостойным рабам твоим, и открой сердцу нашему, милостива ли ты к нам и приемлешь ли малый труд сей, свершенный нами во честное и святое имя твое». И тотчас же на чистом мраморе явлена была икона богоматери величиной в три локтя,² будто написанная рукой живописца: была и багряница, и другие одежды, и руки, и лик, и все остальное. Это дивное и великое чудо всех поразило и привело в трепет и смятение, и люди говорили: «Кто когда-нибудь видел такое предивное чудо или хотя бы слышал о нем? Истинно — никто и никогда. Дивен ты, господи, и дивны дела твои, и неисследимы пути твои».³ Когда Юлиан Отступник⁴ узнал, что верные чтут ту святую и честную икону и поклоняются ей, тиран этот, охваченный неодолимым гневом, послал камнетесцев, желая (о злодей!) стесать и уничтожить лик. Но сколько они в безумии своем ни наносили ударов, святое изображение становилось все отчетливее и яснее. И после Юлиана другие неверные, не раз безуспешно повторив то же самое и пав духом, уходили ни с чем и только дивились превеликому этому чуду.

4

Есть священный и прекрасный храм святой преславной и пречистой богородицы, отданный монахам, который горожане и поселяне, живущие вокруг царственного града, зовут на местный лад Одигис.¹ Входящий в храм с восточной стороны попадает в помещение, отведенное женщинам,² где они собираются для божественного песнопения и причастия. Там есть святой образ пречистой богоматери, держащей на руках господя нашего Христа, ради нас рожденного ею по плоти, на котором чистое тело его изображено было не в полный рост. Служители этого храма в страхе перед жестоким приказом императора Льва³ и считая совершаемое ими нечестие все же более благочестивым, чем этот при-

каз, сохранили икону, накрыв ее покровом, обмазанным глиной и с двух сторон прибитым гвоздями. Таким образом они сделали икону невидимой, так что всем казалось, будто ее нет на стене. Спустя некоторое время после того как этот святой и честной образ был ими скрыт, глория вдруг отпала, то ли по произволению свыше, то ли от руки человеческой, а покров исчез. Я не могу этого утверждать, так как ничего подлинно не известно, но хотя многие приписывали случившееся божественной силе, святая и пречистая икона божией матери открылась всем и стала ясно и отчетливо видима.

Нечестивая и презренная женщина (впрочем, впоследствии она обратилась на путь благочестия), некая Анна — пусть будет названо ее имя, — подошла к месту, где была икона. Увидев вновь открывшийся священный образ, эта несчастная исполнилась гнева и в великом безумии своем стала дерзко оскорблять его и хулить, крича: «Опять здесь этот языческий идол!». Она произнесла и другие слова, которые в ходу у хмельных и беспутных женщин, и, не в силах совладать с нечестивым своим желанием, подняла, безумная, нож, который у нее был с собой, и, метнув его в лик господя нашего Христа, во гнев своем и дерзости пронзила левое его око. Не успели с уст ее сойти богохульные и нечестивые слова, как по реченному псалмопевцем, гнев божий пришел на нее.⁴ Ибо ткань, покрывающая голову ее, тотчас, как от ножа, рассклалась над левым глазом, (ибо на левое око образа несчастная занесла свою преступную руку), так что женщина почувствовала боль и опечалилась. Не успела она дойти до дома своего, как глаз ее стал слезиться и кровоточить, пока весь не вытек,* так что она вернулась домой ослепшей на один глаз, получив справедливое возмездие; ведь она вооружила руку свою на левое око лика Христова и лишилась левого глаза. Несчастная навеки стала одушевленным памятником нечестия и весь остаток дней жила слепой на один глаз, недвусмысленно повествуя всем о дерзком своем святотатстве и наставляя всех испытанием, которым была взыскана за свое богохульство.⁵ Но когда ослеплено было плотское ее око, милость божия сделала зрячим внутреннее, так что женщина, отвратившись от богохульства, стала возвещать спасительную веру, и путеводить других к благочестию, и обличать нечестие перед всеми престолами. Но уже довольно сказано об этой женщине, и пора нам обратиться к другому знамению.

5

Есть монастырь, посвященный православным мученикам Христовым Сергию и Вакху, носящий имя их и по богатству и блеску своему подобный дворцу, знаменитый, славный, издревле называемый монастырем в Ормизде.¹ Однажды утром, когда тамошние монахи пели как обычно

* В тексте пропуск; глагол дополнен по смыслу.

полагающиеся песнопения, какой-то безобразный покрытый рубцами пес незаметно прокрался через преддверие внутрь церкви, а оттуда — в алтарь и, поднявшись по ступеням к самому горнему месту,² сел на него. Пока монахи пели, пес, словно какой-нибудь новопоставленный и новопостриженный архиерей, сидел на епископском месте. Увидев его там и пораженные ужасом — ибо все почли это дурным знамением, — монахи в гневе и ярости бросились к архиепископскому месту, прогнали пса и в уверенности, что он далеко убежал, присоединившись к остальному хору, вновь стали петь. Пес между тем оставался поблизости и, словно по чьему приказу или побужденный какой-то силой, несмотря на недавние побои, снова возвратился и той же дорогой опять вошел в алтарь, поднялся по ступеням и пристойно сел на епископское место. Задние ноги он согнул в коленях, а передние держал прямо, взирая с высоты как какой-нибудь гордый и важный таксиарх,³ с удовлетворением оглядывающий стоящих вокруг. Видя его опять в алтаре, все снова были поражены этим неожиданным зрелищем и, подбежав, в гневе пытались согнать его. Однако пес в этот раз не желал, как прежде, покориться, но храбро отстаивал свое место, стараясь не просто обороняться, но обороняться изо всех сил, скалил зубы, устрашал своих противников лаем и, дерзко бросившись на одного слишком близко подошедшего к нему монаха, укусил его за руку столь свирепо, что тому потребовалась помощь врача, и черная кровь полилась из раны, ибо «ранил поверхность руки», как сказал поэт.⁴ Все же усилия сбежавшихся людей заставили пса повиноваться им и сойти с седалища. Каков смысл этого знамения? Мне думается, что оно запечатлело беззаконный лай ярящихся на бога иереев и архиереев,⁵ которые, как псы облаивая славу божию и надругаясь над святынями, бесстыдно входят в святая святых⁶ и нечестиво садятся на горнее место, всецело уподобившись по жизни своей и разуму скотам. Не следует думать, что пес по собственной воле совершил этот богопротивный проступок, ибо подобного никогда прежде не бывало. И какая псу нужда искать священнослужительского сана и домогаться предстоятельства, когда он привык вертеться у столов и мясных лавок, всяческими способами пробираться на поварни и кухни, чтобы там облизывать светильники и миски? Но я уверен, как будут уверены все нынешние люди, равно как были уверены жившие в те времена, — пес этот запечатлел безбожие и бесчинство недостойных священников, сидящих на горнем месте, ибо дважды вошел в святая святых и оскорбил безбожием христоненавистников епископское место. Но об этом сказано достаточно и пора перейти к следующему преданию.

6

Ручная веприца, питавшаяся отбросами, бродя по митиленским улицам и переулкам и валяясь по присущей ей любви к нечистоте в грязи, оказалась однажды вблизи одного из местных храмов. Так как веприца постоянно делала набеги на окрестные поля и топтала их, в наказание за потравы ей отрезали уши, и, как домашняя свинья, она была покрыта великим множеством рубцов. И вот, увидев храм этот, носом, как это свойственно свиньям, веприца толкнула двери и, протиснувшись в щель, вошла внутрь, затем направилась к святому алтарю и, поднявшись по его ступеням, села, сколько ей возможно пристойно, на горнее место. Многие из числа бывших в храме людей, увидев это, были поражены ужасом и, усмотрев в происшедшем злоеющее знамение, тут же с побоями вытолкали ее. И действительно, появление в алтаре веприцы предвещало грядущее отпадение от веры — оскверняющаяся грязью веприца обозначала грязь, которой осквернится церковь, и показывала будущим иереев ее, являя собой для способных понимать и вникнуть разумом в то, что произошло, мерзость тех иереев, ибо «когда увидите мерзость запустения, стоящую на святом месте, читающий да разумеет».¹ Кроме того, веприца предвещала грядущие беззакония нечестивых и исполненных скверны, грозящие церковному престолу, а также то, что иереи оставят священнослужение.² Сверхившееся не следует объяснять неосмотрительностью веприцы, ибо не по обычному своему побуждению, не в поисках пищи взошла она в церковный алтарь, но движимая некоей силой, предвещающей грядущее. На этом закончим и перейдем к другому преданию.

7

Прекрасно и поучительно поведать об этом дивном и великом чуде. При блаженной памяти императоре Маврикии¹ жил в Константинополе некий человек по имени Месит, превосходящий в искусстве волхования всех когда-либо бывших чародеев. И вот этот трижды злосчастный и проклятый Месит познакомился однажды с весьма христоробивым и богобоязненным нотарием.² Желая свести его с правильного пути и завладеть его умом при помощи своего преступного и нечестивого искусства, как-то раз вечером этот безумный и исполненный скверны человек уговорил нотариуса проехаться с ним верхом. Когда уже смеркалось, они сели на быстрых коней и вдвоем выехали из города. Оказавшись в полночь на пустынной равнине, где не было ни жилищ, ни каких-либо владений, они вдруг видят крепость. Оба спешиваются и привязывают своих коней к какому-то росшему там дереву, а Месит начинает стучать в ворота крепости. Им тотчас отворили ворота, и большая толпа находившихся в крепости эфиопов вышла навстречу Меситу и приветствовала его. Затем эфиопы, указывая дорогу, привели их в огромный, расположенный на уровне земли покой,

где пришедшие увидели множество ярко горящих серебряных светильников и золотых подсвечников с зажженными свечами, скамьи справа и слева и высокий престол, на котором восседал какой-то рослый и безобразный эфиоп, а вокруг него справа и слева сидели другие. Месит приветствовал сидящего на престоле и пал к его ногам. Тот же встретил его, говоря: «Как дела, господин мой Месит? Все ли твои желания исполняются?». Несчастный говорит ему в ответ: «Да, владыка, и потому я пришел поклониться тебе и воздать тебе великую благодарность». Сидящий на престоле говорит ему: «Изволь, и для тебя будет сделано еще больше. Садись». Тогда Месит занял первое место на правой скамье. «Я же, — рассказывал потом нотариий, — видя вокруг себя только эфиопов и гнушаясь приблизиться к кому-нибудь из них, отошел и встал позади несчастного Месита. А сидящий на престоле, пристально взглянув на меня, спросил злополучного Месита, говоря: „Кто этот человек, стоящий позади тебя?“. Несчастный Месит говорит ему: „Твой раб, владыка“. Тогда сидящий на престоле спрашивает нотариия, говоря ему: «Скажи, достойный юноша, ты мой раб?». Христолюбивый нотариий, осенив все тело свое крестными знамениями, не медля, ответил, сказав: «Я раб отца и сына и святого духа». И чуть только он произнес эти страшные и святые слова, как сидевший на престоле рухнул на пол, престол рассыпался, светильники угасли, эфиопы с воплем бежали, покой исчез, земля поглотила крепость, Месит скрылся и все пропало. Нигде ни звука, нигде ни души, кроме нотариия и двух привязанных к дереву коней. Когда случились эти страшные и предивные чудеса, боголюбезный тот нотариий не стал дожидаться или искать Месита, но, взяв обоих коней, тотчас вскочил на одного из них и быстро поскакал к богохранимому граду. Вскоре он достиг его и постучал в те ворота, откуда вечером вышел. Оказавшись внутри городских стен, он все рассказал стражу, бывшему при воротах, и вошел в дом его, и отдыхал там в полном одиночестве, не вспоминая о несчастном и ненавистном Месите, и только хвалил и славил господа.

По прошествии некоторого времени христолюбивый тот нотариий прилепился сердцем своим к одному патрикию,³ мужу премилостивому и христолюбивому. Однажды поздним вечером оба они, патрикий и нотариий, идут в храм во имя спасителя, называемый Плифрон или храм у святого кладезя.⁴ Когда они вошли и стали молиться, встав перед честной и святой иконой господа нашего Иисуса Христа, святой лик оборотился к нотарию и взирал на него. Заметив это, патрикий попросил нотариия стать по другую сторону от себя, и снова святой и предивный лик спасителя, также оборотившись, взирал на боголюбезного нотариия. Тогда страх и душевное смятение одержали патрикия, и он пал на лицо свое и с несказанными слезами и громкими стенаниями стал взывать к господу нашему Иисусу Христу, говоря: «Благой владыка и человеколюбец, ведающий людскую слабость и страдание, не отвори лика своего от меня,

нижайшего и недостойного раба твоего, но призри на меня и помилуй. Сознаю, владыка, ведаю и знаю, что — грешен и ничтожен, но нет на мне такого греха, чтобы ты так отвращал лик свой от меня, жалкого и низжайшего раба твоего. Помилуй меня, человеколюбец, и прости, терпёл, ибо я — творение пречистых рук твоих. Ведь ты единственный непогрешим и всемилостив, и слава тебе вовеки. Аминь».

Долго патрикий говорил такое и тому подобное и каялся со слезами и воплями. А Христос, взирая на боголюбезного нотария со святой и пречистой иконы, рек христолюбивому патрикию: «Тебе, патрикий, я воздаю великую благодарность за то, что всякий день ты приносишь мне от того, что получил от меня, подавая нищим и жертвуя на церкви. Пред этим же человеком я в долгу, ибо в решительный и страшный час он не отрекся своей веры, но признал, что чтит и поклоняется отцу и сыну и святому духу. За это в день воздаяния я почту его достойной наградой».

Вы услышали, возлюбленные братья мои, страшное и предивное предание, узнали, благочестивые прихожане, достохвальный и исполненный назидания рассказ о том, как по благоутробию и человеколюбию своему бог сказал одному из рабов своих, что благодарен ему, а другому, что в долгу перед ним и щедро воздаст ему. Прочитав это предание или узнав его изустно, все мы да возблагодарим за них господа и да восславим отца и сына и святого духа, единое божество и силу в трех ипостасях, ибо слава, сила, честь, могущество и величие ему ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ МАРИИ АНТИОХИЙСКОЙ

Мы почли необходимым во славу божию, а равно в назидание и спасение читающих и слушающих записать то, что случилось в великом сирийском городе Антиохии. Рассказ об этом таков. Была в городе Антиохии некая женщина строгой жизни, добрых нравов и скромного достатка. Она овдовела, и от мужа у нее осталась дочь по имени Мария, которую женщина эта воспитывала в правилах своей боголюбезной жизни. Когда девочка выросла, мать стала внушать Марии, что лучше ей оставаться девой и не вступать в брак, ибо девство в жизни сей освобождает от забот, в грядущем же веке вознаградится великой радостью и честью. Девушка, будучи дочерью столь богобоязненной матери и слушая такие ее поучения, отказалась от брака ради чистоты и девства. Днем и ночью она с матерью прилежно ходила в церковь и внимала песнопениям, и столь великая любовь к богу охватила ее, что Мария знала до слова всю святую псалтырь. А ненавистник добра, диавол, злобствуя на то, что дочь и мать вели такую богоугодную жизнь, воздвигает против них одного из первых людей города, юношу по имени Анфимий. Приметив достойную мать и дочь ее, вместе с ней прилежно посещавшую церковь, он был охвачен сильной любовью к Марии. И вот, велев одному из слуг своих вызнать, где они живут, он через рабов начал склонять девушку всякими обещаниями и дьявольскими посулами. А она не удостоила их никакого ответа, так что Анфимию самому своими обольщениями и обещаниями пришлось показать женщинам, что он подстрекаем диаволом, ибо пытался отвратить их от благочестия и любви к богу. Мать Марии многажды заклинала его оставить их в покое и не досаждать им себе во вред, а им в тягость, ибо невозможно им сделать то, что ему угодно. А его дьявольское вожделение не усмирилось. Ибо после этого он через женщин, которые исполняют подобного рода поручения, велел передать, что делает Марию законной женой своей и щедро одарит и отблагодарит мать и дочь. Когда обе женщины поклялись, что никогда на это не согласятся, Анфимий, услышав их ответ, в свою очередь дал клятву, что добьется девушки непременно, даже если это будет стоить

ему всего имущества. По прошествии двух лет, хотя Анфимий и прибегал ко множеству диавольских ухищрений, желание его не осуществилось, и диавольское наваждение продолжало владеть им, и он не знал, что ему делать. И вот в один из дней, когда юноша сидел с несколькими из своих сограждан, появился какой-то человек, незнакомый ему, но известный его собеседникам. Увидев его, те встали перед ним и сели, только когда сел он. Через час пришедший поднялся и ушел. Тут Анфимий начал спрашивать своих знакомых: «Кто этот пришедший, что все вы встали, когда он вошел?». Один из них сказал ему: «Имя этого человека Мегас, а могущество соответствует имени,¹ ибо он — известный чародей, который может сделать все, что пожелает». Услышав это, Анфимий обрадовался, надеясь с его помощью насытить диавольское вожделение свое. И один всемогущий бог, спасающий души прибегших к нему, будь то мужи или жены, желающий спасти всякого человека и «не хотящий смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего, и жив был»,² от века творящий великие чудеса, и ныне по мудрости своей спас верную мать с добродетельной дочерью ее, но не их одних, а также и мужа, стремившегося к своей и их гибели. А то, как он спас их, я расскажу, чтобы всякий слушающий восславил спасителя всех, на него уповающих.

Этот Анфимий зачастил в место то и, вновь встретив вышеупомянутого чародея, открыл ему диавольское вожделение свое, сказав: «Я люблю одну девушку-сироту, которая живет со своей бедной матерью. Уже второй год мне не удается ни самому, ни через людей склонить ее неустанными уговорами и обещаниями». Чародей сказал ему: «Покажи мне дом, где живут женщины те, и будь спокоен, ибо сегодня ночью я заставлю девушку прийти и стать у постели, где ты спишь». Анфимий пал к ногам чародея и молил сделать это, и пообещал ему награду, и ушел, оставив при нем одного раба, чтобы тот показал, где те женщины живут. Ночью Анфимий бодрствовал и ждал обещанного чародеем. Напрасно проведя все время без сна, он рано утром пошел, чтобы попенять на это волхву. Найдя его и приветствовав, он сказал: «То, что ты вчера пообещал мне, господин мой, не сбылось». Тот сказал ему: «Вечером я забыл о тебе, но следующей ночью девушка непременно придет». Когда опять настала ночь, юноша не спал, ожидая свершения диавольского обещания. Но, так как волхв и на этот раз не исполнил своего слова, Анфимий, утомленный бодрствованием, в отчаянии и горе наутро отправился к волхву, чтобы еще горше упрекнуть его, и, найдя, сказал: «Если вам невозможно заставить девушку прийти в дом мой, сделай хотя бы, чтобы женщины заговорили со мной или позволили мне говорить с ними». Чародей сказал ему: «Молчи, безрассудный. Я пренебрег твоей просьбой, так как поглощен был более важным делом, но и твое уже сделано. Иди и будь спокоен — этой ночью девушка придет к тебе, хочет она того или не хочет». Снова поверив его словам, Анфимий ушел.

И, когда наступил вечер, тревожимый безбожной той надеждой, он опять бодрствовал и рассуждал в уме своем.

Волхв же отправился к дому, где жили почтенные те женщины, и поставил там двух демонов, сказав им: «Тут живут мать с дочерью, а блистательный Анфимий, здешний гражданин, любит эту дочь. Никоим образом не уходите отсюда и отведите девушку в спальню его, иначе вам не сдобровать». И, оставив этих двух демонов, чародей ушел. Демоны вошли к спящим и стали тревожить их различными сновидениями. Мать проснулась и, перекрестившись, говорит дочери: «Встанем, дитя, и пойдем в церковь, ибо всю ночь эту меня тревожили сны. Казалось мне, будто ужасный тот человек схватил тебя и хочет увести от меня, а я противилась, и боролась с ним, и держала тебя, заклиная его богом и всеми святыми уйти от нас. Он же не отступал, сказав, что не уйдет, мол, „пока я не отниму ее от тебя“. И тут я увидела клириков и толпу верных, как это бывает, когда ждут архиепископа. И архиепископ тотчас освободил тебя, и скрылся, и мы вошли в церковь, и возблагодарили господа, спасшего нас. Право, дитя, пойдем помолимся богу, чтобы он спас нас и призрал на бедность нашу». Дочь, отвечая, говорит ей: «Пойдем, почтенная мать моя: и я претерпела тяжкое испытание, ибо приснилось мне, что мы с тобой идем в церковь, и я, не знаю как, очутилась в каком-то просторном покое, и там был нечестивый тот человек; он держал меня и показывал мне много серебра, всевозможные украшения, шитые золотом одежды, великолепные ложа, множество рабов и рабынь и говорил мне: „Всею этим ты будешь владеть, если будешь со мной“. А я со слезами говорила: „Не нужно мне это, видит бог, не нужно“, и так с плачем и пробудилась. Пойдем в церковь». Одевшись, они вышли из дома своего, чтобы пойти в церковь. Было еще очень рано — разбуженные своим страшным сновидением, женщины подумали, что проснулись в обычный час свой. Когда они миновали один переулок и собирались войти в следующий, те два демона встали между матерью и дочерью. Один принял образ матери и повел девушку по другой улице, говоря ей: «Иди сюда, дитя мое, следуй за мной». Девушка, думая, что сопровождает мать, в действительности сопровождала демона. И этот демон привел ее в дом Анфимия и, открыв двери, подвел к ложу, где тот спал, и удалился. Другой демон, приняв образ ее дочери, следовал за матерью и говорил с ней, пока они не дошли до притвора³ церкви, и тогда удалился.

А Анфимий, увидев у своего ложа девушку, с которой он много лет стремился хотя бы вступить в беседу, был поражен и, вскочив на ноги, взял ее за руку и сказал ей: «Это ты, госпожа моя Мария? Сколько раз и через других людей, и сам я просил вас хотя бы поговорить со мной, и вы не желали, а ныне — вот ты сама пришла в дом мой, и в спальню мою, и теперь ты в руках моих». А раба божия Мария, увидев, куда она попала и какой подвергается опасности, содрогнулась от

ужаса и со слезами воскликнула: «Горе мне, несчастной! Что пришлось мне претерпеть? Господи боже, к кому я спешила прийти, помоги мне в час сей, потому что нет у меня других помощников». Анфимий говорит ей: «Не бойся, госпожа моя Мария, и будь спокойна. Вон, гляди, сколько у меня серебра. Вон, посмотри, как много у меня украшений, сколько всевозможных одежд и лож, сколько рабов и рабынь будут служить тебе и матери твоей. Если же по своей воле ты не согласишься выйти за меня замуж, я сделаю тебя наложницей и не позволю тебе взглянуть на свет солнца, и ты будешь всецело в моей власти». И, взяв ее за руку, он стал показывать ей серебро, украшения и одежды. Но раба божия Мария даже не взглянула на серебро и другие богатства, но непрестанно из глубины своего сердца вздыхала и плакала, и господь, ведающий глубины сердец человеческих, единый, могущий спасти уповающих на него ото всякого насилия и опасности, ниспослал ей помощь святого духа. Овладев собой, девушка падает в ноги Анфимию и говорит ему: «Господин мой, коль скоро я в твоих руках и не могу бежать, скажу тебе всю правду. Мы всегда были бедными женщинами и бедны теперь, и мать постоянно поучала меня, говоря так: „Дитя мое, никому невозможно спастись, если он не исполняет заповедей божиих и не благоворит нищих. А так как по бедности своей мы никому не можем подавать милостыню, должно нам принести богу хотя бы телесную чистоту и всемогущие молитвы, дабы он помиловал нас в день судный.“⁴ Если же ты выйдешь замуж, то придется тебе разлучиться со мной, и я, оставшись одна, буду плакать по тебе, а ты впадешь во зло и во грех и, исполненная вины, предстанешь пред судом господним. Послушавшись же меня, ты соблюдешь девственность, и мы верно будем служить богу и унаследуем вечное блаженство“. Потому невозможно было нам с тобой общаться. А раз ты согласен вместе со мной взять и мать мою, я готова быть твоей рабой; молю только не совершать надо мной пока ничего, ибо я уговорю мать дать свое согласие. Если же она не захочет, я сама отдамся твоей власти». Анфимий, обольщенный обещаниями девушки и успокоенный данной ею клятвой, что через пятнадцать дней его желание исполнится, отпустил Марию.

Раба божия Мария, покинув дом Анфимия, пошла в церковь и застала мать свою слезно умоляющей бога открыть ей, где дочь ее, ибо, разыскивая Марию, она вернулась в дом свой, но и там ее не нашла. Увидев девушку, мать стала спрашивать, говоря: «Куда ты ушла, дитя, когда оставила меня в притворе церкви, и где была?». Та говорит ей: «Не бойся, почтенная мать моя, ибо со мной по молитвам твоим не случилось ничего дурного. Когда мы совершим молитву нашу и вернемся домой, я расскажу тебе, где я была». Когда они вернулись домой, мать стала спрашивать дочь свою, куда она уходила. Та рассказала ей всю правду. Мать, услышав это, пала на землю и начала горько плакать. Дочь же призывала ее успокоиться, ибо с ней по смотрению Божию не

случилось ничего дурного. «Попросим, — говорила она, — бога удалить от нас человека, воздвигшего против нас это испытание. Бог, спасавший нас до сих пор, поможет нам и ныне». Обе они в печали своей долго плакали и молились, прося бога послать им избавление до того, как минут те пятнадцать дней, срок, который Мария клятвенно обещала Анфимию соблюсти. И так оно по воле единого, могущего все благоустроить бога и случилось. Ибо Анфимий, отпустив рабу божью и деву из дома своего, долго дивился в душе тому, как волхв сумел уговорить мать отпустить от себя дочь свою и как склонил дочь «прийти ко мне в дом мой» и говорил себе: «Человек, который творит столь великие чудеса, сильнее всех людей. Почему же мне не предложить ему все мое достоинство, чтобы он и меня сделал таким, каков сам?». И, горя таким желанием и подогреваемый своей любовью, он рассуждал сам с собой так: «Если я сделаюсь всемогущ, я получу все, чего только ни пожелаю». И эта мысль, словно по предусмотрению божью, пришла ему на ум, дабы он по своей воле отказался от девушки, и она не впала в клятвopреступление, и блудонаставник диавол был посрамлен и девушкой, и ее врагом.

На рассвете Анфимий поспешно ушел из дома, чтобы увидеть чародея и возблагодарить его. Увидев его и приветствовав, юноша со всяческой благодарностью отдает чародею обусловленную плату, а затем, пав ему в ноги, обещает дать сколько тому будет угодно денег, если только сделает его таким же всемогущим, каков он сам. Чародей говорит, что Анфимий, будучи христианином и прияв крещение, не может стать волхвом.

Анфимий говорит: «Я отрекись и от крещения, и от самого имени христианина, только бы мне стать волхвом». Чародей говорит ему: «Ты не можешь стать волхвом и соблюдать установления волхвов, а если отступишь от них, навеки должен будешь проститься с волхвованием». Анфимий снова припал к ногам волхва, обещая соблюдать все его наставления. А волхв, видя его настойчивость, говорит ему: «Хорошо, сделаю», — просит харатью,⁵ и пишет на ней что-то, и дает Анфимию со словами: «Возьми харатью эту и после ужина глубокой ночью выйди из города и стань на тот мост, и в полночь с громким криком по нему пронесется толпа и сидящий на повозке владыка. Но смотри — не бойся, ибо с этой моей харатьей ты не претерпишь никакого зла. Держи ее в поднятой руке, чтобы была заметна, и, если тебя спросят: „Что ты здесь делаешь в такой час?“ или „Кто ты?“, скажи: „Почтенный Мегас послал меня к владыке моему, чтобы я передал ему это⁶. Только не пугайся, не крестись, как христианин, и не призывай Христа, ибо тогда ты не достигнешь своей цели». Анфимий, взяв харатью, удалился и, в поздний час выйдя из города, стал на мосту, держа ее в поднятой руке. Когда же в полночь появилась толпа, множество всадников и сам сидящий на повозке владыка, пришедшие первыми говорят: «Кто здесь

стоит?». Анфимий сказал: «Почтенный Мегас послал меня, чтобы я передал владыке моему эту харатью». Они взяли у него харатью и подали ее сидящему на повозке владыке. Прочитав, он что-то написал на ней и отдал Анфимию, велел отнести волхву. На рассвете Анфимий приходит к чародею и отдает ему эту харатью, а волхв, прочитав, говорит Анфимию: «Хочешь знать, что здесь написано? То, что я тебе и предсказал: „Разве ты не знаешь, что он — христианин? Я его не приму, пока он не совершит все то, что полагается, и не отречется веры своей и не отвергнет ее“». Выслушав это, Анфимий сказал: «Я, господин, и прежде отрицал и ныне отрицаю самое имя христианское, и веру христианскую, и крещение христианское». Тогда маг, снова что-то написав, дает харатью Анфимию и говорит: «Иди, и опять стань там ночью, и, когда владыка прибудет, отдай ему. И посмотри, что он тебе скажет». Анфимий ушел и стал на мосту, и снова в тот же час явились те же люди и говорят ему: «Зачем ты опять пришел сюда?». Анфимий сказал: «Почтенный Мегас послал меня, владыка, с этой харатьей». И владыка, взяв ее и прочитав, снова что-то написал на ней и вернул Анфимию, чтобы он отнес ее волхву. Вернувшись на рассвете, Анфимий отдает харатью чародею, и, прочитав ее, волхв говорит ему: «Знаешь, что он опять написал мне? Я написал ему: „Этот человек, господин, от всего отрекся в моем присутствии, так что, если угодно, прими его“, а он ответил мне: „Если он не отречется ото всего письменно и своей рукой, я не приму его“. А дальше смотри, поступай, как знаешь». Несчастный Анфимий сказал: «Я владыка, готов это сделать». И, сев, он написал так: «Я, Анфимий, отрекаюсь от Христа и от веры его, отрекаюсь и от крещения его, и от самого имени христианского, и от креста его и присягаю никогда не вспоминать и не называть всего этого». И, когда он писал, весь, с головы до ногтей на ногах, покрылся испариной, так что нижний гиматий на нем насквозь промок, как он потом со слезами признался. Однако, продолжая писать и закончив, Анфимий дает посмотреть харатью чародею. Тот, прочитав, сказал: «Хорошо. Снова иди, и теперь он примет тебя. А когда примет, пади ему в ноги и скажи: „Прошу тебя, владыка, назначь мне будущих помощников моих“, и он даст тебе, сколько ты пожелаешь. Но предупреждаю тебя: не проси больше одного или двух, ибо они доставят тебе заботу, ежедневно и еженощно досаждая просьбами дать им дело». Когда же Анфимий, уйдя от волхва, стал на обычном месте своем, появились те же люди, и тотчас шедший впереди, узнав Анфимию, вскричал, говоря: «Владыка, Мегас снова прислал с харатьей того человека». И владыка велел Анфимию приблизиться к нему. Подойдя, тот вручил ему свое злосчастное и досто печальное отречение. Прочитав харатью и держа ее в поднятой руке, владыка начал громко говорить: «Иисус Христос, се твой прежний раб Анфимий письменно отрекся от тебя. И не я тому причина. Сам он домогался этого и по своему желанию написал отречение это и вручил мне. Пусть он

тебя больше не заботит!». И дважды и трижды владыка громко повторил это. А Анфимий, услышав страшные эти слова и задрожав всем телом, воскликнул: «Отдай мне отречение мое, ибо я христианин. Прошу и заклинаю — я хочу остаться христианином. Верни мне греховное это отречение». Когда несчастный еще выкрикивал эти слова, владыка говорит ему: «Теперь уже ты не можешь получить отречение свое; я представлю это твое отречение в страшный день суда. С часа сего ты принадлежишь мне и всецело в моей власти, если не попроано будет мое право». И, сказав так, он удалился, оставив Анфимия на том мосту. Анфимий до рассвета лежал там на лице своем, оплакивая свое прегрешение. Чуть только рассвело, он поднялся, и пришел в дом свой, и не престанно плакал, и бил себя в грудь, не зная, что ему делать.

Милях в 18 находился другой город, где, как говорили, был весьма боголюбивый епископ и раб божий. И вот Анфимий решил отправиться к нему за советом, покаяться во всем и принять от него крещение, ибо в городе своем он совестился признаться в том, что случилось с ним. Он остригся наголо, и, надев грубый стихарь⁶ и набросив на себя вретиче, пришел к тому епископу, и, уведомив его о своем приходе, был принят и, войдя, пал в ноги ему, и просил его, говоря: «Умоляю тебя, окрести меня». Епископ говорит: «Я полагаю, что ты не был крещен до сего дня?». Тогда Анфимий отвел епископа в сторону и рассказал ему обо всем, говоря: «В детстве меня окрестили, но раз я письменно отрекся от крещения, значит нет его на мне». Епископ говорит ему: «Чем ты мне докажешь, что нет на тебе крещения, которое ты приял?». Анфимий говорит ему: «В недобрый час, когда я писал отречение от господа моего Иисуса Христа и крещения его, тотчас с головы до ногтей моих я покрылся испариной, так что одежда на теле моем намокла, потому, я думаю, как я отрекся его, так и он оставил меня. Но если можешь, помоги мне, честной отец, и сжался над человеком, по собственной воле своей погубившим себя». И он говорил это, простершись на земле и плача. Раб божий епископ, услышав слова его, сам пал на землю и вместе с Анфимием плакал и молился богу. Спустя много времени епископ поднялся с земли и, заставив Анфимия встать, говорит ему: «Верь, дитя, я не смею вновь окрестить уже крещеного, ибо нет у христиан второго крещения, кроме слезного. Не теряй надежды на спасение свое и уповай на человеколюбие божие. Поручи себя богу, все остальные дни жизни своей воссылая к нему мольбы и молитвы, и бог по благости своей и человеколюбию, когда представлено будет ему написанное тобою отречение, может простить тебе великое прегрешение твое, как простил должнику его десять тысяч талантов.⁷ Лучшей дороги не ищи, ибо нет ее». Анфимий, вняв совету епископа и напутствуемый молитвой его, ушел, скорбя и оплакивая нечестивый свой поступок. И, придя в дом свой, он продал все свое имение и отпустил на свободу рабов и рабынь своих, дав каждому, что тот желал, а все остальное, чтобы даритель

остался неизвестен, роздал через верного раба на нужды церквей и нищей братии. Послав в одну из городских церквей за матерью той девушки, любовью к которой его распалил на погибель ему диавол, он дал ей три литры золота,⁸ сказав: «Прошу вас, молитесь за меня, грешного. Более я не буду досаждать ни вам, ни кому бы то ни было, ибо уйду, сам не знаю куда, чтобы оплакивать злые дела свои». После этого человек тот исчез и всецело вверил себя милости божией, прибегнув к которой всякий спасается от гибели.

Мы же, услышав страшную эту повесть, да прославим всемогущего бога и да подивимся величию дел его, ибо он дал свершиться благому решению Марии остаться девой, уберег мать ее от печали и щедро позаботился обо всех нуждах их, и о пропитании, и избавил от страха прегрешения, и без возмездия разрешил Марию от клятвы, которую она дала врагу своему Анфимию. Ибо до свершения клятвенно назначенного девушкой пятнадцатидневного срока господь сделал так, чтобы мы сказали по слову евангелия: «Все хорошо делает господь наш».⁹ Он не погубил того, кто прибег к нему и раскаялся, ибо милостив к раскаянным, как рек сам: «Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию».¹⁰ Мы же да будем неустанно молить его, чтобы простер над нами всемогущую десницу свою и избавил ото всякого дьявольского наваждения, да удостоены будем по молитвам святых его войти в царствие небесное. Слава господу нашему, честь и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПРОДОЛЖАТЕЛЬ МОСХА

4

Кто-то из отцов рассказал: была в Солуни женская обитель. Одной инокиней этой обители возобладал демон и понудил ее уйти из монастыря. Покинув монастырь, она по подстрекательству демона, понудившего ее уйти оттуда, впала в блуд и, впад в блуд, долгое время пребывала во грехе. Потом с помощью всеблагого бога одумалась и, придя в монастырь свой, чтобы покаяться, упала перед воротами его и скончалась. И смерть ее открылась одному из святых епископов, и он узрел святых ангелов, пришедших взять душу ее, и идущих вослед им демонов, и видел прение их между собой — святые ангелы говорили: «Она раскаялась», а демоны говорили: «Столько времени служила она нам и нам она принадлежит». Долгое время было прение это, и демоны, враги добра, говорили: «Она не успела взойти в монастырь свой, как же вы говорите, что она раскаялась?». Ангелы сказали в ответ: «Чуть только бог увидел намерение ее, он принял ее раскаяние. Она была властна над раскаянием своим из-за цели своей, которую имела, господь же и владыка всяческих властен был над жизнью ее». И вот, посрамленные этим, демоны отступили. Святой епископ, получивший откровение, поведал некоторым о нем; из их уст и мы передали этот рассказ вам. Услышав его, братья, будем остерегаться впасть в какой-нибудь грех, и да противимся мы греху, а паче всего воинствуем против соблазна покинуть свой монастырь, дабы по неведению не попасть в сети и ловушки врага нашего.

6

Один христоролюбец рассказывал так: «Побывали мы в Фиваиде¹ в монастыре святого старца, и, когда пришли туда, огромные пастушеские собаки зарычали на нас с монастырской стены. Я, утраившись, хотел было соскочить с коня, но бывшие со мной, которые не впервые слышали лай этот, сказали: „Не надо, господин, ибо псы имеют от аввы по-

веление не сходить со стены⁴. Мы вошли в монастырь и удостоены были молитвы отцов, и они повели нас в час службы к колодцу. Там, не сходя с места своего, стоял верблюд, который доставал воду.² Мы спросили, почему верблюд не делает своего дела, и нам ответили: „Авва наш повелел, чтобы во время службы, едва ударят в било,³ он смиренно стоял, пока служба не кончится. Ибо однажды, когда служба началась, человек при колодце из-за скрипа ворота не услышал била и не пришел в церковь. И вот авва, подойдя к колодцу, говорит тому человеку: «Почему ты не был в церкви, когда следовало?». Тот сказал: «Прости мне, отец, скрип ворота не дал мне услышать била». Тогда авва сказал верблюду, который доставал воду: «Благословен господь, когда будут созывать в церковь, стой на месте, пока не кончится служба». И верблюд послушался его велекия. Если другого какого верблюда приставить к колесу, он тоже будет соблюдать такое велекия его⁴». И выслушав это, мы восславили бога.

9

В одном монастыре готовились приобщиться святых тайн, и диаконы собирались облачиться в свои мафории,¹ но не нашли одного и после долгих поисков сказали об этом авве. А он говорит им: «Поищите еще». Мафорий так и не нашелся, и авва, рассерженный странным этим происшествием, говорит: «Здесь живут разбойники. И, жив бог, никто не будет причащаться, и мы не вкусим ничего, пока не найдется вор». Когда авва с диаконами обыскивал келии, а братья были в церкви, укравший мафорий монах сказал брату своему, человеку весьма богобоязненному: «Увы, что мне теперь будет?». Тот говорит ему: «За что?». Укравший отвечает: «Я украл мафорий, и он спрятан в моей келии на дне кувшина для вина».² Богобоязненный монах говорит ему: «Не печалься, ступай и поставь кувшин в мою келию». Успедши, вор перенес кувшин в келию того брата. Когда авва и диаконы в поисках пропажи взойшли туда, где стоял кувшин этого брата, один из диаконов, опустив в него руку, вытащил мафорий и начал кричать: «Вот богобоязненный этот брат оказался вором». И, придя в церковь, они наложили на него руки свои, и нанесли ему множество ударов, и, вытащив его, прогнали из монастыря. А он взывал к ним, говоря: «Дайте мне раскаяться, и я больше так не сделаю». А диаконы вытолкали его за ворота, говоря: «Не можем мы терпеть у себя вора», и вернулись, чтобы преподать братьям святое причастие. И, когда диакон хотел поднять с престола покровец,³ он не сошелся. И все стали смотреть, нет ли там какой пометки, и ничего не нашли. А авве пришла на ум премудрая мысль, и он сказал: «Не случилось ли это оттого, что мы прогнали брата? Ступайте, приведите его, и тогда узнаем». По приходе того брата стали снимать покровец, и тотчас он свободно сошелся.

Это называется положить душу свою за ближнего. Если нам и не достичь подобного совершенства, да не оговорим хотя бы ближнего своего и не осудим, чтобы не лишиться блаженства, сужденного праведникам.

12

В великой Антиохии сирийской множество богоугодных домов. Одним из них ведал некий христоробивый муж. У него было обыкновение всегда подавать бедным то, в чем каждый нуждался. И вот однажды он покупал разные необходимые вещи и среди них приобрел исподние одежды из египетского льна и оделял ими приходивших к нему нищих по слову господу, рекшего: «Был наг, и вы одели меня».¹ И, когда он раздавал, как было сказано, одежды, пришел к нему какой-то брат и взял не только единой, но дважды и трижды. Христоробивый тот муж заметил, что нищий подходит во второй и в третий раз, но не остановил его. Когда же нищий подошел в четвертый раз, христоробец как человек, пекущийся об остальных бедняках, в досаде говорит ему: «Вот ты взял у меня в третий и в четвертый раз, и ни слова от меня не услышал, но вперед не делай так, ибо и другие равно бедствуют и нуждаются в благотворении». И тогда нищий, устыдившись, отошел, а мужу, ведавшему богоугодным домом, той же ночью привиделось во сне, будто он стоит в месте, называемом Херувим.² Место исполнено великой святости, ибо там, как передают посетившие его люди, есть страшная икона, на которой изображен спаситель наш Иисус Христос. Стоя здесь в глубоком раздумье, христоробец этот видит, как спаситель с иконы сошел к нему и всячески корит его за четыре гиматия, взятые нищим. А так как муж тот продолжал молчать, Христос запахивает свой хитон и показывает одежды, что были под ним, считая их и говоря: «Вот один гиматий, вот второй, вот третий, вот четвертый. Не горюй — смотри, все, что ты дал нищему, пошло мне». Узнав свои гиматии, христоробец падает к стопам Спасителя, говоря: «Снизойди к малодушию моему, владыка, ибо я подумал так, потому что я человек». Пробудившись, христоробец возблагодарил бога, явившего ему такое свидетельство, и с тех пор в простоте и с радостью подавал просящему. И все, слышавшие рассказ его, восславили бога.

КРАТКОЕ ЖИТИЕ ЕВФРОСИНА-ПОВАРА

Этот святой отец наш Евфросин родился где-то в деревне от верных родителей. Воспитанный как поселянин, он не был обучен грамоте, но неукоснительно исполнял заповеди божии. Вошедши в возраст, Евфросин отвергся мира и бежал в монастырь, а когда облекся в святую ангельскую одежду,¹ он как никто другой исполнился смирения Христова, что видно по скончанию жития его. Ибо, будучи ненаученным, он ото всех был презираем, и ему одному была вверена забота о поварне; сокровенно же он свершал всякую подвижническую добродетель — пост, бдение, молитву, спал на голой земле, но вперед этого и вдобавок к этому свершал добродетели любви ко всем, послушания, чистоты телесной и всегда плакал. Ибо, постоянно глядя на пылающий огонь, зрел он вечное пламя, и непрестанно слезы омывали щеки его. Покрытый копотью поварни, Евфросин всеми был презираем из-за своего закопченного тела и платья.

Но бог, ведающий скрытое, возвысил его более всех бывших в том монастыре. В этой же обители жил весьма богобоязненный пресвитер,² достигший всевозможного рода добродетели. Он положил себе три года подвизаться во всяком подвиге, сколько имел сил, и молить бога, говоря так: «Господи, покажи мне блага, о которых святой апостол речет: „То, что ты приготовил любящим тебя“». ³

Этот пресвитер не только в мыслях своих так предустановил — та молитва его исполнилась, и, когда он спал на постеле своей, ум его был восхищен, и пресвитер очутился в саду, какого он никогда не зрел и никто другой не мог узреть. Ибо росло там множество деревьев разнообразных, прекрасных, высоких и не похожих на обычные. Все они были покрыты плодами обильнее, чем листьями, а плоды имели такие благоцветные, большие и душистые, каких не зрели смертные. Под этими деревьями текли обильные студеные и чистые воды, и поднимались там всякого рода душистые травы, и оттуда струило всевозможными ароматами, так что стоявшему чудилось, будто он вдруг попал в покой, где готовят благовония. И вот он стал раздумывать, говоря: «Чей же это удивительный и страшный сад и кто его охраняет?». И чуть только он стал

сам с собою так говорить, замечает, что посеред сада стоит тот Евфросин, о котором у нас речь. И, увидев его, пресвитер удивился и говорит ему: «Что ты здесь делаешь?». Повар сказал: «Что ты делаешь, отец мой, то и я». Иерей сказал: «Чей это сад?». Евфросин говорит: «Божий». И снова иерей спрашивает: «А кто привел тебя сюда?». Тот ответил: «Тот же, кто проводил сюда твою святость». Опять иерей говорит ему: «Я, как ты знаешь, брат мой, хотя и недостойн, все-таки иерей и не просто иерей, а из числа преславных, кроме же того, сегодня как раз исполнился третий год, как я „не насыщал чрева своего ни хлебом, ни водой, не давал сна очам моим и веждам моим дремания“, по слову блаженного пророка,⁴ но без отдыха денно и ночью молил бога, чтобы узреть мне хотя несколько от уготованного господом для тех, кто любит его; и вот я наконец пришел сюда и хотел спросить у кого-нибудь, это ли место уготовано возлюбившим бога». А Евфросин говорит иерею: «Я, как ты знаешь, честной отец, не умудрен в Писании и совершенно ненаучен, но от вас услышал слово апостольское: „Не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил бог любящим его“.⁵ А так как мы этого ради потрудились, узрели несколько от уготованного богом для возлюбивших его, и он укрепил нас и показал неложность слова апостольского. Ибо никто, будучи во плоти, не может увидеть более». И пресвитер снова говорит ему: «Ты только в первый раз пришел сюда или бывал здесь ранее?». Евфросин сказал: «По милости божией я вечно тут». Иерей: «А что ты здесь делаешь?». Евфросин сказал: «Я — страж сада сего». Иерей сказал: «А можешь ты дать мне, если я чего попрошу?». Тот ответил: «Когда хочешь чего, проси, и я дам тебе». Пресвитер говорит ему: «Дай мне вон те три яблока», и показал на них пальцем. Евфросин тотчас сорвал яблоки и подал ему, положив их в складки его плаща. Яблоки были весьма крупны, хороши и источали дивный аромат: наклонивши голову свою, чтобы вдыхать этот аромат, пресвитер не мог в досталь насладиться.

И в это время ударили в било, и, пробудившись, пресвитер подумал, что видел сон, но, когда выпростал левую руку свою из плаща и в ней в яве лежали яблоки, восхитился ум его. Он бережно спрятал яблоки в постеле и, прикрыв дверь, вышел. Подойдя к обычному месту Евфросина, он застал его стоящим в ожидании, когда начнут молитвословие, и, пав перед ним, говорит: «Во имя бога, которому ты, человек божий, неустанно служишь, ответь мне, что я спрошу тебя». Тот сказал ему: «Спрашивай, отец, что тебе угодно». Иерей говорит: «Бога ради, скажи мне, где ты был этой ночью?». Он ответил: «Там, отец, я был, где ты меня видел». Опять иерей спрашивает: «А где я тебя видел, скажи мне, раб божий?». Евфросин говорит: «В раю, который ты узрел». Снова иерей обратился к нему: «Если говоришь не ложно, то что ты мне дал?». Евфросин сказал: «То, что ты попросил». Тут иерей, пав ему в ноги, стал настаивать, говоря: «Богом заклинаю, о чем я тебя попросил?». Тот от-

ветил: «Ты попросил три яблока, и я их тебе дал». И иерей, поклонившись ему, отошел к своему месту, и всю всюнощную дивился сердцем и, обоняя страшное то благоухание, напитавшее одежду его, был сам не свой.

Евфросин же стоял и, как накануне, молился, а когда скончался третий день всюнощной молитвы, пресвитер пошел за теми тремя яблоками и вернулся в храм, прежде чем братья успели разойтись, и говорит им: «Помолитесь, святые отцы, и простите меня: ведь, имея в монастыре нашем бесценный перл, честного Евфросина, мы все презираем его как неученого, а он более всех нас удостоин благодати божией». И пресвитер поведал чутко внимавшим ему все то, о чем мы рассказали. А когда он показал им яблоки, слова его получили еще более веры. Ведь яблоки, как говорилось, по величине своей, цвету и запаху были не таковы, как растут здесь. Вдохнув аромат этих яблок, все восславили господу, и отломили от них, и дали больным, и тотчас болящие исцелили. Что осталось, они разделили на малые доли, и упомянутый пресвитер, который принес яблоки, положил их на святой дискос⁶ и по общей просьбе всем дал вкусить, ибо братья уверовала, что болящие исцелили потому, что яблоки те, как сказано, были сорваны в господнем саду.

А тот повар Евфросин, когда пресвитер начал говорить, и все, окружив его, внимали рассказу, как евангелию Христову, открыл боковую дверь и вышел из церкви, чтобы избежать славы людской, и до сего дня более не показывался. Мы же, услышав это, весьма изумились, прославляя и благодаря отца, сына и святого духа ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ И ПРЕДАНИЯ АВВЫ ДАНИИЛА

9

О камнесече Евлогии

Авва¹ Даниил пресвитер Скита² случился в Фиваиде³ вместе с одним учеником своим. И на возвратном пути они плыли по реке и приблизились к какому-то селению: старец велел морякам остановиться здесь. И старец говорит: «Сегодня мы останемся тут». Ученик его стал роптать, говоря: «До каких пор мы будем скитаться с места на место? Вернемся в Скит». Старец отвечает: «Нет. Сегодня останемся тут». И посреди селения того собрались странники. Брат говорит старцу: «Разве богу угодно, чтобы мы сидели здесь как собратья их? Пойдем хотя в часовню». Старец говорит: «Нет. Я буду сидеть здесь». И они просидели там до позднего вечера. И брат начал воинствовать против аввы, сказав: «Из-за тебя я помру». Когда они так препирались между собой, пришел какой-то старец мирянин высокого роста, совсем седой, весьма древний годами с вершей в руках.⁴ Увидев авву Даниила, он обнял его и стал со слезами лобзать стопы его; приветствовал он и ученика аввы и говорит им: «Приказывайте».

Старец этот держал также факел и обходил улицы того селения в поисках странников. И вот, взяв авву Даниила, и ученика его, и остальных странных, которых встретил, он привел их в дом свой, и налил воду в чан, и омыл ноги ученика и старца. Ни в доме у себя, ни где в ином каком месте не имел он никого близкого, кроме единого бога. И поставил перед ними стол, а когда они поели, бросил оставшиеся куски псам, бывшим в этом селении. Ибо таков был его обычай, и от вечера до раннего утра он не отпускал от себя ни одной души. Старец уединился с аввой, и до самого рассвета они сидели и со слезами вели душеспасительную беседу. Поутру, обнявшись, старцы расстались.

На дороге ученик поклонился авве Даниилу, говоря: «Сделай милость, отец, скажи, кто этот старец и откуда он тебе знаком?». А авва не пожелал ответить. Брат снова поклонился, говоря: «Ты ведь многое

что поверял мне, почему же не поверяешь на сей раз?». Авва не пожелал рассказать ему о старце, так что брат опечалился и не говорил с аввой до самого Скита.

Вернувшись в свою келию, брат, как обычно в одиннадцатом часу, не подал старцу поесть, а старец соблюдал это время трапезы во все дни жизни своей.

Когда наступил вечер, старец взошел в келию этого брата и говорит ему: «Почему, дитя, ты заставил отца своего умирать с голоду?». Тот отвечает: «У меня нет отца. А если б был, он любил бы свое дитя». Авва говорит: «Дай мне поесть», и берется за дверь, чтобы открыть ее и выйти, но брат успевает удержать авву, и лобызает его, и говорит: «Жив господь, не пуцу тебя, если не скажешь мне, кто тот старец». Брат не мог видеть, чтобы авва был чем-нибудь опечален, ибо весьма любил его.

Тогда старец говорит: «Приготовь мне немного поесть, и скажу». И, когда старец кончил есть, он говорит брату: «Учись склонять голову, ибо из-за речей твоих в той деревне я не хотел тебе ничего поведать. Смотри, не повторяй того, о чем сейчас услышишь. Старец тот зовется Евлогием, по ремеслу он камнесечец. Каждодневно от трудов рук своих он получает один кератий⁵ и до вечера ничего не ест. А вечером возвращается в деревню, и приводит в дом свой всех странников, которых встречает, и кормит их, а что остается, бросает, как ты видел, псам. С самой юности своей и по сей день он камнесечец. В его сто, если не более, лет бог дарует ему силу молодого, и каждодневно вплоть до сего дня он зарабатывает свой кератий.

Когда мне не было и сорока лет, я пришел в эту деревню, чтобы продать рукоделие свое, а вечером явился он и, пригласив по своему обычаю меня и бывших со мною братьев, принял нас в доме своем.

Побывав там и увидев добродетель старца, я стал по неделям поститься, прося бога даровать ему более денег, дабы возможно было Евлогию благодетельствовать многих. После трех седмиц поста я лежал едва живой от воздержания и вот вижу, как некто, похожий на святителя, подходит ко мне и говорит: „Что с тобой такое, Даниил?“. И я говорю ему: „Я обещал Христу, владыка, не есть хлеба, пока не услышит молитвы моей об Евлогии-камнесечце и не пошлет ему богатство, дабы возможно ему было благодетельствовать многих“. А он говорит мне: „Нет. С него достаточно“. Я отвечаю: „Недостаточно. Дай ему больше, чтобы через него все славили святое твое имя“. А он отвечает мне: „Говорю тебе, что с него достаточно. Если хочешь, чтобы я добавил, стань поручителем за душу его, что она не соблазнится, если Евлогий разбогатеет, и тогда добавлю“. Я говорю к нему: „Из рук моих взыщи душу его“.⁶

И чудится мне, будто мы в церкви во имя святого Воскресения, и младенец сидит на пречестном камне, и справа от него стоит Евлогий. И младенец посылает ко мне одного из стоящих вокруг него, и говорит

мне: „Ты поручитель за Евлогия?“. Я отвечаю: „Да, владыка“. И снова он говорит: „Скажите ему, что я спрошу за поручительство“. И я говорю: „Знаю, владыка. Только умножь дары свои Евлогию“.

И тут я вижу, как двое каких-то мужей полными пригоршнями мечут в пазуху Евлогия монеты, и все, что они бросали, оставалось в ее складках. Пробудившись, я понял, что молитва моя услышана, и восславил бога. Евлогий же, придя к месту, где он трудился, ударяет по какой-то скале и слышит, что внутри она полая, и находит небольшое углубление, и снова ударяет, и видит набитую монетами пещеру. Удивившись, он говорит в душе своей: „Деньги эти положены израильтянами. Что делать? Если я принесу их в деревню, об этом узнает архонт,⁷ он заберет деньги, и мне будет не сдобровать.⁸ Разумнее уйти в места, где меня никто не знает“. И, наняв мулов будто бы для перевозки камней, он ночью сvez деньги к реке и оставил свое доброе ремесло странноприимства, которым каждодневно занимался, и, сев на корабль, прибыл в Византий.

Тогда царствовал Юстин, дядя Юстиниана.⁹ Евлогий дает много денег императору и вельможам его, чтобы стать епархом священного претория.¹⁰ И он купил большой дом, который вплоть до сегодняшнего дня зовется египетским. Спустя два года я снова вижу во сне того младенца в церкви во имя Воскресения и говорю в душе своей: „А где Евлогий?“. И немного спустя при моих глазах какой-то эфиоп влечет Евлогия прочь от младенца. Пробудившись, я говорю в своей душе: „Горе мне, грешному. Что я наделал? Сгубил свою душу“. И, взяв суму свою, я пошел в селение, чтобы продать свое рукоделие и дожидаться обычного прихода Евлогия. Но и поздним вечером никто не подошел ко мне. И тогда я встаю и прошу одну старицу, говоря ей: „Амма,¹¹ достань для меня три хлеба, потому что я сегодня не ел“. Она говорит: „Ладно“, и пошла, и принесла мне немного поест, и протянула, и преподала мне духовное назидание, говоря: „Тебе не ведомо, что монашеский чин требует воздержания во всем“ и многие другие назидания. И я говорю ей: „Что ты мне присоветуешь сделать, ибо я пришел продать свое рукоделие?“. Она мне сказала: „Хочешь продать свой товар, не приходи в селение так поздно, хочешь быть монахом, иди в Скит“. Я говорю ей: „Право, прости меня, но нет ли в этой деревне богобоязненного человека, который покоил бы странных?“. Она в ответ: „Что ты сказал, почтенный авва? У нас тут был один камнесечец, который много благотельствовал странных. И бог, увидев дела его, воздал ему, и теперь он стал патрикий“.¹²

Услышав слова ее, я говорю в душе своей: „Я повинен во всем“. И, сев на корабль, отправляюсь в Византий. И спрашиваю, где тут дом египтянина. Мне его показывают, и я сажусь у ворот в ожидании, когда Евлогий выйдет. И вижу его в великой роскоши и кричу ему: „Будь добр, я что-то хочу тебе сказать“. А Евлогий не обратил на меня внимания, а люди из его свиты стали бить меня. И опять, растолкав их, я подо-

шел, и снова они били меня. Так я делал четыре седмицы и не смог поговорить с ним. Тогда, отчаявшись, я ушел, и пал перед дверьми храма богородицы, и в слезах говорю: „Господи, разреши меня от поручительства моего за этого человека, иначе я вернусь в мир“. Говоря так в мыслях своих, я впал в дрему, и привиделось мне, будто поднялось великое смятение и люди закричали: „Идет владычица“. И перед ней шли мириады мириад и тысячи тысяч. И я вскричал, сказав: „Смилуйся надо мной“. Она остановилась и говорит мне: „Что у тебя?“. Я говорю ей: „Я поручился за Евлогия епарха. Разреши меня от этого поручительства“. Она сказала: „Не мое это дело. Как хочешь, выполни свое поручительство“. Пробудившись, я говорю в своем сердце: „Пусть я умру, но не отожду от ворот“. И когда епарх вышел, я закричал. Тут ко мне подбегает привратник и бьет меня до тех пор, пока все мое тело не покрывается ранами. Тогда, отчаявшись, я говорю в душе своей: „Пойду в Скит, если будет ему угодно, бог спасет Евлогия“. Я отправился в гавань, нашел александрийский корабль и взшел на него, чтобы добраться до монастыря. Едва взошедши, с отчаяния лег и вижу во сне, будто я снова в церкви во имя святого Воскресения, и младенец тот сидит на священном камне и гневно смотрит на меня, так что я от страха перед ним дрожу, как лист, и не могу произнести слова, ибо сердце мое оцепенело. Младенец говорит мне: „Ты отступился от своего поручительства“. И приказывает двоим из окружающих его повесить меня со связанными за спиной руками, а мне говорит: „Не ручайся превыше возможного для тебя и не перечь богу“. Но я висел и не мог произнести слова. И вот раздался глас: „Идет владычица“. И, увидев ее, я исполнился смелости и тихо говорю ей: „Смилуйся надо мною, владычица мира“. Она говорит: „Что тебе вновь надо?“. Я говорю ей: „Я терплю кару, ибо поручился за Евлогия“. Она говорит мне: „Я заступлюсь за тебя“. Я вижу, что она отошла и припала к ногам того младенца. И младенец говорит мне: „Больше не делай так“. Я говорю: „Не буду, владыка, Я просил того ради, чтобы от Евлогия была польза людям. Прости прегрешение мое“. И по велению младенца меня освобождают. „Ступай в свой монастырь, а я, не бойся, возвращу Евлогия к прежней жизни его“. И, пробудившись, я тотчас возликовал великим ликованием, ибо освободился от своего поручительства и отплыл, благодаря господу.

Три месяца спустя услышал я, что император Юстин умер и воцарился Юстиниан. И встают на него Ипат, Дексикрит, Помпий и епарх Евлогий.¹³ Трое из них были казнены, и все их имущество расхищено; достояние Евлогия тоже было расхищено, а ночью он тайно оставляет Константинополь. Император приказывает убить Евлогия, где бы его ни нашли. И тогда он бежит в свою деревню и переодевается в одежду, какую носят поселяне.

И вся деревня сходится посмотреть на него, и люди говорят ему: „Мы слышали, что ты теперь патрикий“. И он отвечает: „Будь это я,

я бы знал вас. Есть другой Евлогий родом отсюда, а я ходил в святые места“.

И он опаматовался и говорит к себе: „Смиранный Евлогий, очнись, возьми свой молот и веци меня. Нет ведь здесь царских палат, и ничто тебе не вскружит голову“. И, взяв свой молот, он пошел к скале, где был клад, и, трудившись до шестого часа, ничего не нашел и стал вспоминать о яствах, о своей свите, о прельщениях тех и снова стал говорить в душе своей: „Пробуди меня, ибо вновь я в Египте“. И мало-помалу святой младенец и владычица богородица вернули его к прежней жизни, ибо бог справедлив и не забыл ему прежде совершенных трудов.

Несколько времени спустя случился я в той деревне, и, глядя, вечером он пришел и повел меня с собой по обычаю своему. И, едва увидев его, я стал вздыхать и со слезами сказал: „Как велики дела твои, господи, все ты устроил премудро. Кто бог так великий, как бог наш, из праха подьмлет он бедного, из брения возвышает нищего? Унижает и возвышает. Кто может исследить чудеса твои, господи боже?!“¹⁴ Я, грешный, попытался и едва не обрек аду душу свою. Принеся воды, Евлогий по обыкновению омыл ноги мои и поставил предо мной стол. И, когда мы поели, я говорю ему: „Как живешь, авва Евлогий?“. Он отвечает: „Помолись обо мне, авва, ибо я нищ, и пусты руки мои“. А я сказал ему: „О, лучше б тебе было не владеть тем, чем ты владел!“. Он говорит мне: „Почему, почтенный авва? Когда я чем тебя обидел?“. Я говорю: „Чем только не обидел!“. Тогда я все рассказал ему. Мы оба заплакали, и он говорит мне: „Помолись, чтобы бог послал мне богатство, ибо отныне не согрешу“. А я говорю ему: „Право, дитя, не жди, чтобы господь, пока ты в мире этом, доверил тебе больше кератия“. И, смотри, в течение столького времени бог каждодневно давал ему выручить кератий.

Вот я и рассказал тебе, откуда знаю Евлогия. А ты не повторяй никому».

Это поверил авва Даниил ученику своему, после того как они ушли из Фиваиды. Должно дивиться человеколюбию божиему, тому, как в краткое время для блага того мужа он высоко вознес его и столь же потом унизил. Помолимся же, чтобы познали смирение, убоившись господя и спасителя нашего Иисуса Христа и сподобились милости пред страшным судилищем его по молитвам и заступничеству владычицы нашей богородицы приснодевы Марии и всех святых. Аминь!

Житие святого Андроника и жены его Афанасии

Жил в великой Антиохии один золотых дел мастер по имени Андроник. Он взял в жены некую Афанасию, и подлинно в сообразии с именем стала она бессмертной¹ благодаря делам своим. Андроник был весьма богобоязнен и исполнен добродетелей. Супруги владели большим богат-

ством и все свое достояние разделили на две части — одна была предназначена нищим и монашествующим, а вторая — для уплаты подати и для своих нужд. У них было двое детей: сын, которого назвали Иоанном, и дочь, нареченная Марией. И они представили себе не сходиться больше друг с другом и всецело предаться трудам и делам милосердия.

В один из дней блаженная Афанасия вошла в дом взглянуть на детей своих, и застала их сильно занемогшими, и, напугавшись, легла вместе с ними на постелю, и обняла их. Андроник, войдя и застав ее там, начал пенять ей, зачем она спит. Афанасия сказала: «Не сердись, господин мой, ибо дети наши занемогли». Прикоснувшись к ним, он убедился, что дети в жару, и со стенанием отошел, говоря: «Да будет воля божия». И удалился из города, чтобы помолиться в храме во имя святого Юлиана. В середине дня Андроник слышит плач и крики в доме своем и, прибежав, видит, что оба ребенка его умерли. И, войдя в домашнюю молельню, он пал перед образом Спасителя, говоря: «Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, господь взял. Как угодно было господу, так и сделалось. Да будет имя господне благословенно² отныне и вовеки». Жена же его просила себе смерти. Сошлась немалая толпа, чтобы схоронить детей Андроника и Афанасии, и снесли их на кладбище, и положили рядом с родителями Андроника при храме во имя святого мученика Юлиана.

Среди ночи блаженной Афанасии, спавшей в храме во имя святого Юлиана, этот мученик предстал во сне в образе монаха и говорит к ней: «Зачем тревожишь покоящихся здесь?». Она сказала: «Господин, не огорчайся на меня, ибо я в горе. Ведь сегодня я схоронила здесь разом обоих своих детей». Мученик говорит к ней: «Сколько лет им было?». Она сказала: «Двенадцать лет одному, а другому десять». Он говорит ей: «Зачем же ты плачешь по ним? Лучше бы оплакивала свои грехи! Ибо, говорю тебе, как естество человеческое требует пищи, так и младенцы в судный день³ просят себе у Христа благ грядущей жизни со словами: „Неумытный судия, ты лишил нас земных радостей, не лиши и небесных“». Эти слова подвигли Афанасию претворить печаль в радость, и она говорит: «Зачем я плачу, если дети мои обитают небеса?». И, оборотившись, стала искать явившегося ей монаха, и не нашла, и зовет привратника, и говорит ему: «Где авва, который вошел сюда?». Тот отвечает: «Видишь, двери заперты, а говоришь: „Где тот, кто только что вошел сюда?“». И он понял, что Афанасии было видение. Афанасия в страхе ушла в дом свой и рассказала о том, что видела, Андронику. И говорит ему: «Право, господин мой, когда дети наши были еще живы, я хотела тебе это сказать, но боялась, а теперь скажу, если тебе угодно выслушать меня. Отпусти меня в монастырь, чтобы мне оплакать грехи свои». Андроник говорит ей: «За седмицу обдумай решение свое, и, если не отступишь от него, мы об этом поговорим». Она пришла снова и повторила то же самое.

Тогда блаженный Андроник зовет своего тестя и вверяет ему все их имущество, говоря: «Мы уходим на моление в святые места. Если нас пристигнет смерть, ради бога, распорядись именем этим и, прошу тебя, сотвори благо душе своей — учреди больницу и странноприимный дом для монахов». И он освободил рабов своих и рабынь, и дал каждому долю от имущества, и, взяв с собой немного добра и двух мулов, ночью вместе с женой своей ушел из города. Блаженная Афанасия, издали взглянув на дом свой, подняла глаза к небу и сказала: «Бог, рекший Аврааму и Сарре: „Пойди из земли твоей, от родства твоего“,⁴ сам путеводи нас в страхе твоём. Ибо вот мы оставили дом наш открытым ради имени твоего; не закрывай перед нами двери царствия твоего». И оба пошли прочь в слезах. Достигши святых мест, они поклонились им, посетили многих отцов и вступили в александрийский храм во имя святого Мины. Около девятого часа блаженный Андроник видит, как один мирянин ссорится с монахом, и говорит мирянину: «За что ты обижаешь авву?». Мирянин отвечает: «Владыка, он нанял у меня мула, и я говорю ему: „Сейчас отправимся в Скит, чтобы нам, свершив весь путь ночью, к шестому часу утра добраться до места, а он не хочет“». Блаженный Андроник говорит: «Есть у тебя еще один мул?». Мирянин отвечает: «Да». Блаженный Андроник говорит ему: «Сходи, приведи мула — я его у тебя нанимаю, потому что тоже направляюсь в Скит». Андроник говорит жене своей: «Побудь здесь в храме святого Мины, пока я схожу в Скит, чтобы получить благословение отцов, и вернусь». Блаженная Афанасия говорит ему: «Возьми меня с собой». Андроник отвечает: «Женщине нельзя ходить туда». Она со слезами говорит ему: «Ты ответишь пред святым Миной, если останешься там, пока не устроишь меня в монастырь». И они обнялись, и Андроник отправился в Скит, и, поклонившись отцам, услышал об авве Данииле. Уйдя из Скита, с великим трудом он сошелся с аввой Даниилом и все поведал старцу. И старец говорит: «Ступай и приведи жену свою, и я дам тебе письмо, и ты отдашь жену в Тавенниский монастырь, что в Фиваиде».⁵ Андроник сделал по слову его и привел жену свою к старцу, и они услышали от него слово спасения. И он написал в Тавенниский монастырь, и отпустил их. Когда Андроник воротился, старец дал ему монашескую одежду, наставив его в иноческом житии. И Андроник оставался у него двенадцать лет. По их прошествии он попросил старца отпустить его в святые места. Тот, помолвившись за Андроника, отпустил его. На пути своем туда Андроник присел под деревом отдохнуть от зноя (это было в Египте) и, гляди, по строению божию в мужском платье идет жена его, ибо и она направлялась в святые места. И они приветствовали друг друга. Голубка признала супруга своего, а ему как же было признать ее, когда вся красота Афанасии увяла и женщина стала черна, как эфиоп?! И вот она говорит ему: «Куда направляешься, авва?». Он отвечает: «В святые места». Опять она говорит: «И я направляюсь туда: пойдем вместе, но

не будем разговаривать друг с другом, будто идем врозь». Он сказал: «Как тебе угодно». Афанасия говорит ему: «Не ученик ли ты аввы Даниила?». Андроник отвечает: «Да». «А звать тебя не Андроником?». «Андроником», — отвечает он. Афанасия сказала: «Молитвы старца будут соуготовать нам». Андроник говорит: «Аминь».

Поклонившись святым местам, они возвратились в Александрию, и авва Афанасий говорит авве Андронику: «Хочешь, будем жить в одной келии?». И тот говорит: «Да, но вперед хочу получить благословение старца». Авва Афанасий говорит: «Ступай, я буду ожидать тебя в монастыре на 18-й миле⁶ и, если вернешься, как и прежде на пути, будем наблюдать молчание. А если старец не одобрит этого, не приходи. Я останусь в обители на 18-й миле». Андроник, вернувшись, в страхе божием провел с Афанасией еще двенадцать лет и не признал ее.

Часто посещал их старец и вел с ними спасительные для души беседы. И вот однажды он побыл у них, и уже простился, и отправился восвояси, но не успел дойти до монастыря святого Мины, как его догнал авва Андроник, говоря: «Авва Афанасий отходит к господу». И, возвратившись, старец видит, что тот отходит. Авва Афанасий начал плакать, а старец говорит ему: «Почему вместо того, чтобы радоваться своему отшествию ко Христу, ты плачешь?». Тот отвечает: «Я плачу только из-за аввы Андроника. Но окажи милость: когда схоронишь меня и в головах у меня найдешь таблички,⁷ прочитай их и вручи авве Андронику». После молитвы авва Афанасий приобщился и почил во госпде. Пришли обрядить его и увидели, что авва Афанасий — женщина, и это стало известно всей лавре. Старец велел созвать отцов из Скита и из внутренней пустыни: сошлись все монахи из александрийских лавр и собрались все жители города. И скитские монахи по обычаю явились в белых одеждах и с ветвями. И понесли хоронить честные останки блаженной Афанасии, слава бога, даровавшего женщине столь великую стойкость. И старец оставался там седмицу после кончины блаженной Афанасии. По скончании ее он пожелал взять с собой Андроника, но тот не согласился идти, говоря: «Я окончу жизнь там, где и госпожа моя».

И снова старец, попрощавшись, удалился и прежде чем достиг монастыря во имя святого Мины, его догнал какой-то брат, говоря: «Авва Андроник отходит». И снова старец велел созвать монахов из Скита, говоря: «Проводите авву Андроника». А они пришли, и застали его живым, и получили от него благословение, и он почил в мире.

И великая распря случилась между отцами из монастыря на 18-й миле и из Скита: скитские иноки говорили, что это де наш брат, и мы возьмем останки его в Скит, чтобы молитвы святого обороняли нас. Так же говорили и монахи обители на 18-й миле, что мы де схороним его вместе с сестрой. Но монахов из Скита было больше. Архимандрит обители на 18-й миле говорит: «Сделаем по слову старца». А старец сказал, чтобы Андроник был схоронен в обители на 18-й миле. Иноки Скита

не желали его слушать, говоря: «Старец уже выше мирского и всякой распри, мы же моложе и потому хотим мощей брата; довольно, что мы отдали авву Афанасия». Старец, видя, что поднимается великое смятение, говорит братьям: «Раз вы не слушаете меня, я останусь здесь, и меня похоронят с моими детьми». Тогда все успокоились. Андроника схоронили и говорят старцу: «Вернемся в Скит». И он сказал: «Дайте мне пробыть здесь седмицу после смерти брата», и они не стали перечить.

Помолимся, чтобы нам по молитвам святых достигь добродетели аввы Афанасия и аввы Андроника. Аминь.

ЧУДЕСА СВЯТОГО ГЕОРГИЯ

2

Другое чудо великомученика о сарацинах ¹

В том самом городе, в котором, как мы сказали, святой явил предыдущее чудо,² сарацины³ некогда раскинули свой стан; взяв в плен всех жителей, они разбили там шатры и отдыхали, предаваясь пирам и разгулу. Некоторые из них дошли до такой дерзости, что в пречудном том храме, где покоится тело святого, удостоенного мученического венца, они пировали, валялись пьяные, играли в кости, а потом стреляли из лука в святые иконы. Один из пленников смело сказал им, что нельзя столь дерзко ругаться над святым: «Ведь мученик, — говорил он, — во имя которого величается храм этот, был необоримым воином, он и сегодня сумеет отомстить врагам за поношение». Сарацины с хохотом ответили ему: «Который из них таков? Покажи нам его». Пленник указал пальцем на высоко стоявшую икону мученика, дивно составленную из камешков, — святой был облечен в панцирь воина, и медные наголенники, в руках нес боевое копьё и грозно взирал на тех, кто глядел на него.

И вот тотчас один из сарацин, прицелившись в ту почитаемую икону, спустил тетиву. Но стрела уклонилась от своего пути и полетела вспять и, поразив стрелка прямо в сердце, вышла на спине. Он тут же рухнул и испустил дух, и все остальные враги видели, как святой на иконе вытянул руку. А увидев, в великом страхе обратились в бегство. И, словно поражаемые мечом, одни, пытаясь уйти, падали замертво, других растаптывали, и они так предавали несчастные души свои, третьи, бегством добыв себе спасение, каждый на свою родину нес весть о чудесном могуществе святого. И вот с тех пор враги уже не смели дерзостно приближаться к тому святому храму, а когда им приходилось идти мимо, шли со всяческим трепетом, великим страхом и благоговением, рассказывая о чудесном могуществе обитающего его мученика.

Мы же, и в этом прославляя бога, творящего через мученика своего чудеса, поведаем, насколько в наших силах, о другом, исполненном чело-
веколюбия деянии славного мученика.

3

Другое чудо о юноше, похищенном из Сирии

Однажды войско агарян¹ вторглось в пределы Пафлагонии,² и воины увели оттуда много пленных и захватили большую добычу. Среди пленников находился некий юноша, который нес службу при храме святого в деревне, называемой местными жителями Фатри.³ И вот всех пленных привели к нечестивому военачальнику — одни стали жертвой мечей, других по его приказу сделали рабами. Юноша же тот, поскольку он показался краше остальных, попал в рабство к самому военачальнику. Когда господин юноши пришел в дом свой, он пытался склонить пленника отречься христианской веры. За то, что тот не соглашался, господин не предал его смерти, но не приставил к какому-нибудь более приличествующему ему занятию, а отослал на кухню носить воду и колоть дрова. А юноша тот, раздумывая, как после честного служения мученику он попал в позорное рабство к неверным, слезно молил святого сжалиться над его злосчастьем и простереть руку помощи просящему его заступничества.

И вот, когда вера в великого слугу божиего крепла в сердце юноши и он неутешно плакал, поздним вечером он возвращался к себе спать, и, входя в дверь, ведущую со двора в дом, услышал, как кто-то снаружи зовет его по имени, и спросил: «Кто ты, господин?». Тот назвалса его знакомым и сказал, что хочет с ним побеседовать. Юноша без колебаний, но очень удивленный, как, стоя на улице, пришедший мог его увидеть через стену, немного приоткрывает ворота и видит какого-то всадника, молодого годами и прекрасного лицом. Юноша приветствовал его и стал внимательно в него вглядываться, чтобы убедиться, знает ли он своего гостя. А тот, словно желая обнять юношу, наклонился и, подняв его с земли, перебросил через шею коня. Затем пустил коня вскачь и помчался вперед. Вскоре он снял юношу с коня и на руках внес в какой-то дом, затем обнял его и исчез. Юноша не понимал, что случилось, и от изумления так обессилел, что заснул, не зная ни того, что с ним произошло, ни страны и дома, куда попал.

На рассвете, когда кто-то вошел туда со светильником, юноша пришел в себя и встал ему навстречу. Стоило вошедшему увидеть человека в платье, какое носят агаряне, как он испугался и, приняв юношу за вора, со страху начал кричать; и юноша, увидев вошедшего христианина, одетого как клирик, в свою очередь закричал от удивления. Сбежавшиеся люди схватили юношу и стали его спрашивать, кто он и

откуда и как при закрытых дверях сюда вошел. Объятый ужасом, юноша рассказал им все по порядку, а они прослезились, слыша это, и вспомнили его приметы: ведь это по большей части оказались люди, которые вместе с ним были при храме святого. А когда подлинно узнали юношу и громко восславили бога, который через святого своего мученика творит столь дивные чудеса, сказали: «Ты в храме святого мученика Георгия, из которого был уведен в плен». Юноша пришел в себя и, уверовав, что приключившееся ему не сон, вместе со всеми ними воздавал слезную хвалу господу. Потом он постоянно рассказывал о чудесах величайшего мученика.

5

Другое чудо

Послушайте, братья мои, о другом удивительном чуде, которое явил великомученик Георгий в Каппадокии¹ во времена наших отцов при благочестивейшем нашем императоре Феодосии,² в предшествующее поколение.

Был в Каппадокии человек по имени Феопист. Жену его звали Евсевия, и она подлинно была благочестива.³ Она жила в браке с ним семь лет, но детей у них не было.

Однажды Феопист пошел в поле пахать. Когда он работал вместе с рабами, случилось ему отпустить волов своих попасись, а люди легли на землю и заснули. Животные пощипали травы, отошли куда-то и пропали с глаз. Феопист проснулся и говорит рабу своему: «Куда девались наши волы?». Раб говорит: «Жив наш бог, не знаю, ведь я тоже спал». А Феопист поднялся и напрасно проискал их до самого вечера. Вернувшись в дом свой, он говорит жене: «Мы потеряли волов своих». Она говорит: «Как?». Он говорит: «Мы отпустили их пастись, а сами легли и заснули; когда проснулись, волов не было». Жена говорит: «Ты плохо искал». Он сказал: «Право, жена, мы обыскали все кругом, но не могли их найти». Она подняла глаза к небу и говорит: «Возблагодарим святого и милосердного бога». Назавтра Феопист говорит своему рабу: «Возьми других наших волов и иди пахать. Но хорошенько смотри за ними, а я стану искать пропавших волов». Он пошел и, напрасно проискав волов своих целую седмицу, вернулся в дом свой. Пришедшие соседи стали смеяться, говоря ему: «Какой из тебя хозяин, когда ты потерял своих волов». Он же улыбался. Соседи говорят ему: «Призывал ты каких-нибудь святых, чтобы они смиловались и помогли тебе найти волов?». Он сказал: «Всех призывал, но ничего не нашел». Один юноша сосед говорит ему: «Помолись святому Георгию Каппадокийцу— он скор на помощь и за малый сосуд елей вызволил одного человека из Сирии.⁴ Так и ты, может быть, найдешь волов своих». Феопист говорит:

«Жив мой бог, если найду своих волов, зарежу одного и позову Георгия. Но он, разумеется, не придет, потому что уже умер и не может угощаться».

Но человеколюбивый и милосердный бог хотел, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины,⁵ желал открыть чудеса святого своего и обратить зломысленных еретиков, не верящих в воскресение, а также показать явление Георгия. И вот в ту ночь во сне Феописту предстает святой и говорит ему: «Феопист». Тот сказал: «Вот я, господин».⁶ Святой говорит: «Ступай на дорогу и найдешь волов своих, но скорее исполни свое обещание, и позови меня, и я приду». Пробудившись, Феопист говорит жене своей: «Мне приснилось то-то и то-то». Она сказала: «Ступай и погляди, сбудется ли откровение святого». Он пошел и увидел волов своих пасущимися при дороге. В великой радости, возблагодарив святого, Феопист пригнал волов в дом свой. И жена говорит ему, чтобы его испытать: «Может, ты не искал на той дороге?». Он же сказал: «Право, я обошел все, но ничего не находил. Ведь дорога эта длинная — не один стадий⁷ хода». Жена говорит ему: «Возблагодарим бога и святого великомученика Георгия и скорее исполни свое обещание». Феопист сказал: «Давай заколем козленка, чтобы почтить память святого», и они сделали так, думая, что святой этим удовлетворится.

Когда настала ночь, святой является Феописту во сне и говорит ему: «Феопист». Тот сказал: «Что, господин мой?». Святой говорит: «Ты собирался пригласить меня на этого козленка? Уверен ли ты, что мне довольно козленка? Быстро исполни, что пообещал, и зарежь быка, и я приду. А не сделаешь, пожалеешь». Феопист проснулся и, опечалившись, говорит жене своей: «Я видел во сне то-то и то-то. Давай заколем овцу с ягненком, и святой примет этот дар». Они сделали так и свершили память святого. И снова той ночью святой является Феописту во сне и говорит: «Феопист». Тот сказал: «Вот я, господин». Святой говорит: «Ты имел намерение пригласить меня на овцу и ягненка? Не знаешь разве, что я комит⁸ и у меня большая свита? Не сам ли ты сказал: „Зарежу вола и позову святого“. Недавно из сострадания к тебе я требовал одного вола, но ты вывел меня из терпения. Если теперь не зарежешь четырех волов, всех своих овец и свиней, я не приду к тебе пировать, но попрошу господа дать мне сжечь тебя и дом твой».

Феопист проснулся и в великом страхе закричал громким голосом: «Увы, что мне делать? Кто предстает мне во сне? Не пустой ли призрак это меня морочит, чтобы я разом лишился своего добра и вместе с женой впал в нищету? Святой не говорит так: „Зарежь весь свой скот, а я приду к тебе пировать“. И разве умерший может пировать? Нет, не сделаю так, чтобы лишиться всего своего достояния. Право, лучше б мне было вовсе не найти волов». А жена его Евсевия увещевает мужа разумными словами, говоря: «Да простит тебе бог, что святого ты принял за призрак. Ты боишься, что святой придет, а, быть может, он

собирается сделать нас богатыми, как сделал многих других».⁹ Фео-пист повеселел сердцем. И снова его жена Евсевия говорит: «Господин мой, может статься, мы лишимся своего скота, настанет лихая година, и наши двадцать овец и десять свиней пропадут, может, они уже пропали, так как святой попустит это». Феопист лишился покоя и с горя перестал пить и есть.

А святой в ту ночь предстал ему на белом коне и с честным крестом, говоря: «Человече, ты одержим демонами, если считаешь меня призраком». Указуя Феописту на честной крест, он говорил ему: «Кля-нусь силой Христовой, если ты не выполнишь мое желание, я нашлаю огонь небесный и сожгу тебя и дом твой». Святой увещевал Феописта, и гро-зил ему страшными карами, и говорил: «Пригласи многих богатых и бед-ных, чтобы прислуживали за столом». Феопист проснулся и в сильном страхе закричал: «Я сделаю, что ты велишь, господин мой, и не только зарежу свою скотину, но отдам тебе и себя, и все мое достояние».

Он приказал надежнейшим рабам своим, говоря им: «Зарежьте всю мою скотину. Я видел во сне то-то и то-то». Они же говорили про себя: «Не лишился ли он рассудка, что хочет расточить все свое достояние». Когда были зарезаны все овцы, свиньи и упряжные волы, слуги пригото-вили достаточно кушаний и вина для пира. А Феопист созвал нищих, множество односельчан и иереев, с вечера и до утра распевавших ка-ноны¹⁰ святого. Служители большинства храмов святого Георгия тоже пришли на пир. Сотворив молитву, они сели, ожидая явления святого.

И в час этот раздался громкий топот и сильный шум. И тут же явилось более тридцати отроков на конях и говорят: «Наш комит едет». Чуть они это сказали, как еще большее число всадников прискакало с кри-ком: «Феопист, иди встречать комита, он едет». Феопист вышел и в ве-ликом страхе говорит: «Кто он, господа мои?». Они говорят ему: «Новый комит, родом он каппадокиец и едет к тебе в гости». И говорят ему еще: «Царь,¹¹ ибо раб этот полезен ему, не только сделал его комитом, но вве-рил ему управление всем». А юноша в испуге говорит: «Может быть, у меня не хватит хлеба и вина, чтобы угостить их».

В это время перед ним появляется верхом на белом коне святой; двое прекрасных юношей ехали по одну и по другую сторону его, и множество людей следовало за ним, кто верхами, кто пешком; некото-рые деревенские жители всполошились, что приехал комит. Святой сказал: «Здравствуй ты, Феопист, и все друзья твои». Они, поклонив-шись ему, говорят: «Ты пришел в добрый час, святой комит божий». А он спешился, чтобы угоститься у Феописта, и говорит ему: «Вот я, господин. Как я слышал, ты собирался пригласить святого Георгия, а вместо него пришел я, потому что зовусь Георгием каппадокийцем. Но не горюй — труды твои не пропадут даром».

Феопист немного ободрился и говорит ему: «Пусть войдут и уго-щаются все пришедшие с тобой». Святой говорит: «Нет, они пойдут

пировать к другому воину», и велел всем, кроме двух отроков, кому надлежало прислуживать за столом, сесть на коней, запретив им даже задать коням сена и ячменя, а потом сказал: «Феопист». Тот говорит: «Вот я, господин». Снова святой говорит: «Пусть сядут за стол все твои друзья, ты и жена твоя, а эти двое отроков будут прислуживать». Феопист говорит отрокам: «Вот в сосудах вино; когда они опустеют, откройте пифос». ¹² А отроки взяли небольшие кувшины и сколько ни наливали, вино в них только приумножалось, а сосуды те не оскудевали, и не пришлось им открыть пифос, и поданный на стол хлеб не убывал, и все там убогатворились.

А святой говорит собравшимся: «Ешьте мясо, а кости оставьте для свидетельства святого; если кто из вас бросит хоть одну, я его жестоко покараю». Феопист шепотом говорит жене своей: «Не сказал ли я тебе, что они не только расточат добро мое, но еще жестоко покарают меня и моих друзей». Она говорит ему: «Молчи. Этот человек не сделал нам ничего дурного». И Феопист замолчал. Когда все убогатворились, святой говорит им: «Воспойте песнь святому». Они пропели: «Взрожденный богом» ¹³ и дальше, и стали славить святого, и, прочитав: «Пресвятая богородица, спаси нас», встали с колен.

Святой вскочил на коня и говорит: «Несите мне сюда кости со стола». Все говорили себе: «Может, он захмелел и не знает что творит». Феопист говорит: «Может, он хочет оказать мне милость». Все принесли кости и бросили их перед святым. Взглянув на небо, он говорит: «Господи Иисусе Христе, за кого я, раб твой, состязался, да снизойдет благословение твое на раба твоего Феописта, и на дом его, и, как ты размножил звезды небесные и прах земли, ¹⁴ умножь милости свои рабу своему Феописту». И тотчас сделалось трясение земли, так что все упали с ног, и в час этот приумноженной втрое восстала вся скотина Феописта. А святой сказал: «Храни вас бог», и исчез с глаз вместе со своим конем.

Толпа, увидев удивительное чудо, долго повторяла: «Господи, помилуй». А Феопист и его жена начали плакать и говорить: «Почему мы не припали к честным стопам его?». И стали взывать громким голосом: «Прости нам, владыка, безрассудное неведение наше». Некоторые же, найдя на земле, где святой ступал, отпечаток ног его, собрали эту землю. Ибо истинно говорю вам, что он исцеляет слепых, хромых, бесноватых, одержимых трясовицей и всяких недужных.

Чудо это стало повсюду известно, так что услышал о нем и благочестивейший император наш Феодосий. И восславили бога. Прославился во всей земле той и Феопист, так что даровано ему было семьдесят тысяч голов скота, а хлеба и вина столько, что не счесть. Он родил семерых сыновей и трех дочерей. После прихода к нему святого Феопист прожил двадцать два года и постригся, ¹⁵ прославляя бога и святого Георгия, великомученика Христова, слава и сила которому вместе с его безначальным отцом во веки веков. Аминь.

6

Правдивое, весьма назидательное и исполненное сладости повествование Григория о видении, которое некогда было одному сарацину, и он, обратившись после этого, принял мученичество за господа нашего Иисуса Христа.
Благослови, отец

Стратиг Николай Иула рассказал мне, что в родной его город, который сарацины на своем наречии называют Ампелон,¹ амерумн² Сирии послал своего родича для устройства каких-то дел в упомянутом городе. А там есть большой древний и пречудный храм великомученика Георгия. Когда сарацин издали заметил храм этот, он приказал своим слугам перенести туда его поклажу, а также поставить верблюдов числом двенадцать, чтобы он мог видеть их, когда они кормятся.

Иерей святого того храма просили его, говоря: «Господин, не делай так, потому что это храм божий, не оскверняй его и не вводи верблюдов туда, где стоит святой престол». Сарацин же как человек бесстыдный и своенравный не пожелал внять просьбам пресвитеров³ и сказал по-арабски рабам своим: «Почему вы не исполняете мое повеление?». Тотчас рабы его сделали, как он приказал. И вот введенные в храм верблюды по воле божией внезапно все рухнули на землю и испустили дух. Увидев несказанное чудо, сарацин удивился и приказал слугам своим вытащить павших верблюдов и бросить подальше от храма. Так они и сделали.

День тот был праздничный, и подходило время божественной литургии,⁴ и священник готовился совершить святую проскомидию,⁵ но весьма опасался, как в присутствии сарацина он прикоснется к бескровной жертве.⁶ Другой иерей, сослуживший ему, сказал, заметив что он медлит приступить к священнодействию: «Будь спокоен. Разве ты не знаешь, что удивительное чудо свершится. Чего же ты боишься?». Тогда упомянутый иерей бесстрашно приступил к святой проскомидии. А сарацину, глядевшему на это, хотелось узнать, что будет дальше. Когда же иерей, приступив к свершению святой проскомидии и взяв хлеб, собирался принести бескровную жертву, сарацину почувдилось, будто тот руками своими заклад младенца, налил кровь его в потир, а тело разъял на куски и положил на дискос.⁷ Увидев такое, сарацин пришел в изумление и, исполнившись на иерея гнева и ярости, хотел убить его. Когда же пришло время выхода,⁸ сарацин снова еще явственнее увидел на дискосе младенца, разъятого начетверо, и кровь его в потире. И снова пришел в изумление и гнев. А божественная литургия близилась к скончанию, и некоторые христиане подошли, чтобы причаститься святых тайн, а иерей произнес: «Со страхом Божиим и верою приступайте», и все в церкви набожно склонили головы, а иные

подошли причаститься, сарацину в третий раз почудилось, точно иерей из лжицы причащает их кровью и плотью младенца.

А так как, покаявшись во грехах, прихожане причастились плоти и крови младенца, сарацин и на них исполнился гнева и ярости. После скончания божественной литургии иерей снял с себя священное облачение и, разделив между всеми христианами антидор,⁹ дал от лучшего хлеба, который остался, также и сарацину. А тот спросил по-арабски: «Что это?». Иерей ответил ему: «Господин, это остаток хлеба». Сарацин с гневом сказал: «Разве хлебы брал ты, грязный пес, нечестивец и убийца?! Неужто я не видел, как заклал ты младенца, кровь его вылил в потир, а тело разъял и часть за частью положил на дискос? Что ли не видел я всего этого, убийца? Не видел, как ты ел от плоти и пил от крови младенца и давал вкушать окружающим? Теперь во рту их кровавое мясо». Иерей, услышав эти слова, в изумлении сказал: «Господин, я — грешник и не могу зреть подобных таинств. А раз твоя милость узрела, бог свидетель, ты — великий муж». Сарацин сказал: «Того, что я видел, значит, нет?». И иерей ответил: «Есть, господин мой, но я — грешник, и потому не дано мне зреть подобное, но только хлеб и вино, и мы, христиане, веруем во хлеб этот и вино, и почитаем их, и жертвуем как плоть и кровь господа нашего Иисуса Христа. Великие и пречудные отцы, святочи и учителя церкви, каков был святой и великий Василий, преславный Златоуст и Григорий богослов,¹⁰ не видели страшного этого и ужасного таинства. Как же могло оно открыться мне?».

Сарацин, услышав это, изумился и приказал рабам своим и всем стоявшим покинуть храм; он взял иерея за руку и сказал: «Как я вижу и убеждаюсь, вера христианская имеет великую силу. Если будет на то воля твоя, отец, окрести меня». Иерей говорит ему: «Господин, мы веруем и исповедуем господа нашего Иисуса Христа, сына божия, пришедшего в мир ради спасения нашего. Веруем во святую, единосущную и нераздельную троицу, отца, сына и святого духа, единое божество, веруем в приснодеву Марию, Матерь света, родившую плод жизни, предреченного господа нашего Иисуса Христа, деву до чадородия, в чадородии и после чадородия деву. Веруем во всех святых апостолов, пророков, мучеников, святых и праведников, ибо они — слуги божии. Знаешь ли ты, господин мой, что нет веры истиннее, чем вера православных христиан?». Снова сарацин говорит: «Прошу тебя, отец, окрести меня». Иерей говорит: «Да не будет так, ибо я не могу сделать этого. Если сделаю, а родич твой, амерумн, о том прослышит, он убьет меня и разрушит храм. Но если ты задумал креститься, ступай на гору Синайскую, и тамошний архиерей тебя окрестит».

Сарацин поклонился пресвитеру и вышел из храма. После первого часа ночи он снова пришел к иерею, и, сняв золотые царские одежды, надел грубое вретиче, и бежал, и скрылся без вести. Придя на гору Синай, он восприял там от архиерея крещение.

Через три года сарацин этот на память знал Псалтырь и каждодневно говорил стихи ее. Однажды он сказал архиерею: «Скажи, владыка, что мне сделать, чтобы узреть Христа?». А архиерей сказал: «Молись с истинной верой и в один из дней по желанию своему узришь Христа». Вновь бывший некогда сарацином сказал: «Дозволь мне, владыка, пойти к иерею, наставившему меня, когда было мне страшное видение в храме преславного мученика Георгия». Архиерей сказал: «Иди с миром». С его согласия сарацин пошел к иерею, пал в ноги ему, поклонился и сказал: «Узнаешь, отец, кто я?». Иерей сказал: «Как могу я узнать человека, которого никогда не видел». Снова бывший некогда сарацином говорит: «Разве я не тот сарацин, родич амерумна, введший во храм верблюдов, которые все пали, не тот, кому во время божественной литургии было страшное видение?». Иерей взглянул на него, поразился и восславил бога, увидев, что араб, прежде лютый волк, стал кроткой овцой в стаде Христовом, и приветствовал его с любовью, и пригласил в келию свою подкрепиться хлебом.

Некогда бывший сарацином сказал: «Прости, отец, я желаю и жажду зреть Христа». Иерей сказал: «Ступай к своему родичу, объяви ему веру Христову, хули и проклинай сарацинскую веру, лжепророка сарацинского Магомета и бесстрашно возвещай истинную христианскую веру — тогда узришь Христа».

Сарацин, услышав это, с радостью отправился во дворец и ночью громко постучал в дверь родича своего сарацина. А стражи ворот и дома амерумна спросили: «Кто кричит и бьет в двери?». Тот сказал: «Это я, родич амерумна, некогда бежавший и скрывшийся без вести. Теперь я хочу увидеть моего родича и поговорить с ним». Стражи ворот этих тотчас сказали амерумну: «Господин, пришел родич твой, некогда бежавший и скрывшийся без вести». Амерумн стал стенать, говоря: «Где он?». Они сказали: «У дверей дворца». Амерумн велел слугам своим с факелами и светильниками выйти ему навстречу. И все они сделали по велению его, и взяли за руку монаха, бывшего некогда сарацином, и привели к амерумну, его родичу. А амерумн, увидев его, весьма возликовал и, обняв родича со слезами, говорит: «Что случилось? Где жил ты до сих пор? Нет, ты не мой родич?». Монах сказал: «Ты не узнаешь своего родича? Ведь теперь, как видишь, я — христианин и милостью всевышнего бога монах, и жил в пустынном месте, чтобы унаследовать царствие небесное, и, уповая на несказанное милосердие воздержителя бога, унаследую царство его. Зачем ты медлишь — прими святое крещение православных христиан, дабы унаследовать жизнь вечную». А амерумн, засмеявшись и покачав головой, сказал: «Что ты болтаешь, несчастный, что болтаешь? Что приключилось с тобой, несчастный, что с тобой приключилось? Увы тебе, увя тебе, жалкий! Как мог ты оставить прежнюю жизнь свою, и отказаться от власти, и ходить, подобно нищему, в зловонной овчине!». Монах

возразил, говоря: «Милостью божией все, что я имел, когда был сарацином, — закон и наследие дьявола, а то, во что облачен ныне, — слава, гордость и залог грядущей и вечной жизни. Я предаю проклятию веру сарацин и лжепророка их». Тогда амерумн сказал: «Выведите его отсюда, ибо я не знаю, что он говорит». Его вывели, и поместили где-то во дворце, и дали ему еду и питье, и там он пробыл три дня. Он не ел и не пил, но от души и с верой молился богу и, преклонив колена, говорил: «На тебя, господи, уповаю, да не постыжусь вовек, да не восторжествуют надо мною враги мои».¹¹ И еще: «Помилуй меня, боже, по великой милости твоей и по множеству щедрот твоих изгладь беззакония мои».¹² И еще: «Просвети очи мои, Христос, боже мой, да не усну я сном смертным, да не скажет враг мой: „Я одолел его“».¹³ Господи, укрепи сердце мое, чтобы я восстал на заблужденные сарадинское, чтобы не растоптал меня дьявол, и я не устрасился умереть во святое имя твое». И, сотворив крестное знамение, он сказал: «Господь свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь крепость жизни моей: кого мне страшиться?».¹⁴ И снова возвысил голос, говоря к амерумну: «Амерумн, прими святое крещение и обретешь вечное и славное царствие небесное». А амерумн снова велел ему предстать перед собой, приготовил для него весьма красивые одеяния и сказал: «Радуйся, несчастный, радуйся и ликуй на царство свое и не губи своей жизни и цветущей молодости, по безумию своему не ходи в рубище, как последний нищий. Увы тебе, несчастный, каковы мысли твои?». Монах рассмеялся и говорит амерумну: «Не печалься об этом. Ибо я думаю о том, как свершить дело Христа моего и пославшего меня отца, того иерея, который наставил меня. Одежды же, что ты приготовил мне, продай на подаяние нищим, откажись от брэнного скипетра брэнной своей власти, чтобы получить скипетр жизни вечной, оставь упования на нынешнее ради упования на грядущее, отрекись лжепророка Магомета, нечистого и презренного исчадия погибели, уверуй в распятого назарянина Иисуса Христа, уверуй в отца и сына и святого духа, единосущную и нераздельную троицу, единое божество». Амерумн опять рассмеялся и говорит собравшимся во дворце вельможам: «Он безумен, как нам с ним поступить? Выведите его и прогоните отсюда!». Восседавшие с амерумном сказали: «Намерение его — оскорбить и погрязнуть сарадинскую веру. Разве ты не слышишь, как он хулит и проклинает великого пророка нашего?». А монах, бывший некогда сарацином, громко вскричал: «Я скорблю о тебе, амерумн, ибо ты, несчастный, отвергаешь спасение. Уверуй в распятого господя нашего Иисуса Христа и отвергнись, подобно мне, сарадинской веры и ее лжепророка». Амерумн сказал: «Выведите его, как я вам приказал, ибо он безумен и не ведает, каковы речи его». Восседавшие с амерумном сказали: «Он бесчестит веру сарадинскую и хулит великого пророка, а ты говоришь: „Он не ведает, каковы речи его“. Если ты не предашь его казни, мы

тоже станем христианами». А мерумн говорит им: «Я не могу казнить его, потому что он мой родич, и мне жаль его. Сами сделайте с ним, что желаете». В сильном гневе схватив монаха, вельможи повлекли его из дворца и подвергли всяческим пыткам, чтобы обратиться к прежней своей сарацинской вере. Он же не соглашался и поучал всех во имя назарянина Иисуса Христа, чтобы они уверовали и спаслись. Тогда сарацины повлекли его за город и там каменовали этого святого монаха, нареченного Пахомием.

В ту ночь звезда с небес пала ко стопам святого мученика, и все видели ее сорок дней лежащей перед ним, и многие обратились. По заступничеству святого мученика и пречистой богоматери приснодевы Марии и всех святых да отпустятся нам грехи наши. Аминь.

8

**Другое чудо великомученика Георгия
о закланном мечом воине.
Господи, благослови**

Некий военачальник¹ со всем императорским войском выступил в Сирию, ибо агаряне подняли оружие на ромеев.² Когда же императорское войско пришло и захватило тамошние города, ему досталась богатая ассирийская добыча.³ Упомянутый военачальник дал одному своему воину много золотых и серебряных украшений и много денег и отослал его в дом свой, говоря: «Ступай в дом мой и отдай все это. Посмотри, как там дела, и скорее возвращайся обратно». Воин взял все и пошел. На четвертый день он пришел к просмонарию⁴ храма святого великомученика Георгия, так как решил заночевать. Упомянутый просмонарий увидел сокровища и деньги и, распаленный демоном, заколот мечом воина, когда тот лег спать. Золото он забрал, а тело воина рассек на куски и сложил их в глиняный сосуд, чтобы сварить и подать в своей корчемнице путникам.

А жена воина той ночью видит сон, будто мужа ее постигла ужасная беда и скорбь. Проснувшись, она решила, что видение было неложным, и начала плакать и говорить: «Увы, увы, мой горячо желанный супруг, какая тебя постигла беда, я не знаю! Увы, увы, мой сладчайший муж, в каком ты несчастье, а я его не ведаю! Увы, увы, мой возлюбленный воин, в какой ты опасности, а я ничем не могу помочь тебе! Я не знаю, что делать. Кому мне доверить свой сон? С кем посоветоваться о тайне своей? Кто уврачует боль мою?! Кто наставит меня?!». Всю ночь она так жаловалась, а наутро эта разумная женщина находит решение — она берет елею, ладана, свечей и другие приношения, подобно горющей львице, бежит в храм святого великомученика Георгия и отдает дары свои просмонарию, а сама отходит к раке, где покоился святой. Став

в изножье раки, она лобзала ее и говорила со слезами: «Божий святой, смилуйся над ним. Ты знаешь, в какой беде муж мой и твой раб. Ты знаешь, в каком он утеснении, а я не знаю. Поспеш же и спаси его. Ведь ты это можешь, если захочешь. Тебе ведомо, что в нем одном все надежды мои: нет ведь у меня ни отца, ни матери, ни брата, ни детей, а только он один, которому грозит злая смерть. Поторопись же, святой, где бы ты ни был, направляешь ли корабль плывущих по морю, сопутствуешь ли тем, кто в дороге, сражаешься ли вместе с воинами, избавляешь ли кого от опасности, поспеш к нему, святой, где бы он ни был, и спаси раба своего. Истинно, божий святой, я уповаю только на твое заступничество. Где бы ни терпел утеснение твой раб, спеш к нему, ведь ты знаешь, тонет ли он в реке, попал ли в плен к неверным или в руки разбойников или его обижают начальники, а я не знаю. Смилуйся, божий святой, как смиловался над сыном вдовицы и вернул его к жизни и спас девушку от ядовитой пасти змия. Как в дни мученичества своего заставил ты четырнадцать седалищ покрыться листвою,⁵ так, божий святой, сжался над рабом своим и спаси его от беды, которая ему приключилась». И, пав на колени в изножье раки святого, она сказала так: «Я не встану и не подниму головы, пока не узнаю, какая беда с мужем моим».

Божиего святого тронули ее слезы и мольбы, он, не медля, вскочил на своего коня и, свершив путь в пятьсот тысяч стадиев за малую долю часа, остановился перед келией просмонария, громко крича ему: «Выходи ко мне, просмонарий!». Тот вышел и, видя святого, принял его за военачальника и поклонился ему. А святой говорит: «Где воин, который жил здесь?». Просмонарий ему ответил: «Господин мой, уже шесть дней человек этот не приходил в мою корчемницу». Святой говорит ему: «Где воин, посланный мной с мешком золота из Сирии в дом мой и остановившийся тут?». Просмонарий сказал: «Клянусь могуществом моего святого Георгия, при котором я и ночью, и днем, что воин тот пришел поздно, переночевал, был принят мной с великой честью, а наутро отправился в дом твой». Святой в гневе сказал: «Ты не просмонарий, а убийца, не просмонарий, а разбойник и нечестивец, служитель не святого храма, а демонского. Поддай мне деньги и украшения и неси сюда мясо, которое у тебя в глиняном сосуде». Просмонарий испугался и, упав под копыта коня, на котором сидел святой, стал плакать. Святой спешился и, взойдя в келию просмонария, взял все, что тот похитил, и разрезанное на куски тело воина. Он разложил их в присутствии просмонария и многих других, которые там случились, и стал собирать куски эти член к члену и сустав к суставу подряд, как располагаются все части человеческого тела. И простер свои святые руки к небу, и, помолившись около трех часов, возложил длани на тело воина, и сказал: «Тебе говорю именем Иисуса Христа, воскресшего из мертвых, восстань». И тотчас суставы тела соединились, а плоть срослась, и снова во вто-

рой раз святой сказал: «Встань, воин, скорее и скорее ступай своей дорогой». И тотчас воин поднялся на ноги свои и, словно в восхищении, оглядывался и дивился мужественной осанке и исходившему от юного Георгия благовонию, а также красоте, крутым бедрам и статности его коня. И не знал, ни кто это перед ним, ни что сам он претерпел, помнил только свою встречу с просмонарием. Святой, оживив воина, велел ему с миром идти своей дорогой.

А разумная жена воина, простертая на полу перед ракой, увидела во сне это предивное чудо. Она встала совершенно успокоенная и говорит просмонарию и всему народу: «По заступничеству святого муж мой спасен». Возвратился воин и пришел в дом к жене своей. Отличнейшая и разумная женщина с плачем поведала ему все, а он ей то, что случилось с ним. И они возблагодарили бога и святого Георгия и, пожертвовав много благовоний и свечей, восславили господу нашего Иисуса Христа, слава которого и сила ныне и присно и во веки веков. Аминь.

10

Другое чудо

В феме Пафлагония¹ есть преславный храм святого великомученика Георгия, который местные люди зовут Фатринон. Во времена, когда он был весьма убог и грозил совсем обрушиться и не было средств, чтобы поддержать его или, лучше сказать, вновь отстроить, случилось там такое. Однажды вблизи того храма собрались дети и затеяли игры. Один из мальчиков постоянно проигрывал, и остальные дразнили его. Обратив глаза к храму святого, мальчик этот сказал: «Святой Георгий, сделай, чтобы я выиграл, и я принесу в храм твой пирог». И тут же принявшись играть, он выиграл — и не единожды, и не дважды, а множество раз. Тогда мальчик побежал к матери своей и попросил ее дать для святого дар, который он ему посулил. А женщина, любя сына своего, а паче того мученика Георгия, тотчас испекла пирог и отдала мальчику. Он принес пирог в храм мученика к престолу и ушел. В это время четверем купцам случилось проходить здесь, и они зашли в храм помолиться. Увидев свежий вкусно пахнущий пирог, купцы сказали себе: «Ни к чему святому брашно, съедим это сами, а заместо дадим ему благовоний». Так они и сделали, но не смогли после выйти из храма. Они сложились и дали по миллиарисию² каждый, но все же не могли выйти. Тогда положили номисму³ и молили святого выпустить их, но и тут не смогли выйти, так как внезапно ослепли. Только когда все четверо уплатили по номисме и горячо помолились, они невозбранно покинули храм. Выйдя, купцы сказали: «О, святой Георгий, дорого же ты продаешь свой пирог: в другой раз мы у тебя не станем покупать, а за случившееся прости нас».⁴ В этом храме без счету случалось чудес, случаются они и поныне.

Чудо святого великомученика Георгия о змие. Господи, благослови

Слыша о великом множестве чудес великомученика и чудотворца Георгия, восславим господа, возвысившего его и даровавшего такую благодать этому преславному мученику. Кто от века слышал о столь великом чуде, которое совершил блаженный, или когда-нибудь был свидетелем ему подобного?

Во времена оны был город по названию Ласия, и над ним царствовал царь, звавшийся Сельвий;¹ он был грязный идолопоклонник, беззаконник и нечестивец, беспощадный и немилосердный к верующим во Христа. Но господь воздал им по делам их.² Вблизи того города была трясина со множеством воды. И в воде трясины этой поселился ужасный змий, и каждодневно выходил он и пожирал жителей города. Часто царь со всем своим войском выступал против чудовища, но оно возмущало воду, и царь не мог даже приблизиться к этому месту. Так как змий пожирал их, горожане были сильно удручены. И вот город собрался, и все закричали царю: «Царь, вот город наш благоденствует и процветает, а мы умираем злой смертью». Царь говорит: «Начертайте имена всех граждан, и каждому да будет определен его черед. У меня есть единственная дочь, и я тоже отдам ее, когда придет мой срок, и да не отступим мы из города нашего». Речь царя понравилась всем. И — день за днем — все по очереди стали отдавать своих детей на съедение змию, пока не пришел черед царя. Царь нарядил свою дочь в пурпур и виссон, украсил золотом, драгоценными камнями и перлами и, обняв с любовью, целовал, слезно оплакивая как мертвую: «Иди, мое единственное и сладчайшее дитя, свет моих глаз! На кого мне, сладчайшее мое дитя, теперь глядеть, чтобы хоть немного утешиться? Когда я сыграю твою свадьбу? Когда увижу твой брачный покой, когда зажгу факелы, когда запою песнь, когда узрю плод чрева твоего? Увы, сладчайшее мое дитя, иди без времени к смерти — я расстанусь с тобой». А народу царь говорит: «Возьмите золото, серебро и царство мое, только пощадите дочь мою». И никто не согласился из-за указа, объявленного царем. Тогда царь в глубокой печали отослал дочь к той трясине. Весь город от мала до велика сбежался посмотреть на девушку.

Но человеколюбивый и милосердный бог, не хотящий смерти грешника, но чтобы обратился от пути своего и жив был,³ пожелал явить знамение через преславного великомученика Георгия.

Во времена те жив был святой Георгий, который был тогда комитом,⁴ войско его было распущено, а сам он шел в Каппадокийскую землю, свое отечество. По изволению божию святой оказался в месте том и решил напоить здесь своего коня. И видит, что сидит девушка, а слезы капают ей на колени и, озираясь по сторонам, она жалуется. Святой

сказал ей: «Женщина, кто ты и что это за народ вдали и почему он громко плачет?». Девушка говорит: «Повесть эта очень длинна, и я не могу тебе ее поведать. Но беги, пока не настигла тебя ужасная гибель». Святой говорит ей: «Женщина, скажи мне правду — ведь, клянусь господом богом, я умру с тобой и не оставлю тебя». Тогда девушка, горько застенав, сказала: «Господин мой, город наш благоденствует и процветает, но в воде трясины поселился ужасный змий. Каждодневно он выходит на землю и пожирает жителей города. Мой отец объявил указ и вот послал меня на съедение чудовищу. Теперь я сказала тебе все. Уходи скорее». Выслушав это, святой говорит девушке: «Отныне не страшись и будь покойна». И он спросил ее, говоря: «Кому поклоняется отец твой и его домочадцы?». Девушка говорит ему: «Гераклу, Скамандру,⁵ Аполлону и великой богине Артемиде». Святой говорит девушке: «А ты уверуешь в моего бога: отныне не страшись и будь покойна». И блаженный возвысил голос свой к богу и сказал: «Боже, восседающий на херувимах и серафимах⁶ и зрящий бездны, бог сущий и ведающий безумие сердца человеческого, явивший страшные знамения рабу своему Моисею,⁷ яви и на мне свою милость, дай через меня благое знамение и повергни ужасное чудовище к ногам моим, да знают люди, что ты повсюду со мною». И с неба сошел глас говорящий: «Твоя мольба дошла до ушей господа — делай, что задумал». И тотчас девушка закричала: «Увы, господин мой, уходи — приближается этот ужасный змий». Святой осенил себя крестным знамением и бросился навстречу чудовищу, сказав: «Господь бог мой, погуби ужасного змия, чтобы уверовали эти неверные». Когда он сказал это, с божией помощью и по молитве мученика змий упал к ногам святого Георгия. Святой говорит девушке: «Сними с себя пояс, а с коня моего поводья и дай сюда. Девушка сняла и подала их святому. И по устройки божию он связал змия и передал его девушке, говоря: «Поведем его в город». Она взяла змия, и они пошли в город. Народ, увидев дивное чудо, испугался и в страхе перед змием хотел бежать, но святой Георгий крикнул: «Не бойтесь, стойте и зрите славу всевышнего и уверуйте в истинного бога, господа нашего Иисуса Христа, и я убью змия». Царь и весь город закричали: «Веруем в отца, сына и святого духа, в единосущную и нераздельную трицу». Услышав эти слова, святой обнажил меч свой, и убил змия, и вернул девушку царю. Тогда собралось множество народа, и все стали лобзать стопы святого и славить бога. Святой Георгий пригласил александрийского архиепископа и в пятнадцать дней окрестил царя, его вельмож и весь народ, примерно двести сорок тысяч человек. И была радость великая⁸ в месте том. Тогда город Ласия воздвиг пресвятой храм во имя святого Георгия. И, когда созидался этот храм, святой, став неподалеку, прочел молитву — и вот истек источник благодати. Тогда все уверовали в господа. Множество чудес и знамений сотворил святой Георгий по данной ему благодати.

МУЧЕНИЧЕСТВО СВЯТОГО ЕВСТАФИЯ И КРОВНЫХ ЕГО

Во дни, когда Траян¹ владел скипетром римской державы и вся все-ленная охвачена была безумием идолопоклонства, великий Евстафий славился как начальник над воинами. Тогда он звался Плакида. Эту власть купило ему не золото и не доставило благоволение тех, кто может ее жаловать, а заслужили походы против врагов и многочисленные победы. На языке римлян он назывался стратилатом.² Евстафий был знатного рода, весьма богат и славен добродетелью и добрыми нравами. Ведь его отличало не только мужество, но гораздо более доблестное одоление страстей, ибо, осиливая внешних врагов, он никогда не позволяял собственным страстям побеждать себя. Потому он вел умеренную жизнь и заботился о справедливости. И рука его была щедрой для просящих; не единственно искушена она была копьем обращать в бегство, привычнее ей было протягивать подавание нищим, и для Евстафия больше значило тайно благотворить, чем из тайной засады обращать в бегство врагов.

Хотя и охваченный тьмой заблуждения и безумием идолопоклонства, он блистал добрыми делами и был, по слову божественного Давида, плодоносной маслиной.³ Войти в дом божий мешала ему только вера его — во время то Евстафий был новым Корнилием.⁴ Была у него и супруга, соучастница жизни его, которая старалась соучаствовать и в добродетели, и двое недавно рожденных сыновей. Евстафий растил их так, что по плоду угадывалось дерево, и сходство сказывалось не столько в чертах телесного их облика, сколько в душевном благородстве.

Столь велика была воинская доблесть Евстафия, что враги устрапались одного имени его, и, чтобы обратиться в бегство, им довольно было только услышать о его приближении. Когда же боевое его копье отдыхало от битв, место войны заступала Евстафию охота.

Однажды Евстафий отправился на охоту, и слуга, посланный на поиски зверя, донес ему, что недалеко пасется стадо оленей. Стратиг в надлежащем порядке расставил охотников и распорядился, как вести травлю. Когда спутники его праздно стояли в ожидании, из чащи пока-

зался олень, из-за своей мощности и быстроты бега опередивший все стадо, который привлек к себе глаза Евстафия и, подобно какому-нибудь прославленному вражескому воину, как бы вызывал его на бой. И вот Евстафий, велел всем охотникам на указанных им местах ожидать стада, в сопровождении нескольких спутников, отпустив поводья, стремительно бросился в погоню за тем оленем. Затем, когда спутники его утомились, он продолжал погону один, конь его не знал усталости, и Евстафий не остановился до тех пор, пока олень, увидев его без спутников и вскочив на вершину отвесной скалы, недоступную даже для этих животных, не прекратил одновременно своего бега и преследования охотника. Теперь казалось, что ловец не достиг добычу, но сам стал жертвой того, кого преследовал. Стратилат в поисках места, где ему было бы возможно подняться на скалу, чтобы не упустить такую редкостную добычу, на самом деле был уловлен великой и божественной мудростью. Ибо на голове увиденного им оленя между обоими рогами его был ярко сверкающий и, как пламя, горящий крест, а между этим изображением страсти господней в воздухе, будто на иконе, начертан был сам претерпевший во плоти за нас: И тут же прозвучал глас: «Плакида, что ты гонишь меня?». Ибо тогда еще Евстафия так звали. «Я — Иисус Христос, радуюсь на добродетели твои и определил, что несправедливо такому богатству скрываться в глубокой тьме идолослужения и пропадать втуне. Единственно любовь к человекам и желание спасти их подвигло меня, бога, обитающего небеса, кому поклоняются неведущие силы, сойти на землю, приняв образ, в котором ты меня зришь». Пораженный столь пречудным видением и гласом, Плакида тут же пал с коня — у него не достало сил зреть и слышать подобное, а паче того из благоговения, ибо ему открылся рекший. Оправившись от великого удивления и немного придя в себя: «Кто ты, владыка?», — спросил он в сильном душевном страхе. И снова услышал тот же глас, исходящий от святого образа господня: «Я — Иисус Христос, создавший из небытия весь мир, своими руками сотворивший человека и простерший свое человеколюбие и далее, спасши его, сломленного грехом». И по порядку перечислил свое вочеловечение, распятие, смерть, погребение, все, что даровало освобождение роду людскому, поработенному и воистину простертому во прахе, а также вознесение и причастность тайнам. Услышав эти слова, Плакида, как Павел, просветился божественных тайн,⁵ и уверовал, чему внимал и что узрел, и показал делами своими, что сеятель небесный бросил зерна не на каменистое место и не в терние, но в тучную землю.⁶

В тот час и в последующее время Евстафий приносит плоды, достойные веры его. И вот он слышит дивный глас, приказывающий ему поспешить в город к христианскому иерею, чтобы от него очиститься животворящим крещением вместе с женой своей и детьми, а после крещения возвратиться в место это. «Ибо, — был глас, — снова ты узришь меня, и я возведу тебе грядущее и открою тайну спасения». Так сказал

господь. А стратилат, возвратившись домой, все, что узрел и чему внимал, одно за одним открыл жене своей. Он еще не кончил говорить, как жена его, предваренная об этих благах, сказала: «О господин мой, ты узрел распятого, которого справедливо чтит весь христианский род», а затем рассказала ему о том, что было с ней. Ибо она видела божественные сны, благовествовавшие ей о великих благах: «Ты, и супруг твой, и дети придете завтра ко мне, и откроется вам, что я, Иисус Христос, могу спасти любящих меня». Если ты не против, муж мой, даже на время не станем промедлением откладывать обретение блага, не будем нерадивы, когда нас ждет такая награда, но этой же ночью вкусим благодати и, придя к христианскому иерею, получим то, что великое счастье обрести, я разумею святое и божественное крещение». Таковы были слова истинной его помощницы и доброй советчицы, ибо она была не такова, как праматерь наша.⁷ И вот посреди ночи с двумя детьми и самыми верными слугами они пришли в церковь.

Затем с глазу на глаз рассказывают иерею о видении и ночных снах, просветивших их. Иерей, наделенный ведением и уразумевший слова их, по божьей благодати истинно Иоанн⁸ — таково было и имя его — весьма возликовал и тотчас, по обычаю, наставив их, окрестил во имя отца и сына и святого духа. Стратилата Плакиду он нарек Евстафием, а жену его Тагиану — Феопистой, желая, чтобы с переменной жизни изменились и имена их, а также и детей он назвал по-новому: старшего — Агапием, а младшего — Феопистом. Кроме того, иерей приобщает их святых тайн, я разумею тело господнее и кровь. Затем, помолвившись о них, радостно отпускает радующихся. «Идите, — говоря, — Христос с вами. Но в раю да не забудете вы сегодняшнего часа; пусть сохранится у вас память и обо мне». Так сказал тот иерей, словно предзнавал, каков будет конец их жизни, и требовал от тех, кто более его, большего. С наступлением дня Евстафий отослал на торжище⁹ обычных своих сотоварищей по охоте, чтобы быть в одиночестве и покое. Когда один он очутился в горах на том месте, где было ему божественное видение и небесный глас, склонив голову к земле, в горячей молитве просил снова удостоиться их, ибо теперь пронзен был острейшей стрелой стремления к ним. «Явись мне, — говорил он, — Господь, и возвести то, что обещал возвестить». И вот тотчас премудрый охотник и ловец человек, Господь, приблизился к пришедшему. «Блажен ты, Евстафий, — рек господь, — после купели божественного возрождения,¹⁰ ибо обрел через то залог бессмертия, и на тебе знак, что ты овца из стада моего. Теперь надлежит тебе претерпеть испытание веры твоей. Ибо ныне, как никогда, демон искуситель, завидуя полученному тобой дару, будет подступать к тебе, всяческими средствами пытаясь отнять его у тебя. Ты же славно, как некогда Иов, оборешь его.¹¹ Доныне ты был возвышен богатством, славой и счастьем, процветанием детей своих, бранными подвигами и всем, что делает человека счастливым. Но ни диа-

вол, ни большинство окружающих тебя еще не знают, принес ли ты мне, даровавшему это благо, как плату за него любовь ко мне. Если ты сохранишь прежнее благочестие и тогда, когда лишишься всего, то подлинно дашь доказательство добродетели. Я сделаю так, что люди будут дивиться на тебя, и ты станешь примером стойкости для всех, любящих добродетель, так что не единственно Иов будет славиться ею отныне. После этого прения ты посмеешься над гордыней врагов, ибо одержишь победу. Утешением в горестях да будет тебе, что после унижения своего и той горькой чаши зол, которую я дам тебе испить, вновь простру над тобой десницу мою и любящий явлюсь тебе, возлюбившему меня, и вновь ты обретишь прежнюю жизнь и благоденствие, а в конце дней своих будешь увенчан венцом мученичества во имя мое».

Рекший это воспарил в небо, а божественный Евстафий после подobaющих благодарственных молитв сошел с горы, одновременно радуясь концу предвещения и как бы совлекая мысленно одежды свои перед началом искусов и готовясь на прение. Когда мудрый этот муж воротился домой, он знал, что спокойно может открыть тайну жене, прочим же нет. Убедившись на прежнем опыте, сколь добрая она советчица, он доверяет ей предреченное. И, склонив колени и сердца свои, оба они в слезах, так как слова эти возвещали им испытания, молили, чтобы сильная и человеколюбивая десница божия защитила их как в счастье, так и в утеснении. Прошло немного дней, и губительная чума поразила дом стратига; сначала она распространилась среди рабов и рабынь, со всем лишив его прислуги, а затем перекинулась на лошадей, мулов и коров и совершенно уничтожила стада их, так что в короткое время Евстафий потерял весь свой скот. Добрая чета ратоборцев поняла, что это лишь начало искусов, и стойко сносила все, следуя слову мудрого Иакова, заповедовавшего нам в своем послании считать благом многообразные испытания, которым мы подвергаемся, потому что, по словам его, «испытание веры производит терпение».¹² И вот супруги стойко терпели пришедшую беду и только просили, чтобы по милости божией не оставляла их благодать терпения. Так, разом лишившись всего, чем владели, т. е. слуг и скота, потерпев кораблекрушение у себя на родине, смотря на свое злосчастье как на какой-нибудь сон, не веря, что недавно были они славны и привлекали к себе взоры людские, стыдясь встречаться с друзьями, не желая вызывать сожаление и слезы соседей, знакомых, всего города, они решили покинуть родину и уйти в чужие края. Добровольное изгнание супруги предпочли любимой родине, лишь бы не иметь множества свидетелей своего несчастья, и были готовы трудиться за мзду и вести горестную жизнь на чужбине, только бы не быть среди тех, кто знал об их прежнем богатстве и теперешнем разорении. Ибо для людей благородных позор страшнее всякого страдания, бед, трудов, тягот и любой иной горести. Так рассудив и решив в душе своей, они захватили с собой немного самых необходимых ве-

щей, сколько сами могли снести, и под прикрытием ночи и темноты вместе с детьми направились по пути, ведущему в Египет. Некоторые из их бывших соседей, привычные поступать зло, увидев, что дом остался без хозяев, тотчас же вошли в него и, так как некому было помешать злодейству, разграбили все серебро, золото и дорогие одежды, которые там были, ибо оказались немилосерднее самого дьявола, наславшего испытание на Евстафия и кровных его.

В это время в городе праздновалось всенародное торжество в честь победы над персами. На нем должно было присутствовать стратилату, ибо ему предназначено было там почетное место. Весь город ликовал, а собравшиеся в театре воодушевлены были великой радостью, страсти же, главное лицо на этом празднестве, не появлялся. Всех охватило удивление и печаль, коснулись они и самого императора. Когда же люди узнали, что Евстафию случилось претерпеть и какие беды постигли дом его и что, сломленный их тяжестью и не снеся позора, он покинул город, удалившись с глаз тех, кого знал, погрузились в печаль, и радость переложилась в глубокое уныние, и все вельможи и император скорбели, не в силах равнодушно взирать на злосчастье столь великого мужа. Однако сокровенной ото всех осталась истинная природа случившегося с ним и то, что он изменил свою веру.

И вот славный Евстафий с женой и детьми, держа, как мы сказали, путь в Египет, подходит к какой-то гавани и берегу. Найдя там готовый к отплытию корабль, они всходят на него. Море было спокойно, и попутный ветер надувал паруса, но оно яростно обрушило на них новые беды. Хозяин корабля оказался варвар и человек необузданного нрава; не знаю, умел ли он сражаться с морем и порывами бури, но зато был на все готов и отважен, когда дело касалось бури страстей и плотских порывов. Взглянув на Феописту и убедившись, что она хороша собой, он жадно смотрел на нее, пленился красотой женщины и не сводил с нее глаз. Когда путь окончился, варвар схватил женщину, сказав, что не отпустит ее и возьмет в вознаграждение за то, что доставил Евстафия сюда. Хотя супруги согласились отдать все свои деньги, чтобы он получил много более того, что ему полагалось, варвар ничего не хотел слышать, но, взглянув на них как лютой убийца, вновь повлек злосчастную, которая — о злосчастье — тем сильнее влекла его к себе. Евстафию, если он не будет молчать и не помирится на том, что вместе с детьми останется невредим, он сказал, потрясая мечом: «Он тебя и против воли заставит замолчать».

Великого Евстафия тотчас сковал страх: ни руки его, ни язык не виновались ему. Случилось это потому, что варвар угрожал ему смертью, а еще более из-за внезапности происшедшего. И вот божественный этот муж, хотя и вопреки воле своей, взял детей и пошел по пути, ведущему в Египет, постоянно обращая глаза назад, чтобы, пока это было возможно, видеть жену. Не зная, что ему делать и не имея помощника,

Евстафий был в растерянности и терзался печалью. Плакать он не мог, ибо сильное горе, подобно пламени, иссушающему природную влагу, не давало глазам его источать слезы. Но то, что еще будет рассказано, затмевает это тяжелейшее, как вы знаете, для любящего мужа и ни с чем не сравнимое горе. Ибо как бог по доброте своей никогда не перестает благодетельствовать, так диавол не насыщается злодеяниями. Благородный этот муж, словно потеряв половину существа своего и не имея иного утешения в постигшем его несчастье, кроме слез по своей жене, уходит один с детьми, этим напоминанием о своей родительнице; терзаемый в душе острой болью, он благодарит бога за мудрые приговоры его и устройство. Они достигают какой-то реки, которую из-за быстрого течения и полноводности весьма трудно было перейти. И вот, не отваживаясь переправиться с детьми, Евстафий берет на плечи сначала одного сына и переносит на другой берег. Опустив его на землю, он возвращается, чтобы взять второго, и видит, что лютый лев уже схватил в пасть свою этого младенца. Ужас объял самое сердце мое, охватит он, думаю, и ваше, когда узнаете о случившемся. Если столь сильно страдают внешне этому рассказу, понятно, как страдал родитель? Но Евстафий явил стойкость и в этом несчастье, ибо, хотя был отцом, желал показать себя и сыном, послушным отцу небесному. Должно нам держать в уме, что несчастье его не кончилось на этом. Увидев это ужасное зрелище, пораженный в самое сердце и не зная, что делать, так как он отчаялся спасти этого сына, Евстафий бросился к другому. И, когда возвращался к оставленному на том берегу младенцу, единственной своей надежде и единственному наследнику рода, что же случается? Язык мой сковывает самая нужда рассказать об этом, и я не знаю, как поведаю о несчастьи. Еще не достигнув того берега и не оплакав судьбы первого сына, еще весь объятый огнем, с еще пылающей внутренней, обратив глаза на второго, он видит — о горькое зрелище, о злосчастные его глаза! — как волк уносит младенца в своей пасти, и тот, кого он любил, обречен стать пищей зверя. Как он это стерпел? Как вынес? Как у него достало сил видеть это? Как не отдал он богу душу свою? Конечно, божественная рука утешающего печалющихся простерлась над ним, чтобы по слову Павла, «при искушении даст и облегчение».¹³ И вот, придя в себя и уповая единственно на бога, он снова пустился в путь, лишенный богатства, лишенный отечества, лишенный жены и детей. Истинно, человек этот был морем несчастий и зол! Но смотри на несказанно благосклонное попечение божие, на то, как суровость его и горечь его в начале в конце обращается радостью для истинно добрых и боголюбивых душ. Ведь со зверьми, похитившими сыновей его, случилось вот что. Лев, утащив мальчика, перешел реку выше того места, где Евстафий оставил ребенка, и побежал в пустыню. Но тот, кто связал чрево кита, чтобы невредим остался в нем пророк,¹⁴ и ныне пришел на помощь. По устройению его пастухи напали на льва,

и бог сделал, чтобы младенец в его пасти остался невредим и не претерпел никакого зла, волк же, повстречав землепашцев, из пасти своей, словно из спального покоя, выпускает второго младенца, совершенно нетронутого и неужазвленного.

А они, я разумею пастухов и землепашцев, живших по соседству друг от друга, подобрали младенцев и человеколюбиво у себя возвращали, ибо подвигнуты были человеколюбием зверей и боялись, чтобы лев и волк не оказались в сравнении с ними более сострадательны к людям. Ни подобравшие младенцев, ни сами они не подозревали о связывавшем их родстве.

После множества постигших Евстафия ударов и одержанных побед он, стойкий и великий душой, еще терпел голод, и уповал на руки свои, и, сделав их единственной поддержкой своего существования, работал за плату, и трудом зарабатывал себе пропитание. Паче же уповал он на щедрую руку всевышнего, которая, раскрываясь, оделяла всякую тварь благословением своих даров, и просил бога призреть на него. Живя так, он неустанно молился с сокрушенным сердцем и смиренным духом, говоря: «Совсем не оставь меня, человеколюбец, призри на уста мои и на сердце мое, дай в терпении и благодарности прожить остаток дней и так обрести покой ото множества моих утеснений, ибо ты благословен во веки». Затем его вновь охватывала печаль, и он словно искал побуждения для слез, и хотел истязать плоть и смирать дух, благодарил бога, и говорил себе так: «Увы, некогда по красоте я был, как цветущее дерево, ныне же как дуб, которого лист опал, и как сад, в котором нет воды». ¹⁵ Повторял он и слова, некогда служившие иудеям угрозой, и то, что рек схожий с ним подвигом Иов: «Кто даст мне месяц за месяцем прежние дни, когда бог хранил меня, когда светильник его светил над головою моею, когда господь призирает на дом мой и пути мои обливались елеем, а скалы источали для меня молоко. ¹⁶ Теперь я остался один, лишен богатства, лишен рабов, лишен и той, что делила со мной жизнь. Не дано мне, увы, иметь ни любимых детей моих, никого, кто бы утешил и спас меня». Затем, снова подняв глаза к небесам, стал говорить: «Помню, господи Иисусе Христе, как ты рек, что должно мне принять такие же, как Иову, испытания. Но теперь вижу, что мои страдания тяжелее его: у Иова ведь оставалась жена его, и друзья, и отеческая земля, улада для глаз. Я же лишен всего этого, нищ, сир, без отчины, без крова, потерял друзей, силой отнята у меня даже та, с кем я делил жизнь. Печальями своими равен я Иову, но утешениями не равен». Такое и подобное этому он говорил, стенаниями своими и слезами показывая великую печаль души, словно сбылись над ним слова: «Слезы будут для него хлебом день и ночь». ¹⁷

Положив некую деревню, называвшуюся Вадис, пределом своих долгих скитаний, страгиг — увы, добровольный изгнанник в чужой земле — там зарабатывал себе скудное пропитание. Где-то вблизи этой деревни —

о сколь дивно, боже, твое устроение — жили и его сыновья. Об их родстве не знали ни они сами, ни те, кто их взял на воспитание. Стратиг прожил в Вадисе 15 лет, когда сам работая в поле, когда за вознаграждение сторожа поля.

А тот варвар, который по своей истинно великой распутности похитил жену Евстафия — и здесь видно благое строение божие, — ликовал и радовался, завладев ею. Однако он ничего не добился, кроме того, что показал себя злодеем, ибо рука всевышнего позаботилась о благе этой женщины. И как прежде господь, тяжкими ударами поразив фараона, чудесно сохранил Сару для супруга,¹⁸ так и Феописту он сохранил ее мужу нетронутой и не узнавшей беззаконного смещения, покарвав варвара смертью. Когда этот злодей, как он того заслуживал, умер, Феописта безопасно могла остаться там, куда он ее увез. Но это было еще скрыто от Евстафия, чтобы вперед он получил иное, малое утешение. Но смотри, что будет дальше. Во времена те варварское племя, среди которого жила Феописта, нарушило союз с римлянами, напало на их землю и, захватив богатую добычу, без урона возвратилось назад. Случившееся внушило великую тревогу тому, кто владел тогда скипетром римской державы. Решив защитить римлян, он вспомнил тут о человеке, который мог достойно вести войну. Это был Евстафий. И вот, не медля, Траян, ибо Траян правил тогда римской державой, посылает на его розыски. Он велел искать Евстафия во всякой земле и во всяком городе, а нашедшим была назначена немалая награда. Многие для этого рассеялись по всем углам земли. Два мужа, они звались Акакий и Антиох, которые были слугами Евстафия, пока он был стратигом, и несли воинскую службу, и лучше других знали этого мужа, совершив долгий путь, с помощью божией приходят в деревню, где Евстафий питался от трудов рук своих, исполняя всякую сельскую работу. Когда они к нему приблизились, ни по одной черте не могли узнать его, ибо облик Евстафия изменили постоянные горести, и из-за великого того страдания поступь его была неверной, а лицо печальным. Простота и бедность его одежды тоже не позволили им узнать этого мужа, среди многих знаменитого и не имеющего себе равных. Евстафий, хотя и не узнанный, узнал пришедших. Когда он увидел известных ему людей, сердце у него сильно забилось, и снова он вспомнил прошлое, и улегшееся уже страдание оживилось. Однако стойкий этот муж овладел собой, скрепив сердце, терпел и молчал, чтобы оказаться победителем не только врагов, но и своих страстей. Акакий и Антиох еще не слышали его голоса и только спрашивали всех, не видел ли кто-нибудь из них такого человека, всячески стараясь найти Евстафия. А он, охваченный сильной печалью, только и делал, что молил бога об одном и подлинном утешении, говоря: «Положи предел, человеколюбец, положи предел бессчетным козням против нас диавола, ибо одному тебе ведома слабость человеческая. Терпение ты мне послал, даруй по благости

своей и утешение. Если я не гневлю своими мольбами, если не печалю внутреннюю твою, благой, тем, что пекусь о себе более, чем ты, господи, обо мне, да будет воля твоя явить ту, кого ты дал мне помощницей, по попечению твоему с самого начала соединенную со мной, если варвар тот еще не убил ее, побужденный гневом или страстью, как явил ты мне знакомых людей, которые некогда служили рабу твоему. Зная, что злосчастные дети мои сделались добычей диких зверей, я не буду, владыка, таить свою мольбу — прошу, чтобы в день воскресения всего рода человеческого мне свидеться с ними и во веки ликовать вместе». Едва он сотворил молитву, как услышал глас с неба, говорящий: «Мужайся, ибо жизнь твоя, как прежде, будет славной, и ты счастливо обретешь жену свою и детей». Когда Евстафий это услышал, он исполнился ликования и страха: ликования из-за благой вести, страха же из-за предчувствия испытаний, ибо боялся их и страшился злоумышлений дьявола. Воины же, которые отправились на его розыски и нигде ничего о нем не могли разведать, отряхнув дорожную пыль и переодевшись, приближаются к Евстафию. Сказав обычное: «Радуйся, друг», и в ответ от него услышав то же, стали рассказывать, что делали по дороге и с кем встречались, и расспрашивать, видел ли он когда-нибудь Плакиду, странствовавшего с женой и детьми. Ибо полагали, что они до сих пор вместе. Евстафий, сжигаемый душевно памятью о жене и о детях и, словно жалом, уязвленный словами пришедших, начав говорить, склонялся уже к слезам, однако смирил свою скорбь уздой рассудка и размышления и стал расспрашивать, зачем повсюду разыскивают они этого мужа и зачем он им так нужен. Акакий же и Антиох сказали, что он-де нам родич и долгое время мы не видели его, а теперь возгорелись в сердце сильным желанием увидеть. Евстафий молчал и не открывал им себя, но пригласил обоих на угощение и на обед, желая, чтобы они отдохнули от трудов своего странствия.

И вот Евстафий отвел их в дом, где ему самому дали приют, сказав хозяину: «Эти мужи мне знакомы и, идя мимо, попали к нам, поэтому нужно подобающим образом их принять. Служба моя и длани мои отрабатывают расход». Так он принимал их и услуживал им, а душа его томилась, и внутренняя содрогалась в тоске, и он заплакал. Что на его месте сделал бы другой человек, вспомнив о своем прежнем счастье, не происходи он от дуба или скалы?!¹⁹ Когда Евстафий почувствовал, что глаза его побеждены и по щекам катятся слезы, желая скрыть это, тотчас вышел, словно за какой-то надобностью, и тщательно вытер глаза. Вернувшись, вновь разделял веселие этих мужей. Много раз Евстафий уходил и плакал, но скрывал это по величию духа своего. Но, когда прибывшие всмотрелись в него и со вниманием оглядели, они заметили, что лик его исполнен великой кротости, а это неложное свидетельство внутреннего совершенства и добродетелей души; постепенно, как охотничьи псы, они начали его причувствовать и уже перешептывались, что он, мол,

весьма похож на того, кого мы ищем, а один из них сказал: «Сходство этого мужа с Евстафием добрый знак: наши ожидания не будут обмануты. Мне ведома одна верная примета, которая позволит нам безошибочно судить. Я знаю, что вражья рука некогда поразила шею Плакиды, и это была не поверхностная царапина, а очень глубокая рана. Если мы найдем шрам, добыча попала в сети. А там уж от нас зависит, чтобы она ни при каких обстоятельствах не ускользнула из наших рук». Так они говорили и, приблизившись, обратили глаза на его шею и тотчас увидели шрам, яснее слова избличающий этого мужа. Не в силах сдерживаться из-за охватившей их сильной радости они вскочили из-за стола и, словно в исступлении или неистовстве, не понимая, что с ними творится, то прыгали от радости, то плакали, то горячими поцелуями выказывали ликование своей души. Чего только они не говорили, чего только не делали! Припадали к ногам Евстафия, ловили его руки, обнимали за шею, словно боясь, что все случившееся — сон, и говорили: «Начальник, благодетель, господин наш», расспрашивали, что произошло, и что он претерпел, и как переменялась жизнь его, где жена его, где дети. «Если мы не лишились рассудка, если не грезим, разве тот, кого мы искали, не перед нами?». А воистину благородный тот муж и без того имел печальные и полные слез глаза, услышав же, что они спрашивают о детях и жене его, горько заплакал и громко застонал, и непрерывно льющиеся слезы омочили лицо его и одежду. С трудом сдержав наконец свои стенания, он сказал голосом, сдавленным сердечным волнением: «Друзья, дети мои и жена уже умерли (ибо и Феописту он считал умершей), а меня, исполненного печали, покинули в злосчастной этой жизни». Говоря так, он возбудил общую печаль: все жители деревни сбегались толпами, чтобы быть свидетелями невиданной трагедии. Едва сами императорские слуги прекратили плач свой и успокоили шумевшую толпу, они открыли присутствующим высокий сан и подвиги Евстафия, его благородное происхождение и прочие выдающиеся достоинства и привели их этим в великое изумление. Ибо поистине неслыханно, чтобы стратиг трудился за мзду, прежде владыка над многими, какого-то простого человека, живущего трудом рук своих, называл господином, чтобы тот, кто привык кормить сотни тысяч людей, смотрел в руки другим и трудом добывал свое пропитание. Узнав это об Евстафии, все недоумевали, совестились, корили себя за неведение и дивились стойкости его, говоря: «Увы, как это от нас утаилось, как могло скрыться? Кто бы не выказал сострадания, если б знал, кто бы не разделил с ним печали его?!».

Так говорили жители деревни и вспоминали о том, что Евстафий вынес, а войны, отведя его в сторону, сообщили ему волю императора и то, зачем они пришли сюда, и что в его помощи нуждается и сам император, и все его вельможи, и весь город, а также, что им было повеление возвратиться не иначе как с Евстафием. Поспешно сказав

ему это, они сняли покрывавшие его лохмотья и одели в принесенные ими царские одежды: с давних пор ведь император любил Евстафия и показывал, сколь великую имел к нему склонность. Затем воины вместе с ним покинули деревню. Евстафий полагал, что без воли божией это бы не случилось, так как незадолго был ему божественный глас, возвестивший обретение прежней славы и остальные радостные и благие вести. Во время пути он поведал им, как узрел господа, как крестился и получил имя Евстафий, и все, что случилось в доме его и на пути во время бегства, он без прикрас рассказал им. Через пятнадцать дней они свершили путешествие и пришли во дворец. Императору возвестили о прибытии Евстафия, и несказанная радость исполнила и императора, и граждан, и все войско. Свидетельством великой радости императора было то, что он не выражал ее, как обычно, а, словно от избытка ликования, был сам не свой и не думал о приличествующем царям достоинстве и гордости. Пренебрегши тем, что был занят — ведь тогда император был погружен в государственные дела, — он поднялся с трона, пошел навстречу входящему в царский покой Евстафию и, протянув ему, ты бы сказал сердечно, руку, горячо обнял и милостиво приветствовал, слезами и поцелуями, выказывая великое ликование и душевную радость. Затем император расспросил Евстафия о его злосчастиях, а тот поведал все от начала и до конца — о чуме у себя в доме, о гибели рабов, о падеже быков, мулов, лошадей и другой скотины, затем о расточении всего достояния и богатства дома, поведал, что ему тяжело было выносить презрение знакомых и потому нужно было скрыться и жить где-нибудь далеко среди тех, кто его не знает. Далее о том, что видел, как жену его, стыдливую до предела, подобно пленнице, влек варвар, до предела разнузданный, что зубы хищных зверей растерзали детей его, и глаза отца это вынесли; и что с тех пор стратиг, трудясь за плату на чужбине, кормился трудом рук своих. Когда эта печальная повесть была рассказана, слезы сочувствия полились из глаз слушателей, хотя то, что Евстафий был найден, снова утешило душевную скорбь. После этого император говорит со стратигом о военных делах и возвращает ему золотой пояс и сан.²⁰ А он, посмотрев стратиготские списки и убедившись, что для предстоящего похода воинов слишком мало, объявил новый набор. Тотчас по всем городам и деревням римской державы всех, кто был особенно силен и молод, вносили в списки как участников этого похода. А что было дальше? Господь, мудро питающий все и на все призревающий, призвавший небытие к бытию и воедино соединивший рассеянное, чудесно устроит, чтобы найдены были дети Евстафия. Из той деревни, где они жили, следовало взять двух новобранцев, превосходящих силою тела и мощью рук своих сверстников. Когда же вновь набранное войско по велению стратига было разделено на фаланги и лохи,²¹ сыновей Евстафия сделали его

щитоносцами. Евстафий, по многим чертам их телесного облика угадав в них благородство и отвагу, под влиянием любви, склонился к юношам. Говорят — подобное к подобному; вот он и велел, чтобы юноши делили с ним трапезу и дом его. Сделав все приготовления к войне, стратиг выступил на врагов. Когда завязалась битва, отважный тот муж мощным ударом обращает варваров в бегство и многих убивает. Но в своем возмездии виновникам зла он на этом не останавливается, а неожиданно переходит реку Гидасп;²² грабя все на своем пути и захватив великое множество пленников, он посрамил варварскую гордыню и научил варваров бояться возмездия за совершенные злодеяния. Так этот благородный муж освободил римскую державу от угрожавшей ей беды. Возвращаясь на родину, он разбил лагерь в одной деревне, удобной для этой цели, и, чтобы воины отдохнули от трудов, оставался там три дня, так как деревня была украшена рощами и текучими водами и вся стояла среди прекрасных цветущих садов. Жена Евстафия приставлена была за плату сторожить один из этих садов. Щитоносцы стратилата — молва о том, что они его сыновья, уже шла и торопила обнаружение божественного этого строения — расположились на ночлег вблизи сада, который сторожила жена Евстафия; недалеко оттуда находился и сам стратиг. Обычно во время привалов воины рассказывают друг другу разные происшествия, особенно же охотно диковинные, которые этим-то как раз и привлекают слушателей. Вот около полудня оба юноши сошлись вместе и стали вспоминать о своем детстве. Старший говорит младшему: «Отец мой — стратилат, мать же благовидна и не уступает красотой ни одной женщине. Был у меня брат, младше меня, белокурый. Родители, сам не знаю почему, взяв нас с собой, покинули дом. После долгого странствия мы сели на корабль и поплыли. Когда же пришло время спуститься на берег, я с братом и отцом сошли с корабля, а мать наша осталась. Почему это случилось, я тоже не знаю, но помню, что отец сильно плакал, когда покинул корабль. Идя со мной и с моим братом, отец вскоре подходит к реке, которую любому было трудно перейти, а ребенку и совсем невозможно. Поэтому, посадив брата себе на плечи, он стал переходить реку, меня же собирался перенести вторым. Брат был уже на том берегу, и отец направился за мной; достигнув середины реки, он увидел зрелище, непереносимое ни для чьих глаз, а особенно для отцовских. Словно по данному кем-то знаку, появляются хищные звери и тотчас уносят в одну сторону меня, а в другую брата. Отец видел это, но не мог ни одному из нас помочь...»* переправляется через реку, в пасти своей держа меня. Затем, когда прибегали пастухи, волк отпустил меня, не причинив никакого вреда, и я попал к пастухам и был ими воспитан». Младший брат, слушая этот рассказ и во всем находя для себя знаки, приметы и напоминания,

---

* Текст испорчен.

пришел в волнение, и сердце его стало тревожно биться. Когда же он выслушал всю историю до конца и уже не по непечальным, а по несомненным доказательствам узнав брата, не мог ни успокоиться, ни сидеть на месте, ни владеть собой, но вскочил и обнял его с великой любовью и радостью, ликуя, плача, то дивясь чуду, то предаваясь веселию. Так многообразно менялись его чувства. «Ты, брат мой, — кричал он, — брат мой, любимый брат, милый брат, брат, которого вопреки всякой надежде я вижу живым, как и ты печально меня; нас ведь удивительным образом похитили звери, еще удивительнее мы были спасены и сострадательно взращены людьми, которые о нас ничего не знали». «Это, — говорил он брату, — как и многое, что ты мне рассказывал, я храню в памяти не потому, что был тому свидетелем: я все слышал от людей, меня воспитавших». Столь чудесным образом господь дал братьям узнать и найти друг друга. Как же они узнали мать свою и были узнаны ею? Слушайте все и никогда не забывайте, что эти их речи обнаружили юношей, расположившихся для беседы вблизи ее дома. Ибо так устроит все великая мудрость божия. Находясь рядом — неузнанная вблизи неузнанных, — Феописта явственно услышала то, что они говорили. Поначалу она ничего не могла понять, хотя молодость и красота юношей напомнила ей о сыновьях. Когда же повесть их продвинулась вперед, сердце Феописты исполнилось тяжелых мыслей: ее мучили раздумья и томили сомнения. Она с любопытством глядела на лица юношей и всячески старалась различить в них приметы своих сыновей. Феописта не знала про похищение младенцев зверьми, так как сама была похищена до этого, но на основании много отчетливо поняла, что это ее сыновья, ибо и лица их явили ей несомненное доказательство этого, особенно же укрепляло ее веру упоминание о том, что их отец страстил, что, когда они с корабля сошли на чужую землю, все спустились, кроме матери, и корабль увез ее одну. Она стала несказанно стенать и благодарить бога, собрав в сердце своем все это воедино и уже не сомневаясь, что юноши — ее сыновья, а невольно заплакав, старалась не дать заметить этого юношам, что было мудро и непохоже на женщину. Затем поспешно скрылась в домике, где жила, а так как скорбь не давала ей молчать (обычно ведь в подобного рода обстоятельствах мы не столько радуемся тому, кого нашли, сколько скорбим по тем, кого потеряли), принялась горько и слезно плакать, говоря: «Отпрыски чрева моего здесь. Где же отец их? Не случилось ли с ним какой нежданной беды? Не пожрал ли его подкравшийся хищный зверь? Или, быть может, печальными глазами смотрит он на свет солнца, ибо его теснят беды? Узнают ли меня, несчастную, мои дети? Я опасаясь, что они с подозрением отнесутся ко мне, подумав, будто не из-за того, что претерпела, а из-за того, что услышала, я называю себя их матерью». Так она говорила себе и остаток дня и всю ночь провела в тревоге. Жен-

щина решила утром явиться к стратилату и попросить его взять ее вместе с собой на родину. Потому она подошла к нему и говорит: «Господин мой, я родом из римской земли, но много лет прожила здесь, так как некому было помочь мне возвратиться в свое отечество. И вот я молю тебя, да не презришь ты женщину, стремящуюся обрести при твоей поддержке родину и находящуюся в столь великом затруднении». Это показалось ей полезным для обеих сторон, т. е. для супруга ее и детей — она возвращалась бы вместе с возвращающимися, а так как щитоносцы должны были сопровождать стратилата, то, следуя за ними, она могла бы видеть их, и, разговаривая, приучать к своему облику и речи, и так постепенно добиться, чтобы юноши ее узнали и убедились в ее кровной близости к ним; кроме того, власть стратилата могла помочь ей найти своего мужа, где бы он ни был. Так она решила и с такой просьбой обратилась к стратилату, а тот, участливый ко всем, особенно же к тем, кому жизнь принесла тяготы и печали, внял ее просьбе и согласился доставить на родину. Феописта подивилась на великую доброту и человеколюбие стратилата, стала оглядывать его внимательными глазами, и какой-то луч, словно осветив перед женщиной душевный склад и внешний облик стратига, позволил ей узнать его.

Когда же она вполне уверилась, что стратилат — Евстафий, супруг Феописты, и у нее не осталось никакого сомнения, замерла без слов в душе и на языке, пораженная необычайностью происходящего и разделяясь между стыдливостью и любовью. Так как женщина сознавала свое ничтожество и славу этого мужа, она не могла подумать, как посмеет назваться его женой. Кроме того, Феописта не знала, как к ней теперь отнесется Евстафий, — ведь прошло очень много времени, — и это еще более сдерживало ее. Однако любовь сильна и исполнена дерзости, и нет такого недоступного препятствия, которое не оказалось бы для нее оборимым и ничтожным. И Феописта, уступив ей, дождалась подходящего часа, предстала перед мужем и, глубоко и печально вздохнув и проливая из глаз — это лучший способ убеждения — горькие слезы, сказала: «О благородный, злосчастный и многострадальный, из Плакиды ставший Евстафием, просвещенный к благочестию и наставленный о грядущем видением святого креста, данным тебе через оленя, из счастливого ставший презренным и узнавший беды, некогда оставивший жену свою на корабле, а это — увы — была я, несчастная, кого варвар тот и убийца отнял в уплату за перевоз по морю; тебе, горько плачущему, он велел сойти на берег, а меня, задумав злое, оставил у себя. Возмездие скоро настигло злодея и сохранило тебе чистоту супруги. С тех пор я перенесла многое, но неоскверненным соблюла супружеское ложе. Я говорю это, призывая в свидетели бога и недреманные его очи. Если все это — приметы твоей жизни, ты должен узнать свою жену; если не отвергаешь меня в моем ничтожестве и не считаешь недостойной твоего блеска, вместе сейчас воз-

благодарим великое попечение о нас Христа, по которому все так устроилось». Так с горячими слезами говорила многострадальная Феописта, а стратиг, полагая, что этого недостаточно, чтобы ей поверить...*

Так не совсем забыт будет нищий, и надежда его не до конца погибнет,²³ ибо господь «мертвит и живит»,²⁴ ранит и вновь исцеляет, «превращает бурю в тишину»;²⁵ испытав их на огне, как испытывают серебро, он даровал им утешение, так что Евстафий сказал: «Слушайте, и всем вам, кто богобоязнен, я расскажу, что бог судил душе моей. Ибо торопятся к нему стопы благовествующего.²⁶ Да услышим идущие к часу этому слова Наума: „И явился вдувающий в лицо его дыханье жизни и освобождающий его от утеснения“». ²⁷ Но довольно.

После этого стратиг, повелев, чтобы за ним вели пленников и везли остальную добычу, победителем двинулся в царственный город Рим. До возвращения Евстафия умер Траян, и царство перешло к Адриану, мужу твердо державшемуся языческой веры, образом мыслей варвару и жестокому гонителю благочестивых.²⁸ По возвращении стратига император, радуясь одержанной им победе над врагами, наградил его дарами и прочими знаками своего благоволения и весьма был доволен тем, что Евстафий нашел жену свою и детей. Когда же этот безумец отправился в языческий храм, чтобы принести благодарственную жертву тем, кто был еще безумнее его, воистину благочестивый стратиг, зная подлинного виновника своей победы и почитая его духовной жертвой, не только что не вошел в храм вместе с императором, но не мог даже приблизиться к дверям его, ибо с самого начала уклонялся от пути зла.

Император осведомился о причине того, почему он не принес отчим богам благодарственные жертвы за победу и спасение детей и жены, а Евстафий, привыкший свободно говорить и смело исповедовавший свою веру, тотчас без колебания сказал: «Будучи христианином, о император, я приношу благодарность за эту победу и обретение детей моих и жены Христу, даровавшему мне их. Никого другого, особенно же не обладающих душой немых истуканов, я не стану признавать и чтить, ибо не лишился еще рассудка». Император, разгневавшись на эти слова, сначала лишает Евстафия сана стратига и пояса, а затем, злочестивый, предает вместе с женой и детьми суду трибунала. На первых порах император пытается словами убеждения уговорить супругов отказаться от благочестия, когда же видит, что они недоступны никакой лести и кажущимся ему благими посулам, приступил к угрозам. Но так как они и этого не устрашили, Адриан решил испробовать иной путь, ибо по безумию своему не ведал, что убеждение и насиле — непримиримые враги. Ведь если он желал, чтобы Евстафий и его кровные подлинно отступились от христианской веры, следовало их уговаривать, а не карать; ведь нельзя довольство-

* В тексте пропуск.

ваться одними словами, если то же самое не говорит и сердце человека. И вот он приказывает отвести борцов этих на ристалище. Воистину лютей и безумней, он спускает на Евстафия и кровных его лютых львов, и они стремительно бросаются на святых, ибо их подгоняет голод. Мужеубийцы позаботились, чтобы мученики Христовы скорее были растерзаны, так как к природной дикости зверей присоединился еще и голод. А это для борцов было причиной еще более славного чуда: дикие звери их не тронули, ибо по великой мудрости божией величайшее зло нередко претворяется в величайшее торжество добродетели. Едва львы приблизились к святым, они перестали быть хищными зверьми, но воистину нелюбезные свидетели благочестия, подтвердили его не словом, а делом. Ибо тотчас львы, напоподобие молящихся, склонили перед святыми головы, словно прося прощения за то, что не по своей, а по чужой воле оказались здесь, облизали стопы их с великой бережностью и кротостью и тотчас мирно отошли. Этим они обличили злостное безумие тирана и воочию показали всем, что и бессловесные твари, насколько они имеют разум, признают владык своих. Таким образом, звери явили себя как бы наделенными способностью мыслить. А теперь посмотри на людей, явивших кровожадность лютей тварей и совершенное отсутствие разума. Безрассудному императору следовало бы поразиться этому сверхъестественному и удивительному чуду и избрать его кормчим, путеводящим к благочестию. Он же не только не удивился и не был устыжен поведением животных, но еще сильнее это разожгло его ярость, словно он гневался на львов за то, что они вопреки его ожиданию не бросились на святых. Затем император приступил к другому виду пытки: для мучения святых изготавливается медный бык. На следующий после звероборства день быка этого раскаляют огнем, и император велит собрать весь народ в театре. Так как своим многоглаголением тиран уже показал себя пустословом, понапрасну тратящим время, он пришел в еще пущий гнев и приказывает окружающим его быстрее слова ввергнуть святых в нутро быка. И вот приспешники императора повлекли мучеников, немало не скорбящих, без всяких следов страдания на лице, и, приблизившись к быку и воздев руки и глаза к небу, святые сказали: «Боже, господь сил, услышь мольбу нашу и дай нам, господи, за то, что проверил и испытал нас в огне подвига во имя твое, получить удел всех от века твоих святых. Ты, по слову своему, господи, привел нас к прежней славе и блеску мира сего, ныне же приведи от преходящего к вечному. Вот во имя твое мы предадим себя огню, отец вместе с детьми и их матерью. Да будет наша жертва любезна тебе, и да посрамится силой твоей враг всего человеческого рода. Да прославится, господи, через нас, ничтожных, преславное имя твое. Не презри жертву нашу, но пусть пред лицом твоим будет она как дары Авеля, как жертва Авраама, как кровь первомученика,²⁹ как убийство, огненная смерть и мученическая кончина

всех святых. Уготовь спасение души и освобождение от всякой скорби всем, творящим ради святого твоего имени нашу память».

Едва эти слова за славным мучеником Евстафием повторил хор со-мучеников его, был им глас с неба, рекший, что молба их услышана, и объявлявший их наследниками царствия небесного. После того, как мученикам был глас этот, все они с ликованием тотчас вошли в нутро огненного быка. Но он уже не был орудием пытки: как бы святые ни прикасались к нему телом, медь только свежила их покрытые испариной тела и придавала им сил. И так, славя бога и желая найти в царствии его успокоение, сентября двадцатого дня они предают в руки его свои мученические и многожды в состязаниях торжествовавшие души. Однако по прошествии трех дней исчадие зла, Адриан, приближается к медному этому быку и требует, чтобы его открыли (ведь на спине его была дверца). Когда дверцу открыли, он и все присутствующие видят тела мучеников; на них не было никаких следов огня и противу прежнего они сверкали еще большей белизной. Потому тиран, думая, что святые живы, велел вытащить их из чрева быка, и тут всех охватило великое удивление, что огонь не коснулся святых и не повредил им, чтобы пламя можно было считать причиной их смерти. Пораженные этим великим чудом, все словно в один голос и по чьему-то знаку воскликнули: «Могуч христианский бог! Иисус Христос — единый истинный бог, великий, всемогущий, соблювший тела своих святых невредимыми среди пламени, так что и единого волоса их не тронул огонь; неложное свидетельство его божественной силы дали уже львы, сохранившие рабов его от гибели». Так и подобным образом славя бога, говорил народ. Тиран же, посрамленный, а равно испуганный криком толпы, с позором отступил, а с ним вместе тайно скрылся общий враг всех живущих. Благочестивейшие и вернейшие из христиан подняли тела многожды в состязаниях торжествовавших мучеников Христовых, почтили их, как подобает, песнопениями и похоронили с честью и богобоязненно в священном месте. Когда же к скончанию пришло языческое ослепление, мученикам построили молитвенный дом, славя отца, сына и святого духа, единое божество и единое царство. Да будет ему слава, честь, сила, величие и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

МУЧЕНИЧЕСТВО СВЯТОЙ ЕВГЕНИИ

Когда римский скипетр от отца перешел к Коммоду¹ и этот император правил уже семь лет, некий знатный муж Филипп был назначен эпархом Египта² и послан туда вместе с женой Клавдией и детьми. У него было двое сыновей, Авит и Сергей, и дочь по имени Евгения, исполненная душевного благородства,³ а равно отличавшаяся статностью и чудной красотой, о жизни которой здесь будет рассказано тем, кто любит добродетель. Прибыв в великий город Александрию, Филипп стал управлять по римским законам и следовал во всем отеческим обычаям, был суров к тем, кто занимался волхованием, был суров и к иудействующим: многих из них он убил и не позволял называться иудеями, к христианам же относился терпимее и, изгоняя их из города по велению императора, разрешил жить вблизи городских стен.⁴ Он относился к христианам с уважением из-за того, что они вели строгую жизнь, и ставил их выше идолослужителей. Сам же Филипп держался унаследованного от отца суеверия, но был любителем науки и красноречия и воспитывал свою дочь Евгению в любомудрии, обучая ее латинскому и греческому знанию, и стремился, чтобы она достигла успехов в философии. Она же к природной восприимчивости присоединяла упражнение и весьма быстро превзошла все науки, выказывая прилежание ко всему полезному, а все, чем занималась, сохраняла в уме и, что выучивала, так крепко держала в памяти, точно в сердце ее оно было начертано на медных табличках.

Столь умудренная знанием, она выдавалась также душевными добродетелями, и радовала взор, и говорила только достойное, чтобы этому внимать, и стремилась только к полезному и спасительному, и, что самое удивительное, в неполные пятнадцать лет превосходила добронравием и попечением о добродетели тех, кто был старше ее по возрасту. Все это не могло остаться скрытым — ведь молва о ней прошла повсюду, и вот славный государственным умом Акилин, тогда ипат⁵ и первый среди знатных римлян, посватался к славной своей добродетелью девушке. Ро-

дители, приступивши к Евгении, стали спрашивать, по сердцу ли ей брак и нравится ли жених, и тогда Евгения явила благородство своей души. Готовая скорее претерпеть все, только бы не расстаться с любезной ей девственностью и не разлучиться с чистотой, она прибегает в своем ответе родителям к лукавству. С похвалой отзывается о знатности Акилина и с осуждением о его нраве, говоря, что должно выбирать таких женихов, которые служат украшением своего рода, а не надеяться, что род украсит их. Когда за нее сватались многие другие, славные своим богатством и знатным происхождением, Евгения не затруднялась находить благовидные предлоги, чтобы отвергнуть всех. Она таким образом отказывала желающим взять ее в жены, в действительности же совершенно отвергала брак и стремилась единственно к одному — навсегда сохранить чистоту. Так этот прекрасный и чистый сосуд был готов к восприятию божественного мирра. Потому за благими делами вскоре пришла благая вера, и чистая Евгения пошла к чистому свету благочестия. Случаем же тому послужило ей следующее. Евгения прочитала божественные послания провозвестника божия Павла и, когда душой проникла в смысле их слов и узнала, что есть один истинный бог, творец всяческих, тотчас просветилась умом, ибо и прежде он был чист. Уверовав душевно во Христа, она стала презирать безумное заблуждение своих родителей. Когда пришло повеление императора выселить христиан за городские стены и епарх уже приступил к исполнению его, она, стремясь в полной безопасности общаться с христианами и вкусить их учения, притворяется, будто ради сельского приюта и свежего воздуха покидает город и дает себе на малое время отдых от занятий науками. Родители, ничего не подозревая, отпустили Евгению, и она радостно покинула Александрию. Придя в некую местность, где ей встретилась толпа благочестивых монахов, которые весьма стройно пели, она слышит святые те слова: «Ибо все боги народов идола, а господь небеса сотворил».⁶ Услышав это и устыдившись заблуждения своих родителей, она тяжело вздыхает из глубины души, обращается к сопровождавшим ее евнухам (одного из них звали Прот, а другого Иакинф), которые обучались наукам и философии, и говорит: «Я знаю, что вы довольно образованны и знакомы с учением мудрецов, Сократа, Аристотеля, Платона, философов знаменитой стои и школы Эпикура, а равно с другими поэтами, софистами и всеми, кто надмевается тем, что обладает познанием мира. Так поймите, что все это — лишь басни и подобие истины, всякого способное сбивать с толку. Ведь язычники, кичащиеся своим знанием, либо говорят, что бога вообще нет, либо полагают, что есть множество богов, высших и низших. Все это опровергается словами: „Ибо все боги народов идола“; в них — совершенное опровержение многобожия. Слова же: „А господь небеса сотворил“,⁷ утверждают единобожие и указывают нам на общего нашего владыку. Это же говорит апостол Павел. Слова его о том, что надо всеми единый бог,⁸ при-

влекают меня, и я читала их вчера и третьего дня, и верую в них по великой их ясности и правдивости, так как они вселяют веру тем, что на деле из них проистекает. Вам, если пожелаете, приготовлен путь спасения. Отныне я стану не госпожой вашей, а сорабой и сестрой, ибо над нами будет общий владыка и отец, господь. А так как мы под началом одного пастыря и согласны, как братья, единомысленно пойдем к христианам. Я слышала, что здесь есть монастырь, основанный неким Элином, который по величию своей добродетели удостоился епископского престола, некоему же Феодору вверено ныне его служение. Этот Феодор с такой ревностью о добродетели надзирал за своим стадом, сподобился столь великой благодати божией, что без труда изгонял из бесноватых утесняющих их духов, недужных избавлял от скорби и даже возвращал глазам слепцов способность видеть желанный свет. Находившимся под его смотрением монахам он положил такие труды, что едва ли оставался час дня или ночи, который они не проводили бы в непрестанных молитвах и песнопениях. Монастырь этот недоступен для женщин, и монахам не разрешается видеть женщин. Поэтому остригите мне волосы и срежьте эти локоны, дайте мне мужское платье и ночью отведите в монастырь; сами будьте рядом с моей повозкой, а остальные слуги пусть идут впереди нее и позади, чтобы, достигнув того места, мы не дали им возможности ни о чем догадаться. Потом вам следует позаботиться, чтобы, войдя в монастырь, мы, действительно, обрели спасение». Сказанные ею слова пришлось по душе евнухам, и они поспешили их осуществить. Этому сопутствовал счастливый знак: не успели они переступить порог монастыря, как из Гелиополя⁹ пришел великий во епископах Элин в сопровождении сонма мужей, словно по некоему знаку, певших: «Путь праведника прям; ты уравниваешь стезю праведника».¹⁰ Это укрепило веру спутников Евгении, а ее, разумеется, весьма обрадовало. И, воспользовавшись случившимся, она еще более воспламенила евнухов к благочестию. Евгения сказала им многое, что подобало времени и месту: не по случайности, а по божиему предвидению, говорила Евгения, она услышала это песнопение, а прежде псалмы Давида — они призывали ее к благочестию, а звучащие сейчас слова приывают на стезю подвига. Сказав так, она вместе со своими спутниками присоединилась к толпе поющих и пошла с ними. И тогда Евгения от этих людей узнала о многих досточудных деяниях Элина. Они рассказывали, сколь великие муж этот творил чудеса: часто, когда ему надобен был огонь, нес угли в своей одежде, и она нисколько не повреждалась от жара. А еще они передавали о многих других чудесах, совершенных им и тоже достойных того, чтобы о них поведать и их вспомнить. Рассказывали, что некий волхв по имени Зарий, достигший высот этого своего злодейского искусства, на погибель многих пребывал в этих местах, многообразно и коварно вводя людей в обман. Наряду с другими нечестивыми своими деяниями он дерзнул и на такое богопротивнейшее — распространил молву

среди жителей, будто он — посланный Христом благодетель и добрый наставник, Элин же — обманщик, который неправо присвоил себе честь наставничества. Зарий полагал, что, если возбудит паству против пастыря, невозбранно подступив к находящимся без присмотра овцам, уловит эту богатую добычу для отца своего дьявола. Говоря подобное, он своим коварством добился доверия. Вы ведь знаете, сколь могущественно зло и с какой великой легкостью привлекает оно людей. Потому-то толпа, приблизившись к Элину, потребовала, чтобы он либо склонил волхва, либо вступил с ним в прение, а сама желала присоединиться к победившему. Элин радостно соглашается подвергнуть себя испытанию в споре, ибо уповал на Христа. То же, что Зарий взял себе союзником того, кто надмевался своим богопротивным чудодейством, он почел пустым устрашением. Когда наступил назначенный день, Элин отправился на состязание. Сначала, ревностно нападая на противника, он избоблял волхва многими доказательствами, но, когда увидел, что оружие волхва — самонадеянность и он тщится приготовить победу бесстыдством, а не верностью истине, Элин предоставил испытанию решить исход прения и предложил развести посреди города огонь, чтобы оба они вошли в его пламя; кто, по словам Элина, останется невредим и не подчинится огню, подлинно послан Христом и достоин наставлять его клир.

Так и было сделано, и когда пламя уже взвилось вверх, Зария охватил страх, и он потребовал, чтобы Элин первым взошел на костер, по-видимому думая в душе своей, что, если Элин не отважится, покроет себя позором, а если дерзнет, погибнет; ему же, коль скоро он избавится от этого неустрашимого противника, без усилий достанется победа, и он сможет привлечь к себе всех. Когда этот божественный муж согласился первым подвергнуться испытанию и, помолвившись, взошел в огонь, пламя обнаружило его великую святость, не дерзнув коснуться даже волос. Хотя волхв, с очевидностью обличив свой страх перед испытанием, при виде этого в трепете и ужасе пытался отступить или скрыться, надев шлем Аида,¹¹ но, подталкиваемый толпой, против воли вошел в пещь. Пламя тут же охватило волхва и пожирало с невиданной быстротой, так что, если бы великий Элин, сжалившись над несчастием Зария, не успел вытащить из огня этого тотчас же опаленного и жалкого человека, он сгорел бы дотла вместе со своими волхованиями и коварными уловками. Так огонь и истина победно погнали обман.

Слушая этих людей, блаженная в великом своем ликовании испытывала различные чувства — радовалась, дивилась, просила, чтобы они отвели к епископу ее и сопровождающих ее братьев, дабы все вместе они стали жить в этом монастыре. Упрашивая их с великой настойчивостью, она убеждает одного из толпы — его звали Евтропий — сделать для нее это и передать просьбу ее епископу. Евтропий заверяет, что епископ воротится к себе и малое время отдохнет.

Беседуя между собой, люди приблизились к монастырю и вошли туда вместе с епископом; вслед за монахами вошла и Евгения, ибо ее невозможно было отличить от юноши благодаря остриженным волосам и мужской одежде. Когда Евтропий отправился было, чтобы сказать епископу ней, тот, прилегли после божественного таинства на постелю, видит такой сон: ему представилось, будто какие-то мужи благоговейно несут кумир женщины, который почитается у них богом, а он, опечаленный заблуждением этих людей, говорит к их богине: «Как же ты, будучи сотворением ожившим и нашей сорабыней, дозволяешь этим людям поклоняться тебе уподоблять тебя богу?». Услышав это, кумир тотчас выскальзывает из рук несших его мужей и идет за епископом, говоря такие слова: «До тех пор я не отступлю от тебя, пока не приведешь меня к моему создателю». Такое увидел во сне Элин. Пробудившись, он недоумевал, что может начит его сон. Тут перед ним появляется Евтропий, который начинает рассказывать об Евгении, говоря о ней как о мужчине: «Трое мужей, — говорит он епископу, — братья по духу своему и братья по плоти, единоушно отверглись языческой веры и теперь в твоём стаде, пришли ко Христу и желают принять божественное крещение, а затем постриг и быть причислены здешним монахам. А так как они молоды и весьма привязаны друг к другу, то просят еще, чтобы всегда и все было у них общим, труды и кров, и прочее, и чтобы и здесь они были нераздельны соединенные именем Христовым. Так сказали эти мужи со слезами и с горячей просьбой все это передать тебе». Блаженный Элин, уяснив себе из этого рассказа увиденный сон и возблагодарив, как полагается, за все бога, епит ввести всех троих к себе. Когда они вошли, Элин тотчас протянул Евгении правую руку и, заговорив с нею ласково, с приветливым и веселым ликом осведомился об их именах, роде и отечестве. Она же отвечала приличествующей стыдливостью и подобающим деве смущением: «Родина наша, о божественный старец, преславный Рим, и род свой мы едем оттуда; все мы друг другу братья, старшего зовут Прот, среднего Иакинф, а меня Евгений». Блаженный Элин, с лаской взглянув на нее, казал: «Хорошо ты сделала, Евгения, что назвала себя Евгением, дабы имя соответствовало твоему образу мыслей.¹² Ведь ты обладаешь мужественной душой и во всем показываешь себя подлинно мужчиной. Да победишь ты еще волей своей природу и да обретешь крепость во Христе, которого ради ты ныне выдаешь себя за мужчину, будучи женщиной и изменив по любви к нему облик свой и имя. Господь не ради торжества над тобой, но, чтобы ведомо было тебе его попечение, ничего не тая, открыл мне, кто ты и как сюда пришла, и кто твои спутники, и сколь главны были твоя жизнь и род. Ревнуй о том, Евгения, чтобы благородство твоей души не уступало благородству крови. Господь открыл мне также, что себя ты уготовила ему как сосуд чистый, храня непорочной девственностью и незапятнанным сердце, считая славу жизни сей бесславием, богатство бедностью, а радости печальями, презирая столь ценное людьми

благородное происхождение и почитая лишь то, которого мы лишились по вине первого Адама и которое наследовали благодаря второму».¹³ Так сказал Элин Евгении. Проту же и Иакинфу он говорит: «Вы же (неудобно Христу, чтобы касающееся до вас осталось скрытым) рабы по своей судьбе, свободны по образу мыслей, исполнены добродетели, блюдя достоинство души, не признающей над собой господина, и вам Христос рек: „Я уже не называю вас рабами, а друзьями“,¹⁴ вы блаженны из-за своей свободы, а паче того из-за любви и близости ко Христу. Ибо вы единодушно пожелали возложить на себя его ярмо и не противились благому решению этой блаженной, и ныне по своей доброй воле вы здесь вместе с нею, и вместе с нею уйдете из этой жизни, и удостоитесь одинаковых с ней венцов и наград». Епископ, сказав им такие слова с глазу на глаз, разрешает Евгении пребывать в мужском платье; это оставалось ото всех тайной, и прежде, и после беседы с ним. Евгения с евнухами не ушла от епископа до тех пор, пока они не были удостоены от рук его святого крещения, не сменили одежды¹⁵ и не были сопричислены сонму монахов. Вот что пока с помощью Христовой задумала и боголюбиво исполнила Евгения; то же, что было потом — как горевали ее родители, что думали, как, обманутые в своих надеждах, страдали (ибо я знаю, вы жаждете узнать и об этом), также нельзя обойти молчанием. Итак, глубокой ночью незаметно ото всех Евгения бесшумно сошла с повозки, Прот и Иакинф тоже покинули прочих рабов, а повозка пустой двигалась за шедшими впереди слугами. Они частично из-за темноты, частично потому, что все было сделано скрытно, не видели того, что происходило за их спиной, и, так как лошадь по-прежнему бежала вперед и господь устроением своим споспешествовал замыслу, спокойно продолжали идти по дороге в Александрию. При приближении их к городу некоторые из домашних Евгении заметили поезд и с радостью, которую нетрудно себе представить, выбежали навстречу, видя предшествовавших повозке слуг и большую толпу следовавших за ней. Подойдя ближе, все поспешно бросились к повозке и, обнаружив, что она пуста и Евгении нигде нет, весьма потрясенные этой неожиданностью, стали проливать слезы и стенать, единодушно оплакивая ту, кого единодушно любили, и говоря: «Что случилось, что стряслось, что за ужасное зло обрушилось на нас?». Затем принялись окликать Евгению по имени, ударами поражать себе лицо и руки, как бы впад от печали в безумие. Так, я говорю, горевали выбежавшие на улицу друзья и близкие, не связанные с Евгенией кровным родством. Но кто мог бы передать горе тех, кто ожидал ее дома?! Родители ее едва не затащили себе петлю на шее, едва не подняли на себя меч; чего только они жалостно не говорили, чего не делали, что может вызвать слезы? Царапали себе щеки, посыпали пеплом голову, бросались на землю, горестно призывали — родители дочь, братья свою сестру, рабы госпожу. Все были пронзены горем, все охвачены страданием, дом, хотя пожара не было, объяло пламя. Убедившись, что слезы

беспользны, они начали разыскивать свою любимицу. Расспрашивали купцов, обращались к поселянам, жителям поместий, приставленным к дорогам стражам, обращались к ведунам, чревощепателям, вопрошали оракулы всех демонов и приносили им жертвы. Но так как та, кого искали, не находилась, иные, чтобы успокоить ее родителей, измышляют для них утешение. Они придумывают миф, какие в ходу у язычников, — боги-де, возлюбив Евгению, восхитили ее на небо. Этот рассказ показался убедительным отцу, привыкшему к таким мифам, и он ревностно стал почитать дочь, воздвиг ее золотую статую и как новой богине приносил ей жертвы. Мать же и братья Авит и Сергей в отличие от отца не решались придавать такую веру этим словам и пребывали в глубокой печали. Вот что случилось после бегства Евгении, и вот как оно печально не только родителей, но и всех, кто любил ее.

Евгения же с великим прилежанием читала Священное писание, ревностно подвизалась в добродетели, благодаря чему уже через два года своего пребывания в монастыре превосходила всех монахов, хотя и была женщиной. Из этого видно, что добродетель присуща всем, и для желающего идти праведным путем пол не может быть помехой. Евгения по добродетели была первой в монастыре, особенно выдавалась она своей скромностью и послушанием, так что, будучи первой по делам своим, первой была и по смирению. Отличало ее и то, что она прежде всех шла к службе и последней покидала церковь, сострадала всякому печалющемуся, искренно радовалась с тем, кто был счастлив, что много труднее из-за недоброжелательства, порождаемого обычно завистью, умела смягчать сердце гневающегося, так что и лютого, как зверь, человека делала чуть что не агнцем кротости. Но последним, равно как и первым, и всеохватывающим была ее непритворная любовь ко всем, не только порождающая приязненность на словах, но струящая ее из самого сердца. Вскоре на Евгению низошла великая благодать исцелений, и потому тех недугующих, к кому она приближалась, чтобы увидеть, чем они страдают, она и утешала словом, и освобождала от бремени недуга. Подражали ей в этом сколько могли Прот и Иакинф, о которых уже была речь. На четвертый год такого жития Евгении умирает настоятель монастыря. Единодушное решение братии призывает Евгению принять служение умершего, ибо святую принимают за мужа и, зная ее великую добродетель, не догадываются о тайне. Евгению охватывает страх и сомнение, ибо она считала, что женщине не подобает предстоять мужам; презреть же волю братии казалось ей грехом своеволия и ослушания. И вот она задумала на Евангелии узнать, как ей быть, поручив богу решить свое сомнение. Когда книга раскрылась, чудесно прозвучали слова господя: «Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою».¹⁶ После этого она, хотя и против своей воли, принимает настоятельство и с великой ревностью предается трудам. За какую только черную работу она не бралась, которой гнушаются самые последние люди? Черпала из колодца воду, мела пол,

колола дрова и с радостью исполняла прочее в этом роде, и охотно приняла на себя службу привратника, чтобы постоянно повиноваться чужому приказу. Так упражнялась она в смирении, с пользой для всех неся бремя настоятельства, держась стези, ведущей к богу. Рассказать о том, сколь великое множество чудес она сотворила, — дело иного времени, требующее досуга: повествование должно избегать длиннот, чтобы не пресытить читающего. Чудо же, о котором нельзя не поведать, ибо оно завершает житие Евгении и сплетено с последующими событиями, будет рассказано.

Жила в Александрии одна женщина по имени Меланфия, богатая чрезвычайно, но бедная страхом Божиим и добродетелью. Заболев неисцельной и тяжелой болезнью (она страдала приступами озноба, повторяющимися через каждые четыре дня), женщина эта услышала молву, что есть де некий муж по имени Евгений, ведущий, как все знали, праведную жизнь и дивно врачующий тяжкие недуги. Тотчас она, бросив все, спешит в монастырь и горячо просит освободить ее от мучительного страдания. Евгения, движимая жалостью, своими святыми руками умастив женщину священным елеем, сразу же заставляет ее извергнуть из нутра все вредоносное и, так очистив, делает здоровой. Меланфия отправляется в одно из своих поместий, расположенных по соседству с обителью, и, велев изготовить из чистого золота три сосуда, отсылает их Евгению как благодарственное приношение в монастырскую церковь. А так как Евгения не приняла дара (она говорила, что он не нужен монахам, ибо не полагается им владеть золотом, Меланфии же надлежит продать его в пользу нищих или обремененных долгами), женщина снова пришла к ней. Что только она не говорила и не делала, чтобы уговорить блаженную; в конце концов Евгения соглашается принять золото и пожертвовать его в храм. Но благочестие оказалось причиной греха, так что подтвердилось древнее речение, что нет ничего ближе, чем добродетель и порок. Ведь часто, идя по пути добродетели, мы неприметно для себя оказываемся на стезе порока. Это случилось и с Меланфией. Ибо, недостаточно, по видимому, радея о добродетели, она незаметно впала в великий блуд. Сблизившись с Евгенией и постоянно посещая ее, Меланфия, глядя на молодого и красивого лицом мужа, исполняется к нему сначала благородной любовью, постепенно очаровывается душой, а затем начинает пылать и думать, что Евгения не могла вечно хранить чистоту, а потому где исцеление свершилось не по благодати Божией, а с помощью волхвованый и дьявольской силы. Объяввший ее душу жаркий любовный огонь и ужасное неверие склоняют женщину смело перейти к делу и открыть Евгении свое желание. Ведь любовь упорна и презирает все преграды, и нет недосягаемого, которое не казалось бы ей достижимым и исполнимым. Живя, как было сказано, в соседнем с монастырем поместье и испытывая любовные муки, она представляется страдающей от телесной болезни и, не медля, призывает к себе Евгению не для того, чтобы она

исцелила мнимый ее недуг, но в жалком стремлении открыть ей истинный и тайный. Когда желанное Меланфии лицо Евгении показалось в дверях, не совладав с палящим ее внутреннюю жаром, она тотчас, словно из сокровищницы позора, берет позорные слова и сразу же просит о беззаконном смешении. «Если же ты не хочешь, — говорила она, — я открыто и законно сделаю тебя своим мужем, и ты получишь большие богатства, золото, серебро, драгоценные одежды, землю, скот, рабов и в их числе меня, из свободной и ровни тебе ставшую твоей рабыней. Всем этим будешь наслаждаться ты один, ибо нет у меня ни мужа, ни детей, ни родных. Для чего столь дивному цветку твоего тела и прекрасной твоей юности вянуть от постоянных монашеских упражнений и подвижнических трудов?». Пока Меланфия говорила это, часто и тяжело дыша, блаженная стонала в ответ на каждое ее слово и ужасалась ее столь страстной речи. Наконец Евгения, потрясенная ее словами, залепила, как говорится, уши воском и, не в силах долее слушать, вскричала: «Замолчи, женщина, замолчи, не смей говорить мне этого, ибо ты источаешь яд древнего змия.¹⁷ Никогда не предам я чистоты, не нарушу целомудрия, никогда, мать божия и дева, в кого я верую, не преступлю данной клятвы. Один у меня брак — любовь ко Христу, одно богатство — блага небесные, одно достояние — познание истины».

Услышав это, нечестивая Меланфия, возгоревшись несказанным гневом (ибо оскорбленная любовь непримирима и необузданна), отправилась в Александрию с намерением погубить Евгению. Измыслив ужасный против нее навет, она предстает перед епархом Филиппом, ничего не зная о Евгении: ни того, что он ей отец, ни что она лишь выдавала себя за мужчину. И вот, представ перед епархом, Меланфия переходит от разнузданности к клевете и излагает ему свою злобную и коварную жалобу, говоря: «Некий юноша, прекрасный лицом, но весьма злонравный, притворившись благочестивым христианином, пришел в мой дом. Почтя меня развратной женщиной, он начал обольщать речами, а потом дерзко перешел к насилию и, если б на мой громкий крик не прибежала служанка, овладел бы мной как какой-нибудь рабыней». Так эта бесстыдная женщина осмелилась обвинить в собственном проступке чистую Евгению и прикинулась, будто претерпела то, что сама пыталась сделать. Эти ее слова весьма прогневили епарха, и он велел в оковах доставить не только Евгению, но и всех, кто ее окружал. Приведенных по этому приказу содержали каждого в особой темнице.

Епарх не подозревал, что Меланфия, женщина столь знатная, богатая и славная, могла все это коварно измыслить, ибо не знал, что любовная обида оказывается сильнее всего. Потому судьи заглазно вынесли святым обвинительный приговор и одних постановили бросить на съедение диким зверям, других — распять, третьих — к еще ужаснейшим наказаниям: заключив союз с клеветой, они карали благочестие. Когда настал назначенный день, толпы людей стали собираться изо всех расположенных

вблизи Александрии городов, явился и эпарх, и в тяжелых цепях была приведена Евгения. Весь театр кричал, и все в один голос говорили о предстоящей смерти Евгении. Стали вводить зверей, готовить дыбы, колеса, огонь и другие орудия пыток, сзывать самых немилосердных и жестоких заплечных дел мастеров. Эпарх велит подвести к нему Евгению и, когда она приблизилась, сказал: «Видно, нечестивейший из людей, ваш Христос повелевает вам совершать позорные деяния не втайне, а столь бесстыдно и дерзко творить беззаконие? Что за низкая у тебя душа, если, войдя в дом как врач, и не просто врач, а свершающий чудеса целитель, ты сделал то, на что не дерзают даже соблазнитель и прелюбодей — пытался, точно какую-нибудь играющую на сцене или рабыню, захваченную в чужой земле, обесчестить женщину, славную родом, столь богатую, столь целомудренную? Потому ты получишь возмездие, достойное твоей дерзости, и, будучи злодеем, погибнешь смертью злодея».

Слушая гневные угрозы эпарха, Евгения опустила голову, чтобы не быть узнанной отцом. «Мой бог, — сказала она, — запрещает не только поступки, в которых вы меня вините, но определил много более трудное: дабы я вечно наблюдал чистоту, он строением своим привел меня к этим мужам, упражняющимся в добродетели, и уберег от соблазна вплоть до ныне, как то ведомо ему, а вскоре откроется и вам. Твои же угрозы пытками и смертью, которыми ты, не ведая, что творишь, тщишься устрашить меня, не заставят меня оправдываться: позором было бы искать оправдания из страха перед тем, что меня ждет, а не потому, что я опасаясь клеветы вашей на христианскую веру и насмешек над ней. Вам надлежало бы не с таким доверием склонять слух свой к обвинителям и не по первому их слову торопиться произносить приговор, но выслушать первоначально обе стороны, а затем выносить решение. Когда бы обнаружилась моя виновность в преступлении, я счел бы наказание справедливым; а поскольку обвинение — лишь ложь и клевета, я прошу о единственной милости — пусть женщина эта не претерпит ничего дурного, как бы она ни оговаривала меня, ибо по велению нашего закона за зло мы привыкли воздавать добром, а не злом.¹⁸ Подтверждением моей невиновности да послужит клятва — нет мне нужды защищаться и что-либо оспаривать, ибо дальнейшее ясно обнаружит правоту моих слов и ты без труда удостоверишься в этом своими глазами». Кончив, Евгения отдельно обращается к Меланфии (ибо она тоже присутствовала там): «Если ото всех других твой проступок может скрыться, он не забудется твоей совестью. Не пренебрегай своей совестью, не презри око господя, который зрит все и справедливо карает за клевету». А так как Меланфию не тронули эти слова и она не отступалась от своего бесстыдного оговора, Евгения требует допросить служанку, которую Меланфия выставляла как свидетельницу преступления. Она сделала это

не в надежде, что служанка скажет правду (разве рабыня пошла бы против своей госпожи?), но дабы очевиднее обличить ложь и обнаружить, что Меланфия имеет помощников и подстрекает на клевету других. Приведенная служанка, желая угодить госпоже, искусно сплетала одну ложь за другой, говоря: «Этот негодный человек не раз старался обольстить и меня. Потом распутство толкнуло его на безумную дерзость по отношению к самой госпоже, и он пытался силой овладеть ею, но она позвала на помощь».

Когда я прибежала на крик и созвала своих товаров, нам с трудом удалось помешать его гнусному намерению. Если вам угодно допросить их, знайте, что они подтвердят мои слова». Тогда эпарх в сильном гневе стал осыпать Евгению упреками и объявил, что намерен ее пытать, чтобы изобличить окончательно. Евгения (внимайте, ибо дальнейшее отрадно для слуха) сказала: «Настало время открыть правду». Что же она делает, дабы посрамить ложь, воздвигнутую этой женщиной, и дабы язычники не клеветали на христиан? Неслыханным бесстыдством обвинителя вынужденная на поступок, выходящий за пределы дозволенного и подобающего, она снизу разрывает на себе хитон и обнажив свое святое тело, показывает всем, что она женщина. Эпарху Евгения говорит: «Господин, ты — мой родной отец Филипп, мать моя — Клавдия, а восседают рядом с тобой мои братья Авит и Сергей. Я твоя дочь Евгения, которая отверглась мира и всего мирского, вместо этого облекшись в единого Христа. Евнухи же, которых ты видишь, — Прот и Иакинф; они разделили со мной веру и жизнь по Христу». Она еще продолжала говорить, а отец и братья по словам ее, а еще более по чертам лица поняли правду, ибо узнали, пристально взглянув на нее, что это Евгения. Сердца их исполняются несказанной радостью, а глаза от радости слезами. Они усадили ее на кресло эпарха, и готовы были отдать ей свою душу, и со всех сторон любовно окружали ее — там стоял отец, здесь братья, тут мать (ибо, узнав о случившемся, пришла и она), — как бы соперничая друг с другом ласками и приветными речами. Как только они не обнимали ее, какими чувствами не волновались и чего не делали в несказанном счастье, сколько знаков сердечной радости, не таясь от присутствующих, не выказывали! Ибо природа восторжествовала над присущей властителям важностью и гордыней, порождаемой высотой положения. Они кричали как безумные: «Дочь, сестра, услада наших отцов, украшение жизни, мы думали, что тебя восхитили к себе боги, без тебя не мил нам казался свет солнца!». Видя все это, народ стал кричать: «Единый истинный бог — Христос». Наиболее бесстрашные христиане, порешившие после смерти мучеников спасти их тела и удостоить подобающего погребения, узнав о столь внезапном обращении эпарха и народа, бегут вместе с толпой, громко восклицая: «Кто бог так великий, как бог наш!»,¹⁹ «Он открывает глубокое и сокровенное»²⁰ и «Уловляет мудрых в лукавстве их».²¹

Отец, хотя и против воли Евгении, облек ее в шитую золотом столу²² (ибо желал, чтобы все разделяли его радость) и посадил на высокое сиделище, чтобы все ее видели. Между тем сам небесный бог или, лучше сказать с божественным Иовом, свидетель ее на небесах: «Вот на небесах свидетель мой»,²³ внезапно метнув огонь с неба, спалил до основания дом Меланфии, дабы приготовить ей дом вечный. Это происшествие многих обратило к истине. Христиане устроили праздник, и великое уныние переложилось на радость; ибо епарх, по примеру своей дочери уверовав во Христа и приняв святое крещение, тотчас возвратил христианам святые церкви и принадлежавшие им прежде почести и права. Кроме этого, он разрешил им безнаказанно жить в городах. Филипп даровал христианам это право, ссылаясь на императоров Севера и Антонина Пия, считавших, что римской державе нет нужды преследовать христиан, так как они оказывают немалую пользу государству.²⁴ И, когда христиане возвратились, это было похоже на вторичное основание Александрии. В подобном же благополучии и спокойствии пребывали и прочие египетские города, и вновь христианство стало там процветать и крепнуть.

Но, хотя добро столь восторжествовало, снова восстало зло и беспощадно поразило того, кто был причиной этого блага: ненавистник добра не смирился с тем, что тогда происходило. Войдя в доверие к какому-то весьма богатому и знатным жителям Александрии, которые твердо держались безумия идолопоклонства, он уговаривает их отправиться во дворец и, представ перед императорами, сказать, что прежде Филипп был отличным правителем и выказывал благочестие к богам, теперь же, на десятый год управления, неизвестно почему смутился и задумал смутить весь город, заменив почитание всех величайших богов служением одному человеку, которого иудеи, говорят, распяли в Палестине. Этим он нарушил отеческие обычаи и стал почитать новые законы, предпочел нам нечестивых и, коротко говоря, сделал все на погибель нашу и наших богов. Выслушав их, императоры²⁵ пишут Филиппу так: «Наш божественный предшественник, зная, что ты благочестив и ревностно чтешь богов, вверил тебе высокую власть и назначил скорее царем над всем Египтом, чем епархом, и до конца дней твоих велел не лишать тебя этого сана, но отмерить время правления сроком твоей жизни. Мы соблюдали это дарованное тебе преимущество, пока ты почитал богов. Поскольку же теперь идет молва, что ты изменил вере в богов и нам не предан по-старому, постановляем, что ты сохранишь свою власть, если же вернешься к прежней вере, если же отречешься служения богам, будешь отрешен от власти, а имущество твое пойдет в казну».

Филипп, получив это письмо и прочитав его, решил представиться больным, пока не продаст свое имущество и не поделит деньги между церквами и нищими Александрии и всего Египта. Так как Филипп не только обладал даром убеждать — ведь многих язычников он обратил к благочестию, — но был весьма боголюбив и благочестив, вся Александ-

рия единодушно призывала его на епископский престол. Сколь же он был горяч верой и стоек, покажет его конец, ибо умер он, украсив главу свою мученическим венцом. На его место императоры посылают нового епарха Теренция; только прибыв в Александрию, он пускает в ход все, чтобы убить Филиппа. Не отваживаясь сделать это открыто (ибо в городе того весьма любили), Теренций задумывает тайное убийство и поручает его исполнение нескольким мнимым христианам (лишить епарха жизни было ему приказано императорами). Эти люди прокрадываются в дом Филиппа и нападают на него, когда он читал молитву. Теренций в страхе, чтобы народ, возмущенный происшедшим и весьма любящий Филиппа, не обратился против него, повелевает схватить и бросить в тюрьму убийц, стремясь этим скрыть правду и показать, что не одобряет содеянного. Вскоре — императоры повелели и это — Теренций освобождает их от оков. Так умер Филипп, прожив после нанесенной ему раны три дня. Его хоронят внутри городских стен вблизи так называемого Исиона,²⁶ где при жизни он построил церковь. Евгения, после того как открылось, кто она, вместе с другими девами наблюдала жизнь по Христу. Блаженная Клавдия, супруга, как мы уже сказали, Филиппа и мать Евгении, помимо странноприимного дома, построенного ее мужем, основала другой, пожертвовав большие деньги на нужды тех, кто искал там приют. Так все складывалось, и такую жизнь вплоть до этого времени вела Евгения. Но речь моя стремится поведать и о славной кончине Евгении, ибо она была почтена мученическим венцом. Спустя некоторое время после смерти Филиппа жена его Клавдия, взяв с собой Евгению и сыновей, Авита и Сергия, возвращается в великий Рим. Родина приняла Клавдию ласково, а синклит назначил ее сыновей на высокие должности: Авита — анфипатом²⁷ Карфагена, а Сергия — викарием²⁸ в Африку. Евгения же довольствуется единственной вестью, которая выше всех, — добродетелью и жизнью по богу, и стремится единственно к тому, чтобы дочери синклитиков²⁹ разделяли с ней ее ревность и цель. Среди них была одна, Василла, много превосходящая остальных, истинно достойная удивления девушка царской крови, которая прославилась, как будет рассказано, почти так же, как Евгения. Слыша о Христе и его чудесах, а также и о Евгении, она страстно желала уйти к ней, чтобы внимать ее божественным речам. Но этому препятствовал ее жених (она была сосватана за Помпея) и то, что началось преследование христиан. Поэтому она находит верного человека и через него просит Евгению, чтобы та письменно просветила ее в христианской вере. Святая же, хорошо зная, сколь велико различие между писанным и живым словом и сколь несравнима польза, когда человек письменно убеждает и поучает или беседует о такого рода предметах, так как много отличается живое слово от начертанного рукой мертвого, принимает мудрое и вместе смелое решение. Она уговаривает Прота и Иакинфа надеть рабское платье и отправляет их в дар Василле, чтобы они заменили ей письмо, вернее, были

для нее говорящим письмом. Встретив их с великой радостью, Василла преклоняется перед ними, точно пред апостолами Христовыми. Великий светоч среди епископов, Корнилий,³⁰ услышав о Василле, явился к ней ночью, так как христиан преследовали, и удостоил божественного крещения. Так Василла и Евгения, связанные неизреченными узами христианской любви, шли к богу как бы в одной упряжке, соединенные общей судьбой и общими мыслями, многих других также склоняя под это ярмо. О, скольких дев они привели к общему нашему владыке, скольких вдов привела почтенная Клавдия, скольких мужей — Прот и Иакинф! Однако, когда столь дивно крепла христианская вера, зависть дьявола еще яростнее стала преследовать благочестивых. В правление римских императоров Валериана и Галиена³¹ он обольстил многих римлян и посеял в умах их семена зла, так что началось жестокое гонение христиан. Жертвой его оказался Корнилий и окружавшие его, ибо они, делом и помыслом стремясь к процветанию христианства, отвратили от почитания богов не только чуть что не весь Рим, но и окружающие его города и местности и провозгласили общим своим владыкой и богом того, кого они называли Христом. Тотчас же императоры обнародовали указ, который обошел всю империю, предписывавший ловить и предавать смерти христиан, выдающихся благочестием и ведением догматов. Многие разными способами были умерщвлены, а Корнилий избежал общей участи потому преимущественно, что его почитал синклит и знатнейшие его члены, наподобие крепости, защищали его; кроме же того, сам он был осторожен во имя безопасности других. Василла и Евгения ободряют друг друга на подвиг и, не в силах долее сносить разделявшее их расстояние, ибо душевно они составляли одно целое, встречаются и вступают в общение. Евгения перед предстоящим состязанием многое рассказывает Василле, упоминает и о полученном от Христа откровении, что вскоре она свершит подвиг мученичества и увенчается венцом. То же поведала ей в ответ Василла — Христос-де открыл ей судьбу Евгении, которую ждет двойной венец, — одним она будет увенчана за перенесенные в Александрии и Египте опасности и труды, другим — за мученичество и принятую во имя Христа смерть. Обменявшись такими речами и помолвившись друг за друга, а также призвав сестер Евгении быть стойкими и не страшиться умереть за Христа, они разлучаются телесно, проливая в любви друг к другу слезы, словно глаза их не могут отказаться от созерцания той, на кого они смотрят.

Так как должно было свершиться предназначенному им господом, одна из сопровождавших Василлу служанок сказала Помпею, что, если он не уведет в свой дом Василлу (Помпей с помощью императора едва добился ее), достигшую уже брачного возраста, потом не получит ее в жены. «Знай, что она, — говорит рабыня, — наслушавшись речей Евгении, стала христианкой и отвергает не только брак, но и этот мир. Потому ее опекун Элин как христианин, имеющий с ней одну цель, от-

кладывает свадьбу. Евнухи же, которых Евгения послала ей под видом рабов, — настоящие волхвы и так околдовали ее, что теперь Василла видит в них владык и считает бессмертными богами». Когда коварная рабыня рассказала все это Помпею, он пришел в сильный гнев и, дыша злобой, отправился к Элину. Он потребовал от Элина, чтобы тот показал ему девушку и устроил их свадьбу, если не хочет быть открытым врагом императоров. Элин понял, услышав эти слова Помпея, кто предал Василлу, но ответил независимо и достойно: «Мне было доверено опекать девушку, пока она не достигнет совершеннолетия, и я растил ее и заставлял жить по моей воле. Теперь же, когда она возмужала и вступила в брачный возраст, она уже вышла из-под моей воли и, следуя своему желанию, поступает, как ей угодно». Получив этот ответ, Помпей тотчас же отправился в дом Василлы и, постучав в двери, велел привратнику сообщить о своем приходе. Она же через раба невозмутимо передала юноше свой отказ, говоря, что ничто не связывает Василлу и Помпея и она должна упрекнуть его за этот приход. Ибо как можно искать разговора с глазу на глаз с девушкой, которая недоступна для мужских взглядов. Помпей приходит от этих речей в сильный гнев и, направившись в синклит, сначала просит помочь ему добиться брака с Василлой; склонив же синклитиков на свою сторону, он со слезами припал к ногам императора, оплакивая свое несчастье как общую для всех беду и говоря: «Ради своего блага, божественные императоры, во имя себя и своих богов восстаньте на брань и изгоните из своего города нового бога, которого теперь принесла из Египта Евгения. Ибо христиане всячески все сквернят — посмеваются над императорами, презирают законы, отвергают благосклонных к нам и приносящих спасение богов как праздных, рукой человеческой сотворенных кумиров. Теперь они измыслили новое бесчестие — не признают брачные законы и запрещают брак. Просватанным или тем, кого вот-вот просватают, они не позволяют видеть мужей или, лучше сказать, не допускают к ним мужей, сами завладевают ими, нечестиво их совращая. Что станется и что делать, если отменен будет брак! Противозаконнику препятствует закон, законопослушному — христиане: видно, появились новые демоны зла, чтобы скончать род людской. Если так будет продолжаться, опустеет земля. Что станется с войском? Ведь неоткуда будет вам взять воинов. Кем будут управлять императоры и с кем пойдут на врагов? Какая судьба ждет государство и граждан?». Эти горестные слова Помпея нашли отклик в синклите, так что император, опечалившись, вынес суровое решение, предписывавшее связать Василлу законным браком с ее женихом или предать мечу. Когда же императору стало известно и об Евгении, он тотчас повелевает, чтобы она либо дала согласие приносить жертвы богам, либо, обреченная пытке, умерла насильственной смертью. Он также постановляет подвергнуть наказанию всех христиан, а наравне с ними и тех людей, которые дают христианам приют и помогают скрываться. Когда об этом приказе услышала Ва-

силла, воистину царица своим красноречием и душой, с большей властью, чем только что император, она произнесла: «Будучи невестой царя царствующих и нашего творца, я отвергаю брак со смертным мужем, хотя этого требует царь земной. Ибо страшно, право, страшно впасть в руки истинного царя и бога живого».³² Едва она произнесла эти божественные слова, как ей отсекли голову. Таков был конец Василиллы. Захваченных Прота и Иакинфа отводят в храм Зевса, но они гнушаются принести жертву идолу. Стоя перед этим мнимым богом, они помолились, и вдруг кумир падает к ногам их и — о чудо! — раскалывается и рассыпается в прах и в пыль. Когда об этом узнал епарх Никитий, он приказал отсечь юношам голову, а Евгении, согласно императорской воле, явиться. Едва она вошла, епарх говорит: «Как достигли вы такого искусства волхования, чтобы тебе повиновались сами величайшие боги?». Говоря это, епарх неприкровоенно восхвалял Прота и Иакинфа, ибо единственно молитвой своей они величайшего из богов обратили в прах и за единое мгновение уподобили персти земной. Боговдохновенная Евгения с великой мудростью отвечала: «Ты верно сказал, о епарх, что мы повелеваем вашими богами. Но совершенно нелепо и ошибочно объяснять это волхованием, а не божественной и неборимой силой единого бога, которому мы поклоняемся. Ведь, утверждая, что волхвы с помощью нечистых и плотью одаренных демонов подчиняют себе ваших богов и даже верховного надо всеми небожителями, вы переворачиваете все и опрокидываете вверх дном, уделяя могущественнейшим богам место низших демонов. Вы делаете из них не богов, а рабов и заставляете их быть покорными демонам, а из демонов, наоборот, творите богов и при этом величайших. Это подтверждается и иначе: поклоняясь этим демонам как истинным богам и веря в их благость, вы, однако, недоумеваете, почему они оказываются слабее злых демонов, ибо не знаете, что сами они злые и коварные демоны.

Бог же надо всем один, и даже имени его они не могут вынести, ибо, как воск, по слову божественного Давида, они тают и гибнут от лица огня».³³ Услышав эти слова, Никитий поразился величию ее мысли, но, всецело преданный безумию идолопоклонства и единственно стремясь угрождать своим кумирам, велит отвести Евгению в храм Артемиды в сопровождении палача, который потрясал бы перед Евгенией мечом, то убеждая ее уступить, то угрожая, если она откажется совершить жертвоприношение, что он поразит ее, и указывал бы при этом на меч в своей руке. Войдя в храм, она встала перед кумиром и, молясь богу, просила, чтобы пали все идолы, говоря: «Боже вечный, возжелавший, чтобы я была рождена, взращена и до часа сего осталась девой и стала невестой единородному твоему сыну, и уготовавший, чтобы был на мне и руководителем мною святой дух, явись и ныне, в час свидетельства моего о тебе, сверши это чудо, дабы почитающие тебя были прославлены и посрамлены все, кто поклонялся этому безгласному и глухому идолу и

почитал рукотворные кумиры». Когда она кончила молитву, бог колеблет землю, храм рушится, а вместе с ним разбивается идол Артемиды, и все в этом храме уничтожается. Свидетели охвачены удивлением, о чуде узнают и те, кто не случился тогда в храме, с разных сторон стекается народ; люди, могущие здраво мыслить и рассуждать, сочли случившееся чудом и явлением божественной силы, а все, кто был лишен и правильных суждений и способности мыслить, оскорбляли Евгению насмешками и называли ее колдуньей. Обо всем этом узнает император и, желая отомстить за своих богов, велит надеть на шею Евгении тяжелый камень и бросить ее в реку Тибр.³⁴ Но взявшиеся за этот труд родили беззаконие: ³⁵ богу было угодно, чтобы воля императора не исполнилась. И вот с шеи Евгении спал камень, и она, как великий Петр, немокренно ступала по водам реки.³⁶ Убедившись, что вода ей не страшна, император повелел ввергнуть святую в огонь большой печи. Но призревающий на нее господь и тут не оставил Евгению, и огонь, точно изменив своей природе, сохранил тело ее невредимым. Что же было дальше? Теперь ее решили предать глубокой тьме и голоду, заточив в мрачную темницу и лишив всякой пищи. Но враги не знали, что с нею владыка света, по слову пророка, кто излил на нее дневной свет,³⁷ и вся темница сверкала божественным сиянием. Ей был дарован не только свет, но и божественная пища с неба — каждодневно Евгения чудесным образом получала хлеб белее снега и неземной сладости. Но величайшее этого чудо было явлено ей — сам тот Спаситель предстал Евгении, говоря: «Я, Евгения, тот, кто принял за тебя крест и смерть, за кого и ты пожелала претерпеть эти муки. Потому я удостою тебя великой славы и исполню всяческой благодати. Удостоверением любви моей к тебе да будет то, что день, который уведет тебя к небесной жизни, будет днем, когда я явился к человекам». Сказав это, господь покинул ее. Вскоре реченное им слово сбылось. Ибо в темницу к Евгении посылают какого-то переодетого монахом злодея, который ударом меча убивает мученицу в самый день рождения нашего Спасителя. Мать и братья, свершив положенные обряды над своей пречудной дочерью и сестрой, переносят ее останки в некое место близости от города, зовущееся Римской дорогой.

Столь благочестиво прожила Евгения, столь благородно, соответственно имени своему, скончала дни, что мы не знаем, чему нам надлежит более дивиться, жизни ее во Христе или смерти за Христа: малое время спустя открылось, что она удостоилась славы и за жизнь свою, и за смерть. Чувства ее матери были двойными — она радовалась, что Евгения стала жертвой за Христа, но печалилась из-за разлуки со столь пречудной дочерью и жестоко страдала, не видя ее. И вот во сне ей предстает мученица в столь блистательных одеждах, что глаза на нее было не налюбоваться, сопровождаемая девами, с которыми красотой не могла сравниться ни одна царица. Представ перед матерью, она сказала так: «Зачем, о мать, ты убиваешься обо мне и неутешно плачешь? Участь моя

достойна радости, а не слез. Знай, что я и мой отец Филипп вкушаем неизреченное блаженство, приготовленное мученикам, пребывая со Христом как сопрестольные ему. По прошествии немногих дней он призовет и тебя в эту жизнь; братьям же моим постоянно наказывай нерушимой блюсти печать Христову³⁸ и быть мне братьями и по духу, чтобы весь наш род мы принесли господу как прекрасный дар». Это услышала мать от Евгении; она говорила, что узрела сонмы ангелов с ликами, исполненными блаженства и благоговения, которые как бы показывали, что те по достоинству почтены и сопричастны вечного блаженства. Да удостоимся этого все мы по благодати и человеколюбию господу нашего Иисуса Христа, слава которому, честь и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВИЗАНТИЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ КАК ЛИТЕРАТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

К византийской агиографии, т. е. виду благочестивой повествовательной прозы, можно подходить с различных сторон: разнообразие попавшего в орбиту легенд материала позволяет многосторонне использовать их. Здесь и подбор текстов, и угол зрения на них определяется основным, но, к сожалению, менее всего привлекавшим внимание исследователей аспектом агиографии — историко-литературным. Ведь, несмотря на религиозный характер содержания, агиография — прежде всего разновидность художественной прозы, заступавшая место почти полностью отсутствовавшей в Византии беллетристики, как родственная ей по своему назначению и характеру иконопись — прежде всего живопись. Искусственное отграничение агиографии от светской литературы (неправомочное с теоретической стороны, оно обедняло и искажало наше представление о средневековом искусстве) и тенденция рассматривать ее как прикладной материал, только проливающий свет на что-то ей внеположенное, что-то наподобие делового документа объясняющий, заслонили самостоятельное значение этого жанра и привели к тому, что его историко-литературное изучение находится еще в зачаточном состоянии. До сих пор отсутствуют сводные, обобщающие работы, а посвященные тем или иным видам легенд, вехам в их развитии или творчеству отдельных агиографов можно без преувеличения сосчитать по пальцам. Так что, несмотря на наличие множества исследований, касающихся частных вопросов, агиография продолжает оставаться неисследованной областью, продвигаться по которой крайне трудно. В этом отчасти коренятся недостатки настоящей статьи, и этим отчасти они могут быть извинены.

Тематически агиография гораздо разнообразнее, чем это можно было бы ожидать, и при ее трансцендентной установке не покидает земли. В самом деле, в ней находят отражение политические события, детали хозяйственной жизни, придворные интриги, быт, даже реалистические научные проблемы, вроде объяснения явлений дождя, радуги,

града, наряду с церковной борьбой, догматическими спорами и монастырскими делами. Мы бываем в императорском дворце, в лавке ремесленника, на пиратском корабле, в зловещем убежище мага, поместье богача, в темнице, цирке, деревенской лачуге и харчевне. Страницы агиографических текстов набиты разноликой толпой, в которой можно различить не только святых или благочестивых христиан, но арабов, турков, иудеев, не только паломников с котомкой и посохом, священнослужителей или монахов, но уличных мальчишек, продажных женщин, процентчиков, палачей, осквернителей могил, увидеть наряду с власяницами, рубищами нищих и нимбами над головами праведников латы, красные сапоги императоров, шелковые одеяния щеголей. Но легенды не были бы легендами, не показывая они драконов на чешуйчатых лапах, оленей с крестом на рогах и даже самого дьявола. Иными словами, агиография достаточно многосторонне представляет действительность, рядом с которой уживается обычно наивная фантастика.

При единстве манеры изложения, отличавшейся только большей или меньшей степенью абстракции и обобщенности, легенды были разнообразны по жанрам. Мы знаем жития, мученичества, повествовавшие о преследованиях и пытках мучеников, хождения, чудеса, видения, сказания о чудотворных иконах; жития и мученичества различались повествовательного и панегирического типа, т. е. делились на биографии, описывающие жизнь и деяния святого, и на похвальные слова в его честь.

Уже с самого начала в агиографии обозначились и сосуществовали два направления — народное и риторическое. Первое, близкое к фольклору и к жанрам языческой повествовательной прозы, было представлено памятниками, в большинстве рассчитанными на низового читателя, хотя авторами их могли выступать представители образованных кругов, подобно Леонтию Неапольскому, сознательно приспособившие свои произведения к эстетическим запросам и уровню восприятия адресатов, которым они предназначались. Характерны для этой группы жития Симеона Юродивого, Космы и Дамиана, Макария Римского, Симеона Столпника. Здесь господствовали сюжетная занимательность (низовой читатель нуждался в такого рода оболочке дидактики, предпочитая воспринимать ее не непосредственно), атмосфера наивных чудес и упрощенность всех форм выражения.

Кроме того, памятники народной агиографии не всегда согласовывались в частных вопросах веры и жизни с воззрениями ортодоксальной церкви, а во многие из них проникали и чисто еретические сказания; таким церковь отказывала в признании и боролась с ними.

Риторические легенды,¹ хотя этот стиль встречается и в памятниках низовой литературы, преимущественно обращаются к более образован-

¹ Этим термином обозначаются не произведения риториков-профессионалов, о чем речь впереди, а сказания, исполненные риторическим стилем, проникшим из

ной публике. Представление о них дают жития Николая, составленное Симеоном Метафрастом, Евгении и мученичество Евстафия. Обе группы сближает между собой ориентация на фразеологию и образность Ветхого и Нового завета, хотя в остальном дикция их значительно варьирует. Чтобы убедиться в этом, сравним сложную метафористику отрывка из риторического жития Георгия Амастридского, наивный стиль народного автора и доморощенное витийство агиографа Михаила Синкелла:

Житие Георгия
Амастридского

Чудеса святого Георгия

Житие Михаила
Синкелла

...Он успешно подражал в ревности и Финеесу, секирой дерзновения рассекши гибельное смещение корыстолюбия и лжи, проколов гнусное чрево и вытравив наподобие плода созревающее в нем убийство, прежде чем ему свершиться...

Святой говорит девушке: «Сними с себя пояс, а с коня моего поводишь и дай сюда». Девушка сняла и подала их святому. И по устройению божию он связал змия и передал его девушке, говоря: «Поведем его в город». Она взяла змия, и они пошли в город.

Потому он, повелев Михаилу оставить упомянутую отшельническую келью, отвел его в церковь во имя святого Воскресения господа нашего Христа вместе с двумя учениками, я разумею Феодора и Феофана, которым назначил жить в монастыре Спудиев, построенном святейшим патриархом Илией близ церкви во имя святого Воскресения господа нашего Христа.

По мере развития в наиболее продуктивном жанре агиографии, житийном, была выработана графическая схема ведения рассказа.² Житийный шаблон складывался из предисловия и краткого послесловия агиографа, обрамляющих собственно повествование, включавшее в себя следующие обязательные вехи: восхваление родины и родителей святого, чудесное предвозвещение его появления на свет, проявление святости в детском и юношеском возрасте, искушения, решительный поворот на путь духовного спасения, кончина и посмертные чудеса.³ Неправильно, однако, усматривать в регламенте структуры, как это склонны делать, стеснение авторской индивидуальности и свидетельство регресса житий-

сферы красноречия не только во многие литературные жанры высокого направления, с красноречием не связанные, но даже и в низовую литературу.

² По-видимому, независимо от работы Мертеля (H. Mertel. Die biographische Form der griechischen Heiligenlegenden. Diss. München, 1909, S. 90 u. a.), установленного топикну композиции житий, аналогичные наблюдения над их структурой были сделаны X. Лопаревым в книге «Греческие жития святых VIII—IX вв.» (Пгр., 1914, стр. 16 и сл.).

³ Многие мотивы, заполняющие эту схему, находят себе параллели в языческом мифе и международном фольклоре. См.: Д. Шестаков. Исследования в области греческих народных сказаний о святых. Варшава, 1910, стр. 104 и сл.

ного жанра. Трафарет в античной и средневековой литературах — не синоним штампа, так как оригинальность и свобода не мыслятся вне формальных рамок, строго ограниченных соответствующими условиями; самое же его появление, как видно по сравнительному материалу (убедительнее всего на древнегреческой трагедии и комедии), указывает только на период закончившегося формирования жанра.

* * *

Вопреки часто вполне правдоподобному сюжету большинство легенд не основано на подлинных событиях, а представляет собой миф или фольклорный рассказ, замаскированный под реальный факт: стоит снять с героев монашеское платье или лишить мученического венца, как их светское, подчас и языческое происхождение обнаружит себя, а изображенные ситуации уложатся в соответствующий мифологический или сказочный трафарет.

Начнем рассмотрение с легенд, ситуации и персонажи которых выглядят так достоверно, что даже скептику трудно сомневаться в их нежитийском происхождении. В рассказе Палладия о подвижнике Питируме и юродивой монахине ничего, кроме полученного им откровения, что в такой-то обители живет превосходящая его святостью монахиня, не может быть отнесено за счет благочестивой фантастики, и сюжет на первый взгляд вполне реалистичен: юродивую презирают остальные сестры, ей поручена самая черная работа на монастырской поварне, она упорно уклоняется от встречи с пришедшим знаменитым подвижником, а когда тот всем открывает ее великую святость, монахиня, тяготясь неожиданной славой и раскаянием своих обидчиц, убегает из монастыря.

К этому сюжету в житийной литературе имеется ряд параллелей: пресвитер одного монастыря, «достигший всякого рода добродетели», однажды ночью восхищен в рай, стражем которого, к его удивлению, оказывается самый презренный в обители монах, повар Евфросин. Наутро пресвитер сообщает братии об этом; во время его рассказа Евфросин «вышел из церкви, чтобы избежать славы людской, и до сего дня более не показывался» (житие Евфросина-повара). Другой подвижник, авва Даниил, обнаруживает в грязной и всегда пьяной монахине святую. Лишь только тайна ее открыта, монахиня покидает монастырь (житие аввы Даниила № 7). В житии Иоанна Милостивого то же передается в светском варианте: благочестивый константинопольский мытарь Петр велит своему рабу, чтобы тот продал его в Иерусалиме какому-нибудь христианину, а полученные деньги роздал нищим. Попав в дом господина, Петр исполняет обязанности кухонного мужика и вдобавок к этому терпит всевозможные унижения и обиды со стороны остальных слуг. Однако, когда на моление в Иерусалим приходят сограждане Петра

и, приглашенные его хозяином в гости, узнают праведника, он скрывается, велев глухонемому привратнику открыть ворота, т. е. напоследок еще совершает чудо. Псевдофотографичность рассказов этого рода окончательно подтверждается при сопоставлении с фольклорными сюжетами типа широко распространенных сказок о Золушке. Чудной красоты и благородного звания героини (сказки, как византийские легенды, знают Золушку и в мужском варианте) по собственной воле или в результате принуждения злой силы становятся служанками-замарашками, исполняющими грязную или считающуюся постыдной работу: моют кухонные горшки, пасут гусей и т. п. Они живут в презрении и терпят обиды, пока принц или король не обнаружит по какой-нибудь примете, вроде башмачка, кольца или золотого яблока, их истинное лицо. Однако золушки не хотят быть узванными, прячутся, маскируются, бегут. Разница лишь в назидательности рассказа, типичной для агиографии, да в том, что место чудесных красавиц заступают в легенде праведники, от всех таящие свою из ряда вон выходящую святость, место влюбленного принца или короля — прославленные подвижники, а действие переносится в монастырь, но контуры сюжета остаются неизменными: героя-замарашку, скрывающегося под личиной юродства или крайней приниженности, открывает великий аскет; по повязке монахини или по сорванному в раю яблоку Евфросина он узнает в презираемых героях выдающихся святых, но те, подобно своим двойникам из сказки, не хотят признания и тотчас покидают монастырь, исчезая навсегда.⁴ В новелле о Петре-мытаре, еще более, чем две первые, веристичной и имеющей к тому же светский сюжет, известный аскет дублирован согражданами праведника, в рабе узнавшими своего некогда богатого знакомого, монастырь становится домом его господина, а узнавание происходит непосредственно без помощи обычно служащих для этого опознавательных предметов.

Столь же обманчиво бытовое обличие легенд, повествующих о разлуке, приключениях и встрече после пережитых бедствий благочестивой семьи или супружеской пары (мученичество Евстафия и жития Малха, Ксенофонта и Марии, Андроника и Афанасия). Этот сюжет существовал задолго до византийского времени и известен в своей первичной мифологической форме и во вторичной реалистической транспонировке. Мы распологаем повествованиями об умирающих — воскресающих божествах плодородия, складывающимися из серии разлук, поисков, страданий, временных смертей и нахождения богиней (Исида, Афродита) своего влюбленного или супруга (Осирис, Адонис), а с другой стороны, их позднейшими секуляризованными (обмирцвленными) вариантами, греко-

⁴ W. Bousset. Der verborgene Heilige. Archiv für Religionswissenschaft, Bd. 21, H. 1—2, 1922.

языческими любовными романами (I—III вв.), а также раннехристианским назидательным романом «Климентинами» (не ранее 300 г.). Все они содержат рассказ о расставании, злключениях, мнимых смертях и воссоединении расставных по свету и ищущих друг друга влюбленных, молодых супругов, а иногда и целой семьи, т. е. родителей и детей.⁵ На христианской почве разведенные супруги или члены одной семьи, пройдя через обычные для этой сюжетной схемы испытания, воссоединяются, чтобы стать мучениками, монахами или по крайней мере, как в «Климентинах», отречься от язычества.

Достоверность в житии Филарета Милостивого основной сюжетной линии (факт своеобразных поисков невесты для императора Константина VI), черт бытового уклада, историчность многих действующих лиц и, возможно, даже самого героя легенды не помешала литературной конструкции подчинить себе реальный жизненный материал.

Образ и жизнеописание героя строятся по хорошо известному трафарету сказок о дураке-счастливце. Филарет представляет собой тип фольклорного глупца (буквально следует чужим указаниям, не понимает простейших вещей, пренебрегает естественными законами, совершает бессмысленные добродейния, что неизменно приводит к разного рода нелепостям), который, как и его собратья из фольклора, торжествует в развязке, получает несметные богатства и роднится через свою внуку Марию с императорским домом (фольклорный дурак-счастливец обычно сам получает царство и руку царевны). Если герой жития, что очень вероятно, был вымышленным персонажем и реально не существовал, — перед нами монолитный по своему составу и замаскированный под события реальной истории рассказ, — чтобы не сказать сказка, — о бедном и глупом герое, совершающем одну нелепость за другой, однако оказывающемся в развязке обладателем богатств, трона и царской дочери. Если же Филарет действительно отец Марии из Амнии, впоследствии супруги императора Константина VI, и судьба его действительно сложилась представленным в житии образом, рассказ о реально прожитой жизни, случайно отлившийся в форму, совпадающую с фольклорным сюжетом о дураке-счастливце (при веристическом характере фиктивного повествования подобные случаи, как известно, не только встречались, но даже не были редкостью), в силу этого совпадения притягивал к себе черты, типичные в фольклоре для носителя такой биографии, и сам соответственно ретушировался: ведь типизация реальных людей и событий составляла отличительную особенность средневекового сознания. Сочетание в этом житии серьезного и гротескного основано на ином, сравни-

---

⁵ О. Фрейденберг. Происхождение греческого романа. «Атеист», 1930, № 12. (На эту тему автор в 1924 г. защитил диссертацию, до сих пор, к сожалению, не опубликованную); K. Kerényi. Die griechisch-orientalische Romanliteratur. Tübingen, 1927.

тельно с современным пониманием художественной правды, а тем самым и границ высокого и комического. Для византийца художественная правда означала преувеличение той стороны изображаемого, на которой он стремился поставить акценты, что не могло не притуплять ощущение гротескного. С другой стороны, иллюзию жизненного правдоподобия не нарушало в глазах читающих наличие черт персонажа, не вяжущихся и даже вступающих в резкое противоречие с его внутренней сущностью, вроде себялюбия Филарета, так как внимание, направленное на характерологические контуры, не воспринимало психологических несообразностей. Это помогло чертам фольклорного сюжета о дураке-счастливецке удержаться в благочестивой новеллистике.

Трудно поставить под сомнение и реальность событий, разворачивающихся в легенде о Пелагии (за изъятием чудес и знамений, которые, впрочем, не играют роли в ходе действия), поскольку происходящее вполне представимо в хронологических рамках жития V в., когда перковь пополнялась массами новых прозелитов и идея монашеского подвига увлекала к самым экстравагантным проявлениям благочестия. В том, что Пелагия под влиянием услышанной проповеди принимает христианство и много лет ведет строгую подвижническую жизнь, выдавая себя за евнуха Пелáгия, нет ничего невозможного. Но перед нами все же, как это блестяще показал Г. Узенер, не зарисовка с натуры, а преображенный в христианском духе рассказ о языческой богине Афродите.⁶ Ее эпитеты *pelagia*, т. е. морская, и *margaritó*, т. е. украшенная жемчугами, становятся именем нового, выросшего на основе языческих представлений образа христианской святой Пелагии—Маргаритó (как звали увешанную драгоценностями блудницу в ее родном городе) — Пелáгия. Атрибут Афродиты голубь переходит и к ее двойнику Пелагии вместе с присущими семитскому варианту этой богини чертами распутства и девственности, а также двуполостью, выраженной в легенде мотивом переодевания в мужское платье.

Даже мартирии, основанные будто бы на протоколах допросов — а что может поспорить с правдивостью такого рода документов? — в большинстве случаев тоже имеют дело не с реально существовавшими святыми и не с действительными фактами.⁷ Личность мученика обычно вымышленна, действие происходит в легендарной обстановке, об императорах-гонителях сообщаются фантастические сведения, а преследования окрашиваются в гиперболически-сказочные тона, противоречащие показаниям исторических источников; шаблонами для обрисовки враждебных христианству императоров Диоклетиана, Деция, Валериана или представителей римской администрации служат образы библейских царей-нече-

⁶ H. Usener. *Legenden der heiligen Pelagia*. Bonn, 1879 (Предисловие).

⁷ П. Безобразов. *Византийские сказания, ч. I. — Рассказы с мучениках*, Юрьев, 1917, стр. 279 и сл.

стивцев, а материал для изображения мучений и пыток нередко заимствуется из греческой трагедии или романа.

Самое повторение одних и тех же сюжетов и мотивов подтверждает, что за их спиной не стояло действительное событие, так как для оправдания многократного «переиздания» им недостает характерности. Если, как мы уже это видели на примере жития Пелагии, можно было думать, что рассказ о женщине, под видом евнуха ведущей жизнь анахорета или подвизающейся в мужском монастыре, отражает причудливый характер свойственного времени благочестия и вполне вероподобен в своей единичности, то массовость этой ситуации в житиях (достаточно назвать жития Анастасии Патрикии, Евфросинии Александрийской, Феодоры Александрийской, Евгении, Марии—Марина, Афанасия и Андроника, Аполлинарий—Дорофея, Матроны Пергской, Сусанны, Евфросинии Новой) должна была бы поколебать веру в житейское происхождение ситуации, не будь даже Узенером раскрыта мифологическая природа мотива женско-мужской травести.

Псевдореалистичны легенды о блудном сыне, вернувшемся в родительский дом и живущем там никем не узнанным (жития Алексия, Иоанна Куцника, Онисима), об обращении прекрасных грешниц (жития Таисии, Марии Египетской, «Раскаяние Пелагии»), новелла о Марии-римлянке, входящая в житие Макария Римского, жития Феофана Антиохийского, Авраамия Затворника, Евдокии), о рассеянных судьбой и ищущих друг друга супругах или целых семьях (жития Ксенофонта и Марии, Андроника и Афанасии, мученичество Евстафия) и многие другие.

Видеть в этих повествованиях отражение типичных явлений жизни затруднительно, так как ситуации вроде рассмотренных выше едва ли могли быть типичными для какого бы то ни было времени. Зато ко всем перечисленным сюжетам можно подобрать источники: сюжет об обращении блудницы восходит к новозаветной мифологии, где он выступал в популярных рассказах о Марии Магдалине, самаритянке, у колодца беседовавшей с Христом, и прелюбодейке жене из Евангелия Иоанна, повесть о блудном сыне основывалась тоже на новозаветной традиции; происхождение других повествовательных схем было объяснено выше.

Область, с нашей точки зрения, фантастических легенд — византийцы, впрочем, не делали разницы между вероподобным и сказочным, считая то и другое в одинаковой мере достоверным, — тоже обнаруживает свою зависимость от фольклорных или языческих источников.

Черты древнегреческого фольклора вырисовываются в легендах о святых, которые исцелили льва и за это обрели в нем верного помощника. Вместо язычника Андрокла, спасенного от смерти благодарным львом, это святые Герасим, Савва Освященный, Анин и многие другие герои житий, которым служит благодарный лев.

В чуде Георгия, явленном им Феописту, можно узнать миф о Дионисе и Икарии. Подобно Дионису, в благодарность за оказанное гостеприимство подарившему Икарию виноградную лозу, Георгий награждает своего хозяина, воскресив весь скот, убитый им для приема святого. Еще ближе к чуду Георгия позднейшая легенда о странствиях Христа и апостола Петра: они останавливаются в доме бедняка и просят мяса. Чтобы удовлетворить их просьбу, хозяин принужден зарезать свою единственную овцу. После ужина Христос велит собрать овечьи кости и положить их в шкуру; наутро бедняк видит у себя большое стадо и впереди его ожившую овцу с записью на лбу: «Все принадлежит бедному и его сыну».⁸ Легенда о божестве, в человеческом облике посетившем дом бедняка и воздавшем ему за гостеприимство, встречается в дохристианское и христианское время.

При единообразии схемы варьируется лишь фигура гостя, воплощаемая то в образе языческого божества или героя, то доброй волшебницы, то святого и, наконец, самого Христа, и получаемый хозяином дар: это либо воскрешенный скот, либо золотые монеты по числу жиринок, плавающих в супе, — так Христос вознаграждает бедную вдову,⁹ — либо виноградная лоза, либо еще что-нибудь. К сюжетам международного фольклора восходит легенда о борьбе Георгия со змеем, пожирившим жителей города Ласии.

Пример книжного языческого влияния дает житие Макария Римского. Первая часть, занятая повествованием о странствии трех монахов в поисках края света, где небо соединяется с землей, повторяет известный в Греции со времен Гомера и отраженный международным фольклором сюжет путешествия по чудесным странам. Автор этой монашеской Одиссеи использовал один из позднейших ее вариантов, христианизированный пересказ народной книги об Александре Македонском псевдо-Каллисфена,¹⁰ в котором подлинная биография Александра отступила на задний план, и сюжет преимущественно касался его чудесных приключений в дальних землях. Христианско-монашескому образу мышления чужда и завязка, тоже восходящая к языческому источнику и мотивирующая предпринятое странствие стремлением постигнуть тайны вселенной. Недаром во второй назидательной части легенды, посвященной обретению Макария, автор показывает тщету и греховность подобного стремления. Развенчание любознательности как стимула странствия монахов лишний раз свидетельствует о чужеродном генезисе рассказа: его завязка и мотивация действия, усвоенные агиографом, были вызваны к жизни дохристианским сюжетом, где они не наталкивались на религиозно-моральное осуждение.

⁸ А. Афанасьев. Народные русские легенды. М., 1859, стр. XXIV.

⁹ Там же, стр. XXI.

¹⁰ А. Веселовский. Из истории романа и повести. СПб., 1886, стр. 325.

Мы принуждены были подробнее остановиться на источниках легенд, так как их установление обнаруживает не только необычное происхождение ряда на первый взгляд взятых из жизни сюжетов, но не в меньшей степени особенности их как вида художественной прозы: с одной стороны, пристрастие агиографии к повторению идеальных ситуаций, сказавшееся в массовом тиражировании — по средневековым масштабам, разумеется, — некоторых сюжетов, с другой — зависимость ее от языческой литературы и фольклора. Агиография оказывается в русле широкой и подчас прямо враждебной ей религиозной и повествовательной традиции, которую она искусно умела перерабатывать и подчинять своим потребностям. Пути усвоения этой традиции были многообразны. Мощный ассимиляционный процесс, начавшийся в IV—V вв., когда христианская церковь широко распахнула свои двери новообращенным язычникам, и длившийся с меньшей, правда, интенсивностью позднее, обусловил проникновение в христианский культ образов и представлений древней религиозности, особенно прочно укоренившихся в сознании народа. Они адаптировались, изменялись до неузнаваемости и продолжали жить в новой обстановке, для невооруженного глаза сохраняя тайну своего происхождения. Сюжеты фольклора, бытовавшего в древней Греции, как это свойственно народному творчеству вообще, поддерживались преимущественно устной традицией и потому легко находили доступ в легенды, а языческая литература, никогда не утрачивавшая своего значения в культурной жизни Византии, прокладывала дорогу книжным заимствованиям и влияниям.

Перечень источников, питавших агиографию, был бы неполным, если не упомянуть и действительную жизнь, которая тоже служила материалом агиографу. Следует, однако, не забывать, что факты, имевшие место в реальности, а также исторические личности становились обычно точкой аккумуляции мифологических мотивов и фольклорных схем. В дополнение к уже упомянутому приведем миф о благом царе, воскресающем в последние дни мира как спаситель своего народа и податель тысячелетнего блаженства, прикреплявшийся к ряду бесспорно реальных лиц вроде немецкого императора Фридриха II или короля франков Карла Великого,¹¹ а в легенде об Александре I, перевоплотившемся якобы в старца Федора Кузьмича, продемонстрировавший свою уже совсем недавнюю реплику.

Несмотря на деформацию реальности в сюжетах, заимствованных из действительной жизни, а тем более в таких, которые, с нашей точки зрения, фантастичны, легенда как греческий миф может служить надежным культурно-историческим источником. Нужно только уметь читать ее.

---

¹¹ F. Kamper's. Kaiserprophetien und Kaisersagen. München, 1895, S. 189 u. a.

* * *

Еще в большей мере, чем другие жанры византийской литературы, агиография подчинена дидактике, так как она прежде всего призвана наставлять. Это сказалось на характере используемых ею средств выражения.

Византийская агиография выработала стиль,¹² обладающий и при условии удаленности памятников друг от друга во времени, их жанровой неоднородности и различии направлений, в русле которых они возникли, рядом общих признаков, позволяющих видеть в нем особую эстетическую категорию. Главнейшая его характеристика, интегрирующая многообразные частные особенности, — они будут описаны ниже — это абстрактно-генерализующий способ изображения и идеализация изображаемого, т. е. подчинение религиозно-правственному нормативу. При этом в угоду общей идее жертвуется частным — вместо людских индивидов в отвлеченных условиях действуют собирательные воплощения общих идей, сословий и профессий, догматика и мораль просвечивают сквозь приданную им антропоморфную оболочку, а действительность укладывается в рамки желательных идеальных ситуаций. Повествование тщательно очищается от всего единичного и протекает в условной отвлеченной атмосфере, близкой к атмосфере аллегорий.¹³

К приметам агиографического стиля относится также неизменно серьезный, не знающий иронии тон, что резко отличает византийскую благочестивую беллетристику от беллетристики античной, пропитанной вне зависимости от своего географического прикрепления аттической солью, ориентация на фразеологию и образность Нового и Ветхого завета и антиэстетизм, допускаясь древнегреческой литературой только в область комических жанров и никогда не достигавший даже там такой высокой степени.

Начнем описание признаков агиографического стиля с его тяготения к формам идеализованной действительности, к ситуациям, приподнятым над будничным уровнем, выражающим вследствие сгущения красок наиболее полно и наглядно моральный образец или наиздание. Обычно агиографический памятник передает «дивное и невиданное чудо» (ж. Симеона Столпника), из ряда вон выходящее событие, далеко не всегда сверхестественного свойства, характеризующееся излагающим его автором как такое, о котором никто до тех пор не слышал, а тем более не был свиде-

¹² Под стилем здесь понимается художественная манера как совокупность выразительных средств, а не особенности авторской дикции.

¹³ К. Радченко (Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898, стр. 260 и сл.), кажется, единственный из исследователей агиографии видит в житиях XIV в. психологизм, индивидуализм и т. п. Приводимые им в пользу своей точки зрения аргументы не убедительны.

телем ему подобного (Чудеса Георгия № 12), иначе сказать, идеальную ситуацию, дающую возможность в самом выгодном ракурсе показать прославленного героя. Потому особенной популярностью пользуются сюжеты, рисующие в большей мере христианские нравственные и религиозные desiderata, чем нормы, типичные для повседневной жизни. К ним в первую очередь относятся уже известные нам повествования, скажем, о переодетой монахом женщине, которые нередко расцветались рассказами о том, как клеветники обвиняли этих мнимых иноков в соблазнении женщин — настолько их маскарад ни у кого не вызывал подозрений — игумен и братия с позором изгоняли из монастыря, а они в своем безграничном смирении воспитывали ребенка, отцами которого слыли, об обретении отшельника (отшельницы), таящихся от мира в недоступных или отдаленных местах и одичавших от многолетнего пребывания в пустыне, которых случайно находят, чтобы выслушать поучительную повесть их жизни и предать тело погребению (жития Марии Египетской, Кириака, Феоктисты Лесбосской, Павла Фивейского, Марка Афинского, Онуфрия Великого, Макария Римского, праведницы из 177-го рассказа Мосха; последние две легенды без мотива смерти праведника), или повествования о стойкости мучеников, представлявшие собою каталог самых немислимых пыток. Очевидно, для сгущения идеальной атмосферы эти исключительные житейские положения воспроизводились и в сочетании друг с другом — житие Пелагии, например, объединяет повесть о раскаявшейся куртизанке с рассказом о пребывании женщины в мужском монастыре, а житие Марии Египетской — сюжеты нечаянного обретения отшельницы и обращения блудницы. Вследствие тяготения византийцев к наглядным, резко окрашенным формам без полутонов и переходов идеальная, в их представлении, ситуация далеко отстояла от нормы реальной жизни, если сюжет был веристичен, или становилась причудливо-фантастической в сюжетах вроде сражения героя со змеем, пожирившим людей, или странствий по сказочным странам.

В этих же целях события реальной истории подвергаются идеализирующему переоформлению: в легенды включается лишь то, что укладывается в схему желательной действительности, освещая один из аспектов агиографического идеала, т. е. факты, содействующие восхвалению святого или дающие материал для подражания.¹⁴ Остальные, а также события, предшествовавшие предмету рассказа, опускаются совсем.¹⁵ Даже если агиографу была хорошо известна жизнь святого, он умалчивал о многих подробностях как несообразных с приподнято-назидательной кон-

¹⁴ В. Ключевский. Жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 432, 434. — Наблюдения, сделанные автором и другими исследователями относительно русских житий, подтверждаются и на материале византийских, что дает основание в нашем случае пользоваться полученными ими выводами.

¹⁵ И. Яхонтов. Жития севернорусских подвижников поморского края как исторический источник. Казань, 1882, стр. 214.

цепцией образа¹⁶ или в нужном для себя смысле их изменял.¹⁷ Потому легенды приходится рассматривать как «ограниченно годные» в качестве исторического источника — рисуемая ими картина редко бывает целостной и в достаточной степени достоверной. Чаще всего лишь по наивности или неосмотрительности автора в создаваемый им идеализованный мир прорываются свидетельства, нарушающие его гармонию и потому бесспорно достоверные. Так, Палладий в своем желании оттенить исключительную святость монахини, рассказывает, как смиренно она сносила поношения остальных сестер, не замечая, что тем самым дает неприглядную картину нравов известного строгостью своего устава Тавенниского монастыря, где сестры, оказывается, поливали — и не в фигуральном смысле слова — друг друга помоями, дрались, бранились, горчицей мазали нос той, кого преследовали (№ 34). Агиограф Февроний Сирский, стремясь дать представление о редкостной красоте своей героини, передает, что ее привлекательность способна была соблазнять женщин, посещающих монастырь, а автор жития Евфросинии Египетской по случайному поводу упоминает о содомитских отношениях в монашеской среде. Также поступал и продолжатель Мосха (№ 9), чтобы показать впечатляющий пример самопожертвования, он выводит благочестивого монаха, принявшего на себя вину другого, который украл диаконский мафорий.

Кроме того, путем перенесения центра тяжести на религиозно-назидательную сторону достоверные исторические факты превращаются в агиографическую легенду. Это имеет место в житии Филарета Милостивого, где идеальная ситуация отесняет реальную, в результате чего эпизод поисков императрицей Ириной невесты для своего сына Константина VI и обнаружение в Пафлагонии подходящей претендентки на трон вырастает в рассказ о торжестве нестяжательности. Главным героем становится дед будущей императрицы Марии, Филарет, который, даже став богачом, продолжает вести скромную жизнь, еще в большей мере, чем раньше, творит подвиг милосердия и удостоивается царствия небесного. Превращению этого эпизода дворцовой хроники в житие способствует и использование агиографической техники письма, по трафаретам которой строится повествование. Аналогичный угол зрения на исторические факты, которые составляют содержание легенды, наблюдается в житии Павла Ксиропотамского и Анфусы. Соответственной модификации при этом подвергаются участники описываемых реальных событий; агиограф изображает их по агиографическим канонам, т. е. как безликие персонификации.¹⁸ Потому персонажи, известные нам по исто-

¹⁶ Там же, стр. 221.

¹⁷ J. Leclercq. Wissenschaft und Gottverlangen. Düsseldorf, 1963, S. 184.

¹⁸ На принцип изображения исторических характеров впервые обратил внимание Делаэ (H. Delehaue. Die hagiographischen Legenden. München, 1907, S. 25).

рическим источникам, предстают в легендах в искаженном схемой виде, утрачивая индивидуальные качества. Императоры гонители христианства, иконоборческие императоры и их сподвижники, хотя они подчас и были лично известны агиографу-современнику, теряют под его пером особенности психологического облика, присущего им в жизни, и рисуются условно, стилизуемые под ветхозаветные фигуры Навуходносора или Антиоха, ставшие символами злодейства и греха. Положительные персонажи тоже подвергаются процессу обезличивания, но уже во вкусе положительного идеала. Этим процессом нивелирования и разнесения по нравственным категориям добра и зла — агиографы оперируют только этими полюсами — объясняется сходство подогнанных автором под маску абсолютного злодея таких по человечеству непохожих друг на друга личностей, как императоры Лев Армянин, Михаил II Травл и Феофил, которые для него только «нечестивые, богопротивные, змии из бездны, исполненные богопротивного образа мыслей, кровожадные, дышащие христоненавистным гневом», а их антиподы «блаженный» Михаил, «светочи» Феодор и Феофан, «поборник благочестия» Мефодий (житие Михаила Синкелла) тоже, как близнецы, неотделимы друг от друга, следовательно, едва ли похожи на себя. Пример из области русской иконописи еще нагляднее иллюстрирует эти абстрактно-унификаторские тенденции обрисовки личности — реальные деятели, канонизированные церковью, наделялись стереотипными чертами чина преподобных, в результате чего отличались друг от друга только такой несущественной для их внутреннего облика чертой, как форма бороды.¹⁹

Идеализации объекта изображения служит и элемент чудесного. Он призван продемонстрировать исключительность святого, и потому чудеса сопровождают его *ἀκμή* (период расцвета) и, следуя уже после смерти праведника длинной чередой, подтверждают заслуженные им права на апофеоз.²⁰ Говоря словами агиографа Петра Афонского, такой праведник «живет на земле неземным образом»,²¹ т. е. согласно закономерностям идеального мира, непохожим на те, что господствуют в действительном: там иные категории времени и пространства, иная физиология, механика и т. п. Потому Мария Египетская ходит по воде, как посуху, Коприй может без вреда для себя голой рукой снимать пену с кипящего в котле кушанья и мешать его, Иоанникий воспаряет над землей и по желанию становится невидим, Симеон Юродивый носит горячие уголья в складках одежды, перед Николаем и Модестом сами со-

¹⁹ М. А. Реформатская. Северные письма. М., 1968, стр. 28.

²⁰ K. Holl. Die schriftstellerische Form des griechischen Heiligenlebens. Gesammelte Aufsätze zur Kirchengeschichte II. Tübingen, 1928, S. 252 u. a.

²¹ Перевод этого неизданного жития см.: Великие Миниеи Четии. 1901, июнь, СПб., стр. 177. Пересказ, см.: С. Dukakis. Megas synaxaristes. 1888—1897, июнь, стр. 110 и сл.

бой отворяются храмовые двери, а Евфросин одновременно находится в монастырской поварне и в раю.

Иная форма идеализации — суперлативность всех объектов описания. Герой предельно (как редко кто) праведен, красив или стоек духом, келия праведника — предельно бедна, райский сад — предельно прекрасен, а пустыня — сурова. Крайности человеческих чувств и поведения, о чем мы постоянно читаем в легендах, кажутся сейчас почти гротескными: Мирон услужливо взваливает на спину вора, забравшимся к нему на гумно, тяжелые мешки с собственным житом, а любитель безмолвия Арсений смущается даже шорохом камыша и щебетом птиц.²²

Гиперболизм сказывается и в области цифровых определений. Богач, например, — обладатель 70 тысяч голов скота (чудеса Георгия, № 5), или, как Евстафий Плакида, кормит сотни тысяч людей, Макарий Римский три года живым лежит в земле и т. п.

Дух максимализма, царящий в легендах, делает общим местом заявления агнографов о том, что они ничего не преувеличили, и призывы верить всему ими рассказываемому вопреки его кажущейся невероятности,²³ т. е. идеальности.

Говоря об исторически засвидетельствованных личностях, которые действуют в легенде, мы уже бегло коснулись своеобразной трактовки агнографией человеческих фигур. Остановимся на этом подробнее. Представляя собой воплощения общих понятий и принципов,²⁴ они противопоставлены друг другу только как носители положительного и отрицательного начала. Эти личности-идеи либо конструируются методом абсолютизации какого-нибудь одного общего понятия (реже комплекса однотипных идей), либо абстрактно-собираательные понятия типа «араб», «христианин», «вдова», «грешник» заменяют нераскрытые внутренние свойства персонажа, уясняющиеся — большего для повествования не требуется — из одного его родового обозначения. Односторонность персонажей легенды подчеркивается уже в ее надписании посредством эпитетов прозвизг прославляемых праведников, которые, видимо, исчерпывали представление о личности их носителей. Иначе трудно понять, как эти общие определения могли возникнуть и служить характеристикой ряда различных лиц. Мы знаем нескольких постников (Иоанна Игумена, Нила, Иоанна Патриарха, Марка, Виссарiona, Исихия, Иакова),

²² Забавный пример этого рода встречается в русском житии — соловецкий игумен Зосима на смертном одре наказывал среди прочего, чтобы иноки его монастыря не пускали на остров даже животных женского пола (И. Яхонтов. Жития севернорусских подвижников, стр. 223).

²³ Понятия о подобных формулах дают жития Симеона Юродивого и Ипатия.

²⁴ См.: H. Delehaye. Die hagiographischen Legenden, S. 25—26; H. Mertel. Die biographische Form des griechischen Heiligenlebens, S. 98.

нескольких столпников (Симеона, Даниила, Симеона Дивногорца, Феодула), нескольких молчальников (Саламана, Петра, Исихия Хоревита).

Условные характеры-идеи не эволюционируют и не развиваются в ходе повествования,²⁵ а отвлеченные социальные образы, вроде купца или нищего, не выходят за пределы обобщенных свойств своего типа. Единственное духовное изменение, которое иногда претерпевает агиографический персонаж, это раскаяние грешника или временное впадение в грех праведника, представляемые, однако, в виде мгновенной и внутренне неоправданной смены черного белым или белого черным: стихийное превращение всегда заменяет процесс психологической эволюции. Характерны в этом смысле такие рассказы о раскаявшихся разбойниках, как житие Варвара или новелла о закоренелом разбойнике Моисее-эфиопе, точно так же из злодея сделавшегося «великим отцом» (Палладий, № 19). Каузальную связь между различными стадиями жизни личности, т. е. между грехопадением доброго или раскаянием злого, заменяет действующая извне и помимо человеческой воли божественная сила, план божий, который обуславливает происходящую перемену. Пелагия, например, «первая из антиохийских танцовщиц», язычница и блудница, «по устройению человеколюбца бога», не будучи даже оглашенной, заходит в церковь, и тут же в ней совершается внезапная перемена, которая приводит ее к покаянию и обращению.²⁶

Все, составляющее индивидуальные особенности персонажа, не имеет для агиографа цены и интереса, и он его не допускает в легенду. Даже то, что как будто принадлежит к этой категории качеств, например набожность или отвращение к светским наукам, в действительности только

²⁵ Н. Mertel. Die biographische Form..., S. 98. Полемизируя с Мертелем, Холь (K. Holl. Die schriftstellerische Form..., S. 252—254) утверждает, что житие фиксирует развитие характера: его герой постепенно подымается по ступеням святости и в посмертных чудесах показывает достигнутое нравственное совершенство. С этим, однако, нельзя согласиться, так как автор основывает свою точку зрения только на житии Антония Великого, где герой действительно с течением времени «накапливает святость». Между тем в очень большом количестве легенд различных жанров сдвигов такого рода не происходит, и главное действующее лицо остается от начала до конца повествования стабильным. (См. жития Филарета Милостивого, Евфросина-повара, Алексия человека божия, чудеса Георгия; количество примеров без труда могло бы быть увеличено). Кроме того, самое совершенствование святого понимается лишь как совершенствование аскетических навыков (подвижник научается голодать, сносить холод, длительные сроки стоять на ногах), вознаграждаемое даром посмертного чудотворения.

²⁶ Уже по завершении настоящей статьи автор познакомился с книгой Дорна (E. Dorn. Der sündige Heilige in der Legende des Mittelalters. München, 1967), высказывающего (стр. 121—123) совпадающую с излагаемой точку зрения на особенности понимания в агиографии развития человеческого характера. Для ее обоснования Дорн использует даже тот же пример из «Раскаяния св. Пелагии».

типологические характеристики праведника, что подтверждает постоянное их упоминание в легендах различных святых. Несколько более жизненными могут показаться фигуры, в которых представляемая ими общая идея плотнее обычного покрыта бытом, типа фигур Филарета Милостивого или Симеона Юродивого. Но и они не исключения среди населяющих легенды людей-формул: Филарет — не что иное, как абсолютизированная, доведенная до крайности идея милосердия, а Симеон — воплощение христианской ἀπάθεια, состояния нечувствительности и презрения ко всем явлениям посюстороннего мира.²⁷ В обоих случаях насыщенные обыденными подробностями сцены заставляют не заметить — такова способность бытовых мелочей создавать видимость жизненной правды, — что герои реализуют не свойства своей личности, а соответствующие стороны идеи милосердия или принципа ἀπάθεια в виде ли пренебрежения плотскими соблазнами, пищевыми запретами, нормами стыдливости, или другими социальными институтами. Для построения агиографического характера показательным, что агиограф Симеона, неоднократно повторяя, что подлинная личность этого святого не соответствовала условному образу юродивого, им на себя принятому, тем не менее оставляет подлинного Симеона за порогом жития, но вводит в него условного: ведь задачей юродства как одной из форм аскезы был отказ от собственной личности в угоду надетой на себя личине глулости и приниженности.²⁸ При антропоцентрических интересах автор непременно воспользовался бы возможностью представить эту психологическую коллизию.

Изображение внутреннего мира не входило в кругозор агиографии, поскольку жизнь отдельной личности не имела самостоятельной ценности и интересовала, по меткому выражению В. Ключевского,²⁹ только как нравственная парадигма: в человеке было важно только то, как он воплощает христианский идеал, так как в первую очередь он — образец, которому надлежит подражать. Однако спорадически на окраинах сюжета, не затрагивая основных действий персонажа, в памятниках раннего периода, где абстрактный стиль не успел еще окончательно сложиться, возникают эпизоды, психологической проработкой отличающиеся от господствующего тона своего окружения. Мосх, например, в «Духовном луге» очень тонким приемом, средством лексики, передает неловкость, которую испытывает человек, решившийся предложить меняле случайно попавший в его владение камень; он не привык продавать свои вещи, пришел к меняле не вовремя и, наконец, боится продешевить, вместе с тем опасаясь, что камень — простая стекляшка. Эти сложные чувства находят свое выражение в уменьшительно-ласкательном слове «камушек»,

²⁷ A. Benz. Heilige Narheit. «Kyrios», № 3, 1938.

²⁸ P. Hilpisch. Die Torheit um Christi Willen. «Zeitschrift für Ascese und Mystik», № 6, 1931, S. 121.

²⁹ В. Ключевский И. Жития святых как исторический источник, стр. 432.

которым продающий с напускной небрежностью определяет свой товар (в остальных случаях и многократно употреблено слово «камень»), говоря меняле: «Хочешь купить этот камушек?» (Мосх, № 185). Аналогичен эпизод из жития Марии Египетской. Бывшая блудницей отшельница рассказывает, что в первые годы пустынножительства на ум ей непрестанно шли непристойные песенки и она напевала их фривольные слова. На психологической правде, т. е. вразрез с благочестивой условной схемой, построены и взаимоотношения аввы Даниила и его ученика. Вместо привычного дидактического образа покорного своему старцу инока в качестве положительного героя показан упрямый, дерзкий и капризный, хотя преданный Даниилу, юноша, который позволяет себе из-за пустяка дуться на своего наставника и в знак протеста до позднего вечера оставлять его без еды (житие аввы Даниила, № 9).

Фиксация во многих памятниках бытовых мелочей не противоречит тому, что агиография была жанром, где действительность изображалась абстрактно-обобщенно и происходящее было приподнято над буднями. Ведь вещь не непременно свидетельствует об интересе к единичному и конкретному и не всегда появляется как следствие сенсуалистического подхода к действительности. Все определяет не наличие в составе произведения бытовых реалий, а их роль в общем замысле. Назначение же вещного фона в агиографии состоит в том, чтобы оторвать происходящее от земли и перевести в трансцендентный план: реалиям доверена анти-бытовая функция.

Историческое значение этого вещного фона легенд, как нам кажется, несколько преувеличено. При том, что многие агиографические памятники являются важным источником для представлений о жизни и культуре Византии, встречающиеся в них реалии обычно отобраны так, что их совокупность создает все же самое общее представление о быте, и конструируется некая Византия вообще.³⁰ Будь это иначе, реалии были бы надежным подспорьем для датировки агиографических текстов и не оставалось бы столь большого числа хронологически спорных или неприуроченных памятников. Между тем, если агиограф случайно не упоминает каких-нибудь известных исторических деятелей, с которыми был связан, для установления хронологии приходится обращаться к помощи косвенных данных, обычно к палеографическим критериям, и вопрос решает дата старейшего списка.

Внимание к вещи унаследовано агиографией от древнегреческой литературы, сенсуалистические устремления которой закономерно определили там интерес к деталям. Попав в обстановку такого жанра, как легенды, реалии получают сравнительно с образцом прямо противоположную функцию — отрицание действительности. Так как посюсторонняя

³⁰ Этому способствует и то обстоятельство, что нередко в легенду включали реалии, к моменту ее создания вышедшие из употребления и устаревшие.

жизнь, согласно представлениям византийцев, — жизнь неподлинная, вещи могут иметь ценность только как знак, символ, намек на иной мир вечных сущностей и подлинного бытия, сама же по себе вещь недостойна внимания и интереса. Потому она в агиографической литературе акцентирует общее понятие, носителем которого был человек, владевший ею, или с кем она в каких-то иных формах сопрягалась. Милоть, Евангелие, оберенок хворосту, под который Симеон Юродивый заползает умирать, подчеркивают неземную добродетель святого; многочисленные реалии церковно-монашеского обихода уводят от земного к небесному, любой предмет быта появляется для того, чтобы показать брэнность мирского и торжество всего, что не принадлежит этому миру. Сообразно с этим перечисление богатств Филарета Милостивого, которые он раздает (мешки зерна, мед, скотина), обнаруживают его нездешнюю доброту; грязная головная повязка юродивой Палладия — показательно, что именно по ней великий аскет Питирум узнает праведницу, — становится знаком ее великого смирения и святости (№ 34), а самые деньги — материализованное выражение всего вульгарно-мирского — служат тому, чтобы показать торжество идеального, и типичная для византийского обихода сцена разбрасывания в народ монет приобретает символический смысл: «Толпы народа, — читаем мы в житии Алексия, — теснились вокруг, и люди давили друг друга и мешали идти тем, кто нес ложе. Тогда императоры велят метать на дорогу золотые и серебряные монеты, чтобы отвлечь народ туда. Но никто не обращал на деньги внимания, и все устремлялись к ложу с останками святого». Другой пример дает 185-я новелла Мосха, где деньги, ссуженные богу под проценты, т. е. розданные язычником по совету жены-христианки нищим, служат поводом для его обращения. Самого низменного характера реалии, которые встречаются в ж. Симеона Юродивого, например при описании трактира, здешских улиц или мастерской ремесленника, такого же религиозно-назидательного происхождения, а не вызваны тяготением к чувственной стороне действительности — они в той или иной форме показывают торжество избранной личности над мирской суетой. Даже превращение нематериальных объектов в предметы домашнего обихода служили той же разбытовляющей тенденции: упоминания — особенно частые в западных легендах — о том, что святые вешали свои одежды, покрывала и перчатки на солнечный луч,³¹ только отдаляли этот образ от бытовой реальности.

Иногда бытовые детали сакрализовались. В составе религиозного сюжета самого прозаически-обиходного назначения вещь могла восприниматься сакрально-символически.³² Так, исподние гиматии, взятые нищим

³¹ H. Günter. *Psychologie der Legende. Studien zu einer wissenschaftlichen Heiligengeschichte*. Freiburg, 1949, S. 190; H. Delehayе. *Die hagiographischen Legenden*, S. 51.

³² Аналогичную тенденцию к сакрализации отмечали в русской иконописи на примере иконографии Трифона. Этот святой, бывший гусепасом, в качестве

у «некоего христолюбивого мужа», ведавшего богоугодным домом, оказываются, как ему открывается в видении, на теле Христа,³³ иллюстрируя евангельские слова (они приведены агиографом): «Был наг, и вы одели меня».³⁴

Равным образом черви в гноящейся ране праведника на самом деле — жемчужины (согласно христианской символике, жемчужина обозначает добродетель и святость): сарацинский царь в житии Симеона Столпника подымает червя, упавшего из раны святого, и, разжав руку, обнаруживает «перл бесценный», который будет ему «благословение во все дни жизни».

Нити к трансцендентному при характерных для византийского человека поисках скрытых ценностей за внешней обманчивой оболочкой неприглядности или обыденности (первые шаги в этом направлении сделала еще раннехристианская литература, представившая, например, в «Деяниях Павла и Феклы» этого «первоверховного» апостола плешивым, кривоногим и длинноносым) легко протягивались от самого низменного и бытового. Для обнаружения такого рода контакта избирались не только будничные предметы и ситуации, вроде перечисленных выше, но авторы легенд как бы нарочито щеголяли антиэстетическими подробностями, если они могли способствовать раскрытию подобной связи и поднимали изображаемое над ordinаром. На этих путях антиэстетизм прокладывает себе дорогу в агиографический стиль, характерным для которого делаются описания типа описаний смрадных ран Симеона Столпника, отталкивающего облика Макария Римского, до пят заросшего волосами, с иссохшей и загрубелой, как у черепахи, кожей и ногтями длиной в локоть и больше, или Марка Афинского, обросшего наподобие зверя и потерявшего от холода и зноя пальцы на ногах; такова же ситуация в мученичестве Гурия, Самона и Авива; женщину, обвиненную в убийстве своей госпожи, кладут в гробницу рядом со зловонным разлагающимся трупом. В соответствии с этим духом антиэстетизма Федор Продром говорит о «честных червях» в гниющих от всеобщего стояния ногах святого, червях, «которые украшали его много более, чем самодержцев обвивающий их жемчуг»,³⁵ Николай Мефонский, тоже разумея кишачие червями раны святого, говорит о «как бы позлащенном гноем венце терпения»,³⁶ а другие агиографы нарочито физиологично описывают сцены

атрибута получает не гуся, как следовало бы ждать, а птицу, изображенную в виде святого духа в подобии мандорлы и с нимбом. См.: Н. Малицкий. Древнерусские культы сельскохозяйственных святых по памятникам искусства. Л., 1932, стр. 17—18.

³³ Продолжатель Мосха, № 12.

³⁴ Матф. 25, 36.

³⁵ Православный Палестинский сборник. СПб., 1886, стр. 66.

³⁶ Там же, стр. 12.

пыток — Мамант несет свои вывалившиеся внутренности, Никите вырывают ногти и жгут подмышки и т. п.

Отсутствие иронии и шутки — тоже признак агиографического стиля. Он связан с отношением к смеху в христианской культуре, где его носителями выступает смерть, дьявол, русалки, христианское же божество никогда не смеется.³⁷

Поэтому чрезвычайной редкостью являются забавные рассказы типа следующего: купцы заходят в храм Георгия, съедают принесенный ему в дар пирог и, наказанные за это невозможностью выйти наружу, принуждены внести разгневанному святому большой денежный выкуп. Освободившись наконец из плена, они говорят Георгию: «О святой Георгий, дорого же ты продаешь свой пирог; в другой раз мы у тебя не станем покупать, а за то, что было, прости нас» (Чудеса Георгия, № 10). Такая же непривычно шутливая нота возникает в разговоре между подвижником Иоанном Ликопольским и его агиографом Палладием. На вопрос подвижника, хотел ли бы его собеседник стать епископом, следует ответ, что он уже епископ: «Я надзираю за яствами и снедами, — говорит Палладий, — за столами и глиняными чашками. Если вино кисло, отодвигаю его, если хорошо — пью. Также надзираю за горшками и, если не хватает соли или какой приправы, тотчас солю, приправляю и тогда ем. Вот мое епископство, ибо меня рукоположило чревоутодие» (Палладий, № 35).

Сохраняя свои главнейшие признаки, агиографический стиль претерпевает, однако, медленную эволюцию, закончившуюся во второй половине XI в. — с этого момента его сложение можно считать завершившимся, — состоявшую в движении ко все большей отвлеченности и преодолении следов античного сенсуализма.³⁸ Развитие вследствие застойности во всех областях византийской хозяйственной и культурной жизни шло, как мы видим, тоже в высокой степени экстенсивно, и, говоря о явлении столь растянутом во времени, мы имеем в виду только ведущую тенденцию: само собой разумеется, что в позднейший период спорадически возникают отдельные агиографические памятники, по стилю своего выполнения показательные скорее для предшествующего времени, вроде входящей в эту книгу младшей редакции жития Алексия (XI в.), а на ранних этапах встречаются легенды, «забегающие вперед», вроде жития Тихона (VII в.), или атавистически вырастают отдельные элементы повествовательного стиля, не характерные

³⁷ В. Пропп. Ритуальный смех в фольклоре. Уч. зап. ЛГУ, сер. фил. наук, 461, вып. 3, 1939, стр. 164. — В этой связи любопытны слова художника А. Иванова, тонко уловившего это: «Христос никогда не смеялся». (И. С. Тургенев. Поездка в Альбано и Фраскати. Собр. соч., т. XII, М. 1956, стр. 337. Ссылка заимствована из цитированной статьи Проппа).

³⁸ Этот процесс делается отчетливо заметным уже ко второй половине IX в. в творчестве Никиты-Давида Пафлагона, Игнатия, Никифора, а позднее Симеона Метафраста.

для эпохи возникновения легенды, как например выдвинутая роль автора в житии Григория Синаита (XIV в.). Признаки окончательно сложившегося агиографического стиля — углубление свойственных ему на предшествующих стадиях тенденций (в первую очередь дальнейшая утрата конкретности)³⁹ — и массовое их распространение, определяющее теперь характерный облик памятников этого периода, а не отдельные легенды и даже направления, и вытеснение полуфольклорных легенд литературными, связанное со вступлением агиографии на почву высокой литературы. Теперь наряду с агиографом, прежде далеким от литературных интересов и рассматривавшим свою роль исключительно как учительную, появляются писатели — Мавропод и Пселл (XI в.), Феодор Продром, Федор Вальсамон, Иоанн Зонара, Евстафий Солунский (XII в.), Георгий Акрополит, Никифор Хумн, Феодор Метохит, Никифор Григора, Максим Плануд (XIII—XIV вв.).⁴⁰ Их сравнительно много, если иметь в виду, что общая численность агиографических памятников, возникших в этот поздний период, была незначительна как абсолютно, так особенно в сопоставлении с предшествующим временем, и едва ли количественное соотношение ранних и поздних легенд существенно изменится, когда будут опубликованы все, еще не увидевшие света и не прочитанные рукописи агиографического содержания, которые остаются по сей день. Уменьшение продуктивности агиографии закономерно и связано с ее новым статусом. Высокой литературе, в которую агиография поднялась, никогда не было свойственно массовое тиражирование какого бы то ни было, даже самого популярного, жанра, что как раз составляло отличительную особенность полуфольклорной, низовой агиографии, за счет которой преимущественно и создавался этот числовой разрыв.⁴¹

³⁹ Сходный процесс спиритуализации, как отмечает В. Лазарев (История византийской живописи, I. М., 1947, стр. 82), наблюдается в X—XII вв. в изобразительном искусстве и мистической философии.

⁴⁰ Агиографы-риторы IX в. и здесь были предтечами нового: они тоже рассматривали агиографию прежде всего как разновидность словесного искусства. Показательно в этом смысле, что житие Евдокима было предназначено его автором Никитой-Давидом Пафлагоном для совскания степени ритора, а новое отношение к своей агиографической деятельности проявлялось столь отчетливо, что получило выражение в прозвище ритор, которое присваивается ему в некоторых рукописях, несмотря на то, что Никита-Давид был епископом.

⁴¹ Хотя со времени выхода в свет цитированной книги Лопарева «Греческие жития святых» в научный оборот было введено значительное число новых памятников, сделанные им подсчеты все же могут дать представление о продуктивности житийного жанра в разные периоды его существования. Если в IV и V вв., согласно Лопареву (стр. 43), появляется примерно по пятидесяти житий, в VI в. — двадцать, в VII в. — тринадцать, в VIII—IX вв. — огромное множество, то количество памятников в дальнейшем резко падает: одиннадцать житий в X в., восемнадцать в XI в., шесть — в XII в., восемь — в XIII в., девять — в XIV в. пять — в XV в.

Новое положение агиографии определило и ее новую установку. Если прежде агиографы почти всегда предназначали свои произведения замкнутой общине верующих, монастырской братии или церковной пастве (иное дело, что эти сочинения в большинстве случаев далеко выходили за территорию своего первоначального назначения и функционировали свободно) для чтения в церкви по праздникам соответствующего святого или за общей трапезой, то теперь обязательность ритуального прикрепления исчезает и адресат мыслится шире — как читатель вообще.

Став одним из жанров высокой литературы, агиография была приближена к требованиям ее эстетики, что, с одной стороны, означало дальнейшее углубление изначально присущих ей обобщающе-абстрактных тенденций, а с другой — переход от наивной простоты народного повествования к сложной и украшенной риторикой манере литературного.

На втором этапе развития агиографического стиля наблюдается резкий перевес дидактических задач над беллетристическими и потому ослабляется сюжетность легенд. Они перестают быть новеллами с отчетливо выраженным сюжетом и хорошо разработанной фабулой. Вместо перипетий действия перед нами обычно не связанные между собой события жизни героя, которые возникают из потребности проиллюстрировать ту или иную общую мысль повествователя. Подобный метод ведения рассказа не следует смешивать с «нанизанной» композицией, характерной для фольклора и встречающейся в житиях народного типа, например, в житии Симеона Столпника, где эпизоды, сменяя один другой, свободно соединяются и произвольно могут быть заменены, исключены или перегруппированы. В поздних житиях эта композиция — изощренный литературный прием введения экзамплей-иллюстраций, поясняющих общие положения, что хорошо видно на примере житий Мелетия Нового, составленных Феодором Продромом и Николаем Мефонским (XII в.). Иллюстрации эти играют подсобную роль, основным же материалом служат общие рассуждения. Более того, они нередко почти полностью вытесняют из легенды факты, относящиеся к деятельности прославляемого лица. Даже в тех случаях, когда позднейший агиограф использует ранние сюжетные легенды, содержание которых передается им без существенных изменений, он резко меняет акценты; фабульность отодвигается и затемняется, так как в центре внимания оказываются не перипетии событий, а дидактические пояснения переработавшего старую легенду автора, молитвы и назидания, вложенные им в уста героев, которые заставляют забыть о действии, вторгаясь в него и уводя читателя от переживания происходящего к размышлениям над суждениями общего характера. Это изменение акцентов сказывается уже у предтечи нового стиля Симеона Метафраста. (Метафраст — по-гречески «иным образом переложивший»,

«пересказавший на свой лад»).⁴² Переработанное им житие Ксенофонта и Марии с его резкими поворотами действия и набегающими одно на другое событиями (повествуется о том, как двое братьев, плывя из Константинополя в Бейрут, терпят кораблекрушение, остаются живы, но теряют друг друга из вида, а родители отправляются на их поиски, и в результате все четверо находят друг друга) щедро заполняется наставительным материалом, длинным поучением отца своим детям, молитвами, lamentациями или назидательными беседами действующих лиц, так что сюжет из-за этого растворяется и теряет очертания. Немало способствует оттеснению его на задний план манера агиографа излагать события конспективно как что-то несущественное и второстепенное, что особенно ощущается сравнительно с подробностью повествовательных разделов в старшей редакции жития. Встречающиеся там поучения и молитвы не затемняют фабулы, занимая в рассказе сравнительно с позднейшей переработкой скромное место. Аналогично соотношение редакций жития Алексия; в младшей редакции (XI—XII вв.) сюжетность сколько возможно затушевывается материалом, не связанным с движением действия. Еще может быть характернее то обстоятельство, что в XI—XV вв. насыщенные событиями легенды почти не избираются для целей переработки.

Наряду с ослаблением сюжетной стороны легенды сравнительно с предшествующим этапом фигуры героя и обстановка действия приобретают еще более отвлеченный характер. Если прежде герой воплощал частные стороны широкого понятия святости, вроде целомудрия или долготерпения, теперь, подобно Мелетию Новому, он становится инкарнацией святости вообще, т. е. понятия еще более обобщенного, включающего в себя все стороны этой идеи. Естественно поэтому, что в высокой мере условной среде позднейшей легенды нет и не может быть места психологизму даже и в тех пределах, в каких он иногда допускался прежде.

Обобщенность, суммарность, отвлечение от единичного сказывалась и в почти полном исчезновении реалий. Если некогда они участвовали в создании идеализированной отвлеченной среды, являясь, вопреки своей чувственной природе, абстрагирующим и идеализирующим началом, то в позднейших легендах абстракция перестает даже рядиться в чувственную оболочку — реалии исчезают. Это знаменовало собой также полное освобождение от античных влияний: античная предметность уже не функционально переосмысливается, а отвергается совсем.

Ограниченное привлечение фактов и отказ от реалий создали в позднейших памятниках «пустоту», которую принято объяснять неосведом-

---

⁴² Новые стилистические установки Симеона Метафраста привлекли к нему сердца позднейших византийских авторов, и им он обязан своей популярностью в XI—XV вв.

ленностью авторов, обычно удаленных от описываемых ими событий и потому якобы не располагающих достаточным запасом подробностей, которые приходилось восполнять за счет общих рассуждений.

Против такого объяснения восстают, однако, и здравый смысл, и фактические данные, которыми мы располагаем. В самом деле, если бы общие рассуждения появились как следствие неосведомленности агиографов в истории жизни своих героев, почему все без исключения они как бы по взаимному соглашению стали заполнять пробелы своей информации только этим одним способом, не пытаясь придумать или из другого жития заимствовать недостающие для полноты рассказа события?

Общеизвестно между тем, что, когда в этом встречалась необходимость, агиографы перекраивали новые легенды из старых, целиком придумывали их,⁴³ переносили события из жизни одного святого в биографию другого⁴⁴ или домысливали отдельные подробности, что по средневековым воззрениям было вполне допустимо, так как жизнь святого воспринималась как назидательный пример, включавший в себя на равных правах то, что было, и то, что могло быть.⁴⁵ Стоит, однако, сопоставить старшую редакцию легенды с ее последующей переработкой, как «пустота» позднейших агиографических памятников предстанет как явление стиля, поскольку позднейшего агиографа невозможно подозревать в том, что он, пользуясь более ранним образцом, мог не знать или запамätовать какие-нибудь подробности, в нем отраженные. Действительно, сличение древнейшей редакции жития Василия Нового (X в.) с ее переработкой автором XII—XIII вв. обнаруживает, что поздний агиограф отказался от бытового фона ряда сцен, а также от определения времени и места действия, таким путем придавая своему варианту легенды обобщенность, суммарность или, иначе сказать, «пустоту» — все частное, единичное, особенное агиограф XII—XIII вв. исключил.⁴⁶ В подобном аспекте младшие агиографы и в других случаях перерабатывали свои оригиналы.

Меняется и место, отводимое в повествовании рассказчику. Принадлежностью житийной легенды и частой особенностью других видов благочестивой повествовательной литературы первого периода была фигура рассказчика-очевидца или лица, от ближайших свидетелей событий получившего передаваемые им сведения.⁴⁷ Наличие в повествовании

⁴³ B. de Gaiffer. La lecture des acts des martyrs dans la prière liturgique en Occident. *Analecta Bollandiana*, 1954, p. 161.

⁴⁴ Leontios v. Neapolis *Leben des heiligen Johannes des Mitleidigen* ed. H. Gelzer-Sammlung ausgewählter kirchen- und dogmengeschichtlichen Quellschriften von G. Krüger, H. 5, Freiburg und Leipzig, 1893, S. XVIII.

⁴⁵ J. Leclercq. *Wissenschaft und Gottverlangen*, S. 185.

⁴⁶ С. Вилинский. *Житие Василия Нового*, ч. I. Одесса, 1913, стр. 99 и сл.

⁴⁷ Такой знаток, как Х. Лопарев, считал даже «отсутствие субъективных черт агиографа» критерием позднейшего происхождения памятника (Х. Лопарев. *Жития греческих святых*, стр. 39).

фигуры автора не ограничивалось тем, что служило порукой истинности рассказываемого; он в большей или меньшей мере выступал участником происходящего и обычно объективировал себя, сообщая ряд предусмотренных трафаретом автобиографических сведений. Сюда относятся, кроме имен родителей, родины, места в церковной иерархии, а иногда и других «анкетных данных», заявления о своей ничтожности, неучености или несоответствии задаче, за которую агиограф принужден взяться по просьбе какого-нибудь уважаемого лица, либо потому, что умолчание о великих подвигах святого — больший грех, чем неискренняя попытка о них поведать, сообщения о связях с прославляемым подвижником, а если их не было, с тем лицом, которое служило источником информации. Помимо этого, агиограф показывал свое отношение к предмету рассказа в небольших отступлениях эмоционального или дидактического характера, а иногда и в концовках перед традиционной формулой призыва и восхваления божества. В иных случаях, как в старшей редакции жития Василия Нового (X в.), субъективность автора распространялась так далеко, что он находил возможным сообщать о себе подробности, не имеющие отношения к повествованию, вроде утаенной им находки, попыток одной распутной девицы соблазнить его или своих гастрономических антипатий.⁴⁸

Заметим попутно, что несравненно богаче, чем в этих автобиографических сообщениях, личность автора легенды, а тем самым и византийца описываемого им времени, раскрывается как раз там, где агиограф о себе не говорит, позволяя делать заключения по косвенным данным. Свет на его психологию проливает и наивное утверждение: «Моисею дарована была такая благодать на демонов, что он боялся их менее, чем мы обыкновенных мышей»,⁴⁹ и представление будто Макарий Римский, подобно зверю, издали может чувствовать приближение странников, и забота о неприкосновенной целостности мощей, свидетельствующая, что в сознании автора еще не утратили свою силу древние восточные представления о зависимости от этого загробного существования,⁵⁰ хотя христианская церковь высказывалась за дробление реликвий,⁵¹ забота, вызвавшая к жизни рассказ о том, как после своей смерти Симеон Столпник наказывает епископа, похитившего волос из его бороды, и отме-

---

⁴⁸ На последнее обстоятельство обратил внимание Вилинский (Житие Василия Нового, стр. 99).

⁴⁹ Палладий, № 17.

⁵⁰ Л. Шестаков. Исследования в области греческих народных сказаний о святых. Варшава, 1910, стр. 81.

⁵¹ Не только в Константинополе были части мощей почти всех святых, но все монастыри и даже частные лица имели у себя фрагменты мощей. В качестве курьеза укажем, что в афонской лавре святого Афанасия существовал календарь, состоявший из 12 ящиков, каждый из которых имел отделения по числу дней месяца, хранившие части мощей дневного святого.

няет наказание, вняв успокоительным словам: «Ни единый твой член не тронут, и одежда не тронута, и никто более не отторгнет ничего от твоих святых и честных останков». На основании таких косвенных данных мы узнаем и об элементах критического и скептического отношения к религии, очевидно, не чуждого самым широким кругам, если эти элементы, пусть в форме сомнений героя, не вполне оправдавших себя ходом сюжета, высказывает низовой автор. Когда крестьянин Феопист слышит во сне требование Георгия резать весь свой скот и позвать этого святого к себе на пир, он подозревает, что его морочит пустой призрак: ведь «святой не говорит так: зарежь весь свой скот» (№ 5). В другом месте той же легенды Феопист решает позвать Георгия в гости, уверенный в том, что «он, разумеется, не придет, потому что уже умер и не может угощаться».

По мере развития агиографического стиля роль рассказчика ограничивается его заявлением о себе в начале и в конце легенды или устраняется совсем. Наметившаяся тенденция перехода от личного рассказа к объективированной форме повествования означала и освобождение от традиций античной художественной прозы, где рассказ от реального (чаще фиктивного) очевидца предпочитался иным формам ведения повествования.⁵²

На всех этапах развития агиографии тема монашеского подвига была главенствующей. Однако почти бесследное исчезновение из поздних легенд мирских сюжетов — признак изменения стиля. Легенда второго периода все более решительно отделяется от быта, и светский бытовой рассказ со светским героем в центре перестает связываться с представлением о святости. Ничего аналогичного нижеприводимым сюжетам ранней агиографии в это время не встречается: жена спасает мужа, очутившегося за долги в тюрьме (Мосх, № 186 и 189, интерполятор Палладия, № 68=PG, 34, col., 1164), человек покушается в отсутствие сына на свою сноху и убивает ее, так как женщина оказывает сопротивление (мученичество Фомаиды), некий гот, имевший на родине жену, утаив это, добивается брака с греческой девушкой и увозит ее к себе. Здесь она становится рабыней его здешней супруги и, чтобы отомстить за смерть своего ребенка, из ревности отравленного этой женщиной, тем же ядом отравляет ее, но по заступничеству святых избегает грозящей ей страшной смерти (чудеса Гурия, Самона и Авива).

Более не удовлетворяют светское благочестие, доброта, мягкость к рабам, смирение, набожность, достаточные в предшествующие века, чтобы прославить и даже причислить к святым не только Фомаиду, но

⁵² Невозможно себе представить в позднейших легендах введения фиктивной фигуры рассказчика, очевидца событий, практиковавшееся в ранних, как это свидетельствует хотя бы «Раскаяние Пелагии» (V в.), см: Н. Usener. *Legenden der heiligen Pelagia*, S. IV.

Марию Антиохийскую, Геласию (Палладий, № 57), Марию Младую,⁵³ Филарета Милостивого или праведниц, которые превосходили святостью знаменитого подвижника Макария Египетского, хотя подвиг их заключался только в том, что, будучи 15 лет замужем за двумя братьями и прожив все это время в одном доме, они ни разу не поссорились и не обидели друг друга (житие Макария Египетского). Теперь агиографы предпочитают в качестве героев носителей приподнятого над обыденной жизнью религиозного подвига. Наблюдаемые сдвиги в сторону предельного спиритуализма и абстрактности, когда легенда по существу превращается в обнаженную нравственную парадигму, иллюстрацию общей мысли, едва прикрытую литературной бутафорией, — свидетельства зрелости агиографического стиля, завершающий итог его эволюции. Развитие легенд, как, впрочем, и всех других жанров византийской литературы, обозначало освобождение от стеснительного, но при этом чрезвычайно сильного влияния чуждой ей сенсуалистической древнегреческой литературы⁵⁴ и выработку абстрактных форм, соответствующих культуре византизма. На этом пути агиография не разучивалась пользоваться веристическими способами выражения, т. е. постепенно не варваризовалась, а отвергала их, так что ее зрелый стиль (XI—XV вв.) едва ли правильно, как это обычно делают, считать шагом назад. Напротив, в результате длительной эволюции легенды этого периода стали полноправным жанром высокой литературы и, развив присущие им с самого начала особенности, превратились в своеобразное чисто византийское явление художественной литературы.

* * *

К сожалению, греческая агиография незаслуженно осталась достоянием специалистов и широким кругам читающих известна в лучшем случае по отражениям или стилизациям писателей нового времени (Радищев, Иван Аксаков, Герцен, Гаршин, Лесков, Ремизов и др.⁵⁵), дающих отдаленное представление об оригиналах. Вздумай читатель, неприсяжный к византистике, заглянуть в специальные журналы и издания, от времени до времени публиковавшие переводы агиографических памятников, это едва ли могло способствовать их популярности,

⁵³ Х. Лопарев (Жития греческих святых, 18, 1) указывает на неточность традиционной передачи ее эпитета прилагательным «новая».

⁵⁴ Кроме непосредственного воздействия языческой литературы, проводником ее традиций была и раннехристианская повествовательная проза, несмотря на особенности своих задач и враждебное отношение к античной культуре не освободившаяся от ее влияния.

⁵⁵ На ряд имен мне указал А. Н. Егунов.

так как переводчики не ставили себе художественных задач.⁵⁶ Цель состояла в том, чтобы дать приближающийся к подстрочнику — в этом усматривали поруку точности — перевод информационного характера, впечатление о котором дают тексты, подобные следующим: царь велит, «чтобы он, влекомый по тем острейшим и жаловидным камням, которых была масса в том месте, был уничтожен в смысле всего его тела... Сам же он, разрешенный, казался сверх ожидания нестрадающим»,⁵⁷ или: «Лучшее его не было перетянуто вниз худшим, но оказалось совершенно непороботимым и чуждым всякой примеси на худшее вследствие расширения доброго»,⁵⁸ и наконец: «И с вечера, усевшись на обеих ногах, проводила ночь на открытом воздухе, потому что и не могла сидеть вполне по причине подтекавшей снизу воды от дождя».⁵⁹

Между тем поэтичность, неожиданность наивного угла зрения на вещи, в полной мере не покидающие даже позднейших легенд, выдержанных в духе крайней абстрактности и спиритуализма, народный характер и свежесть фантазии подавляющего большинства памятников делают эту беллетристику до сих пор живой, несмотря на присущий ей религиозно-назидательный характер. Ее проблематика и неуклюжая учительность, разумеется, не могут сейчас оказывать воздействие, но художественная сторона сохранила свое обаяние.

Помимо литературно-эстетического, агиография имеет еще и большое познавательное значение. Многие для себя может почерпнуть в ней историк религии и культуры, филолог, искусствовед, фольклорист, историк. Особо следует отметить ее роль в судьбах средневековой прозы. Здесь византийской агиографии принадлежит ведущая роль, и недаром в Византии, а благодаря ее влиянию в славянских странах и на Руси, легенды составляли едва ли не самое излюбленное чтение всех, кто был умудрен грамоте, начиная от самодержца и кончая простолюдином.

⁵⁶ Единственным исключением являются отрывки из нескольких житий в антологии «Памятники византийской литературы IV—IX вв.» (М., 1968) и «Памятники византийской литературы IX—XIV вв.» (М., 1969).

⁵⁷ Х. Лопарев. Подвиги св. Модеста, 1892 = Памятники древней письменности ХСІ, стр. 40.

⁵⁸ В. Васильевский. Русско-византийские исследования, вып. II. Жития Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. СПб., 1893, стр. 29.

⁵⁹ Еп. Арсений. Житие и подвиги св. Феодоры Солунской. Юрьев, 1899, стр. 59.

ПРИМЕЧАНИЯ

Жизнь и деяния святых бессребреников Космы и Дамиана (IV в.)

Текст переведен по изданию: L. Deubner. Kosmas und Damian. Leipzig—Berlin, 1907.

¹ Греческая церковь знает несколько святых этого имени: азиатских Косму и Дамиана, о которых рассказывает настоящее житие, римских и арабских.

² «... всякий недуг и всякую немощь...». — Матф. 4, 23; 9, 35; 10, 1.*

³ «Человеков и скотов хранишь ты, господи». — Пс. 35 (36), 7.

⁴ «... даром получили, даром давайте». — Матф. 10, 8.

⁵ Фереман — по-гречески Пелусий, город в Египте. Греки считали его азиатским городом.

⁶ «Рыл ров, и выкопал его...». — Пс. 7, 16.

⁷ Бог Авраама, Исаака, Иакова — так в Библии бог определяет себя, явившись Моисею (Исход, 3, 6). Авраам, Исаак и Иаков — родоначальники еврейского народа, славившиеся своей праведностью.

⁸ Подразумевается библейский рассказ о вавилонском царе Навуходоносоре, который бросил в раскаленную печь не желающих поклоняться истукану из золота иудейских отроков Ананию, Азарию и Мисаила; отроки, однако, вследствие чуда, наградившего их праведность, не погибли в ее пламени.

⁹ Фекла — спутница апостола Павла, героиня апокрифических «Деяний Павла и Феклы», рассказывающих, что святая чудесным образом уцелела, когда ее приговорили к публичной травле хищными зверьми, так как они покорно легли к ее ногам.

Палладий «Лавсаик» (420 г.)

Текст переведен по изданию: The Lausaic History of Palladius ed. D. C. Butler, Cambridge, 1898=Texts and Studies. Contributions to Biblical and Patristic Literature ed. by Robinson, VI, 1—2, 1904.

¹ Речь идет о Нитрийской пустыне, лежавшей к югу от Александрии.

² Авва — «отец». На христианском Востоке так называли настоятелей монастырей или известных своей мудростью и благочестием старцев-подвижников.

* Все ново- и ветхозаветные цитаты даются в синодальном переводе.

³ Вечера любви, или агапа, — совместная трапеза в память тайной вечери. Во время агапы первоначально совершалась евхаристия, т. е. вкушение хлеба и вина, мыслившихся как плоть и кровь Христова; позднее агапа превратилась в обычное пиршество.

⁴ Онагр — дикий осел.

19

¹ Миля — римская мера длины, приблизительно соответствующая 1.4 км.

² Саита — греческая мера жидкостей; секстарий — римская мера жидкостей, равная 0.547 литра.

³ Скит — пустыня в нижнем Египте, знаменитое место монашеских поселений, отличавшихся особо строгой жизнью.

⁴ Унция — римская мера веса, около 28 г.

⁵ Пресвитер — вторая степень священства; сан, соответствующий священническому.

⁶ Приобщиться святых тайн — причаститься. — См. прим. 7 к Раск. св. Пелагии.

22

¹ Плетение различных изделий из ветвей и других частей деревьев было обычным занятием египетских монахов.

² Локоть — греческая мера длины; немного менее $\frac{1}{2}$ м.

³ Авва — см. прим. 2 к Палладий 16.

⁴ Милоть — овчина.

⁵ Пещь вавилонская — см. прим. 8 к ж. Космы и Дамиана.

⁶ Понтий Пилат — римский наместник Иудеи, которому верховное судилище иудеев выдало Христа; осужденный и в этой инстанции, Христос был приговорен к смерти и распят.

⁷ Чермное море — Красное море.

⁸ «Явленную веру возвестит праведный». — Притчи Сол. 12, 17.

34

¹ Имеется в виду женский Тавенниский монастырь, расположенный вблизи Сиены (Египет) и, подобно мужскому Тавеннискому монастырю, известный своим строгим уставом.

² Такая пословица не известна; перевод сделан по догадке, принятой толкователями этого выражения.

³ «Если кто из вас думает...». — I Коринф. 3, 18.

⁴ Наглавник, или кукуль — род капюшона, который носили монахи.

⁵ Порфирит — гора на берегу Красного моря и прилегающая к ней пустыня были излюбленными местами, куда селились египетские отшельники.

⁶ Амма — женское соответствие слову «авва»: — См. прим. 2 к Палладий 16.

⁷ Подразумевается страшный суд в последние дни мира, когда, согласно христианским верованиям, Христос будет судить людей, чтобы определить участь грешников и праведников, и умершие восстанут перед ним из могил.

70

¹ Пресвитер — см. прим. 5 к Палладий 19.

² Чтец — низшая церковная должность.

Рассказание святой Пелагии (2-я четв. V в.)

Текст переведен по изданию: Н. Usener. *Legenden der heiligen Pelagia*. Вонп., 1879.

¹ «Не хотящего ничьей смерти...». — Парафраз. Иезек. 33, 11.

² Тавенниский монастырь — см. прим. 1 к Палладий 34.

³ Многочисленные пристройки церкви святого Юлиана часто использовались как гостиница для прибывающих в Антиохию духовных лиц и светских посольств.

⁴ «...бог поставит эту женщину в грозный час судить нас...». — Намек на страшный суд — см. прим. 7 к Палладий 34.

⁵ «...не видел того глаз...». — I Коринф. 2, 9.

⁶ Оглашенные — люди, готовые принять крещение, т. е. вступающие в церковь и получившие наставление в вероучении. На последней части богослужения, литургии верных, оглашенным запрещалось присутствовать.

⁷ Евхаристия — здесь часть литургии, важнейшей из церковных служб, во время которой приготавливаются хлеб и вино, т. е. святые дары. Священник извлекает из просфоры кубик, символизирующий агнца, кладет его на дискос (это символизирует пребывание младенца Христа в яслях) и крестообразно разрезает (символ смерти); затем дискос и сосуд с вином, потир, накрываются покровцем, и в этот момент, как мыслили себе верующие, происходило преосуществление вина и хлеба в плоть и кровь Христову, которыми верующие причащались.

⁸ Великая церковь — главная церковь города, находившаяся в непосредственном ведении архиепископа, по терминологии рассказчика, епископа города. Епископы провожали туда идущего служить архиепископа.

⁹ Таблички — греки писали на внутренней стороне складывающихся навощенных табличек.

¹⁰ «...нисшел на землю не ради праведных...». — Парафраз. Марк 2, 16—17.

¹¹ Беседа Христа с самаритянской блудницей (Иоанн 4, 5 и сл.) касалась религиозных вопросов; в результате этой беседы грешница узнала в Христе Мессию и прославила его.

¹² «Ведь я — море прегрешений...». — Пример частого для агиографии обыгрывания этимологии личных имен: Пелагия (Pelagia), т. е. морская, называет себя морем (pelagos) прегрешений.

¹³ «Очисти меня в купели очищения». — Окрести меня.

¹⁴ «...если извлечешь драгоценное из ничтожного...». — Иер. 15, 19.

¹⁵ Акт заклинания демонов — одна из составных частей чина крещения: находящиеся вне церкви, по мнению ее прозелитов, состоят во власти дьявола и должны быть очищены.

¹⁶ Маргаритó — ономастическая игра; margaritó — по-гречески «жемчужина».

¹⁷ Сарацины — арабы.

¹⁸ Гелиополь — сирийский город славился культом Афродиты.

¹⁹ «Река слез твоих...». — Ср. Матф. 7, 26—27.

²⁰ Разумеется измена Христу его ученика Иуды, который предал своего учителя.

²¹ Принявшие крещение в течение недели носили белую крестильную одежду.

²² Стихарь — род длинной до щиколоток рубахи с вырезом по горлу и длинными широкими рукавами. Фелонь — широкая и длинная верхняя одежда без рукавов, носившаяся для защиты от дождя и холода.

²³ Имеется в виду Мария Магдалина, блудница, которая под влиянием проповеди Христа обратилась и стала его последовательницей. По воскресении, рассказывают евангелия, Христос явился ей прежде, чем остальным.

²⁴ Елеоская, или Масличная, гора находилась вблизи Иерусалима (позднее, когда город вырос, она вошла в его территорию). С нею, согласно легенде, свя-

заны многие эпизоды жизни Христа — с Масличной горы он спустился в Иерусалим, на ней оплакивал судьбу этого города, с этой горой связывается преображение Христа, последняя ночь перед тем, как его предали, и вознесение.

²⁵ Часы — вид службы, который состоит из пения псалмов и иных молитвословий. 3-й час соответствует 10—12 часам дня, 6-й — 1—3 пополудни, 9-й — 4—6 часам дня.

Жизнь и деяния блаженного Симеона Столпника (VI в.)

Текст переведен по изданию: Das Leben d. heil. Symeon Stylites ed. H. Lietzmann. Leipzig, 1908=Texte und Untersuchungen zur Gesch. d. altchristl. Literatur, Bd. 32, H. 4.

¹ Апостол — богослужебная книга, содержащая Деяния апостолов и их послания. Рассуждения о воздержании души, о котором речь ниже, в Апостоле нет; воздержание лишь упоминается в следующих входящих в него текстах: Деян. ап. 24, 25; Галат. 5, 23; II Петра 1, 6.

² Архимандрит — глава монастыря.

³ Стихарь — см. прим. 22 к Раск. св. Пелагии.

⁴ Иов — библейский праведник, которого бог по подстрекательству дьявола решает подвергнуть искусу, чтобы посмотреть, останется ли он, каким был в дни своего благоденствия. Для этого он отнимает жизнь у детей Иова, лишает его богатства и насылает на него проказу, но Иов сохраняет благочестивое терпение.

⁵ «Вот я в беззаконии зачат...». — Пс. 50, 7.

⁶ «... тот страшный и грозный день». — Т. е. день страшного суда. — См. прим. 7 к Палладий 34.

⁷ Просмонарий, или парамонарий — страж и хранитель храма, в функции которого входило поддерживать храм в порядке, т. е. запирасть и отпирать его, возжигать свечи и т. п.

⁸ Агиограф перечисляет чудесные события, которые осуществились «по воле божией» — сын Иакова Иосиф, проданный братьями в рабство египетскому фараону, против ожидания благоденствовал на чужбине; пророк Давид оказался победителем великана Голиафа, а Иисус Христос на четвертый день воскресил из мертвых брата Марфы и Марии Лазаря.

⁹ Сарацины — см. прим. 17 к Раск. св. Пелагии.

¹⁰ См. прим. 4. Тело Иова было «одето червями» (Иов 7, 5).

¹¹ В имени этого легендарного разбойника ощущаются забытые отзвуки истории преемников Александра Македонского: в нем причудливо спаялись воспоминания о сирийской династии Антиохов и о царе Македонии Антигоне.

¹² Согласно евангельскому рассказу, двое разбойников, вместе с Иисусом преданные казни, по-разному себя вели — один глумился над Иисусом, другой защищал его, говоря, что в отличие от них Иисус страдает невинно. Этому разбойнику Иисус сказал: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со мною в раю» (Лук. 23, 43).

¹³ «Сын божий, прими дух мой». — Ср. Деян. ап. 7, 59.

¹⁴ Милы — см. прим. 1 к Палладий 19.

¹⁵ «... все сошлись с пути, и до единого негодны...». — Рим. 3, 12.

¹⁶ Ардавурий — глава византийской военной администрации на Востоке (так называемой *magister militum per Orientem*), одна из заметных фигур Юстинианова царствования, казнен в 471 г.

¹⁷ Мартирий — антиохийский патриарх (456—468 гг.).

¹⁸ Стратилат — высокий военный чин.

¹⁹ Парамонарий — см. прим. 7.

Жизнь, деяния и предивное сказание о святом отце нашем Макарии Римском, поселившемся у крайних пределов земли, никем не обитаемых. Благослови, господь (V—VI вв.)

Текст переведен по изданию: A. Vassiliev. *Anecdota Graeco-Byzantina*, I. Mosquae, 1893.

¹ Кир — господин.

² Месопотамия сирская, т. е. сирийская. В древности эту страну Передней Азии нередко причисляли к Сирии.

³ Архимандрит — см. прим. 2 к ж. Симеона Столпника.

⁴ Согласно легенде, восточные мудрецы (маги или волхвы) шли в Вифлеем поклониться новорожденному Иисусу, следуя за путеводившей их звездой.

⁵ Миля — см. прим. 1 к Палладий 19.

⁶ «Слава в вышних богу...». — Начало церковного песнопения, так называемого «Славословия». Лук. 2, 14.

⁷ Елеонская гора — см. прим. 24 к Раск. св. Пелагии.

⁸ Римский император Юлиан Отступник (361—363 гг.) был убит в битве с персами вблизи города Ктесифонта на восточном берегу Тигра.

⁹ Персида — главная провинция персидского царства, границы которой приблизительно совпадают с границами современного Фарсисстана (Иран); нередко обозначает и все персидское царство.

¹⁰ Могила трех отроков Авани, Азарии и Мисаила — см. прим. 8 к ж. Космы и Дамиана.

¹¹ Андрогини — легендарный народ.

¹² Василиск — сказочный змей, онокоентавры — полулюди-полуослы.

¹³ Перс — царь Дарий III Кодоман (336—330 гг. до н. э.), за которым Александр действительно, как за диким зверем, охотился всю вторую половину кампании. Упоминание в этой связи Карфагена — фантастично, как и многие другие сведения, сообщаемые в средние века об Александре Македонском (336—323 гг. до н. э.), превратившемся в легендарную личность, с которой связывались чудесные приключения, вроде посещения загробного мира или спуска на морское дно.

¹⁴ Локоть — см. прим. 2 к Палладий 22.

¹⁵ Странное представление о разноцветных ветрах встречается также в ж. Андрея Юродивого: *Acta Sanctorum* 18, Maii, 6, col. 19*.

¹⁶ Согласно Быт. III, 24, бог «поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч, обращающийся, чтобы охранять путь к древу жизни».

¹⁷ Силы — один из девяти ангельских чинов, которые в свою очередь разделяются на иерархии. Высшую составляют серафимы, херувимы и престолы, среднюю — господства, силы и власти, низшую — начала, архангелы и ангелы.

¹⁸ Синклитик — член синклита (сената), т. е. высший чиновник.

¹⁹ Речь в оригинале идет о сударе, который обозначал полотенце, салфетку или, как в нашем случае, носовой платок.

²⁰ Под человеколюбцем богом имеется в виду бог отец, под господом — бог сын, т. е. Христос.

²¹ «Я пришел призвать не праведников...». — Матф. 9, 13.

²² Святой назван «воистину Макарием», так как по-гречески Макарий значит «блаженный».

Иоанн Мосх «Луг духовный» (VI—VII вв.; умер в 619 г.)

Текст переведен по изданию: *Patrologia Graeca* ed. Migne, t. 87, pars 3.

51

¹ Вторая Киликия — при Юстиниане Киликия была разделена на первую и вторую. Аназарв — центр второй Киликии.

² Миля — см. прим. 1 к Палладий 19.

60

¹ «Некая монахиня ... жила в своем доме...». — В первые века распространения монашества такая форма монашеской жизни была возможным и даже распространенным явлением.

² Скит — см. прим. 3 к Палладий 19.

64

¹ Пресвитер — см. прим. 5 к Палладий 19.

75

¹ Претория или преторий — суд правителя.

78

¹ Теополь — Антиохия на Оронте, главный город Сирии.

² Речь идет об епитимии, существовавшей уже в то время.

³ Здесь перечислены эпизоды жизни Христа, рисующие его отношение к грешникам, к которым он в первую очередь обращается со своей проповедью: он общался с мытарями и грешниками (Матф. 9, 9 сл.), с блудницей — под блудницей может подразумеваться самаритянка (Иоанн 4, 5) или Мария Магдалина (см. прим. 23 к Раск. св. Пелагии) — и даже не отверг разбойника (Лук. 23, 43).

⁴ «...ибо не хочет смерти грешника...». — Иезек. 33, 11.

⁵ «...с какими руками ты приступишь к святому телу и крови...». — В это время евхаристию (святые дары) брали руками в отличие от позднейшего вкушения их из особой ложки, так называемой лавиды.

107

Сюжет легенды использован Н. Лесковым в рассказе «Лев старца Герасима». — Полн. собр. соч., т. 29, М., 1897.

¹ Номисма — византийская золотая монета.

185

¹ Самос — остров у западного берега Малой Азии.

² Кир — см. прим. 1 к ж. Макария Римского.

³ Кандидат — сравнительно высокий титул, дававшийся синклитикам.

⁴ Нисибис — сирийский город в верховьях реки Тигр.

⁵ Миллиарисий — византийская серебряная монета.

⁶ На востоке браки между братьями и сестрами были обычны.

⁷ Под большим миллиарисием автор, вероятно, понимает подарочную монету, которой император жаловал в особых случаях. Такие монеты были по величине и весу в несколько раз больше соответствующей денежной единицы, бывшей в обращении.

⁸ Фолий — мелкая медная монета.

Жизнь и деяния аввы Симеона, юродивого Христа ради, записанные Леонтием, епископом Неаполя Критского (ок. 641—648 гг.)

Текст переведен по изданию: Lennart Rydén. Das Leben d. heil. Narren Symeon v. Leontios v. Neapolis, Uppsala, 1963=Acta Univ., Upsal. Studia Graeca Upsal., 4.

- ¹ «Так да светит свет...». — Матф. 5, 16.
- ² «...и забудут оплакать своего покойника ради заботы о чужом...». — Матф. 8, 21—22.
- ³ «Кто нарушит одну из заповедей сих малейших...». — Матф. 5, 19.
- ⁴ «Лицемер, вынь прежде бревно из твоего глаза...». — Матф. 7, 5.
- ⁵ «... что Иисус делал и чему учил от начала». — Деян. ап. 1, 1.
- ⁶ «Как же ты, уча другого, не учишь себя самого?». — Рим. 2, 21.
- ⁷ «Кто из вас думает быть мудрым в веке сем...». — I Коринф. 3, 18.
- ⁸ «Мы безумны Христа ради». — I Коринф. 4, 10.
- ⁹ «Потому что немудрое божие премудрее человека». — I Коринф. 1, 25.
- ¹⁰ «Вся ты прекрасна, возлюбленная моя...». — Песнь пес. 4, 7.
- ¹¹ «Люби ближнего, как самого себя». — Лев. 19, 18; ср.: Лук. 10, 27.
- ¹² «...кто не погнушался принять облик раба во спасение раба». — Ср. Филипп. 2, 6—7.
- ¹³ «...чтобы спасти некоторых». — Часть фразы из I Коринф. 9, 22.
- ¹⁴ Юстиниан — византийский император (527—565).
- ¹⁵ Святой град — Иерусалим. Автор подразумевает, по-видимому, праздник в память обретения императрицей Еленой, матерью Константина, крестного древа. См. прим. 18 к ж. Марии Египетской.
- ¹⁶ Иерихон — город в Палестине.
- ¹⁷ Эмеса — город в Сирии.
- ¹⁸ Апостолы Петр и Иоанн, услышав от Марии Магдалины, что тело Христа исчезло из гроба, бегом бросились туда, где он был похоронен. Иоанн 20, 4.
- ¹⁹ Имя Никон (Νίκων) звучало по-гречески сходно с причастием настоящего времени глагола «побеждать» (νικῶν).
- ²⁰ Число десять, согласно христианской символике чисел, — число совершенства.
- ²¹ «... не видел чего глаз, не слышало ухо...». — I Коринф. 2, 9.
- ²² «Ты прекраснее сынов человеческих». — Пс. 44, 3.
- ²³ «Позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего» и «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов». — Матф. 8, 21—22.
- ²⁴ Патрикий — один из высших титулов византийской табели о рангах; кувикюлярый — придворный из личной охраны императора.
- ²⁵ Пострижение волос и сложение мирской одежды — подготовительный этап посвящения в монахи.
- ²⁶ Воски — особый вид подвижников в Месопотамии и Палестине. Они жили в горах и пустынях без крыши над головой, почти без всякой одежды и питались только дикорастущими травами и корнями.
- ²⁷ Согласно Ветхому завету, иудейский царь Давид в отрочестве пас овец своего отца.
- ²⁸ «Сколько драгоценных камней лежат на земле его». — Захар. 9, 16.
- ²⁹ «Не забывай нерадивых работников...». — Матф. 20, 6 сл.
- ³⁰ Под пророком подразумевается Моисей. — См. Исх. 3, 2.
- ³¹ «Просите и получите». — Иоанн 16, 24.
- ³² «...направь ноги рабов твоих и стопы их на путь мира». — Ср. Пс. 36, 23; 39, 3 и Лук. 1, 79.
- ³³ «Будьте просты, как голуби». — Матф. 10, 16.

³⁴ «...упование всех концов земли и находящихся на чужбине далеко». — Ср. Пс. 64, 6.

³⁵ «Возьми щит и латы». — Несколько измененная цитата из Пс. 34, 2—3.

³⁶ «...сам пошлет ангела своего пред лицом вашим...». — Ср. Марк 1, 2.

³⁷ «Избавивший пророка своего из пасти львиной...». — Речь идет о библейском пророке Данииле, по наветам врагов свергнутом в ров со львами, но чудесно спасенном богом. — Дан. 6, 23.

³⁸ «Не попустить вам быть искушаемыми сверх сил». — I Коринф. 10, 13.

³⁹ «Никто, возложивший руку свою на плуг...». — Лук. 9, 62.

⁴⁰ «Начали строить, и не достало сил и охоты довершить основание». — Ср. Лук. 14, 30.

⁴¹ Било — на Востоке о начале службы оповещали ударами деревянного била, или молотка, которым стучали в двери монастырских келий. Это заменяло неизвестные до X в. колокола.

⁴² Правая сторона в отличие от левой считалась благой и счастливой. Впрочем, оказать здесь влияние могла и описанная Матфеем сцена: во время страшного суда Христос ставит праведников по правую сторону, а грешников — по левую. — Матф. 25, 33.

⁴³ «Желание боящихся его он исполняет». — Пс. 144, 19.

⁴⁴ Беспечальна — т. е. смертью избавлена от мирских печалей.

⁴⁵ «Ла дѣхре, лих ём» — эта сирийская фраза в транскрипции автора жития лишена смысла.

⁴⁶ Авраам, один из библейских патриархов, по воле искушавшего его бога готов был принести в жертву своего единственного сына Исаака. Видя его веру и послушание, бог позволил Аврааму пощадить сына.

Иефтай — победитель аммонитян, один из судий. В библейской истории известен преимущественно из-за своего обета богу; собираясь на войну с аммонитянами, он обещал пожертвовать то, что первым встретит у ворот своего дома. Хотя это оказалась собственная дочь Иефтая, он не нарушил своего слова.

Сын Адама Авель пожертвовал первенцев из своего стада, и «призрел господь на Авеля и дар его». — Быт. 4, 4. Анна, жена Елкана, долгое время бесплодная, дала обет посвятить сына богу, если он пошлет ей мальчика. Рожденного после этого Самуила (впоследствии он стал пророком) Анна посвятила богу.

⁴⁷ «...чтобы спасти душу от нечистых духов». — Подразумеваются воздушные мытарства, нечто вроде застав, которые, по верованиям христиан, лежат на пути душ умерших, когда они возносятся на небеса. При этих заставах стоят духи злобы, стараясь уличить души в злых делах и низвести в ад.

⁴⁸ «Никто не ищи своего, но каждый пользы другого». — I Коринф. 10, 24.

⁴⁹ «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых». — I Коринф. 9, 22.

⁵⁰ «Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела...». — Матф. 5, 16.

⁵¹ Голгофа — холм вблизи старого Иерусалима, на котором был распят Христос.

⁵² Согласно христианской мифологии, ангелы, возмущившиеся против бога, были низвергнуты в ад и стали духами зла.

⁵³ «Взывают праведные, и господь слышит». — Пс. 33, 18.

⁵⁴ «...прельщая деньгами...». — Значение глагола здесь не вполне ясно.

⁵⁵ Харчевник — в оригинале фускарий, содержатель харчевни, где, кроме фуски (напиток, приготовлявшийся из теплой воды, уксуса и яиц), продавались горячие бобы и прочая еда.

⁵⁶ Фолий — см. прим. 8 к Моск. 185.

⁵⁷ Акефалы-северяне — последователи Севера (некоторое время занимал антиохийскую кафедру, затем в 536 г. был осужден за ересь), основоположника одной из разновидностей монофизитства; сторонники этой христологической

ереси полагали, что Христос рожден из двух природ, божеской и человеческой, но пребывает в одной, так как в акте воплощения они слились воедино, и человеческая природа стала только принадлежностью его божества. Акефалами, т. е. не признающими над собой главы, называлась партия крайних монофизитов, которая отделилась от своего иерархического главы патриарха Петра Монга и отказалась принять геноетикон, т. е. объединительный указ императора Зинона, стремившийся к компромиссу между православием и монофизитством.

⁵⁸ «Видит бог, сохранивший от огня терновник и отроков...». — Подразумевается пылающий куст терновника, откуда Моисею явился ангел: его листья горели, но не сгорали. Об отроках см. прим. 8 к ж. Космы и Дамиана.

⁵⁹ В оригинале говорится об игре под названием *lysoporta*, условия которой нам неизвестны.

⁶⁰ Мимы — комические актеры.

⁶¹ Византийский император Маврикий правил с 582 по 602 г.

⁶² «Склонив голову...» — Значение фразы не вполне ясно.

⁶³ Ориген — знаменитый христианский богослов (ок. 185—254 гг.), стремившийся согласовать христианство с языческой философией; потому он был отлучен от церкви и лишен сана. Император Юстиниан настоял на том, чтобы Ориген на соборе 543 г. был объявлен еретиком (монофизитом), предан анафеме, а сочинения его были сожжены.

⁶⁴ Гексаплы — не дошедшее до нас сочинение, в котором Ориген давал анализ и критику переводов Ветхого завета.

⁶⁵ «Помолись об Иоанне, чтобы и ему выпала десятка». — Очевидно, подразумевается достижение Иоанном высот духовного совершенства. — Ср. прим. 20.

⁶⁶ «... а Ориген их не ест, потому что слишком далеко вошел в море...». — В течение 40 дней размачиваемые бобы указывают на окончание Великого поста, во время которого Симеон ничего не ел. Пучина, в которую попал Ориген, обозначает, что он погрузился в книги и потонул в мудрствовании.

⁶⁷ Фуска — см. прим. 55.

⁶⁸ Номисма — см. прим. 1 к Моск. 107.

⁶⁹ Протокомит — ведал по преимуществу налогами.

⁷⁰ Великий пост, или четырехдесятница, продолжается 40 дней; к нему присоединяется страстная неделя, во время которой тоже полагалось поститься.

⁷¹ «Фолий, несмысленный, знает». — Ответ Симеона построен на игре цифровыми соответствиями: 40 нумиев составляют фолий.

⁷² «Получите во сто крат в веке сем, в грядущем же жизнь вечную». — Парафраз. Матф. 19, 29.

⁷³ Стола — верхняя одежда, доходящая до полу.

⁷⁴ «... чтобы безопасно миновать владык мрака, обитающих воздух сей». — См. прим. 47.

⁷⁵ «... се день бедствия...». — Эфес. 6, 13; Пс. 40, 2.

⁷⁶ «Блажен, кто помышляет о бедном и нищем!». — Пс. 40, 2.

⁷⁷ Лот — племянник Авраама, неузнанный праведник среди грешников; праведность Лота открылась, когда ангелы вывели его из грешного Содома, прежде чем предать город гибели.

⁷⁸ «... человек смотрит на лицо, а господь смотрит на сердце». — I Царств. 16, 7.

⁷⁹ «... никому не постигнуть дел человеческих, кроме духа человеческого». — Парафраз. I Коринф. 2, 11.

⁸⁰ «... не будем никого судить до срока...». — Ср. I Коринф. 4, 5.

⁸¹ Раав — блудница, которая укрыла израильских лазутчиков, посланных Иисусом Навином в Иерихон; при взятии города ее пощадили в награду за это.

⁸² Лазарь, — согласно евангелию Луки (16, 20 и сл.), жалкий нищий, покрытый струпами и питающийся крохами со стола богача, за свою праведность ангелами «отнесен был на лоно Авраамово». Этим образным выражением обозначали место, где после смерти наслаждаются в блаженстве души праведников, так как по своей

образцовой жизни родоначальник еврейского народа Авраам был удостоен райского блаженства. Нередко, однако, Авраамово лоно понимается буквально, и тогда древнехристианское искусство изображает загробное существование праведников как сидение на коленях Авраама.

⁸³ «Гляди только на себя...». — Не вполне точная цитата из гомилии Вас. Великого. — *Bas. Mag. PG, 31, 204 A.*

**Житие Марии Египетской, бывшей блудницы,
честно подвизавшейся в Иорданской пустыне (VII в.)**

Сказание, как показал Г. Узенер (*H. Usener. Der heilige Tychon. Leipzig—Berlin, 1907, S. 78*), ошибочно приписывается перу иерусалимского патриарха Софрония I (634—644); его сюжет использован Иваном Аксаковым в поэме «Мария Египетская». — *Больш. сер. «Библи. поэта», JL, 1960.*

Текст переведен по изданию: *Patrologia graeca ed. Migne, t. 87, pars 3.*

¹ «Тайну цареву прилично хранить...». — *Тов. 12, 7.*

² Товит — праведный иудей; из-за своего благочестивого поступка потерял зрение, но никогда не роптал на бога и был вознагражден.

³ «...получив от владыки своего талант, зарыл его в землю...». — Намек на евангельскую притчу о рабе, в отличие от своих сотоварищей ни на что не употребившем данный ему господином талант и вызвавший этим его неудовольствие. *Матф. 25, 14—30.*

⁴ «...приготавливает, по слову Соломона, друзей господа и пророков». — *Прем. Сол. 7, 27.*

⁵ «Кто не оскверняет плоть и всегда трезвится...». — Источник цитаты не удалось установить, вероятно, намек на *Матф. 5, 8.*

⁶ Авраам — см. прим. 7 к ж. Космы и Дамиана.

⁷ «...по имени зовущий своих овец». — Намек на Иоанн 10, 3: «И овцы слушаются голоса его, и он зовет своих овец по имени...».

⁸ «Господь свет мой и спасение мое...». — *Пс. 26 (27), 1.*

⁹ Великие праздники церковного календаря имели предпраздненства, подготовлявшие верующего к их встрече. Здесь речь идет о вербном воскресении, которое чтили ваями, т. е. ветвями финиковой или палестинской ивы.

¹⁰ Пресвитер — см. прим. 5 к Палладий 19.

¹¹ «Благословен господь...». — Слова, повторяющиеся во многих молитвах.

¹² Упоминание об императорах далеко не всегда свидетельствует о наличии двух императоров или даже императора и регента.

¹³ Локоть — см. прим. 2 к Палладий 22.

¹⁴ «Сокрытая мудрость и сокровище невидимое — какая в них польза?». — *Сирах. 41, 17.*

¹⁵ Подразумевается страшный суд — см. прим. 7 к Палладий 34.

¹⁶ «...он не хочет смерти грешника...». — *Парафраз. Иезек. 33, 11.*

¹⁷ Притвор — сени храма.

¹⁸ В праздник воздвижения креста в главном Иерусалимском храме молящимся показывали обломок крестного дерева, якобы найденный матерью императора Константина Еленой.

¹⁹ «...чтобы призвать грешников к покаянию...». — *Марк 2, 17.*

²⁰ Фолий — см. прим. 8 к *Мосх 185.*

²¹ Амма — см. прим. 6 к Палладий 34.

²² «...спасающего от маловерия и треволнений...». — *Пс. 54, 9.*

²³ «Не одним хлебом живет человек». — *Второз. 8, 3.*

²⁴ «...совлекшие с себя покров греха облакаются скалой...». — Ср. Иов 24, 7—8; «Нагие кочуют без покрова, и без оденяия на стуже; мокнут от горных дождей, и, не имея убежища, жмутся к скале». и Евр. 11, 38.

²⁵ Псалтырь Мария цитировала выше, см. прим. 22.

²⁶ В день святой тайной вечери — т. е. в великий четверг, день воспоминания о тайной вечере. Она совершена была, согласно евангельской легенде, накануне смерти Христа, во время празднования пасхи. Тогда Христос установил таинство причастия хлебом и вином, т. е. его плотью и кровью.

²⁷ «...по силам очищающие себя подобны богу». — Источник цитаты не удалось установить.

²⁸ Символ веры — изложение в сжатой аподиктической форме главных догматов веры. «Отче наш» — обиходная молитва, которой людей обучил, согласно евангелию, Христос. — Матф. 6, 9.

²⁹ «Ныне отпускаешь рабу твою, владыко...». — Лук. 2, 29; Мария цитирует точно, изменяя только евангельские слова «раба твоего» на «рабу твою».

³⁰ Месяц коптского календаря фармуф (фармуфи) соответствует марту — апрелю.

³¹ Византийцы, желая подчеркнуть свою преемственную связь с Римской империей, называли себя ромеями.

Присполненная великого назидания повесть о житии и деяниях блаженного и праведного Филарета Милостивого (VIII в.)

Текст переведен по изданию Васильева: Изв. Русск. археол. Инст. в Константинополе, т. V. 1900, Одесса.

Житие привлекло к себе внимание Радищева и было пересказано им. См.: Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе, т. 1. СПб., 1889, стр. 598.

¹ Пафлагония — область на северном побережье Малой Азии. Амния находилась в ведении гангрского митрополита и таким образом была подведомствена главному городу в церковном отношении.

² Понт — страна в Малой Азии на южном побережье Черного моря между Пафлагонией и Арменией. Галатия — область Малой Азии.

³ Странноприимец Авраам — согласно библейской легенде, патриарх Авраам оказал гостеприимство посетившему его богу и двоим ангелам. Преславный Иаков — один из родоначальников еврейского народа; был крайне нестяжателен: во время голода послал в Египет дары и велел возвратить положенное в мешки его сыновей серебро.

⁴ Иов — см. прим. 4 к ж. Симеона Столпника.

⁵ «...господь, по слову пророчицы Анны, делает нищим и обогащает». — I Царств. 2, 7—8.

⁶ Измаилиты — арабы; в VIII в. они нередко вторгались в пределы Византии.

⁷ Династ — крупный земельный собственник.

⁸ «Трудно богатому войти в царствие небесное». — Не вполне точная цитата из Марк 10, 23.

⁹ «Богатство благо для тех, кто пользуется им разумно...». — Ср.: Исократ, 1, 28—29.

¹⁰ «... в поте лица ел хлеб свой...». — Парафраза Быт. 3, 19.

¹¹ «Трудясь, надобно поддерживать слабых...». — Слова принадлежат апостолу Павлу. Деян. ап. 20, 35.

¹² «Праздний, да не ест». — Ср. II Фессал. 3, 10.

- ¹³ «Блажен, пекущийся о жизни скота своего». — Неточная цитата из Притчи Сол. 12, 10.
- ¹⁴ «Плачьте с плачущими и радуйтесь с радующимися...». — Несколько измененные слова послания апостола Павла римлянам. Рим. 12, 15—16.
- ¹⁵ «Взгляните на птиц небесных — они не сеют, не жнут...». — Матф. 6, 26.
- ¹⁶ «Не заботьтесь о завтрашнем дне...». — Матф. 6, 34.
- ¹⁷ «... что будете есть и пить...». — Несколько измененная цитата из Матф. 6, 31—32.
- ¹⁸ «Ищите прежде всего царствия божия...». — Неточная цитата из Матф. 6, 33.
- ¹⁹ «Получите сторицей». — Ср. Матф. 19, 29.
- ²⁰ «... те, кто ради Христа и евангелия...». — Марк 10, 30.
- ²¹ Модий — мера сыпучих тел, соответствующая приблизительно 9 литрам.
- ²² Миля — см. прим. 1 к Палладий 19.
- ²³ Обновленным Иовом Филарет назван, так как, подобно ему, продолжал оставаться праведным и славить бога, когда кончилось его благополучие и на него посыпались несчастья.
- ²⁴ «Наг я вышел...». — Иов I, 21.
- ²⁵ Императрица Ирина (780—802) была в течение ряда лет регентшей при сыне Константине VI.
- ²⁶ Авраам — см. прим. 3. Библия не содержит описания наружности Авраама, но византийская иконописная традиция изображала его почтенным бородатым старцем.
- ²⁷ Саул — библейский царь. Облик его описывается так: «Не было никого из израильтян красивее его; он от плеч своих был выше всего народа». I Царств. 9, 2.
- ²⁸ Самсон — библейский силач, победитель филистимлян, носил длинные волосы, источник его необыкновенной силы.
- ²⁹ Иосиф — сын Иакова и Рахили, проданный братьями в Египет и ставший там любимцем фараона, «был красив станом и красив лицом». Быт. 39, 6.
- ³⁰ Очевидно, послы имели эталон, которому должна была соответствовать избраница.
- ³¹ Стратилат — см. прим. 18 к ж. Симеона Столпника.
- ³² Ставракий — военачальник и правая рука императрицы, игравший в ее правительстве видную роль.
- ³³ «... Выбрал Марию, внуку праведника...». — Примеры такого рода поисков невесты для императора встречаются в византийской истории. Сколько известно по другим источникам, императрица Ирина именно так нашла для Константина некую Марию из Амния, и в 788 г. брак ее с императором был заключен.
- ³⁴ Патрикий — см. прим. 24 к ж. Симеона Юродивого.
- ³⁵ Лонгобардский король Аргус, — вероятно, беневентский герцог Арихис, хотя житие и сообщает неверные сведения о его жизни.
- ³⁶ Спафарий — сравнительно высокий ранг, который можно сопоставить с рангом статского советника.
- ³⁷ «... воздаст любящим его сторицей...». — Марк 10, 29—30.
- ³⁸ Номисма — см. прим. 1 к Мосх 107.
- ³⁹ Литра — фунт, единица монетного веса; из него чеканилось 72 золотые номисмы или солида.
- ⁴⁰ Сребреник — серебряная монета среднего достоинства; обол — мелкая медная монета.
- ⁴¹ Лепта — мелкая медная монета.
- ⁴² Патрикиям полагалось носить красную шелковую одежду и золотой пояс.
- ⁴³ Ипатик — почетный консул.
- ⁴⁴ Заранее знать день своей кончины — привилегия особенно угодных богу праведников.

⁴⁵ Крисис, или Суд, — местность в Константинополе, по которой получил свое название расположенный там женский монастырь. Другое его название — Родофилион — значит «Розолистный».

⁴⁶ После кончины Иакова «Иосиф пал на лицо отца своего, и плакал над ним, и целовал его». — Быт. 50, 1.

⁴⁷ «Что закаляющий на жертву сына пред отцом его...». — Не вполне точная цитата из Сирах. 34, 20—21.

⁴⁸ «Спешит к богатству завистливый...». — Притчи Сол. 28, 22.

⁴⁹ Ворота Пемптон находились вблизи поселения, расположенного на пятой миле от города; отсюда их название: *remptos* по-гречески — числительное «пятый».

⁵⁰ «Милость и суд буду петь тебе, господи». — Пс. 100, 1.

⁵¹ Символ веры и молитвы спасителя — см. прим. 28 к ж. Марии Египетской.

⁵² «... что приготовил бог любящим его...». — I Коринф. 2, 9.

⁵³ «Безбожные персы» — арабы.

Жизнь, деяния и подвиги святого отца нашего и исповедника Михаила, пресвитера и синкелла града Иерусалима (начало 3-й четверти IX в.)

Текст переведен по изданию Ф. Шмидта: Изв. русск. археол. Инст. в Константинополе, XI, Сафия, 1906.

¹ Михаил Синкелл (761—845) — видный антииконоборческий деятель, теолог и грамматик. Исповедник — здесь открытый сторонник иконопочитания, принявший ради этого мученичество; обычно исповедниками называются адепты христианства, вопреки преследованиям стоящих у власти язычников пропагандировавшие свою веру. Синкелл — пресвитер или монах, живущий при патриархе и вместе с ним принимающий участие в делах церковного управления, лицо высокостоящее на иерархической лестнице.

² Архимандрит — см. прим. 2 к ж. Симеона Столпника. Хора — один из древнейших и значительнейших монастырей Константинополя.

Приступ до слов «монастыря Хоры», как это нередко практиковалось в памятниках агиографии, заимствован из ж. Иоанна Милостивого, написанного Иоанном Мосхом и Софронием.

³ Пророк Самуил — см. прим. 46 к ж. Симеона Юродивого.

⁴ Адонай, Элогим, Саваоф — иудейское обозначение божества: адонай — господь, элогим — буквально: боги; употребляется в значении ед. числа; имя бога Саваоф произошло из еврейского адонай цебаот', т. е. господь воинств.

⁵ Купель возрождения — крещение.

⁶ Михаил — по-древнееврейски значит «кто подобен богу».

⁷ Телетарх — речь идет о иерусалимском патриархе.

⁸ «... постриг и причислил к чтецам...». — Здесь речь об обряде крестообразного пострижения волос при посвящении во чтецы. Чтец — см. прим. 2 к Палладий 70.

⁹ «... посвящая себя богу как любезный ему храм...». — Благочестивый христианин в новозаветной традиции уподобляется храму божьему. — См. I Коринф. 3, 16, 17; II Коринф. 6, 16.

¹⁰ Имеется в виду Савва Освященный (ум. в 531 г.), видный деятель монашеского движения, основатель знаменитого монастыря близ Иордана, получившего впоследствии название лавры Саввы Освященного.

¹¹ Пресвитер — см. прим. 5 к Палладий 19.

¹² Фома — иерусалимский патриарх (797—820).

¹³ Братья Феодор (ок. 775—ок. 884 гг.) и Феофан (ок. 778—846 гг.) — церковные деятели, защитники иконопочитания; Феофан известен также как автор со-

чинений в защиту православия и церковных песнопений, за что и получил прозвище песнописец.

¹⁴ Илья — константинопольский патриарх (787—797).

¹⁵ Апостолы Петр и Павел были одновременно казнены в правление императора Нерона (54—68); Петр был распят, а Павел обезглавлен.

¹⁶ II вселенский Константинопольский собор был созван в 381 г. в правление императора Феодосия Великого (379—395) в связи с возникновением опасных вероисповедных разногласий и распространением еретических учений, среди которых видное место занимало македонянство, учение последователей константинопольского епископа Македония (355—359). Македоняне признавали святой дух третьим лицом троицы только по чести, но по существу своему отличным от первых двух, т. е. отца и сына (по христианскому вероучению, бог един в своей сущности, но выражает себя в трех лицах или ипостастях как отец, сын и святой дух), творением, а не вечно существовавшим богом. Собор утвердил так называемый никеодареградский символ веры, согласно которому все лица троицы были единосущны, равны и совечны.

«И в духа святого, господа животворящего, исходящего от отца и сына» — в добавке «и сына» усматривали хулу на дух святой, т. е. умаление его места в троице и природы; в никеодареградском символе веры это было сформулировано так: «И в духа святого, господа животворящего, исходящего от отца, вместе с отцом и сыном поклоняемого и славимого».

¹⁷ «Папа, правивший тогда римским престолом». — Лев III (795—816). В 809 г. Карл Великий созвал собор касательно прибавки *filioque* к никеодареградскому символу; затем к папе Льву III было отправлено посольство с просьбой утвердить новый догмат, на что папа не дал своего согласия и на соборе 810 г. в Риме осудил ее. Однако, несмотря на это, прибавка быстро получила распространение в Италии, Испании и Германии, а вопрос о *filioque* стал центром разногласий между восточной и западной церковью. Согласно дополнению франков, святой дух исходил не только от бога-отца, но и от бога-сына; тем самым дух получает в сыне свое начало: только сын рожден отцом, дух же исходил от того и другого, иными словами, лица троицы под влиянием прибавки утрачивали свое равенство и единосущность.

¹⁸ «Исходящего от отца, вместе с отцом и сыном поклоняемого и славимого». — Формула никеодареградского символа веры.

¹⁹ Феодот Мелитин Касситера (815—821) — константинопольский патриарх и император Лев V Армянин (813—820) были иконоборцами или иконосжигателями, т. е. представителями того направления общественной мысли, которое, возникнув в начале VIII в. (первый эдикт против иконопочитания был издан в 726 г. императором Львом Исавром), более ста лет, если не считать временного торжества иконопочитателей в правление Константина VI и Ирины (окончательное поражение иконоборчества наступает в 842 г. вместе со смертью последнего императора этой ориентации, Феофила), было причиной ожесточенных религиозных споров и кровавых расправ над инакомыслящими. Иконоборцы отрицали святость икон и требовали их уничтожения; однако под оболочкой религиозных разногласий по поводу почитания икон за преобладание боролись церковь и государство. Интересы первой защищали преимущественно монахи, интересы государства — императорская власть. В стремлении подчинить себе духовенство иконоборцы настаивали на объявлении императора главой церкви и на конфискации принадлежащих ей ценностей. В области теории это оформлялось как возвращение к ветхозаветным нормам, запрещавшим идолопоклонство. Иконосжигатели апеллировали и к тому, что почитание икон чревато отступлениями от православия, так как образ изображал человеческую природу Христа, что открывало двери монофизитству.

²⁰ «Святой исповедник Феодор Студит...». — Речь идет об аналогичном послании, некогда полученном и удовлетворенном самим Фомой. Феодор Студит

(759—826), крупнейший писатель и деятельный противник иконоборческого движения, был как иконопочитатель сослан императором Никифором I (802—811) и обратился с письмом к патриарху Фоме, прося его помочь константинопольской церкви.

²¹ Диосполь (Лидда) — город в Палестине.

²² VII Никейский собор (787 г.) собрался в период кратковременного торжества иконопочитателей по инициативе императрицы Ирины (797—802). На нем иконопочитание получило официальное утверждение, а враги икон были преданы анафеме.

²³ Под священными диптихами здесь подразумеваются диптихи умерших, т. е. таблички, куда заносились имена особенно отличившихся христианскими добродетелями мирян и клириков для поминовения их в церкви во время евхаристии, что рассматривалось как исключительная честь. Константинопольские патриархи иконопочитатели Тарасий (784—806) и Никифор I (806—815), естественно, были лишены противниками этой чести.

²⁴ «Богопротивный и звероименитый император». — Лев Армянин.

²⁵ Индикт, или индиктион, — в Византии существовало два типа счисления времени — от сотворения мира, т. е. с 5508 г. до н. э., и счисление по пятнадцатилетиям, или индиктам, отсчитывавшее время от рождения Христа.

²⁶ Текст патриаршего послания, как всегда документальный материал, вроде писем, речей и т. п., в житиях — вымышленный; оно в данном случае и не могло быть известно хорскому инок.

²⁷ «...облекая в ветхого Адама...». — Вочеловечение Христа названо облечением в ветхого Адама, родоначальника человеческого рода; обычно Христос называется новым Адамом, чтобы подчеркнуть, что новый родоначальник в отличие от ветхозаветного (т. е. древнего, ветхого) не отягчен грехом.

²⁸ «И вот великий бог и спаситель наш, Иисус Христос...». — Здесь и далее в защиту иконопочитания приводятся фантастические аргументы, не находящие подтверждения даже в круге источников, с которыми их связывает агиограф.

²⁹ Кивот завета и скитания завета — кивот или ковчег завета, согласно Библии, создан на горе Синай для хранения дарованных Моисею богом скрижалей завета, т. е. заповедей; скиния — походный храм.

³⁰ «Первый пастырь и учитель церкви...». — Речь идет об апостоле Петре. Ожидая во дворе иудейского первосвященника Каиафы допроса Иисуса, он, трижды спрошенный, не был ли он с Иисусом, трижды отрекается от своего учителя. — См. Матф. 26, 69 и сл.

³¹ Панкратий — его окрестил апостол Петр и послал проповедовать в Сицилию. Панкратий стал епископом тавроменийским и погиб от руки язычников.

³² «Радуйся, обрадованная, господь с тобой...». — Лук. 1, 28.

³³ В пассаже, посвященном Луке, речь первоначально идет как будто об одной иконе, а далее словно бы о двух, из которых одна находится в Риме, вторая — в «святом граде господа нашего», т. е. в Иерусалиме.

³⁴ Авгарь — согласно легенде, Авгарь V, один из властителей (агиограф обозначает его византийским термином «топарх», правитель, наместник) Осроенского царства (Месопотамия), страдая от недуга, попросил Христа прийти в Эдессу исцелить его. Христос направил для этого апостола Фаддея. Но Авгарь так желал увидеть Христа, что послал художника, чтобы тот его нарисовал. Но из-за сияния, исходящего от Христа, это оказалось невозможным, и тогда Иисус приложил к лицу кусок полотна и чудесно отпечатавшееся свое изображение подарил благочестивому топарху.

³⁵ «Елей грешника да не умастит главу мою». — Ср. Пс. 140 (141), 6.

³⁶ Под православным собором, осудившим и изгнавшим из церкви божией идолослужение, император-иконопочитатель имеет в виду иконоборческий собор, созданный в 754 г. императором Константином V Копронимом. Собор единогласно постановил, что иконопочитание обязано своим возникновением козьям сатаны;

писать иконы, соответственно, значит кощунственно оскорблять Христа, богородицу и святых, а потому запрещается держать иконы в церквях и частных домах.

³⁷ «Есть у них уста...». — Пс. 113, 13.

³⁸ Афузия — один из островов Пропонтиды.

³⁹ «Будьте мудры, как змии, и кротки, как голубицы». — Матф. 10, 16.

⁴⁰ Имеется в виду Михаил II Травл (820—829).

⁴¹ На горе Олимпе (Вифиния) было сосредоточено большое количество монастырей.

⁴² Император Феофил правил с 829 по 842 г.

⁴³ Асикрит — секретарь, писец, служащий канцелярии.

⁴⁴ Спафарий — сравнительно высокий ранг: соответственно дореволюционной русской иерархической системе — статский советник.

⁴⁵ «Христос напрасно умер». — Галат. 2, 21.

⁴⁶ Хрисотриклин — парадная золотая палата в одном из константинопольских дворцов; по этой палате он получил свое название.

⁴⁷ Эпарх — здесь подразумевается градской эпарх, высший чиновник столицы, ведавший судом, ремеслами и торговлей города.

⁴⁸ «Не бойтесь убивающих тело...». — Матф. 10, 28.

⁴⁹ Панкратий — буквально «всеборье»; гимнастическое состязание, в котором совмещались борьба и кулачный бой.

⁵⁰ Моавитида, или Моавия, — область Палестины к востоку от Мертвого моря.

⁵¹ Старец Елеазар и семь братьев Маккавеев, его учеников (Маккавей — прозвище, перенесенное с его знаменитого носителя Иуды Маккавея на всех защитников и исповедников своей веры) во времена религиозных гонений царя Сирии Антиоха IV Епифана (ок. 175—163 гг. до н. э.), прославленного своей решительной эллинизацией инаковерующих, в частности иудеев, отказались есть жертвенное мясо и за это как противники насаждаемой царем греческой религии были умерщвлены.

⁵² Понтий Пилат — см. прим. 6 к Палладий 22.

⁵³ Сыновья Агари, агаряне — арабы.

⁵⁴ Ромеи — см. прим. 31 к ж. Марии Египетской.

⁵⁵ Логофет дрома — начальник почтового ведомства и управления внешних сношений.

⁵⁶ Согласно доктрине иконопочитателей, изображение на иконе должно служить объектом поклонения, поскольку восходит к своим божественным прототипам, т. е. богу и его святым.

⁵⁷ «Херувимы и пламенный меч», — см. прим. 16 к ж. Макария Римского.

⁵⁸ «Так как вы сделали это одному из сих братьев моих меньших...». — Матф. 25, 40.

⁵⁹ См. прим. 8 к ж. Космы и Дампана.

⁶⁰ Иов — обычный пример для иллюстрации твердости в испытаниях. — См. прим. 4 к ж. Симеона Столпника.

Дополнительно здесь обыгрывается со свойственным византийцам вниманием к ономастическим соответствиям совпадение имен библейского Иова и Иова, соратника Михаила.

⁶¹ Мефодий — видный сторонник иконопочитания, впоследствии константинопольский патриарх Мефодий I (843—847). Много лет при императорах Михаиле и Феофиле подвергался суровым репрессиям.

⁶² «На камне веры твоей я создам церковь мою...». — Ср. Матф. 16, 18: «Ты Петр (здесь непередаваемая игра слов, так как petra по-гречески значит «скала», «камень», — С. П.), и на сем камне я создам церковь мою, и врата ада не одолеют ее».

⁶³ Император Михаил III Пьяннца (842—867) до 856 г. разделял власть со своей матерью Феодорой.

⁶⁴ «Возведи очи твои, Сион...». — Парафраз. Исх. 49, 18.

⁶⁵ Нечестивый Иоанн — константинопольский патриарх-иконоборец Иоанн VII Грамматик (837—843).

⁶⁶ Иоанникий Великий (754—846) — монах, подвизавшийся на Олимпе, видный сторонник иконопочитания. Первоначально сочувствовал иконосжигателям.

⁶⁷ Элевомитский монастырь — один из монастырей на горе Олимпе (Вифиния).

⁶⁸ Монастырь Хора был после сильного землетрясения вновь отстроен императором Юстинианом (527—565).

⁶⁹ «Если кто назовет его...». — Автор перечисляет особо чтимые святые: Хорив — отрог горы Синай; Кармил — гора в Палестине, местопребывание библейских пророков Или и Елисея, здесь же были посрамлены жрецы Ваала; Синай — гора в Каменистой Аравии (Синайский полуостров); там, по легенде, Моисей получил от бога скрижали завета; Фавор — гора вблизи Назарета, на которой, как верили, преобразился Христос; Ливан — гора на границе Сирии и Иудеи; в Писании — синоним всего великого и славного.

⁷⁰ Савва — см. прим. 10; иерусалимский патриарх Петр занимал престол с 524 по 544 г.

⁷¹ Агиограф имеет в виду восстание 529 г., поднятое против византийского господства палестинским племенем самаритян, близким по быту и верованиям к евреям, и проходившее под религиозными лозунгами.

⁷² Рассказ о посещении монастыря Саввою Освященным — легенда (Савва прибыл в Константинополь в 530 г., а Хора была восстановлена Юстинианом после землетрясения 558 г.), появление которой преследовало цель прославить эту обитель и объяснить обычаи, согласно которому духовные лица из Иерусалима останавливались в этом монастыре.

⁷³ Константин V Копроним (741—755) сменил на престоле тоже иконоборческого императора, своего отца, Льва III (717—741).

⁷⁴ Герман — константинопольский патриарх (715—730), сторонник иконопочитания.

⁷⁵ Первый из ересенаачальников — император Лев III, издавший первый эдикт против иконопочитания (726 г.).

⁷⁶ Иудействующим император назван за то, что, придерживаясь ветхозаветных норм, он отвергал изображения; так именовали и еретиков, отклоняющихся в религиозно-бытовом строе жизни и верованиях в сторону ветхозаветного иудейства.

⁷⁷ «...сослал патриарха в упомянутый этот честный и православный монастырь». — По сведениям других источников, Герман не был сослан в этот монастырь, а, сложив с себя сан, удалился в свое поместье.

⁷⁸ Артавасд, зять Константина V, опираясь на иконопочитателей, поднял против него восстание (743 г.); когда оно было подавлено, император жестоко расправился со своими врагами.

⁷⁹ I вселенский собор в Никее состоялся в 325 г. и был посвящен критике арианства. Вопреки Арию, считавшему, что бог сын как рожденный отцом имеет тварную природу и потому ниже своего безначального отца, сторонники ортодоксального православия признавали все ипостаси троицы (бог отец, бог сын и бог дух святой) равносущными. Арий был предан анафеме, а император издал окружную грамоту, призывавшую исповедовать установленную на этом соборе веру как «мысль Божию, объявленную святым духом через согласие столь многих и столь великих архиереев».

⁸⁰ Кинолик — буквально Собаководок; сочинение до нас не дошло.

⁸¹ «Господи, предаю дух свой в руки твои». — Лук. 23, 46.

⁸² Канон — серия песнопений для церковной службы; полные каноны состоят из девяти песен, неполные содержат от одной до четырех.

⁸³ «...разрешиться и быть со Христом...». — Филип. I, 23.

⁸⁴ Било — см. прим. 40 к ж. Симеона Юродивого.

⁸⁵ Константин, Феодосий, Елсейов. — Агиограф называет известных ревнителей православия, императоров Константина I (324—337), прославившегося укреплением в империи христианства и непримиримостью к арианской ереси, Феодосия I (379—395), который продолжал дело Константина, а также эфиопского царя Елсейова (VI в.); он восстановил христианство в земле гомеритов и оставил царский престол, чтобы стать монахом.

⁸⁶ Вавила никомидийский — мученик IV в. За отказ принести жертву языческим богам был замучен вместе с детьми, которых он обучал.

⁸⁷ Придел — особый алтарь, отделенный от других частей здания; устраивался в больших храмах, чтобы в одном и том же помещении можно было дважды совершать литургию. Память Игнатия Богоносца праздновалась 20 декабря, так что, говоря о 19 декабря, агиограф ошибается.

⁸⁸ «... страшный день судный...». — См. прим. 7 к Палладий 34.

⁸⁹ «Дорога в очах господних смерть святых его». — Пс. 115, 6.

⁹⁰ Монах одержим нечистым духом — т. е. болен душевной болезнью.

⁹¹ «... бог знает, по слову апостола...». — II Коринф. 11, 11.

⁹² Соименник архангелов — агиограф подразумевает, что Михаил синкелл и архангел Михаил — тезки.

Симеон Метафраст. Жизнь и деяния святого отца нашего Николая (X в.)

Текст переведен по изданию: G. Anrich. Hagios Nikolaos. Der heilige Nikolaos in der griechischen Kirche, Bd. I, 1913.

¹ «Они, посаженные при потоках благочестия, вовремя приносят плод...». — Ср. Пс. 1, 3: «И будет он, как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое».

² «... тот рождением своим разрешил родильные муки матери, а этот навечно скончал». — Иоанн Креститель был поздним (потому он «разрешил родильные муки своей матери») и единственным сыном, а Николай «скончал», так как после него мать уже больше не имела детей.

³ Под святым правилом подразумевается соблюдение двух постных дней, среды и пятницы.

⁴ Пресвитер — см. прим. 5 к Палладий 19.

⁵ Миры — город в Ликии.

⁶ «Укажи мне, господь, путь, по которому мне идти...». — Пс. 142 (143), 8.

⁷ «Научи меня исполнять волю твою...». — Пс. 142 (143), 10.

⁸ «На тебя оставлен я от утробы...». — Пс. 21 (22), 11.

⁹ «Когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердца». — Пс. 61 (62), 11.

¹⁰ «Милость и истина да не оставляют тебя». — Притчи Сол. 3, 3.

¹¹ «... левой руке не доверять то, что свершаешь...». — Намек на слова Евангелия: «Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая». — Матф. 6, 3.

¹² «... вследствие послушания моего воплотившийся...». — Под «моим послушанием» имеется в виду грех Адама и Евы (т. е. человека), вопреки запрещению бога вкусивших от древа познания добра и зла. Согласно евангельскому мифу, Христос воплотился (принял телесный облик), чтобы спасти впадшее в грех человечество.

¹³ «... из праха поднимает бедного, из брения возвышает нищего». — Пс. 112 (113), 7.

¹⁴ «Души алчущие исполнял благами...». — Ср. Пс. 106 (107), 9: «И душу алчущую исполнил благодати».

¹⁵ «Остановитесь и познайте». — Пс. 45 (46), 11.

¹⁶ «Оставаться в пустыне». — Имеется в виду фраза Давида: «Далеко удался бы я, и оставался бы в пустыне». — Пс. 54 (55), 8.

¹⁷ Голгофа — см. прим. 51 к ж. Симеона Юродивого.

¹⁸ «На кого призрѣвает господь, как не на смиренного и кроткого...». — Несколько измененная цитата из Исх. 66, 2.

¹⁹ Имена римских императоров, гонителей христиан, Диоклетиана (284—305) и Максимиана (286—305) употреблены нарицательно как синоним врагов христианства.

²⁰ «...воздвигает своему народу рог спасения...». — Ср. Лук. 1, 69: «И воздвиг рог спасения нам».

²¹ Согласно легенде, римский император Константин I (324—337) накануне решающего сражения за единовластие увидел на небе знамение креста. По другим вариантам легенды, видение предстало ему сначала наяву, а затем и во сне.

²² Палинодия — буквально песнь, в которой поэт отрекается от своих прежних слов; переносно — отречение от своих слов. Здесь имеется в виду, что Константин не следовал религиозным воззрениям своих предшественников, императоров-язычников.

²³ Исповедник — см. прим. 1 к ж. Михаила Синкелла.

²⁴ Под великим архиепископом императора Константина агнограф, судя по тексту, разумеет константинопольского патриарха Митрофана (315—325), хотя по состоянию здоровья тот не присутствовал на Никейском соборе (325 г.) и направил вместо себя будущего своего преемника по кафедре епископа Александра (325—340), открывшего борьбу против Ария.

²⁵ «...в Никее собирается все православное духовенство...». — См. прим. 79 к ж. Михаила Синкелла.

²⁶ Вопреки Арию, считавшему, что бог сын, как рожденный отцом, имеет тварную природу, т. е. не существовал извечно и потому ниже своего безначального отца, сторонники ортодоксального православия признавали все ипостаси троицы (бог отец, бог сын и бог дух святой) равносущными.

²⁷ Тайфалы — германское племя, жившее за Дунаем. О восстании их известно только из этого места жития.

²⁸ Стратилат — см. прим. 18 к ж. Симеона Столпника.

²⁹ Плакома, — по-видимому, местность между Мирами и гаванью Андриак.

³⁰ Игемон — правитель.

³¹ Леон — топоним не идентифицирован; потому затруднительно решить, следует ли передавать его так, как в нашем тексте (Леон), или переводить на русский язык: λέων — по-гречески «лев».

³² Диоскуры — храм Крискента и Диоскорида, христианских святых, отождествленных, по-видимому, с языческими братьями Диоскурами.

³³ Византий — языческое название Константинополя. Город был переименован императором Константином и превращен в столицу империи.

³⁴ «Да предварят нас щедроты твои, господи». — Пс. 78 (79), 8.

³⁵ Под сокровищем подразумевается святой Николай.

³⁶ «Господи, господи, кто подобен тебе...». — Пс. 34 (35), 10.

³⁷ «...как некогда мой Иисус успокаивает волны...». — Имеется в виду евангельский эпизод. — Матф. 8, 26.

³⁸ «Человек смотрит на лицо, а господь смотрит на сердце». — I Царств. 16, 7.

³⁹ «Не творите зла, и не претерпите зла». — Подобных слов в Ветхом и Новом завете нет. Ближе всего к ним пассаж: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром». — Рим. 1, 12, 21.

⁴⁰ «Ибо мы — храм божий». — Не вполне точная цитата из I Коринф. 3, 17.

⁴¹ «...лик его сверкал более Моисеева». — Сияние, исходившее от лица Моисея, когда он сошел с горы Синай, описано в Исх. 34, 29 сл.

⁴² «...не видел того глаз, не слышало ухо...». — I Коринф. 2, 9.

Житие и деяния человека божия Алексия (XI в.?)

Текст переведен по изданию: Margarete Rösler. Die Fassungen d. Alexius=Legende. Wien—Leipzig, 1905=Wiener Beiträge z. Englischen Philologie, XXI.

- ¹ Синклитик — см. прим. 18 к ж. Макария Римского.
- ² «Возопиешь, и скажу: вот я». — Ср. Исх. 58, 9.
- ³ Храм святого Вонифатия — был расположен на Авентинском холме.
- ⁴ Магналия, город Лаодикии сирийской — автор придумывает несуществующий город Магналию и, по-видимому, принимает здесь город Лаодикию за область.
- ⁵ Эдесса — город месопотамской Сирии. — См. прим. 2 к ж. Макария Римского.
- ⁶ Авгарь — см. прим. 34 к ж. Михаила Синкелла.
- ⁷ Притвор — см. прим. 17 к ж. Марии Египетской.
- ⁸ Уния — см. прим. 4 к Палладий 19.
- ⁹ Просмонарий — см. прим. 7 к ж. Симеона Столпника.
- ¹⁰ Киликийский город Тарс — Киликия — область в юго-восточной части Малой Азии, ее столицей был г. Тарс.
- ¹¹ «...корабль занесло в Рим». — Агиограф, по-видимому, полагает, что Рим лежит на берегу моря.
- ¹² «Твердо уповал я на господа, и он приклонился ко мне...». — Пс. 39 (40), 1.
- ¹³ Под доверенным Алексию сокровищем подразумевается его душа.
- ¹⁴ Харатья — песчаный материал и сама рукопись; трость — орудие письма.
- ¹⁵ Литургия — см. прим. 7 к Раск. св. Пелагии.
- ¹⁶ Священные римские императоры — Аркадий (395—408) и Гонорий (395—423) правили — первый восточной частью империи, второй — западной. Судя по контексту, под архиепископом следует понимать папу римского, однако папы по имени Маркиан в это время не было.
- ¹⁷ «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас». — Матф. 11, 28.
- ¹⁸ Хартуларий — помощник эконома.

Легенды о чудотворных иконах (XI—XII вв.)

Текст переведен по изданию: E. Dobschütz. Christusbilder. Leipzig, 1899.=Texte u. Untersuchungen zur Geschichte d. altchristl. Literatur, NF, Bd. III.

1

¹ Иов Александрийский, Христофор Антиохийский и Василий Иерусалимский — авторы соборного послания 836 г. В апреле указанного года в Иерусалиме состоялся собор (число присутствовавших на нем монахов агиограф значительно преувеличил: в действительности их было 1153 человека), направивший императору Феофилу послание, в котором излагалось обоснование ортодоксальной веры.

² Император Феофил (829—842) был иконоборцем; обращение к нему иконопочитателей с подобного рода документом объяснимо только отношением к императору как к священной особе, характерным для византийцев.

³ Герман — см. прим. 74 и 77 к ж. Михаила Синкелла.

⁴ Амантий — мол в гавани Контоскалион под Константинополем.

⁵ Табличка для письма — см. прим. 9 к Раск. св. Пелагии. «...спаси себя и нас». — Лук. 23, 39.

⁶ Григорий — имеется в виду папа Григорий II (715—731).

⁷ Симеон — согласно евангельской легенде, старец, взявший на руки новорожденного Христа, принесенного в храм для совершения полагающихся обрядов. — См. Лук. 2, 28.

⁸ «...приял своей рукой скрижали, начертанные богом». — Моисей, как повествуется в Исх. 31, 18 и 32, 15 сл., получил от бога скрижали, на которых был начертан закон.

2

¹ Проконесский мрамор — один из наиболее ценившихся сортов мрамора, который добывался на о. Проконесе (Пропонтида). Под святой великой церковью подразумевается София в Константинополе.

² Самаритянка — см. прим. 11 к Раск. св. Пелагии.

3

¹ Лидда или Диосполь — см. прим. 21 к ж. Михаила Синкелла.

² Локоть — см. прим. 2 к Палладий 22.

³ «... неисследимы пути твои». — Рим. II, 33.

⁴ Юлиан Отступник (361—363) — римский император, пытавшийся реставрировать язычество в качестве государственной религии.

4

¹ Одигис — храм богородицы Одигитрии (путеводительницы) — один из важнейших храмов царственного града, т. е. Константинополя.

² В византийских храмах женщины молились отдельно от мужчин в особом помещении.

³ Жестокий приказ императора Льва — речь, по-видимому, идет об эдикте против иконопочитания, изданном Львом Исавром — см. прим. 19 к ж. Михаила Синкелла.

⁴ «... гнев божий пришел на нее». — Пс. 77, 31.

⁵ В связи с сюжетом см. прим. 1 к «Чудесам Георгия», 2.

5

¹ Ормизда — квартал Константинополя.

² Горнее место — седалище в алтаре за престолом.

³ Таксиарх — полководец.

⁴ «Ранил поверхность руки» — стих из Илиады Гомера. — Илиада, 5, 337.

⁵ Ярящиеся на бога иереи и архиереи — сторонники иконоборчества. — См. прим. 19 к ж. Михаила Синкелла.

⁶ Святая святых — алтарь.

6

¹ «... когда увидите мерзость запустения, стоящую на святом месте...». — Матф. 24, 15.

² Веприца, подобно псу предшествующего рассказа, знаменовала своим появлением временное торжество иконоборчества.

7

¹ Маврикий — византийский император (582—602).

² Нотарий — чиновник при дворе константинопольского патриарха, который наблюдал за гражданским судопроизводством по делам, подлежащим компетенции как гражданского, так и церковного суда, вроде завещаний, отпуска на волю рабов и т. п.

³ Патрикий — см. прим 24 к ж. Симеона Юродивого.

⁴ Плифрон — храм, по другим источникам нам неизвестен.

Житие Марии Антиохийской
(хронология не определена, но не позже VI в.)

Текст переведен по изданию: Acta Sanctorum, Mail, VII.

¹ Могущество Мегаса соответствует его имени, так как прилагательное megas значит «великий», «могущественный».

² «...не хотящий смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего...». — Иезек. 33, 11.

³ Притвор — см. прим. 17 к ж. Марии Египетской.

⁴ День судный — см. прим. 7 к Палладий 34.

⁵ Харатья — см. прим. 14 к ж. Алексия.

⁶ Стихарь — см. прим. 22 к Раск. св. Пелагии. Анфимий состриг волосы и облекся во вретиче, чтобы показать свое смирение.

⁷ «...как простил должнику его десять тысяч талантов». — Имеется в виду евангельская притча о том, как царь вместо того, как он первоначально предполагал, чтобы продать своего должника вместе с женой, детьми и имуществом, «умилостивившись над рабом тем, отпустил его, и долг простил ему». — Матф. 18, 23 сл.

⁸ Литра — см. прим. 39 к ж. Филарета Милостивого.

⁹ «Все хорошо делает господь наш». — Марк 7, 37.

¹⁰ «Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию». — Марк 2, 17.

**Продолжатель Мосха (хронология не определена,
terminus post quem, 638 г.)**

Текст переведен по изданию Ниссена: Byzantinische Zeitschrift, 1938, № 38, Н. 2.

6

¹ Фиваида — область верхнего Египта.

² «...верблюд, который доставал воду». — Чтобы поднимать воду из колодца, в Египте пользовались водяным колесом: колесо вертикально ставилось над колодцем, по нему проходили канаты, к которым были прикреплены сосуды для воды, а верблюды приводили колесо в движение.

³ Било — см. прим. 40 к ж. Симеона Юродивого.

9

¹ Мафорий — короткий плащ.

² Кувшин для вина — речь идет о так называемом пифосе, вместительном сосуде, в котором хранили различные съестные припасы, масло, вино, зерно и т. п.

³ Во время литургии покровцами были накрыты потир и дискос, третий большой покровец, или воздух, был накинут сверху на оба сосуда.

12

¹ «Был наг, и вы одели меня». — Матф. 25, 36.

² Место, называемое Херувим, — со времен римского императора Веспасиана перед городскими воротами Антиохии стояла статуя херувима, вывезенная из Иерусалима после разрушения храма.

Краткое житие Евфросина-повара

(Хронология точно не установлена, однако житие могло возникнуть не ранее IV и не позднее VII вв.)

Текст переведен по изданию: Revue de l'Orient Chrétien, v. 10, 1905; Vies et récites d'anachorètes (IV—VII sec.)

¹ «...облекся в святую ангельскую одежду...». — Т. е. принял пострижение.

² Пресвитер — см. прим. 5 к Палладий 19.

³ «То, что ты приготовил любящим тебя...». — Ср. I Коринф. 2, 9.

⁴ «...не давал сна очам моим и веждам дремание...». — Пс. 131 (132), 4.

⁵ «...не видел того глаз, не слышало ухо...». — I Коринф. 2, 9.

⁶ Дискос — блюдо, на которое клали евхаристического агнца. См. также прим. 7 к Раск. св. Пелагии.

Житие и предания аввы Даниила

Текст переведен по изданию: Clugnet. Vie et récites de l'abbé Daniel. Revue de l'Orient Chrétien. Paris, 1900, V.

9

О камнесечце Евлогий

¹ Авва — см. прим. 2 к Палладий 16.

² Пресвитер — см. прим. 5 к Палладий 19, Скит — см. прим. 3 к Палладий 19.

³ Фиваида — см. прим. 1 к Продолжатель Мосха 6.

⁴ «...с вершей в руках». — Так как Евлогий не был рыбаком, верша в его руках имеет, очевидно, символический характер: ведь увидев будущих апостолов Петра и Андрея, занятых рыбной ловлей, Христос говорит им, что сделает братьев «ловцами человеков» (Матф. 4, 19), и они идут за ним.

⁵ Кератий — византийская серебряная монета, равная $\frac{1}{24}$ номисмы.

⁶ «Из рук моих взыщи душу его». — Ср. Быт. 9, 5.

⁷ Архонт — термин обозначал начальника; им мог быть чиновник и даже крупный собственник.

⁸ «...мне будет несдобровать». — Евлогий опасается за себя, так как найденный клад, согласно действующему праву, ему следовало сдать фиску.

⁹ Юстин — Юстин I, дядя Юстиниана — византийский император (518—527).

¹⁰ Эпарх священного претория — имеется в виду префект претория, глава гражданского управления, ближайший помощник императора в этой сфере его деятельности.

¹¹ Амма — см. прим. 6 к Палладий 34.

¹² Патрикий — см. прим. 24 к ж. Симеона Юродивого.

¹³ «И восстают на него Ипат, Дексикрит и Помпий». — Агиограф подразумевает участников восстания Ника (532 г.), но неправильно передает их имена. Ипатий и Помпей, племянники императора Анастасия, принимавшие участие в восстании (Ипатий был даже коронован), очевидно, скрываются под Ипатом и Помпием; Дексикрита и Евлогия другие источники не упоминают.

¹⁴ Речь автора представляет собой мозаику из ветхозаветных цитат: «Как велики дела твои, господи». — Пс. 91 (92), 5; «Кто бог так великий, как бог наш». — Пс. 76, 14: «Из праха подымлет он бедного, из брения возвышает нищего, унижает и возвышает». — I Царств. 2, 7—8; «Кто может исследить чудеса твои, господи». — Ср. Сирах. 18, 6.

Житие святого Андроника и жены его Афанасии

- ¹ Афанасия — по-гречески «бессмертная».
- ² «Наг я вышел из чрева матери моей...». — Иов 1, 21.
- ³ Судный день — см. прим. 7 к Палладий 34.
- ⁴ «Пойди из земли твоей, от родства твоего...». — Быт. 12, 1.
- ⁵ Тавеннский монастырь — см. прим. 1 к Палладий 34.
- ⁶ 18-я миля — местность вблизи Александрии (Египет).
- ⁷ Таблички — см. прим. 9 к Раск. св. Пелагии.

Чудеса святого Георгия (VII—IX вв.)

Время возникновения определяется последним издателем неопределенно: «века, когда христиане и сарацины оспаривали друг у друга господство в Палестине, Сирии и Малой Азии».

Текст переведен по изданию: *Miracula S. Georgii* ed. J. V. Aufhauser. Lipsiae, 1913.

2

¹ Сюжет этого чуда очень популярен и у разных народов сохранился вплоть до нового времени. См.: В. К. Соколова. Русские исторические предания. Л., 1970, стр. 45 и сл.

² Место действия предыдущего чуда, т. е. открывающего греческий сборник, — г. Лидда (Палестина).

³ Сарацины — см. прим. 17 к Раск. св. Пелагии.

3

¹ Агаряне — арабы.

² Пафлагония — см. прим. 1 к ж. Филарета Милостивого.

³ Фатри — местность не идентифицирована.

5

¹ Каппадокия — страна в восточной части Малой Азии.

² Вероятно, имеется в виду император Феодосий III (716—717).

³ Евсевия — по-гречески «благочестивая».

⁴ Не вполне ясно, какое из многочисленных чудес, совершенных Георгием, здесь подразумевается.

⁵ «... милосердный бог хотел, чтобы все люди спасались...». — I Тимоф. 2, 4.

⁶ Частая в Библии формула; ср. I Царств. 3, 4; «Воззвал господь к Самуилу, и отвечал он: „Вот я“».

⁷ Стадий — греческая мера длины, соответствующая 184,97 м.

⁸ Комит — здесь, по-видимому, офицер.

⁹ «... собирается сделать нас богатыми, как сделал многих других». — О такого рода милостях Георгия упоминает одна из дошедших до нас версий его мученичества.

¹⁰ Канон — см. прим. 82 к ж. Михаила Синкелла.

¹¹ Спутники Георгия разумеют под царем не императора, а небесного царя.

¹² Пифос — см. прим. 2 к Продолжатель Мосха 9.

¹³ «Взрожденный богом» — начало анонимного гимна Георгию, опубликованного Крумбахером, см.: K. K r u m b a c h e r. Der heil. Georg in d. griech. Überlieferung. Abh. d. Königl. Bayerisch. Akad. d. Wiss. philosph.-philolog. u. hist. Kl. Bd. XXV, Abh. 3, 1911, S. 95.

¹⁴ «...и как ты размножил звезды небесные и прах земли...». — Ср. Неем. 9, 23 и Сирах. 44, 23.

¹⁵ Речь, очевидно, идет о пострижении в монахи перед смертью.

6

¹ Ампелон — очевидно, Рамвле, Рамле, местечко вблизи палестинского города Лидда.

² Амерумн — так византийцы передавали титул арабского халифа 'амир ал-му'минин, т. е. эмир верующих.

³ Пресвитер — см. прим. 5 к Палладий 19.

⁴ Литургия — см. прим. 7 к Раск. св. Пелагии.

⁵ Проскомидия — первая часть литургии, когда священнослужители готовят все для евхаристии (причастия) и надрезают на четыре части жертвенный хлеб.

⁶ Бескровная жертва — евхаристический хлеб и вино.

⁷ Потир — чаша для евхаристического вина, дискос. — См. прим. 6 к ж. Евфросина-повара.

⁸ Выход — обряд перенесения евхаристических даров с жертвенника на престол, т. е. на стол, стоящий посредине алтаря и служащий главным образом для совершения евхаристии. Проскомидия совершалась в професисе, особом помещении вне алтаря, и священник торжественно следовал со святыми дарами через храм к алтарю.

⁹ Ангидор — буквально вместодарие; часть просфоры, из которой вынут агнец для евхаристии (см. прим. 7 к Раск. св. Пелагии), раздавалась после литургии молящимся, которые не причастились святых даров.

¹⁰ Великий Василий, преславный Златоуст и Григорий Богослов — знаменитые церковные деятели и писатели Василий Великий (ок. 329—379 гг.), Иоанн Златоуст (347—407) и Григорий Назианзин или Богослов (ок. 329—ок. 390). С Василием Великим связан аналогичный данному чуду рассказ. Как сообщает его житие, некий иудей, зайдя в храм и увидев, будто Василий вместо евхаристического хлеба рассекал на дискосе младенца, подобно родичу амерумна, уверовал в таинство пресуществления.

¹¹ «На тебя, господи, уповаю...». — Пс. 24 (25), 2.

¹² «Помилуй меня, боже, по великой милости твоей...». — Пс. 50 (51), 1.

¹³ «Просвети очи мои...». — Пс. 12 (13), 4.

¹⁴ «Господь свет мой и спасение мое». — Пс. 26 (27), 1.

8

¹ Военачальник — в оригинале говорится о таксидоте, офицере.

² Ромей — см. прим. 31 к ж. Марии Египетской.

³ Ассирийцами нередко называли арабов.

⁴ Просмонарий — см. прим. 7 к ж. Симеона Столпника.

⁵ «...как смиловался над сыном вдовицы...». — Агиограф перечисляет эпизоды из жизни Георгия: он исцелил глухого, хромого и слепого сына вдовицы (об этом рассказано в мартирии святого), избавил цареву дочь от змия (см. чудо 12) и по требованию своего жестокого гонителя, царя Магнентия, обратил доски четырнадцати седалищ в цветущие деревья, какими они некогда были.

10

¹ Фема — военный округ, во главе которого стоял представитель военной власти. Фемы были учреждаемы с VII в. в угрожаемых пограничных или беспокойных

внутренних районах империи. Пафлагония — см. прим. 1 к ж. Филарета Милостивого.

² Милиарсий — см. прим. 5 к Моск. 185.

³ Номисма — см. прим. 1 к Моск. 107.

⁴ Аналогичный сюжет встречается в «Фаетиях» Бебеля III, 179.

12

¹ Город Ласия и его царь Сельвий вымышлены.

² «Но господь воздал им по делам их». — Ср. Пс. 27 (28), 4.

³ «...не хотящий смерти грешника...». — Иезек. 38, 11.

⁴ Комит — см. прим. 8 к Чудесам Георгия, 5.

⁵ Скамандр — бог одноименной реки под Троей, с которым, по рассказу Иллиады, сражался Ахилл.

⁶ «...восседающий на херувимах и серафимах...». — Согласно библейским представлениям (псалмы, Исая), бог восседает на херувимах и серафимах.

⁷ «...явивший страшные знамения рабу своему Мойсею...». — Бог являлся ему в пылающем кусте терновника, посылал ему манну с неба, указывал путь облаком или светом огненного столпа.

⁸ «И была радость великая...». — Деян. ап. 8, 8.

Мученичество святого Евстафия и кровных его

(неизвестного времени; некоторыми приписывается Симеону Метафрасту)

Текст переведен по изданию: *Analecta Bollandiana*, III, Paris, 1884.

¹ Траян — римский император (98—117).

² Стратилат — см. прим. 18 к ж. Симеона Столпника. Далее Евстафий часто именуется стратигом, т. е. полководцем.

³ «Был... плодоносной маслиной». — Пс. 51, 40.

⁴ Корнилий — в апостольские времена римский центурион в Кесарии. Подвигнутый видением, он привел в город апостола Петра, результатом чего было, как гласит легенда, предусмотренное духом божим обращение Корнилия, принявшего крещение и последовавшего за Петром.

⁵ «...как Павел просветился божественных тайн...». — Имеется в виду внезапное обращение апостола Павла. Строгий последователь фарисеев, он предпринял даже гонения на христиан, для чего направился в Дамаск. На пути туда Павел пережил неожиданный душевный перелом, в результате чего он превратился в адепта и насадителя христианства. Эпизод обращения Плакиды написан по образцу рассказа об этом в «Деяниях апостолов», повторены даже знаменитые слова Христа, обращенные к Павлу: «Когда он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: „Савл! Савл! (таково было иудейское имя апостола, — С. П.). Что ты гонишь меня?“. Он сказал: „Кто ты, господи?“ Господь же сказал: „Я Иисус, которого ты гонишь“» (9, 3—5).

⁶ «Сеятель небесный бросил зерна не на каменистое место...». — Намек на евангельскую притчу о сеятеле, разбрасывающем семена, из которых одни падают вдоль дороги, на камни или в сорняки, а другие — на добрую землю. — Матф. 13, 4 сл.

⁷ Праматерь наша — Ева. В отличие от Феописты она дала своему мужу пагубный совет: вкушать от древа познания добра и зла, что привело к изгнанию обоих из рая.

⁸ Истинно Иоанн — по своему имени и роли иерей сближается автором с Иоанном Крестителем.

⁹ «...отослал на торжище...». — Рыночная площадь средневекового города представляла собой своеобразный центр общественной жизни, где обменивались новостями, обсуждали религиозные и политические вопросы и т. п.

¹⁰ Кувель божественного возрождения — крещение.

¹¹ «Ты же славно, как некогда Иов, оборешь его». — См. прим. к 4 ж. Симеона Столпника.

¹² испытание веры производит терпение — не вполне точная цитата из Посл. Иак, I, 3.

¹³ «... при искушении даст и облегчение». — I Коринф. 10, 13.

¹⁴ «Но тот, кто связал чрево кита, чтобы невредим остался в нем пророк...». — Намек на эпизод библейской легенды: пророк Иона был выброшен в море во время бури и проглочен огромной рыбой, во чреве которой он пробыл три дня.

¹⁵ «... как дуб, которого лист опал, и как сад, в котором нет воды». — Исх. I, 30.

¹⁶ «Кто даст мне месяц за месяцем прежние дни...». — Парафраз. Иов 29, 2 сл.

¹⁷ «Слезы будут для него хлебом день и ночь». Незначительно измененные слова. — Пс. 41 (42), 4.

¹⁸ «... чудесно сохранил Сару для супруга...». — Имеется в виду библейский рассказ о том, как Авраам, переселившись в Египет, выдавал свою красавицу жену Сару за сестру, и потому она попала в гарем фараона. Но бог жестоко наказал фараона, и тот вернул Сару мужу.

¹⁹ «... не происходит он от дуба или скалы?». — Стих Одиссея (19, 163) стал поговорочным речением еще в античное время.

²⁰ «... возвращает ему золотой пояс и сан». — См. прим. 42 к ж. Филарета Милостивого.

²¹ Фаланга — пеший строй, замкнутые линии воинов в несколько следующих друг за другом рядов. Лох — воинское подразделение различной численности; Здесь, вероятно, римская центурия, т. е. сто воинов.

²² Гидасп — приток Инда.

²³ «Так не совсем забыт будет нищий, и надежда его не до конца погибнет...». — Пс. 9, 19.

²⁴ «Мертвит и живит». — Ср. I Царств. 2, 6 сл.

²⁵ «Превращает бурю в тишину». — Пс. 106 (107), 29.

²⁶ «... стопы благовествующего». — Наум 2, 1.

²⁷ «И явился, вдувающий в лицо его дыхание жизни и освобождающий его от утеснения». — Незначительно измененная цитата из Наум 2, 2.

²⁸ «... царство перешло к Адриану...». — Как свидетельствуют источники, Адриан (117—138) был не «более жестоким гонителем благочестивых», чем его предшественник Траян.

²⁹ Дары Авеля и жертва Авраама — см. прим. 46 к ж. Симеона Юродивого. «Кровь первомученика...» — первомучеником считали архидиакона Стефана, одного из 70 Апостолов, т. е. тех, кто действовал вместе с 12 апостолами, избранными самим Христом.

Мученичество святой Евгении

(датировка не установлена: традиционная атрибуция Симеону Метафрасту невозможна, см.: H. Usener. *Legenden d. heil. Pelagia*, S. XVIII, 40, Bonn, 1879)

Текст переведен по изданию: *Patrologia graeca* ed. Migne, t. 116, pars 3.

¹ Коммод — римский император (180—192).

² Эпарх Египта — римский наместник в Египте.

³ Автор обыгрывает имя святой: Eugenia — по-гречески «благородная».

⁴ При Коммодe гонения на христиан исторически засвидетельствованы.

⁵ Ипат — консул.

⁶ «... все боги народов идола». — Пс. 95, 5.

- ⁷ «Господь небеса сотворил». — Пс. 95, 5 сл.
- ⁸ «... надо всеми единый бог...». — Ближе всего к этой фразе Эфес. 4, 6 («Один бог и отец всех, который над всеми») и I Коринф. 8, 4 («Мы знаем, что... нет иного бога, кроме единого»).
- ⁹ Гелиополь — город в Египте.
- ¹⁰ «Путь праведника прям; ты уравниваешь стезю праведника». — Исх. 26, 7.
- ¹¹ Шлем Аида. — Согласно греческой мифологии, бог подземного царства Аид имел шлем, служивший ему шапкой-невидимкой.
- ¹² «... имя соответствовало твоему образу мыслей». — См. прим. 3.
- ¹³ «... которого мы лишились по вине первого Адама и которое наследовали благодаря второму». — Вследствие грехопадения ветхозаветного Адама человек, как считали христиане, лишился милости сотворившего его божества. Христос же, новый Адам, вернул ее людям. — См. прим. 27 к ж. Михаила Синкелла.
- ¹⁴ «Я уж не называю вас рабами, а друзьями...». — Не вполне точная цитата из Иоанн 15, 15.
- ¹⁵ «... не сменили одежды...». — Т. е. не приняли монашескую схиму.
- ¹⁶ «Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою». — Матф. 20, 26.
- ¹⁷ «... яд древного змия». — Подразумевается змий, соблаздивший Еву отведать плодов с древа познания добра и зла.
- ¹⁸ «... за зло мы привыкли воздавать добром, а не злом». — Ср. Рим. 12, 17.
- ¹⁹ «Кто бог так великий, как бог наш!». — Пс. 76, 14.
- ²⁰ «Он открывает глубокое и сокровенное...». — Дан. 2, 22.
- ²¹ «Уловляет мудрых в лукавстве их». — I Коринф. 3, 19.
- ²² Стола — см. прим. 73 к ж. Симеона Юродивого.
- ²³ «... Вот на небесах свидетель мой...». — Иов. 16, 19.
- ²⁴ Антонин Пий (138—161) действительно известен своей лояльностью к христианам. Под Севером, очевидно, имеется в виду Александр Севар (222—235), поскольку Септимий Север (193—211) отличался враждебной политикой по отношению к ним; автор, приурочив начало своего повествования ко временам Коммода, не смущается тем, что героиня, по-видимому, еще не старая, продолжает действовать при Валериане (253—259) и Галиене (260—268).
- ²⁵ Императоры — см. прим. 12 к ж. Марии Египетской.
- ²⁶ Исион — храм Исиды в Александрии.
- ²⁷ Анфипат — здесь проконсул или правитель провинции, т. е. должность римской администрации.
- ²⁸ Викарий — гражданский правитель диоцезов, областей, на которые разделялись префектуры поздней Римской империи.
- ²⁹ Синклитик — см. прим. 18 к ж. Макария Римского.
- ³⁰ Корнилий — римский епископ (251—253): умер в изгнании.
- ³¹ Императоры Валериан и Галлен — см. прим. 24.
- ³² «Ибо страшно, право, страшно впасть в руки истинного царя и бога живого». — Не вполне точная цитата из Евр. 10, 31.
- ³³ «... как воск... они тают и гибнут от лица огня». — Ср. Пс. 67, 3. («Как тает воск от огня, так нечестивые погибнут от лица божия»).
- ³⁴ Тибр — река в Риме.
- ³⁵ Родили беззаконие — фраза подсказана Пс. 7, 15: «Вот нечестивый зачал неправду, был чреват злобою и родил себе ложь».
- ³⁶ «... как великий Петр, немощно ступала по водам реки». — Христос, согласно евангельскому рассказу, во время бури пришел к ученикам по морю; они испугались, приняв его за призрак. Чтобы их успокоить, Христос, по просьбе Петра, сделал так, что тот смог выйти из лодки и по воде пойти к нему. — Матф. 14, 26 сл.
- ³⁷ «... кто излил на нее дневной свет...». — Ср. Исх. 8, 20 («если они не говорят, как это слово, то нет в них света»).
- ³⁸ Печать Христова — крещение.

СПИСОК ГЛАВНЕЙШИХ СОКРАЩЕНИЙ

Быт.	— Книга Бытия.	Наум	— Книга пророка Наума.
Второз.	— Второзаконие.	Неем.	— Книга Неемии.
Галат.	— Послание к галатам.	Песнь пес.	— Песнь песней.
Дан.	— Книга пророка Даниила.	Посл. Иак.	— Послание Иакова.
Деян. ап.	— Деяния апостолов.	Посл. Петра	— Послание Петра.
Евр.	— Послание к евреям.	Прем. Сол.	— Книга премудрости Соломона.
Захар.	— Книга пророка Захарии.	Притчи Сол.	— Книга притчей Соломоновых.
Иезек.	— Книга пророка Иезекииля.	Пс.	— Псалтырь.
Иер.	— Книга пророка Иеремии.	Рим.	— Послание к римлянам.
Иоанн	— Евангелие Иоанна.	Сирах.	— Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова.
Иов	— Книга Иова.	Тимоф.	— Послание к Тимофею.
Исх.	— Исход.	Тов.	— Книга Товита.
Коринф.	— Послание к коринфянам.	Фессал.	— Послание к фессалонийцам.
Лев.	— Левит.	Царств.	— Книга Царств.
Лук.	— Евангелие Луки.	Эфес.	— Послание к эфесянам.
Марк	— Евангелие Марка.		
Матф.	— Евангелие Матфея.		

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
От переводчика	5
Жизнь и деяния святых бессребреников Космы и Дамиана	7
Палладий «Лавсаик»	10
Раскаianie святой Пелагии	18
Жизнь и деяния блаженного Симеона Столпника	25
Жизнь, деяния и предивное сказание о святом отце нашем Макарии Римском, поселившемся у крайних пределов земли, никем не обитаемых.	37
Иоанн Мосх «Луг духовный»	46
Жизнь и деяния аввы Симеона, Юродивого Христа ради, записанные Леонтием, епископом Неаполя Критского	53
Житие Марии Египетской, бывшей блудницы, честно подвизавшейся в Иорданской пустыне	84
Преисполненная великого назидания повесть о житии и деяниях блаженного и праведного Филарета Милостивого	99
Жизнь, деяния и подвиги святого отца нашего и исповедника Михаила, пресвитера и синкелла града Иерусалима	114
Симеон Метафраст. Жизнь и деяния святого отца нашего Николая	140
Житие и деяния человека божия Алексия	156
Легенды о чудотворных иконах	162
Житие Марии Антиохийской	170
Продолжатель Мосха	178
Краткое житие Евфросина-повара	181
Житие и предания аввы Даниила	184
Чудеса святого Георгия	193
Мученичество святого Евстафия и кровных его	208
Мученичество святой Евгении	225
Приложения	243
Византийские легенды как литературное явление (С. В. Полякова)	245
Примечания	274
Список главнейших сокращений	302

ВИЗАНТИЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

*Утверждено к печати
Редколлегией серии «Литературные памятники»
Академии наук СССР*

Редактор издательства А. Л. Лобанова
Художник М. И. Разулович
Технический редактор Н. А. Кругликова
Корректоры Р. Г. Гершинская, А. И. Кац
и Э. В. Коваленко

Сдано в набор 2/III 1972 г. Подписано к печати
23/VIII 1972 г. Формат бумаги 70×90^{1/16}. Печ.
л. 19 = 22,23 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 21.19.
Изд. № 4874. Тип. зак. № 925. Тираж 15 000.
Бумага № 2.

Цена в перепл. 1 р. 56 к., в обложке 1 р. 21 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука».
199164, Ленинград, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука».
199034, Ленинград, 9 линия, д. 12